

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA XI

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2024

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. XI

Редактор: Григорий Утгоф

Составители второй части раздела «Исследования и материалы»
 (“Lazar Fleishman at 80”): Федор Поляков, Григорий Утгоф

Технический редактор: Анна Симагина
Корректоры: Ольга Мёд, Ксения Шмыдкая

В оформлении обложки использована картина
Арнольда Акберга „Katused“ (1926). Таллинн.
Художественный музей Эстонии (Kumu)

Авторское право © Авторы статей, 2024

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2024

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 25
10120 Tallinn
www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

- М. Г. Сальман** (С.-Петербург). М. О. Гершензон:
Неизвестное письмо 1921 года к Б. Л. Модзалевскому 9
- П. М. Лавринец** (Вильнюс). Марк Алданов
в виленском зеркале 28
- М. А. Бобрик** (Берлин). Опыт освоения языка Осипа
Мандельштама: «Как светотени мученик Рембрандт...» 46

II

LAZAR FLEISHMAN AT 80

- От составителей 85
- А. Л. Осповат** (Москва / Лос-Анджелес). Литературная распря
в «Капитанской дочке»: Из материалов для комментария (43) 87
- А. А. Долинин** (Мэдисон). Комментарий к стихотворению
Пастернака «Последний день Помпеи» 105
- Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя
к «Записным книжкам» Ахматовой: Борис Пастернак.
Часть I 115
- И. З. Белобровцева** (Таллинн). Близкие, далекие:
Давид Бурлюк и А. Ветлугин 146
- А. В. Лавров** (С.-Петербург). «Избранные стихотворения»
Софии Дубновой-Эрлих в архиве М. Волошина 172
- Ф. Б. Поляков** (Вена). Материалы к изучению биографии
и творчества Михаила Горлина из архива Institut d'études
slaves (Париж): Часть вторая 192

David M. Bethea (Madison). Revisiting the Execution of Marinus van der Lubbe in the Context of <i>Invitation to a Beheading: What Did Nabokov Know?</i>	213
А. Б. Устинов (Сан-Франциско). Ancora da capo: Об «Элегии» Александра Введенского	225
В. И. Хазан (Иерусалим). «Сердечный привет Вам и Алексею Михайловичу из Палестины» (Материалы к теме «Алексей Ремизов в культурном пространстве Палестины / Израиля»)	242
Б. А. Равдин (Рига), Бенджамин Музаккио (Принстон / Рига). Угол обитания: Письма из Ostland'a в Ostland: 1941–1944 гг.	264
Майкл Вахтель (Принстон). Юбилейное: Неизвестное немецкое письмо Вяч. Иванова.....	300
К. М. Азадковский (С.-Петербург). «Царскосельские»: Из писем Ю. Л. Сазоновой к Г. П. Струве.....	313
Стефано Гардзонио (Пиза / Флоренция). Об одной картине А. Белобородова	328
ХРОНИКА	
Marta Małachowicz, Joanna Piotrowska (Warszawa). Re:Poola. Polsko-estońska szkoła języka polskiego i kultury polskiej (Uniwersytet Warszawski – Uniwersytet Talliński).....	337
БИБЛИОГРАФИЯ	
„Slavica Revalensia”: Указатель содержания (2014–2023)	349
Abstracts.....	373
Kokkuvõtted	381
Авторы этого выпуска.....	388
Авторам будущих выпусков.....	395

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

М. О. ГЕРШЕНЗОН. НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО 1921 ГОДА К Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

М. Г. Сальман

(С.-Петербург)

В Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год, посвященном Борису Львовичу Модзалевскому¹, была опубликована его переписка с Михаилом Осиповичем Гершензоном². В предисловии публикатор Е. Ю. Литвин оговаривала, что в подборку вошли не все письма: сорок Гершензона из восьмидесяти трех, хранящихся в ИРЛИ (Ф. 184), и тридцать четыре Модзалевского из шестидесяти трех, находящихся в РГБ (Ф. 746)³.

При переиздании эпистолярия обоих ученых (в 2018 г.) он был дополнен восемнадцатью письмами Модзалевского (здесь, в отличие от первой публикации, они приведены почти без купюр) и

¹ Борис Львович Модзалевский (1874–1928) в 1898 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, с 1899 г. работал в академических учреждениях, участвовал в организации Пушкинской выставки к 100-летию со дня рождения поэта. С 1907 г. занимался систематизацией архива Канцелярии Академии наук, с середины 1900-х гг. – один из инициаторов создания Пушкинского Дома. В 1912–1921 гг. заведовал архивом Конференции АН. В 1900 г. из имени внука Пушкина перевез в Академию наук библиотеку поэта, в 1910 г. издал ее описание (см.: Модзалевский 1910; см. также репринт: Модзалевский Б., Модзалевский Л., Сидяков 1988). В 1918 г. избран членом-корреспондентом АН, в 1919 г. стал старшим ученым хранителем Пушкинского Дома. В 1903 г. под его редакцией начало выходить повременное издание «Пушкин и его современники». Составленная им картотека персоналий, хранящаяся в Пушкинском Доме, включает в себя более 160000 карточек. Его научные интересы – генеалогия, архивоведение, история русской литературы – отразились в сотнях статей и публикаций и в нескольких монографиях (см. подробнее: Пушкинский Дом 2005: 486). Из последних изданий его сочинений см.: Модзалевский 1999а; его переписку с деятелями русской науки см.: Из переписки Б. Л. Модзалевского 1982: 181–223; Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном 2001. Дневник за 1908 г. см.: Модзалевский 1999b: 450–465. Записные книжки см.: Модзалевский 2005: 7–191. О нем см.: Баскаков 1999: 115–116; Иванова 2006 (по указателю).

² См.: Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном 2001: 301–359.

³ См.: Там же: 303.

семнадцатью – Гершензона из тех же архивов⁴. Однако публикуемое нами письмо Гершензона в издание не вошло. Между тем именно на это пропущенное письмо отвечал Модзалевский 21 января 1921 г., чем и объясняются неясности для читателя в его ответе и неточности в комментарии⁵.

Многолетняя (с 1907 г.) переписка двух филологов продолжалась до самой смерти Гершензона (19 февраля 1925 г.)⁶. Чтение эпистолярия оставляет впечатление не столько дружеского общения (в котором есть место для рассказов о личном, о семейных обстоятельствах, о горестях и удачах), сколько корректного коллегиального общения: корреспонденты обмениваются библиографическими справками, делятся сведениями о новых изданиях⁷, пересылают друг другу отписки своих статей и книги⁸.

⁴ См. примечание редактора-составителя Л. Л. Тумаринсона: Гершензон 2018: 242.

⁵ См.: Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном 2001: 346–347; Гершензон 2018: 318. Л. Л. Тумаринсон отметил, что письмо Гершензона «в архиве Модзалевского не сохранилось» (Там же: 319). В дальнейшем все ссылки на письма даем по последнему изданию.

⁶ Последнее опубликованное письмо к Модзалевскому датировано 11 января 1925 г. (см.: Гершензон 2018: 333).

⁷ «Многоуважаемый Борис Львович, <...> Вчера, в воскресенье, В. В. Каллаш завез мне свою новую книгу: “Экспромты и эпиграммы С. А. Соболевского”. Набралась целая книжка, есть и новинки; я наслаждался весь вечер. До возможной полноты – далеко <...>. Надеется издать вторично и лучше. Я его посадил за письменный стол и заставил вписать на место точек все неприличности» (Гершензон 2018: 279–280; 7 мая 1912 г.). Речь идет о книге, вышедшей под редакцией Каллаша; точное название – «Эпиграммы и экспромты» (см.: Соболевский 1912). Сергей Александрович Соболевский (1803–1870) – автор шуточных и сатирических стихов, библиофил. Учился вместе с младшим братом Пушкина Львом и с отрочества водил знакомство с поэтом, переросшее в дружеские отношения после возвращения Пушкина из ссылки. Подробнее см.: Ларионова 2007: 700–703. Владимир Владимирович Каллаш (1866–1918) – историк литературы, занимался Н. В. Гоголем, А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, историей украинской литературы 1820–1830-х гг. Переиздание эпиграмм см.: Соболевский 1991.

⁸ «Милый Борис Львович, вчера выполз в свет из типографской тьмы 1-й том Чаадаева <...>. <...> эта книга стоила мне – не говоря о 9 годах изучения и собирания – 16 месяцев теперь сплошной работы. <...> отчасти потому, что типография была плоха; приходилось читать до 8 корректур; и потом – примечания» (Гершензон 2018: 292–293; 8 марта 1913 г.). Получив том Чаадаева, Модзалевский отвечал: «Многоуважаемый Михаил Осипович, <...> Немножко необычно, что собрание сочинений начинается с писем, но зато как они интересны и сколько нового! Прочел уже много и с большим

В пореволюционное время письма пишутся реже, идут долго, их стараются посылать с оказией. Модзалевский начинает писать более эмоционально, Гершензон остается сдержан. Отправляя коллеге из Москвы 19 декабря 1917 г. четвертый том «Русских Пропилеев», в который вошла неопубликованная переписка из архива Н. П. Огарева⁹, он пишет:

Многоуважаемый Борис Львович,
снова прибегаю к Вашей дружеской помощи насчет раздачи экземпляров. Посылаю их восемь; сделайте одолжение, оставьте их у себя, пока их не разберут. <...> Желаю Вам по возможности спокойно провести Рождество и с доброй надеждой встретить Новый год <...> (Гершензон 2018: 313)¹⁰.

интересом. Впился, конечно, в примечания и весьма их одобряю; Вы сумели удержаться на золотой середине: всё ясно и нет ненужных длиннот, которыми, напр[имер], я сам страдаю» (Там же: 293; 10 марта 1913 г.). Имеется в виду издание: Чаадаев 1913–1914, 1.

⁹ См.: Русские Пропилеи 1917. В 1915–1919 гг. Гершензон выпускал многотомное издание, названное им «Русские Пропилеи», – сборники материалов по истории русской мысли и литературы. Из шести предполагавшихся томов вышло пять (1–4, 6; материалы, предназначавшиеся для т. 5, были изданы после смерти Гершензона; см.: Архив Н. А. и Н. П. Огаревых 1930). Хронологически эти материалы охватывают 100 лет: от сборника «Лицейская тетрадь» (писарская копия из собрания А. В. Никитенко, цензора посмертного издания пушкинских сочинений), содержащего стихи Пушкина и его сокашников (подробнее о «Лицейской тетради» см.: Цявловский 1999: 497–503), до писем Л. Н. Толстого и к нему. Помимо писем и стихов, в сборниках печатались дневники, автобиографии, мемуары – все со вступительными заметками и кратким комментарием публикатора. В 1923 г. вышла тонкая (100 с.) книжка: «Новые Пропилеи», куда в том числе вошли под инициалами М. Г. гершензоновские записи о Л. Н. Толстом, написанные в форме письма в июле 1904 г. (см.: Гершензон 1923: 96–101). Они были переизданы с большими и неоговоренными купюрами (лишь в редких местах отмеченными простыми многоточиями); см.: Гершензон 1960: 222–226. В двухтомник воспоминаний о Толстом (см.: Толстой 1978), как и в четырехтомник Гершензона (см.: Гершензон 2000), они не включены.

¹⁰ Об условиях жизни в Москве в письме к Модзалевскому – ни слова. Брату-врачу в Одессу Гершензон сообщал 1 декабря 1917 г.: «<...> так как дворники теперь на новом положении, то с начала зимы стоит гололедица на тротуарах, так что трудно ходить: сплошь лед; <...> на трамвае окончательно стало невозможно ездить, так что всюду приходится ходить пешком, а расстояния здесь велики <...>. И телефона нет, – он разбит во время обстрела, а теперь хоть и восстанавливают, но требуют за скорое восстановление по 150 р., за менее скорое, к концу декабря – по 100, а ежели на февраль-март, то 50 р. <...> всё материальное стало трудно, а потому и духовное; трудно

Письмо и посылка с книгами добираются до адресата через месяц. Модзалевский отвечает 19 января 1918 г.:

Многоуважаемый Михаил Осипович,
Вашу посылку и письмо от 19 декабря получил я только сегодня: и то, и другое шло из Москвы ровно месяц. А раньше требовался один день. <...>

Спасибо большое за всегдашнее внимание ко мне и за присылку такого сытного, хорошего куска хлеба насущного, как новый том Ваших «Пропилеев». Накинулся на него с жадностью изголодавшегося человека. <...>

Книги передам по адресам по возможности скорее <...>.

До крайности обострилась неврастения, не могу ни работать бодро, ни из дому выходить: один вид первого пролетарского или солдатского лица повергает меня в мрак уныния и безнадежности. У Вас в Москве гнусно, но что делается здесь, уму непостижимо. Как будто весь свет, все и вся стали вверх ногами и головой вниз и думают уже тою частью туловища, которая у человека, ставшего в такую позу, пришлась на месте головы...

Живем полуголодные, одичалые, озлобленные и всё ждем чего-то самого худшего, хотя каждый новый день приносимыми новостями как бы доказывает, что худшего уже ничего быть не может... (Гершензон 2018: 314–315).

Гершензон отвечал 24 января 1918 г.:

Многоуважаемый Борис Львович, <...> Ваше письмо примчалось ко мне с молниеносной быстротой сегодня. <...>

Не знаю, дошло ли до Вас, что во время октябрьского расстрела здесь сторело всё издательство Сабашникова и в том числе множество моих книг, сданных мною туда на склад <...>. Теперь,

придумать обед, когда не из чего готовить, и трудно, прочитав утром газету, взяться за работу» (Гершензон 2016: 55). 11 декабря 1917 г. – ему же: «<...> живем впроголодь, ½ ф<унта> хлеба на день <...>. По вечерам теперь остерегаются ходить, и мы не ходим; рано ложимся и рано встаем <...>. Телефон не действует <...>» (Гершензон 2016: 57). Русский фунт – 409,5 грамма.

кажется, ни одной моей книги уже нет в продаже (Гершензон 2018: 316).

«Октябрьский расстрел» («обстрел» в письме к брату) – это большевистский переворот в Москве (с 25 октября – по 2 ноября 1917 года по старому стилю), описанный в стихотворении близкого гершензоновского приятеля В. Ф. Ходасевича «2-го ноября»:

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь – и, обессилив, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. <...>
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. <...>
К моим друзьям в тот день пошел и я¹¹.
Узнал, что живы, целы, дети дома, –
Чего ж еще хотеть? Побрел домой. <...>

(Ходасевич 1996–1997, 1: 165–166)

Вскоре переписка, по-видимому, замирает: в обоих изданиях опубликовано лишь одно – августовское – письмо Модзалевского за 1918 г.¹² и ни одного – за 1919 г. В следующем году, 15 ноября 1920 г., Гершензон посылает письмо с Ходасевичем:

¹¹ В очерке, посвященном памяти Гершензона, поэт рассказывал: «В книге “Путем зерна” есть у меня стихотворение “2-го ноября”. <...> в 1922 году, посылая ему из Петербурга 2-е издание, дополненное, я внутри, на полях, против приведенных строк, приписал: “Это про Вас”» (Ходасевич 1996–1997, 4: 95).

¹² См.: Гершензон 2018: 316–317.

Милый Борис Львович,
 простите, что пишу так неряшливо: пользуюсь случаем отъезда
 Ходасевича, который пришел прощаться¹³. <...> В ближайшее

¹³ Ходасевичем семей уезжали из Москвы в Петроград. Поэт был знаком с Модзалевским, по-видимому, с осени 1918 г., когда пытался найти в Пушкинском Доме документы, относившиеся к А. А. Дельвигу (см. письмо к жене от 6 октября 1918 г.: Ходасевич 1996–1997, 4: 411 – и комментарий: Там же: 634). 24 ноября 1920 г. поэт писал из Петрограда Гершензону: «С 1 декабря начну работать в Пушкинском Доме <...>. Модзалевский, как всегда, мил и доброжелателен. Обещал приставить меня к пушкинской эпохе. <...> Пуш[кинский] Дом обещает хлопотать об ученом пайке для меня, но говорит, что выхлопочет не скоро» (Гершензон 2018: 208; первую публикацию Инны Андреевой см.: Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона 1993: 12–51). Кажется маловероятным, что Модзалевскому удалось «приставить» Ходасевича к какому-нибудь делу. Поэт много болел (фурункулезом) и жалованья (или пайка) в Пушкинском Доме не получал. 21 декабря 1920 г. он писал Г. И. Чулкову: «<...> живу здесь уже больше месяца <...>. <...> половину дней, не меньше, просто просидел дома, обмотанный бинтами и компрессами» (Ходасевич 1996–1997, 4: 422). 21 января 1921 г. – Б. А. Диатроптову: «У меня даже карточки хлебной нет! Я на содержании у Нюры <жены. – М. С.> <...> и у родных <...>. <...> с 27 декабря <...> я всего 6 раз мог выйти на улицу <...>, я дней 12 провел сплошь в постели, обвязанный, забинтованный» (Там же: 426). 24 июля 1921 г. Ходасевич сообщал Гершензону: «Нет у меня хлебной работы, т. е. принудительной, <...> и потому, а вернее – еще по некоторым причинам <начинающийся роман с Н. Н. Берберовой. – М. С.>, пишу много стихов. <...> С Пушкинским Домом не ладится у меня. Уважаю, понимаю – но мертвечинкой пахнет. Думал – по уши уйду здесь в историю литературы, – а вышло, что и не хочется. Кроме того – Гофман очень уж пушкинист-начетчик <...>. А Модзалевский совсем хворает» (Гершензон 2018: 212–213; в книге опечатка: «пушкинист-налетчик»). Упоминаний о службе Ходасевича в Пушкинском Доме не встречается ни в историческом очерке о Рукописном отделе (см.: Иванова 2006), ни в списках научных сотрудников (см.: Пушкинский Дом 2005). О Ходасевиче как пушкинисте см.: Сурат 1994. Георгий Иванович Чулков (1879–1939) – писатель, мемуарист, шурин Ходасевича. Борис Александрович Диатроптов (1883–1942) – друг Ходасевича. Сын чиновника, он окончил Кутаисскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, «перед революцией он служил в московской городской управе, в 1920-е – 1930-е гг. был юрисконсультom в Наркомате легкой промышленности, <...> был вхож в первые десятилетия века в литературно-художественные московские круги» (Ходасевич 1988: 79), подробнее см. во вступительной статье Евгения Беия (Там же: 79–80). Воспоминания сына Диатроптова см.: Там же: 92–94. Модест Людвигович Гофман (1887–1959, в эмиграции) – поэт, критик, пушкинист, сотрудничал с Пушкинским Домом с 1910 г. (см.: Иванова 2006: 33). См. также: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому 2004: 180–238; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому 2009: 797–943. Письма Ходасевича к Гофману см.: Шур 1989: 154–163. Подробнее о Гофмане см.: Богомолов 1992: 5–6.

время, когда будет оказия, пришлю Вам «Пропилеи» т. 6¹⁴ и книгу о Тургеневе¹⁵, обе брошюруются (Гершензон 2018: 317).

Ответ Модзалевского на это письмо неизвестен. А 12 января 1921 г. датируется публикуемое письмо Гершензона¹⁶. Письмо дошло до Модзалевского 20 января, адресат ответил на следующий же день:

¹⁴ См.: Русские Пропилеи 1919. В т. 6 вошла «Лицейская тетрадь» (см. прим. 9) и подготовительные записи композитора А. Н. Скрябина к его «Мистерии», как и текст «Предварительного действия».

¹⁵ См.: Гершензон 1919а. Книга «Мечта и мысль И. С. Тургенева», на титульном листе которой стоит 1919 г., вышла гораздо позже. В публикуемом нами письме к Модзалевскому от 12 января 1921 г. Гершензон, посылая ее, сообщал: «Это – первый сброшюванный экземпляр» (см. ниже). Составитель гершензоновской библиографии отмечал, что книга «появилась на книжном рынке лишь в 1922 году» (Берман 1928: 42). Написанная тогда же рецензия на нее Б. М. Эйхенбаума была опубликована только в 2010 г. (см.: Лавров 2010: 201–213). Эйхенбаум писал: «Для интересующихся “мечтой и мыслью” М. Гершензона в этой книге, как и во всех его работах, много материала, но к истории литературы и, в частности, к изучению Тургенева она имеет очень отдаленное отношение. <...> История литературы, по его мнению, рассматривает художественное произведение “как отражение внутреннего мира художника, как акт раскрытия и самопознания его личности”. Первая и главнейшая задача историка литературы – “найти личный ключ” к произведению. Каким же образом на основе такого анализа может быть построена *история* литературы, если под нею разуместь не простое сопоставление этих “неповторимых” личных ключей, а демонстрацию *процесса*? <...> Автор не задается вопросом об отношении между творчеством и душевной жизнью как таковой; не останавливается на вопросе о праве пользоваться художественным произведением как записью душевной жизни. <...> если снять с книги Гершензона блестящий лак его философского красноречия, то перед нами предстанет во всей своей примитивной наготе традиционная, школьная трактовка художественных произведений. <...> мы поняли бы автора, если бы он сделал последний и неизбежный для него вывод – что никакая *история литературы* невозможна, потому что перед нами – неразложимые “живые организмы”, которые можно только созерцать, а не изучать. Тогда он был бы, по крайней мере, последователен <...> и у нас не было бы повода касаться его работ» (Эйхенбаум 2010: 208–209). Гершензон, не знавший, разумеется, этой рецензии, в письме к близкому другу, философу Л. И. Шестову, писал: «<...> в молодых преобладают формальные интересы, не идейные или нравственные; на первом плане – т[а]к наз[ываемая] “научность”, затем эрудиция; если теория литературы, то работает над изучением ассонансов, или рифмы, или ритма прозы у Тургенева и т. п. и дела ему нет до поэзии самой. Это мне скучно; все головастики» (Гершензон 2018: 99; письмо от 29 марта 1924 г.).

¹⁶ С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 150. Оп. 1 (1921). Ед. хр. 3. Л. 2–2 об. Другие письма Гершензона к Модзалевскому за 1921 г. неизвестны.

21 января 1921 г.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, вчера получил Ваше письмо и книжную посылочку <...> (Гершензон 2018: 318).

А само письмо старший ученый хранитель аккуратно подклеил в только что начатую им канцелярскую книгу о личном составе Пушкинского Дома за 1921 год. Возможно, для того, чтобы оно было перед глазами, чтобы не забыть выполнить все содержащиеся в нем просьбы коллеги.

Приведем это письмо Гершензона.

Москва, 12 января 1921 г.

Многоуважаемый Борис Львович, одновременно с этим письмом посылаю на Ваше имя 3 книги: 6-й том Пропилей для Вас, «Мудрость Пушкина»¹⁷ для М. Л. Гофмана (он хотел иметь эту книгу – и я ее достал, а лишнего экз<емпляра> Пропилей не мог достать) и книгу о Тургеневе – для А. С. Полякова¹⁸, который<,> вероятно<,> бывает у Вас в Пушкинском Доме и при случае возьмет свою книгу. Это – первый сброшюванный экз<емпляр>¹⁹; Александр> Сергеевич> был

¹⁷ См.: Гершензон 1919b. Републикацию см.: Гершензон 2000, 1: 9–106. Статьи, напечатанные в 1919 г. в приложении («Северная любовь Пушкина», «Пушкин и графиня» Е. К. Воронцова», «Друг Пушкина Нащокин»), вошли в т. 3 указанного собрания сочинений. Злосчастная «Скрижаль Пушкина» воспроизведена составителем Е. Ю. Литвин в приложении к первому тому. Из последних работ о «Скрижали Пушкина» см.: Соболев 2016: 306–319. О Гершензоне как пушкинисте см.: Проскурина 1998: 286–337; Горовиц 2004.

¹⁸ Александр Сергеевич Поляков (1882–1923) – библиограф, историк литературы, с 1918 г. был директором Центральной библиотеки русской драмы, редактор издававшегося библиотекой журнала «Бирюч». Был тесно связан с Модзалевским и с Пушкинским Домом, автор книги «О смерти Пушкина (По новым данным)» (см.: Поляков 1922). См. о нем в мемуарах Владимира Николаевича Княжнина (наст. фамилия Ивойлов; 1883 – 1942, в блокаду), поэта и критика, блоковского приятеля, с 1913 г. – внештатного сотрудника Пушкинского Дома: Княжнин 1993: 94–99. Подробнее о Княжнине см.: Лавров 1992: 569–570.

¹⁹ «Мечта и мысль И. С. Тургенева», см. прим. 15. В сноске к оглавлению книги автор сообщил, что она «была передана из одной типографии в другую – оттого в ней два шрифта» (Гершензон 1919а: стр. не нумерована); в письме к Ходасевичу от 28 мая 1921 г. он писал, что «Тургенев всё еще не сброшюрован» (Гершензон 2018: 211).

так добр, что прислал мне свой Библ<иологический> Сборник²⁰ и др<угие> книги – и я не могу не реваншировать ему как можно скорее. И еще – не откажите<, > пожалуйста<, > передать А<лександру> С<ергеевичу> и В. Ф. Ходасевичу приложенные здесь письма²¹. Мне жаль, что я так давно не вижу Вашего почерка. От приезжих из Петербурга я немного знаю о Вас; слышу чудеса о Пушк<инском> Доме и радуюсь Вашим успехам, радуюсь также новому Временнику²², который Вы готовите.

М<одест> Л<юдвигович>²³ наверное рассказал Вам о Ист<о-рико>-Литер<атурном> Архиве²⁴, который я здесь устроил<, >

²⁰ В Литературно-библиологическом сборнике была напечатана статья Полякова, включавшая в себя неопубликованные письма Н. М. Языкова и Е. А. Боратынского (см.: Поляков 1918: 60–71).

²¹ В ответном письме от 21 января 1921 г., посланном с оказией, Модзалевский писал: «Книгу Гофману передал вчера же, Полякову отдам при ближайшем свидании, Ходасевича же не знаю, когда увижу, ибо бедняга заболел фурункулезом и не появляется у нас; но<, > разумеется, как увижу, немедленно вручу ему Ваше письмецо» (Гершензон 2018: 318). По всей вероятности, этого письма поэт не получил. Он писал Гершензону 7 мая 1921 г.: «<...> в ноябре, в конце, написал я Вам письмо с просьбой навести у Брюсова справку о моем пайке. Вы ни звука не ответили – я обиделся и не писал к Вам больше» (Там же: 209). Гершензон отвечал 28 мая, что сообщил о просьбе поэта Брюсову и передал через кого-то, «ехавшего в Петербург, этот ответ. Сам же не писал <...>» (Там же: 210). О письме Ходасевичу, отправленном позже (вместе с письмами Модзалевскому и Полякову), Гершензон по неизвестной причине не упомянул.

²² Вышло всего два выпуска Временника Пушкинского Дома – в 1914 и в 1915 гг. Издание «прекратилось после выхода в свет второго выпуска в связи с начавшейся в 1914 г. войной и отсутствием необходимых для его осуществления средств» (Баскаков 1981: 4). По-видимому, до Гершензона дошли слухи о попытке Модзалевского возобновить Временник. В уже цитированном письме от 21 января 1921 г. Модзалевский отвечал коллеге: «<...> то, что было начато, остановилось, а что не начиналось, лежит мертвым камнем. Да здравствует “Советская власть!”» (Гершензон 2018: 318).

²³ М. Л. Гофман.

²⁴ По декрету Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. все документы архивов объединялись в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), которым руководило Главное архивное управление (Главархив) при Наркомпросе РСФСР. 10 сентября 1920 г. на заседании коллегии Главархива Гершензон, «по поручению Академического п[од]отдела, представил записку о желательности организации в Москве особого Литературного музея, куда бы передавались все привозимые в Москву историко-литературные рукописные материалы и где впоследствии можно было бы сосредоточить весь архивный материал этого рода, изъяв его из всех других московских хранилищ» (Архивы и власть 2018: 514). Коллегия решила образовать особую литературную

и о моем плане мирно размежеваться с Пушк<инским> Домом. Соперничества между нами не будет; я по-прежнему остаюсь искренним другом Пушк<инского> Дома²⁵. – У меня до сих пор

секцию, «точное обозначение задач этой секции, ее положение в составе ЕГАФ и порядок управления просить принять на себя М. О. Гершензона» (Там же). Через неделю, 17 сентября, Гершензон сообщил о составленной им схеме организации «особой историко-литературной секции, являющейся в составе ЕГАФ IX Секцией» (Там же: 516). Спустя полтора с лишним месяца, 5 ноября 1920 г., на очередном заседании коллегии Главархива решили: «временно, для начала работ, организовать в составе 1-го Отд[еления] II Секции параллельно с Отделом семейных архивов Отдел историко-литературный; заведующим назначить М. О. Гершензона» (Там же: 523). Помощницей Гершензона стала Вера Степановна Нечаева (1895–1979), впоследствии специалист по Ф. М. Достоевскому; см. ее анкету 1923 г.: «<...> работала в качестве архивариуса в Историко-литературном отделе и под руководством М. О. Гершензона сделала описание архива кн. З. А. Волконской и разобрала ряд других литературных архивов» (Соболев 2021: 339, сн. 5). Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) – писательница, певица, невестка декабриста С. Г. Волконского; ее салон в Москве посещали А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, С. А. Соболевский (подробнее см.: Охотин 1989: 468–469).

²⁵ Вряд ли ученого секретаря Пушкинского Дома порадовала сообщенная коллегой новость, и он учтиво напомнил ему о неписаном правиле: «<...> зная Вас и Вашу изящную душу, вперед уверен, что никакая кошка между Пушкинским Домом и Вашим учреждением не пробежит, и что Вы будете держаться такого же правила, как и мы: не идти по следу одного и того же зверя, если, конечно, одному из охотников известно, что по следу идет уже другой. *Jus primi occupantis* – да будет правом каждого из нас. А в конце концов, дела каждому так много, что на наш век хватит его и без конкуренции, и без споров» (Гершензон 2018: 318; письмо от 21 января 1921 г.). У Гершензона было в обычае щедро делиться с коллегами найденными материалами; так, после смерти в 1914 г. Н. А. Тучковой-Огаревой Гершензон привез от ее племянницы, жившей в Пензенской губ., «целый ящик бумаг и много вещей <...>. <...> вещи сдал в Румянцевский музей, письма Герцена – Лемке для его издания Герцена» (Гершензон 2000, 4: 485; письмо к брату от 15 февраля 1914 г.). Подробнее см.: Житомирская 1985: 599–600, 602. На просьбу издателя журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгунова дать «что-либо о Герцене из материалов – у Вас, вероятно, есть ненапечатанное» (Гершензон 2016: 252; письмо от [сентября 1914]) он ответил: «<...> к сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы: все письма Герцена, какие у меня были, я предоставил в распоряжение М. К. Лемке, для его издания» (Там же; письмо от 21 сентября [1914]). Историк Михаил Константинович Лемке (1872–1923) готовил полное собрание сочинений А. И. Герцена; восемь томов вышло в 1915 г., остальные четырнадцать – после 1917 г. Эти восемь томов были перепечатаны Наркомпросом с заменой старых обложек и титульных листов и помечены 1919 г. (см.: Гиллельсон, Дрыжакова, Перкаль 1965: 34). Сделано это было, по всей вероятности, по той причине, что все сочинения Герцена (как это объявлялось на обороте титульного листа каждого тома) были «монополизированы <...> Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года. Никем из

нет 30-го выпуска “Пушкин и его современники”, был бы очень благодарен, если бы мог получить его²⁶.

Дружески жму Вашу руку
и остаюсь преданный Вам
М. Гершензон.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Н. А. и Н. П. Огаревых 1930. Архив Н. А. и Н. П. Огаревых / Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Ред. и предисловие В. П. Полонского, примечания Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М.; Л.: Государственное издательство.
- Архивы и власть 2018. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: Сборник документов: В 2-х тт. Т. 1: 1918–1920 гг. М.: Кучково поле.
- Баскаков В. Н. 1981. Исследовательская и научно-общественная деятельность Пушкинского Дома в 1905–1980 гг. – Пушкинский Дом: Библиография трудов / Сост. А. К. Михайлова. Л.: Наука. С. 3–16.
- Баскаков В. Н. 1999. Модзалевский Борис Львович. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М–П. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 115–116.
- Берман Я. З. 1928. М. О. Гершензон: Библиография / С приложением статьи Н. В. Измайлова; М. О. Гершензон, как исследователь Пушкина. [Одесса]: Одесполіграф. (Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Вып. ЛII).
- Богомоллов Н. А. 1992. Гофман Модест Людвигович. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 5–6.
- Герцен А. И. 1919. Полн. собр. соч. и писем: В 22-х тт. Т. XIII: Былое и думы. Пб.: Государственное Издательство.

книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена <...>» (Герцен 1919, XIII: II). В работе над Герценом участвовал Б. М. Эйхенбаум, двоюродный брат Лемке, служивший у него секретарем в 1912–1913 гг. (подробнее см.: Сальман 2014: 617–623).

²⁶ В ответе от 21 января 1921 г. Модзалевский писал, что одновременно с письмом посылает выпуск «Пушкина и его современников»: письмо с оказией, а «бандероль с книгой пойдет по почте» (Гершензон 2018: 318).

- Гершензон М. О. 1919а. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве».
- Гершензон М. О. 1919b. Мудрость Пушкина. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве».
- Г[ершензон] М. [О]. 1923. Воспоминание о Л. Н. Толстом. – Новые Пропилеи / Под ред. М. О. Гершензона. Т. 1. М.; Пг.: Государственное издательство. С. 96–101.
- Гершензон М. О. 1960. Воспоминание о Л. Н. Толстом. – Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х тт. / Вступительная статья К. Н. Ломунова; подготовка текста и примечания Н. Н. Гусева, В. С. Мишина, Л. Д. Опульской. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 222–226. (Серия литературных мемуаров).
- Гершензон М. О. 2000. Избранное: В 4-х тт. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim. (Российские Пропилеи).
- Гершензон М. О. 2016. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост. тома, комментарии Е. Ю. Литвин; послесловие В. В. Сапов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. (Российские Пропилеи).
- Гершензон М. О. 2018. «Пусть меня судят по моим писаниям...»: Из переписки 1904–1925 годов / Ред.-сост. Л. Л. Тумаринсон. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. (Российские Пропилеи).
- Гиллельсон М. И., Дрыжакова Е. Н., Перкаль М. К. 1965. А. И. Герцен: Семинарий (Пособие для студентов). М.; Л.: Просвещение.
- Горовиц Б. 2004. Михаил Гершензон – пушкинист: Пушкинский миф в Серебряном веке русской литературы / Пер. с англ. А. В. Хрусталевой. М.: Минувшее.
- Житомирская С. В. 1985. Судьба архива Герцена и Огарева. – Литературное наследство. Т. 96: Герцен и Запад. М.: Наука. С. 549–640.
- Иванова Т. Г. 2006. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Из переписки Б. Л. Модзалевского 1982. Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публикация Е. И. Семенова. – Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука. С. 181–223.
- Княжнин В. Н. 1993. Памяти А. С. Полякова. – [В составе статьи: Эльзон М. Д. Неизвестные воспоминания об А. С. Полякове. – Историко-библиографические исследования: Сборник научных трудов. Вып. 3.

- СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки. С. 92–101]. С. 94–99.
- Лавров А. В. 1992. Княжнин Владимир Николаевич. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 569–570.
- Лавров А. В. 2010. Б. М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида». – *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. Андрея Устинова. М.: Водолей. С. 201–213.
- Ларионова Е. О. 2007. Соболевский Сергей Александрович. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5: П–С. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 700–703.
- Модзалевский Б. Л. 1910. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). Отдельный оттиск из издания «Пушкин и его современники». Вып. IX–X. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.
- Модзалевский Б. Л., Модзалевский Л. Б., Сидяков Л. С. 1988. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание): [Репринт] Отдельный оттиск из издания «Пушкин и его современники». Вып. IX–X. М.: Книга.
- Модзалевский Б. Л. 1999а. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928) / Сост. и примечания А. Ю. Балакина. СПб.: Искусство–СПб.
- Модзалевский Б. Л. 1999б. Дневник Б. Л. Модзалевского 1908 г. / Публикация, вступительная статья и примечания Т. И. Краснобородько. – Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т.] IX. М.: Студия ТРИТЭ; Российский Архив. С. 450–465.
- Модзалевский Б. Л. 2005. Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публикация Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово. – Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 7–191.
- Охотин Н. Г. 1989. Волконская Зинаида Александровна. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия. С. 468–469.
- Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном 2001. Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публикация и комментарии Е. Ю. Литвин. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 301–359.

- Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона 1993. Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Инны Андреевой. – De visu. № 5 (6). С. 12–51.
- Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому 2004. Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / Публикация Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 180–238.
- Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому 2009. Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публикация Т. И. Краснобородько. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 797–943.
- Поляков А. С. 1918. Н. М. Языков и Е. А. Боратынский (Неопубликованные письма). – Литературно-библиологический сборник (Труды Комиссии Русского Библиологического Общества по описанию журналов XIX века. Вып. I) / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг.: Военная Типография. С. 60–71.
- Поляков А. С. 1922. О смерти Пушкина (По новым данным). Пб.: Государственное издательство. (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук).
- Проскурина В. Ю. 1998. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя.
- Пушкинский Дом 2005. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Русские Пропилеи 1917. Русские Пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 4. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Русские Пропилеи 1919. Русские Пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Сальман М. Г. 2014. К биографии Б. М. Эйхенбаума: Письма к М. К. Лемке. – Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Вып. II: Материалы международной научной конференции «II Бриковские чтения: Методология и практика русского формализма» / Отв. ред. Г. В. Векшин. М.: Азбуковник. С. 617–623.
- Соболев А. Л. 2016. Еще раз к вопросу о «Скрижали Пушкина» М. О. Гершензона. – Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов. Вып. 32. СПб.: Росток. С. 306–319.

- Соболев А. Л. 2021. Письма М. О. Гершензона к В. С. Нецаевой. – Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955–2018). М.: Древлехранилище. С. 337–357.
- Соболевский С. А. 1912. Эпиграммы и экспромты / Под ред., с предисловием и примечаниями В. В. Каллаша. М.: Издание С. Г. Мамиконян.
- Соболевский С. А. 1991. Миллион сочувствий: Эпиграммы / Сост., вступительная статья и примечания В. А. Широкова. М.: Книга.
- Сурат И. З. 1994. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт.
- Толстой Л. Н. 1978. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М.: Художественная литература. (Серия литературных мемуаров).
- Ходасевич В. Ф. 1988. «Жестоко Вы написали, но – превосходно». Владислав Ходасевич. Из стихов и набросков. Белый коридор. Письма к Диатроптовым / Вступительная статья, публикация и комментарии Евгения Бенья. – Наше наследие. № 3. С. 78–94.
- Ходасевич В. Ф. 1996–1997. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Согласие.
- Цявловский М. А. 1999. Источники текстов лицейских стихотворений. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 1: Лицейские стихотворения: 1813–1817. СПб.: Наука. С. 461–563.
- Чаадаев П. Я. 1913–1914. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева: В 2-х тт. / Под ред. М. Гершензона. М.: Путь.
- Шур Л. 1989. Письма В. Ф. Ходасевича М. Л. Гофману (Из истории пушкинистики в русском Париже). – Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem: Soviet Jewry Museum Foundation. P. 154–163.
- Эйхенбаум Б. М. 2010. [Рец. на: М. Гершензон. Мечта и мысль И. С. Тургенева. Книгоиздательство писателей в Москве. 1919]. – [В составе статьи: Лавров А. В. Б. М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида». – *Vademecum*: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. Андрея Устинова. М.: Водолей. С. 201–213]. С. 208–209.

REFERENCES

- Andreeva, I. “Perepiska V. F. Khodasevicha i M. O. Gershenzona.” Prefaced, edited and annotated by I. Andreeva. *De visu* 5 (6) (1993): 12–51.
- Arkhiv N. A. i N. P. Ogarevykh*. Compiled and prepared for publication by M. Gershenzon. Edited and prefaced by V. P. Polonskii. Annotated by N. M. Mendel’son, and Ia. Z. Cherniak. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1930.

- Arkhivy i vlast': Pervoe poslerevoliutsionnoe desiatiletie. Protokoly i zhurnaly zasedanii rukovodiashchikh organov upravleniia arkhivnoi otrasl'iu za 1918–1928 gg.: Sbornik dokumentov.* 2 vols. Vol. 1, 1918–1920 gg. Moscow: Kuchkovo pole, 2018.
- Baskakov, V. N. “Issledovatel'skaia i nauchno-obshchestvennaia deiatel'nost' Pushkinskogo Doma v 1905–1980 gg.” In *Pushkinskii Dom: Bibliografiia trudov*. Edited by A. K. Mikhailova, 3–16. Leningrad: Izdatel'stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1981.
- . “Modzalevskii Boris L'vovich.” In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 4, M–P, 115–16. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1999.
- Berman, Ia. Z. M. O. *Gershenson: Bibliografiia*. With the article by N. V. Izmailov “M. O. Gershenson, kak issledovatel' Pushkina.” *Trudy Pushkinskogo Doma Akademii nauk SSSR* 52. [Odessa]: Odespoligraf, 1928.
- Bogomolov, N. A. “Gofman Modest Liudvigovich.” In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 2, G–K, 5–6. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1992.
- Chaadaev, P. Ia. *Sochineniia i pis'ma P. Ia. Chaadaeva*. 2 vols. Edited by M. Gershenson. Moscow: Put', 1913–1914.
- Eikhenbaum, B. M. [Review of *Mechta i mysl' I. S. Turgeneva*, by M. Gershenson. Part of the article “B. M. Eikhenbaum v literaturnoi gazete ‘Irida’,” by A. V. Lavrov.] In *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana*. Edited by Andrei Ustinov, 201–13. Moscow: Vodolei, 2010.
- Gershenson, M. O. *Mechta i mysl' I. S. Turgeneva*. Moscow: T-vo “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve,” 1919.
- . *Mudrost' Pushkina*. Moscow: T-vo “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve,” 1919.
- . “Vospominanie o L. N. Tolstom.” In *L. N. Tolstoi v vospominaniiakh sovremnikov*. 2 vols. Vol. 2, 222–26. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960.
- . *Izbrannoe*. 4 vols. Moscow and Jerusalem: Universitetskaia kniga; Gesharim, 2000.
- . “*Uznat' i poliubit'*”: *Iz perepiski 1893–1925 godov*. Edited and annotated by E. Iu. Litvin. Afterword by V. V. Sapov. Moscow and Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016.

- . “*Pust’ menia sudiat po moim pisaniiam...*”: *Iz perepiski 1904–1925 godov*. Edited by L. L. Tumarinson. Moscow and Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018.
- G[ershenson], M. [O]. “Vospominanie o L. N. Tolstom.” In *Novye Propylaea*. Edited by M. O. Gershenson. Vol. 1, 96–101. Moscow and Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1923.
- Gille’son, M. I., E. N. Dryzhakova and M. K. Perkal’. *A. I. Herzen: Seminarii (Posobie dlia studentov)*. Moscow and Leningrad: Prosveshchenie, 1965.
- Herzen, A. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 22 vols. Vol. 13, *Byloe i dumy*. Petersburg: Gosudarstvennoe Izdatel’stvo, 1919.
- Horowitz, B. *Mikhail Gershenson – pushkinist: Pushkinskii mif v Serebrianom veke russkoi literatury*. Translated from the English by A. V. Khrustaleva. Moscow: Minuvshee, 2004.
- Ivanova, T. G. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006.
- Khodasevich, V. F. “Zhestoko Vy napisali, no – prevoskhodno. Vladislav Khodasevich. Iz stikhov i nabroskov. Belyi koridor. Pis’ma k Diatroptovym.” Prefaced, published and annotated by Evgenii Ben. *Nashe nasledie* 3 (1988): 78–94.
- . *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Soglasie, 1996–1997.
- Kniazhnin, V. N. [“Pamiati A. S. Poliakova.” Part of the article “Neizvestnye vospominaniia ob A. S. Poliakove,” by M. D. El’zon.] In *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia: Sbornik nauchnykh trudov*. Vol. 3, 92–101. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Rossiiskoi natsional’noi biblioteki, 1993.
- Krasnoborod’ko, T. I. and V. R. Gofman. “Pis’ma M. L. Gofmana k B. L. Modzalevskomu. Chast’ I (1904–1921).” Published by T. I. Krasnoborod’ko with the collaboration of V. R. Gofman. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god*, 180–238. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2004.
- Krasnoborod’ko, T. I. “Pis’ma M. L. Gofmana k B. L. Modzalevskomu. Chast’ 2 (1922–1926).” Published by T. I. Krasnoborod’ko. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody*, 797–943. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2009.
- L. N. Tolstoi v vospominaniiaakh sovremennikov. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978.
- Larionova, E. O. “Sobolevskii Sergei Aleksandrovich.” In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar’*. Vol. 5, P–S, 700–03. Moscow: Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2007.

- Lavrov, A. V. "Kniazhnin Vladimir Nikolaevich." In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 2, G–K, 569–70. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1992.
- . "B. M. Eikhenbaum v literaturnoi gazete 'Irida'." In *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana*. Edited by Andrei Ustinov, 201–13. Moscow: Vodolei, 2010.
- Litvin, E. Iu. "Perepiska B. L. Modzalevskogo s M. O. Gershenzonom." Published and annotated by E. Iu. Litvin. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1996 god: Boris L'vovich Modzalevskii. Materialy k nauchnoi biografii*, 301–59. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001.
- Modzalevskii, B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)* [...]. Saint Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1910.
- . *Pushkin i ego sovremenniki: Izbrannye trudy (1898–1928)*. Edited and annotated by A. Iu. Balakin. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb, 1999.
- . "Dnevnik B. L. Modzalevskogo 1908 g." Prefaced, edited and annotated by T. I. Krasnoborod'ko. In *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh 18–20 vv.: Al'manakh*. Vol. 9, 450–65. Moscow: Studiia TRITE; Rossiiskii Arkhiv, 1999.
- . "Iz zapisnykh knizhek 1920–1928 gg." Edited by T. I. Krasnoborod'ko, and L. K. Khitrovo. In *Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*, 7–191. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005.
- Modzalevskii, B. L., L. B. Modzalevskii and L. S. Sidiakov. *Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)* [...]. Moscow: Kniga, 1988.
- Okhotin, N. G. "Volkonskaia Zinaida Aleksandrovna." In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 1, A–G, 468–69. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1989.
- Poliakov, A. S. "N. M. Iazykov i E. A. Boratynskii (Neopublikovannye pis'ma)." In *Literaturno-bibliologicheskii sbornik (Trudy Komissii Russkogo Bibliologicheskogo Obshchestva po opisaniiu zhurnalov 19 veka. Vyp. 1)*. Edited by L. K. Il'inskii, 60–71. Petrograd: Voennaia tipografia, 1918.
- . *O smerti Pushkina (Po novym dannym)*. Trudy Pushkinskogo Doma pri Rossiiskoi Akademii Nauk. Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922.
- Proskurina, V. Iu. *Techenie Gol'fstrema: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif*. Saint Petersburg: Aletheia, 1998.
- Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005.

- Russkie Propylaea: Materialy po istorii russkoi mysli i literatury*. Compiled and prepared for publication by M. Gershenzon. Vol. 4. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1917.
- Russkie Propylaea: Materialy po istorii russkoi mysli i literatury*. Compiled and prepared for publication by M. Gershenzon. Vol. 6. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1919.
- Sal'man, M. G. "K biografii B. M. Eikhenbauma: Pis'ma k M. K. Lemke." In *Metodologiya i praktika russkogo formalizma: Brikovskii sbornik*. Vol. 2, *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "2 Brikovskie chteniia: Metodologiya i praktika russkogo formalizma."* Edited by G. V. Vekshin, 617–23. Moscow: Azbukovnik, 2014.
- Semenov, E. I. "Iz perezpiski B. L. Modzalevskogo." Published by E. I. Semenov. In *Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia*, 181–223. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1982.
- Shur, L. "Pis'ma V. F. Khodasevicha M. L. Gofmanu (Iz istorii pushkinistiki v russkom Parizhe)." In *Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Serman*, 154–63. Jerusalem: Soviet Jewry Museum Foundation, 1989.
- Sobolev, A. L. "Eshche raz k voprosu o 'Skrizhali Pushkina' M. O. Gershenzona." In *Vremennik Pushkinskoi komissii: Sbornik nauchnykh trudov*. Vol. 32, 306–19. Saint Petersburg: Rostok, 2016.
- . "Pis'ma M. O. Gershenzona k V. S. Nechaevoi." In *Okno v Evropu: Sbornik statei pamiati doktora istoricheskikh nauk Tat'iany Aleksandrovny Laptevoi (1955–2018)*, 337–57. Moscow: Drevlekhranilishche, 2021.
- Sobolevskii, S. A. *Epigrammy i ekspromty*. Prefaced, edited and annotated by V. V. Kallash. Moscow: Izdanie S. G. Mamikonian, 1912.
- . *Million sochuvstvii: Epigrammy*. Prefaced, edited and annotated by V. A. Shirokov. Moscow: Kniga, 1991.
- Surat, I. Z. *Pushkinist Vladislav Khodasevich*. Moscow: Labyrinth, 1994.
- Tsiavlovskii, M. A. "Istochniki tekstov litseiskikh stikhotvoreni." *Polnoe sobranie sochinenii*, by A. S. Pushkin. 20 vols. Vol. 1, *Litseiskie stikhotvoreniia: 1813–1817*, 461–563. Saint Petersburg: Nauka, 1999.
- Zhitomirskaiia, S. V. "Sud'ba arkhiva Herzen'a i Ogareva." In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 96, *Herzen i Zapad*, 549–640. Moscow: Nauka, 1985.

МАРК АЛДАНОВ В ВИЛЕНСКОМ ЗЕРКАЛЕ¹

П. М. Лавринец
(Вильнюс)

В русской среде Вильно (Вильнюса, после различных перипетий инкорпорированного в состав польского государства в 1922 г.) в межвоенное двадцатилетие под влияниями различных факторов складывалась система оценок творчества современных русских писателей, в частности писателей русского зарубежья, формировались представления о литературных репутациях и иерархии в современной русской литературе. Читательская рецепция литературного творчества – существенный элемент литературного процесса: «история литературы не только история писателей, но и история читателей» (Белецкий 1922: 94)². Исследование места Марка Алданова (М. А. Ландау) среди других писателей-эмигрантов в представлениях локального сообщества исходит из предположения, что частный случай одного из провинциальных сегментов русского зарубежья позволяет судить об общих закономерностях рецепции творчества Алданова и других зарубежных русских прозаиков в русском рассеянии. Материалом исследования служат главным образом публикации виленской периодической печати на русском языке 1924–1939 гг.

Важнейший источник формирования репутации писателя – его собственные тексты (см.: Рейтблат 2001: 52). Тексты Алданова перепечатывались в виленских газетах крайне редко: выявлено всего два случая. Первый – это отклик на смерть В. И. Ленина, спустя неделю после публикации в берлинской газете «Дни» (см.: Алданов

¹ Первая версия исследования была представлена на международной научной конференции «Emigrantica продолжается: памяти Олега Анатольевича Коростелева» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 22–23 марта 2021 г.).

² Ср. переиздание: Белецкий 1964: 26.

1924а: 2–3) появившийся в «Виленском утре» (см.: Алданов 1924b: 2–3). Второй – перепечатанная из парижского двухнедельника «Новая Россия» виленской газетой «Русское слово» небольшая статья «К кончине Куприна», написанная в дополнение к его *in memoriam* в «Современных записках» (см.: Алданов 1938а: 317–324) не столько потому, что сказал в ней очень немногое, так как «трудно писать о человеке тотчас по его кончине», сколько потому, что такие писатели «умирают не каждый день» и откликнуться «обязано каждое русское издание, хотя бы и чисто политическое» (Алданов 1938b: 5). Но отрывки художественных произведений, статьи, заметки, очерки, рецензии писателя могли быть знакомы виленским читателям по публикациям в других периодических изданиях, доступных в Вильно. Среди них – парижская газета «Последние новости»: судя по отдельным перепечаткам и различного рода откликам в виленских изданиях, она поступала в Вильно. Тем более были доступны варшавские газеты – сначала «За свободу!», позднее «Меч» с перепечатками отрывков из романов и статей Алданова из «Последних новостей» и «Современных записок», а также из «Дней», «Новой России», «Русских записок». Доступна была рижская газета «Сегодня» с публикациями Алданова: она распространялась в качестве приложения сначала вместе с виленской газетой «Время» (1 января – 13 сентября 1930 г.), затем с газетой «Наше время» (с 1 октября 1930 г. до начала Второй мировой войны, с перерывом в два месяца в 1937 г., когда «Сегодня» в Польше была запрещена).

В библиотеке Виленского русского общества (далее ВРО), действовавшей с 1921 г., были комплекты журналов «Иллюстрированная Россия» и «Современные записки», с которыми сотрудничал писатель. В библиотеке имелись также книги Алданова. В инвентарную книгу библиотеки (с неполными библиографическими записями, в которых нередко указан в лучшем случае год издания, иногда – место или издательство) вписаны роман «Девятое термидора» с датой 1928 г., – очевидно, третье, исправленное издание (Берлин: «Слово», 1928), – и повесть «Святая Елена, маленький остров» с датой 1926 г., – явно второе, исправленное издание

(Берлин: «Слово», 1926)³. В 1932 г. адвокат А. Н. Крестьянов, председатель ВРО, подарил библиотеке еще экземпляры «Девятого термидора» и «Святой Елены», а также «Чертов мост», по-видимому берлинских изданий 1923–1926 гг.⁴ В 1936 г. в инвентарную книгу с обозначением места и издательства были внесены «Девятое термидора» (вероятно, Берлин: «Медный всадник», 1923) и «Чертов мост» (Берлин: «Слово», 1925)⁵.

В 1933 г. от того же Крестьянова в библиотеку поступила книга «Земля, люди» (1932), от деятеля ВРО М. Г. Герасимюка – «Современники» (вероятно, второе берлинское издание 1932 г.)⁶. Кроме того, в библиотеке были «Заговор», «Ключ», «Портреты», «Бегство», «Пещера», «Десятая симфония», «Загадка Толстого», «Юность Павла Строганова»⁷.

На литературные темы в виленских газетах в 1920-х гг. выступал главным образом Д. Д. Бохан с большим довоенным опытом журналиста, критика, переводчика польской литературы (см.: Sielicki 1996: 246–247). Он же был главным организатором литературных вечеров, собраний, дискуссий (см.: Zienkiewicz 1996: 71–75). Надо полагать, что его оценки оказывали существенное влияние на формирование представлений виленской публики о современной русской литературе. Алданов в одной из статей Бохана перечисляется вторым после Д. С. Мережковского в ряду писателей-эмигрантов (А. И. Куприн, Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, А. М. Ремизов, К. Д. Бальмонт, Е. Н. Чириков и другие), творчество которых говорит о развитии русской литературы в тяжелейших условиях, о том, что «оторванность от России не пресекла художественного творчества». Если часть перечисленных были «гор-

³ См.: Инвентарный порядковый каталог книг библиотеки В[иленского] Р[усского] Общества. – LCVA. Ф. 312. Ар. 1. В. 5. Л. 28° (Литовский центральный государственный архив. Ф. 312. Оп. 1. Д. 5. Л. 28 об.).

⁴ Там же. Л. 91° (Л. 91 об.).

⁵ Там же. Л. 211° (Л. 211 об.).

⁶ Там же. Л. 135° (Л. 135 об.).

⁷ Там же. Л. 65°, 116°, 142°, 142°, 144°, 165°, 203° (Л. 65 об., 116 об., 142 об., 144 об., 165 об., 203 об.).

достью русской литературы еще до войны – то ведь Алданова, Сирина, Цветаеву и других – дала эмиграция!» (Бохан 1929а: 2–3). В другой статье ряд кратких характеристик ведущих зарубежных русских писателей открывает Бунин, «явление совершенно исключительное в зарубежной литературе», «прямой наследник Тургенева». Но он – «писатель старой генерации» и оказался на чужбине уже «с громким именем и огромной славою»; эмиграция же «выдвинула из своей среды и новых писателей, до войны не писавших» и уже завоевавших «видное положение в иерархии пишущей братии», первым назван Алданов:

Первое место среди них принадлежит М. А. Алданову, автору исторических романов из эпохи кровавых и страшных дней французской революции и наполеонады, в которых русский читатель невольно ищет сравнений и параллелей с кошмарной большевицкой деятельностью (Бохан 1929b: 2).

Перечислив романы тетралогии «Мыслитель», Бохан отметил высокие художественные достоинства романов, благодаря которым Алданов «выдвинулся в эмигрантской литературе». Во многих сценах «чувствуется рука великого мастера, невольно вызывающая на память бесподобные описания Толстого». Но есть и бледные страницы, портящие целое; впрочем, отдельные провалы не помешали успеху произведений Алданова. Его «почему-то ставят рядом с Мережковским, с которым у него нет ничего общего, кроме разве того, что он тоже является автором тетралогии, и тоже исторической, хотя из совершенно других эпох истории». Далее названы А. М. Ремизов, великий мастер и знаток русского языка, «ничего, впрочем, блестящего не давший на эмиграции» (Там же), В. С. Немирович-Данченко, эмигрантские произведения которого не превосходят «по своей литературной и художественной ценности его лучших произведений более раннего периода творчества», «подлинный наследник лучших русских классиков, яркий бытописатель современности» А. И. Куприн, который тоже «не создал за границей вещей, значительно превосходящих своей художественной ценностью то, что было им написано до войны»,

Д. С. Мережковский, зазвучавший в эмиграции по-новому, но в публицистике (Бохан 1929с: 2).

Алданов оказался в центре докладов Бохана на празднованиях ежегодного Дня русской культуры в 1930 г. Сначала в Новой Вильне, небольшом городе в 10 километрах от Вильно, в докладе «Россия и Запад – две культуры» докладчик назвал самых выдающихся писателей двух ветвей русской литературы – «там» П. С. Романов, «здесь» Марк Алданов (см.: Бохан 1930а: 2). Затем в Вильно на торжественном заседании по случаю Дня русской культуры в докладе «Культурные достижения русской эмиграции» Бохан остановился на Алданове – «талантливом представителе исторического направления литературы» (Малофеев 1930: 2). Перечислив «старую гвардию» (В. С. Немирович-Данченко, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. В. Амфитеатров, Д. С. Мережковский), он назвал и «молодые силы» – М. А. Алданова и В. Сирина. В газетном отчете говорилось:

Затем оратор с энтузиазмом отозвался об Алданове, которого считает коренным реформатором исторической повести и, на противопоставлении его В. Скотту, Флоберу, Эберсу, Толстому – выясняет смысл его новаторства. Как Блок первый после Пушкина указал русской поэзии новые пути развития, так Алданов сделал это для исторической повести в мировой литературе. Указывая на такие «вершины», как Алданов и Сирин – оратор приходит к выводу, что русская эмиграция с честью выполняет историческую задачу, выпавшую на ее долю: не только хранит достижения русской культуры, но и ведет работу по ее углублению и развитию (Б. п. 1930: 3).

Очевидно, доклад лег в основу статьи Бохана о литературе русской эмиграции на польском языке, появившейся два года спустя в краковском журнале „Gazeta Literacka” (см.: Vochan 1932: 137–138). Автор предсказуемо охарактеризовал старшее поколение эмигрантских писателей, заслуживших известность еще до войны, – В. С. Немировича-Данченко, Е. Н. Чирикова, И. А. Бунина, А. В. Амфитеатрова, Д. С. Мережковского, перечислил И. С. Шмелева,

М. А. Осоргина, А. М. Ремизова и уже покойного к тому времени М. П. Арцыбашева (в Польше, куда писатель эмигрировал в 1923 г., он занимал особое место благодаря своей бескомпромиссной антисоветской политической позиции и публицистике; см.: Sieliński 1996: 96–104; Szyszko 1996: 7–16). Бохан утверждал, что ни один из них в эмиграции не создал ничего, что превосходило бы их довоенное творчество. «Митина любовь» Бунина, «Неупиваемая чаша» Шмелева, «Житие Сергия Радонежского» Зайцева, «Золотой петух» Куприна – высоких художественных достоинств, но ничем не лучше прежних произведений и не поднимают литературу на уровень И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Лучше обстоит дело с писателями нового поколения, во главе которых – писатель большого таланта Алданов. По мысли критика, творческое усилие русской эмиграции наилучшее выражение нашло не в поэзии (в отличие от польского духа, который во времена неволи создал непревзойденные произведения романтической поэзии), но в историческом романе. По словам критика, каждый русский, читая Алданова, прекрасно понимает, что за историческими персонажами его романов из эпохи Французской революции стоят кровавые герои октябрьской резни, большевики и чекисты. Алданов – несравненный мастер индивидуальной характеристики. Каждый его герой, будь то персонаж исторический или же вымышленный, – словно высечен из мрамора; каждое движение, каждая мысль психологически обоснованы и никогда не выходят за рамки исторической правды. Не осмеливаясь, по собственным словам, назвать Алданова гениальным, Бохан определил автора тетралогии «Мыслитель» реформатором исторического романа. Рядом с Алдановым можно поставить только молодого писателя В. Сирина (Набокова): ему по романам «Машенька» и «Король, дама, валет» можно предсказывать в будущем большую роль в литературе (см.: Vochan 1932: 137–138).

Возможно, мысль о писателе как реформаторе исторического романа, прозвучавшую сначала в докладе в 1930 г., затем повторенную в статье 1932 г., Бохан прямо заимствовал из статьи Теодора Парницкого (см.: Parnicki 1930: 277–280). Статья молодого польского критика и начинающего писателя вышла в номере варшавского

еженедельника, датированном 4 мая 1930 г., за месяц до Дня русской культуры. О знакомстве с этой публикацией говорит статья Бохана в одном из ноябрьских номеров виленской газеты 1930 г., в которой среди прочего дана высокая оценка непредвзятости Парницкого в отношении русского писателя-эмигранта (см.: Бохан 1930b: 2). Выступление Парницкого для Бохана было тем ценнее, что ему чаще приходилось иметь дело с публикациями, содержащими, на его взгляд, принижение достоинств творчества русских писателей и чрезмерное возвеличивание заурядных польских произведений. Показательно, что тетралогия, по которой Парницкий судил о творчестве Алданова, еще не была переведена на польский язык: к тому времени в польском переводе была напечатана только повесть «Святая Елена, маленький остров» в виленской газете „Słowo” в ноябре – декабре 1926 г., затем в том же году вышла отдельным изданием в Варшаве⁸.

В изложении доклада Бохана и в его статье на польском языке отсутствуют литературный контекст и обоснование реформаторства Алданова. Парницкий же обрисовал положение исторического романа: прежняя форма исторического романа устаревает, хотя произведения такого рода все еще способны завоевывать признание, как это случилось с романами «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет или «Золотая вольность» Зофьи Коссака. Эту форму Гюстава Флобера, Генрика Сенкевича или Георга Эберса затмила модная разновидность жанра – роман-биография (*la vie romancé*). Жанру грозило бы исчезновение, если бы не показались первые признаки его обновления. Они появились там, где их меньше всего можно было бы ждать, – в литературе русской эмиграции. Парницкий отметил (как за ним Бохан), что по мнению, популярному в эмиграции, под видом Французской революции писатель изобразил революцию русскую. Польский критик (как за ним Бохан) высоко оценил писательское мастерство Алданова в воссоздании эпохи и несравнимую искусность и новаторство в изображении исторических персонажей. По убеждению Парницкого, Вальтера

⁸ Подробнее о рецепции Алданова в межвоенной Польше см.: Sielicki 1996: 125–133.

Скотта читают только особые любители, да и то пропуская десятки страниц; учебники литературы стесняются уделять место Александру Дюма, романы которого относят к тому же роду, что и романы Понсона дю Террайя, Майн Рида и Фенимора Купера; «Саламбо» Гюстава Флобера читают только языковеды в поисках стилистических перлов и историки в поисках мелких исторических неточностей. Живой читательский интерес вызывают только романы трех славянских писателей – «Война и мир» Льва Толстого, трилогия Генрика Сенкевича и тетралогия Алданова. Тетралогия стала новой эпохой в истории исторического романа и в истории художественной литературы в целом. Русский писатель сумел вобрать весь опыт исторического романа от Вальтера Скотта до недавнего времени, преодолеть его и создать новые, совершенно оригинальные шедевры (см.: Parnicki 1930: 277–280).

В 1933 г. Бохан повторил некоторые положения Парницкого и его сопоставления с теми же авторами исторических романов на «четверге» Литературно-художественной секции ВРО в докладе «М. А. Алданов как исторический романист, автор тетралогии “Мыслитель”»:

Отметив огромные художественные достоинства Алданова, докладчик назвал его реформатором исторического романа, проводя параллель между им и Вальтер-Скоттом, Л. Толстым и Сенкевичем. Докладчик остановился на методологии творчества Алданова, который не рассказывает, а рисует, характеризуя своих героев резкими импрессионистическими штрихами. Все его типы жизненны, характерны и не похожи один на другого (Б. п. 1933: 4).

Но в месте среди русских классиков докладчик Алданову отказал, несмотря на огромный талант и художественные достоинства произведений, поскольку в его творчестве «нет проявления любви к России, к русской культуре, к русскому народу». Он – «писатель-космополит, и что он пишет по-русски – просто случайность». Кроме того, Алданов «не выносит мысли, что какой-либо из его героев может понравиться читателю, и если герой изображен симпатичными чертами – тотчас же следует авторский “плевок”»

по адресу героя». Писатель никого не любит⁹; он не учит своих читателей, «как все подлинные русские классики, любить Россию и русский народ». Одно из возражений участников дискуссии состояло в том, что холодность, объективность Алданова в отношении к своим героям является достоинством, а не недостатком. В отличие от Сенкевича, у которого герои являются «средоточием или всех отрицательных, или всех положительных черт», персонажи Алданова – живые люди со слабостями и пороками. Но Бохана поддержали другие участники литературного вечера, выступившие с соображениями о том, что русским писателям не свойственно относиться без любви к своим героям, хотя бы и к отрицательным типам; русский писатель не имеет права холодно, безучастно подходить к событиям русской смуты (Б. п. 1933: 4).

Единожды высказанные негативные суждения о некоторых сторонах творчества писателя не сказались на общей высокой его оценке. Алданов неизменно назывался в ряду лучших писателей русского зарубежья, например в возражениях Бохана Г. В. Адамовичу, когда в виленской газете были изложены взгляды парижского критика на советскую литературу и литературу русского зарубежья. Итоги двадцатилетия, по Адамовичу, печальны: «были отдельные хорошие произведения и на родине, и за рубежом, но литературы советская и эмигрантская не удалась, – их нет». Бунин, Мережковский, Зайцев – «продолжатели великих заветов русской литературы», пишут о прошлом, и в их новых произведениях «эмигрантского» почти нет». Эмигрантскую литературу должна представлять «молодежь» в возрасте 25–45 лет: Поплавский, Ладинский, Сиринов, Алданов, Лукаш, Г. Иванов, Корсак и др.». Но литература, выросшая в эмиграции, не удалась: есть отдельные хорошие вещи, но литературы в целом нет (Vitale 1938: 2)¹⁰. По поводу доклада Адамовича Бохан напомнил жалобы критиков

⁹ Г. В. Адамович еще в 1928 г. в связи с публикацией в «Современных записках» очередного отрывка романа Алданова «Ключ» в «Последних новостях» заметил, что трудно представить себе, что Алданов любит своих героев (см.: Адамович 1928: 3); см. также переиздание: Адамович 2002: 83.

¹⁰ Детальнее см.: Лавринец 2021: 43–44.

XIX в. на упадок русской литературы в то время, когда творили великие русские писатели, привел примеры недооценки творчества признанных впоследствии классиков и предположил, что парижский критик недооценил ни лучших, на его взгляд, советских писателей, «ни Бунина, Мережковского – и особенно Алданова» (Бохан 1938а: 4). Спустя две недели виленский критик еще раз вернулся к выступлению Адамовича, приведя его в качестве примера свойственного русским пренебрежения ко всему русскому, и снова упомянул Алданова:

Пусть Георгий Адамович горько плачется насчет современной русской литературы: эмигрантская литература не вышла, а советская, мол, и совсем подвела! Но, во-первых, первая дала Алданова и Сирина, а вторая – Шолохова и Романова, а во-вторых, в какой литературе Запада есть сейчас имена более крупные и произведения более значительные? (Бохан 1938b: 2)

Мнение Адамовича об упадке советской литературы и его причинах (см.: Адамович 1938: 3)¹¹ Бохан разделил, но усматривал если не упадок, то застой и в эмигрантской литературе. В сдержанных оценках ее достижений исчез мотив новаторства Алданова; его циклам исторических романов не уступают «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Русь» П. С. Романова, «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Более того, талант Алданова уже отцвел:

Кроме старых, дореволюционных имен, начиная с Мережковского, Бунина, Зайцева, Шмелева, Осоргина, Алданова (талант последнего расцвел и отцвел уже на эмиграции), Наживина и еще двух-трех – что мы, зарубежники, имеем, кроме Сирина, Гуцика и... также еще двух-трех? (Бохан 1938с: 5)

Единственный критический очерк в виленской печати, целиком посвященный Алданову, принадлежит Ксении Костенич. Она жила во Владимире-Волынском, в середине 1930-х гг. вошла в русскую печать автором «этюдов характеристики творчества» Сирина,

¹¹ Ср. переиздание: Адамович 2018: 549–553.

И. В. Одоевцевой, И. С. Лукаша, Сергея Горного, Н. А. Тэффи, также рецензий на романы «Приглашение на казнь» Сирина и «Вьюга» Лукаша, оба выпуска альманаха Б. Миклашевского (П. П. Балакшина) «Земля Колумба» (Сан-Франциско), книгу «Славянские боги» А. А. Кондратьева. После Второй мировой войны в Польше Костенич стала историком польской литературы, специалистом по биографии и творчеству Адама Мицкевича (см.: Dernałowicz 1986: 425–436).

Замечания о творчестве Алданова обнаруживаются в статье Костенич, появившейся ранее очерка творчества писателя. В статье рассматривались «чувство родины, любовь к ней, мысли о ней и воспоминания», которые в произведениях писателей-эмигрантов трансформировались в мотив обращенности к прошлому. Костенич отметила, что это «шестое чувство» (по рассказу Куприна «Шестое чувство») есть у всех русских писателей – у И. А. Бунина, А. М. Дроздова, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина, Алданова. Лишь у последнего была попытка, «заглянув в прошлое, разъяснить настоящее и предопределить будущее (тетралогия “Мыслитель”», но, как «почти всегда бывает с историческими прецедентами», похожее оказалось вовсе не похожим (Костенич 1934: 2).

В очерке творчества Алданова Костенич предсказывала, что писатель войдет в историю литературы и займет в ней немало страниц. Он не будет, в силу своеобразия, причислен к какой-либо группе. По той же причине Алданову невозможно подражать и у него нет последователей. Нельзя научиться алдановскому дару приблизить эпоху, но можно и нужно научиться «писательской эlegantности – чистоте и правильности языка; исторические романы совспецы¹² еще пишут суконным, неудобопонятным языком “колорита времени” ради – старый, и очень давно признанный негодным прием <...>». Алданов же и о XVIII в., и о XX в. пишет «одинаково чистым и правильным, простым, без побрякушек, безукоризненно точным языком». Однако своеобразие его произведений заключается не столько в «простоте и точности, в отчетливом знании всех тонкостей речи», сколько в типе героя:

¹² К. Костенич имела в виду А. Н. Толстого и Ю. Н. Тынянова.

очень умный, все изведавший, стоящий неизмеримо выше толпы, «одинаково презирающий как человеческие ошибки, глупость, пороки, так и патриотизм, и веру, и честь, и любовь, и долг. Он – вне человеческих законов, вне этики, морали, вне принципов». Таким героем Алданова «начата новая глава в истории литературных героев» (Костенич 1935: 4).

Единственный развернутый отзыв о произведении Алданова оказался и последним откликом на творчество писателя, обнаруженным в виленской русской печати. Им стала рецензия Бохана на книжное издание первой части романа «Начало конца» (см.: Алданов 1939). Характеристику романа виленский критик предварил рассуждениями о том, что «всякий автор – хозяин своего произведения и волен писать, как ему угодно», подкрепив их примерами историософских отступлений в «Войне и мире» Толстого, описаний природы у Тургенева, «весьма обстоятельные биографии» не только героев «увесистых романов» Ч. Диккенса и У. Теккерея, но и их предков, «растянутые на десятки страниц описания средневековых шотландских замков у В. Скотта». Автор волен избирать форму, наиболее подходящую его произведению; но Алданов – «большой писатель и является вполне законным предъявление к нему повышенных требований». Он приобрел репутацию тетралогией, являющейся «превосходным образчиком по оригинальным, “алдановским” подходам к сюжету». Поэтому от новой книги можно было ожидать «и быстрого развития действия, и блестящих характеристик, художественных образов». Но книга Алданова этими «блестящими достоинствами не отличается». Ее нельзя отнести к историческим произведениям, потому что в нем упоминаются «как современники, и Муссолини и Гитлер, и рас Сейюм и абиссинская война»; назвать романом тоже невозможно (критик все же называет «Начало конца» романом). Книга может быть началом романа, «причем автор на 319 страницах едва справился с характеристикой своих главных героев». Описания поездки полпреда Кангарова-Московского и роскошного обеда, устроенного им в Париже, «не являются романом и даже не могут служить завязкою исторического или бытового с психологической

фабулой романа в общепринятом смысле». Книга – «ряд блестящих, мастерски, “по-алдановски” сделанных характеристик, обнаруживающих и знание психологии, и знание описываемой среды, и огромную эрудицию, а ля Лев Толстой – злоупотребление французским языком». Но «несмотря на все эти пункты сходства с Толстым, ничего толстовского в развитии действия нет». Кратко представив яркие образы героев книги, Бохан отметил абсолютно ничем не связанный с «фабулой романа (да, впрочем, и фабулы никакой нет)» инцидент убийства богатого рантье Шартье секретарем писателя Вермандуа Альвера, описанный «с огромным талантом»; непонятно, какую роль играет короткая глава XIV с описанием катания детей на карусели (Бохан 1939: 7).

Современное исследование убедительно показало, как фрагментарное включение в роман истории Альвера с эпизодом убийства подчеркивает параллельность событий, а главка с каруселью призвана «подготовить читателя <к> восприятию символического характера» следующих глав и их «внутренней связи в структуре целого» (Дронова 2011: 117). Но на Бохана «ряд чудесных картин», нарисованный рукой «большого мастера», произвел впечатление отсутствующей цельности (Бохан 1939: 7). Бохан в выступлениях на литературные темы последовательно придерживался консервативных установок, полагая необходимым сохранять традиции русской культуры и канонизированные литературные приемы, и негативно оценивал формальные искания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он увидел скорее недостаток в том, что другой, более прозорливый критик расценил как достоинство: в ситуации начавшегося конца жизни героев «не “сплетаются” в одну жизнь, так как в сущности они уже не живут», поэтому в романе «нет никакой “интриги” (дословно – “сплетение”), а только ряд чередующихся отрывочных эпизодов», и «такая “внешняя” форма как раз наиболее соответствует “внутренней”» (Бицилли 1939: 197).

Таким образом, виленской публике были знакомы практически все художественные произведения Марка Алданова, его публицистика и критика и по отдельным берлинским и парижским

изданиям, и по публикациям и перепечаткам в русской зарубежной периодике; во всяком случае, возможность такого знакомства наличествовала. В статьях о русской зарубежной литературе и редких публичных докладах и обсуждениях Алданов занимал высокое место в литературной иерархии: он включался в ряд наиболее выдающихся писателей-эмигрантов и признавался, наряду с В. В. Набоковым, крупнейшим представителем поколения созревших в эмиграции авторов, поколения, следующего за когортой состоявшихся еще в России писателей. Писатель признавался реформатором исторического романа (не без влияния польской критики), мастером стиля, создателем нового типа литературного героя. Вместе с тем Алданову адресовались упреки в космополитичности и равнодушии к судьбам России и своих героев. Главную роль в формировании и поддержании литературной репутации Алданова в локальном сообществе играл ведущий критик виленской печати Д. Д. Бохан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. В. 1928. «Современные записки», кн. XXXVI. Часть литературная. – Последние новости. № 2752. 4 октября. С. 3.
- Адамович Г. 1938. Ответ читателю. – Последние новости. № 6423. 27 октября. С. 3.
- Адамович Г. В. 2002. Собрание сочинений: Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Предисловие, подготовка текста, сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.
- Адамович Г. В. 2018. «Последние новости». 1936–1940 / Подготовка текста, сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.
- Алданов М. А. 1924а. Неправдоподобный сценарий. – Дни. № 371. 27 января. С. 2–3.
- Алданов М. А. 1924б. Неправдоподобный сценарий. – Виленское утро. № 836. 4 февраля. С. 2–3.
- Алданов М. 1938а. Памяти А. И. Куприна. – Современные записки. Кн. LXVII. С. 317–324.
- Алданов М. 1938б. К кончине Куприна («Новая Россия»). – Русское слово. № 239 (2052). 14 октября. С. 5.

- Алданов М. А. 1939. Начало конца. Часть I. [Париж]: Издательство «Русские записки».
- Белецкий А. 1922. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя). – Наука на Украине. № 2. С. 94–105.
- Белецкий А. И. 1964. Избранные труды по теории литературы / Под общей ред. Н. К. Гудзия, сост. и примечания А. А. Гозенпуда. М.: Просвещение.
- Бицилли П. 1939. [Рец. на кн.:] М. А. Алданов. «Начало конца», ч. I. – Изд. «Русск. Записок», Шанхай, 1939 г. – Русские записки. № 18. С. 196–198.
- [Б. п.] 1930. День Русской Культуры в Вильне. – Наша жизнь. № 490. 11 июня. С. 3.
- [Б. п.] 1933. М. А. Алданов, как исторический романист (Последний «Литературный четверг» в Вильне). – Наше время. № 207 (917). 2 сентября. = Русское слово. № 207 (487). С. 4.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929а. Творческая мощь – или упадок? (О русской литературе). – Наша жизнь. № 141. 20 апреля. С. 2–3.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929в. О Зарубежной литературе (Очерки). – Наша жизнь. № 185. 13 июня. С. 2.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929с. О Зарубежной литературе (Очерки) (Продолжение). – Наша жизнь. № 187. 15 июня. С. 2.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1930а. Празднование Дня Русской Культуры в Новой Вилейке. – Наша жизнь. № 483. 3 июня. С. 2.
- Б. [Бохан Д. Д.] 1930в. Свобода и почва (О двух русских литературах). – Наше время. № 28. 2 ноября. С. 2.
- Бохан Д. Д. 1938а. Критические заметки. – Русское слово. № 144 (1957). 23 июня. С. 4.
- Бохан Д. Д. 1938в. О самооплевании и самообожании (Критические заметки). – Наше время. № 102 (2344). 7 июля. = Русское слово. № 156 (1969). С. 2, 5.
- Бохан Д. Д. 1938с. Записки журналиста. – Русское слово. № 255 (2068). 2 ноября. С. 5.
- Бохан Д. Д. 1939. Новый роман М. А. Алданова. – Русское слово. № 101 (2219). 30 апреля – 1 мая. С. 7.
- Дронова Т. И. 2011. Художественное осмысление современности 1930-х годов в романе М. А. Алданова «Начало конца». – Известия Саратов-

- ского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». Т. 11. Вып. 3. С. 111–120.
- Костенич К. 1934. «Шестое чувство» в современ. русской литературе. – Наше время. № 290 (1308). 11 декабря. = Русское слово. № 290 (878). С. 2.
- Костенич К. 1935. М. Алданов (Этюд характеристики творчества). – Наше время. № 157 (1480). 7 июля. = Русское слово. № 157 (1049). С. 4.
- Лавринец П. 2021. Виленские отголоски критических выступлений Адамовича. – Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). *Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra. Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. С. 37–47. (*Rusistica Latviensis* 9).
- М. [Малофеев С. Г.?] 1930. «День Русской Культуры» в Вильне. – Время. № 139. 11 июня. С. 2.
- Рейтблат А. И. 2001. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение.
- Bochan, D. 1932. *Literatura emigracji rosyjskiej*. – *Gazeta Literacka*. Nr 9. S. 137–138.
- Dernałowicz, M. 1986. *Ksenia Kostenicz (14 czerwca 1913 – 10 lutego 1985)*. – *Pamiętnik Literacki*. T. 77. Nr 1. S. 425–436.
- Parnicki, T. 1930. *Tołstoj – Sienkiewicz – Ałdanow*. – *Myśl Narodowa*. Nr 18. 4 maja. S. 277–280.
- Sielicki, F. 1996. *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. (*Acta Universitatis Wratislaviensis* № 1716: *Slavica Wratislaviensia LXXXVIII*).
- Szysko, T. 1996. *Pisarski żywot emigracyjny Michała Arcybaszewa*. – *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia* / Pod red. W. Skrudny, W. Zmarzer. Warszawa: *Studia Rossica*. S. 7–16.
- Vitale, N. 1938. *На литературном собрании (Из Парижа)*. – *Русское слово*. № 141 (1954). 19–20 июня. С. 2, 5.
- Zienkiewicz, T. 1996. „*Litერатурно-Artisticzeskaja siekcyja*” i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939. – *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia* / Pod red. W. Skrudny, W. Zmarzer. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*. S. 69–75.

REFERENCES

- Adamovich, G. Review of *Sovremennye zapiski*, vol. 36. *Poslednie novosti*. October 4, 1928.
- . “Otvēt chitateliu.” *Poslednie novosti*. October 27, 1938.
- . *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki*. Vol. 1, “*Poslednie novosti*” 1928–1931. Prefaced, edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint Petersburg: Aletheia, 2002.
- . “*Poslednie novosti*”. 1936–1940. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint Petersburg: Aletheia, 2018.
- Aldanov, M. A. “Neprawdopodobnyi stsenarii.” *Dni*. January 27, 1924.
- . “Neprawdopodobnyi stsenarii.” *Vilenskoe utro*. February 4, 1924.
- . “Pamiati A. I. Kuprina.” *Sovremennye zapiski* 67 (1938): 317–324.
- . “K konchine Kuprina (‘Novaia Rossiia’).” *Russkoe slovo*. October 14, 1938.
- . *Nachalo kontsa*. Pt. 1. [Paris]: Izdatel’stvo “Russkie zapiski,” 1939.
- Beletskii, A. “Ob odnoi iz ocherednykh zadach istoriko-literaturnoi nauki (Izuchenie istorii chitatelia).” *Nauka na Ukraine* 2 (1922): 94–105.
- . *Izbrannye trudy po teorii literatury*. Edited by N. K. Gudzii. Compiled and annotated by A. A. Gozenpud. Moscow: Prosveshchenie, 1964.
- Bitsilli, P. Review of *Nachalo kontsa*, by M. A. Aldanov. *Russkie zapiski* 18 (1939): 196–98.
- Bochan, D. “Literatura emigracji rosyjskiej.” *Gazeta Literacka* 9 (1932): 137–38.
- (b) [D. D. Bokhan, pseud.]. “Tvorcheskaiia moshch’ – ili upadok? (O russkoi literatury).” *Nasha zhizn’*. April 20, 1929.
- . “O Zarubezhnoi literature (Ocherki).” *Nasha zhizn’*. June 13, 1929.
- . “O Zarubezhnoi literature (Ocherki) (Prodolzhenie).” *Nasha zhizn’*. June 15, 1929.
- . “Prazdnowanie Dnia Russkoi Kul’tury v Novoi Vileike.” *Nasha zhizn’*. June 3, 1930.
- B. [D. D. Bokhan, pseud.]. “Svoboda i pochva (O dvukh russkikh literaturakh).” *Nashe vremia*. November 2, 1930.
- Bokhan, D. D. “Kriticheskie zametki.” *Russkoe slovo*. June 23, 1938.
- . “O samooplevanii i samoobozhanii (Kriticheskie zametki).” *Nashe vremia / Russkoe slovo*. July 7, 1938.
- . “Zapiski zhurnalista.” *Russkoe slovo*. November 2, 1938.
- . “Novyi roman M. A. Aldanova.” *Russkoe slovo*. April 30 – May 1, 1939.
- Dernałowicz, M. “Ksenia Kostenicz (14 czerwca 1913 – 10 lutego 1985).” *Pamiętnik Literacki* 77, no. 1 (1986): 425–36.

- Dronova, T. I. "Khudozhestvennoe osmyslenie sovremennosti 1930-kh godov v romane M. A. Aldanova 'Nachalo kontsa'." *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seria "Filologiya. Zhurnalistika"* 11, no. 3 (2011): 111–20.
- Kostenich, K. "'Shestoe chuvstvo' v sovremen. russkoi literature." *Nashe vremia / Russkoe slovo*. December 11, 1934.
- . "M. Aldanov (Etiud kharakteristiki tvorchestva)." *Nashe vremia / Russkoe slovo*. July 7, 1935.
- Lavrinec, P. "Vilenskie otgoloski kriticheskikh vystuplenii Adamovicha." In *Georgii Adamovich i... (K probleme izucheniia kul'tury russkoi diaspyry). Posviashchaetsia pamiati Olega Anatol'evicha Korosteleva (1959–2020). Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra. Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. *Rusistica Latviensis* 9, 37–47. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021.
- M. [Malofeev, S. G.?]. "Den' Russkoi Kul'tury' v Vil'ne." *Vremia*. June 11, 1930.
- Nasha zhizn'*. "Den' Russkoi Kul'tury v Vil'ne." June 11, 1930.
- Nashe vremia / Russkoe slovo*. "M. A. Aldanov, kak istoricheskii romanist (Poslednii 'Literaturnyi chetverg' v Vil'ne)." September 2, 1933.
- Parnicki, T. "Tołstoj – Sienkiewicz – Ałdanow." *Myśl Narodowa* 18 (1930): 277–80.
- Reitblat, A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
- Sielicki, F. *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*. Acta Universitatis Wratislaviensis 1716, Slavica Wratislaviensia 88. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996.
- Szysko, T. "Pisarski żywot emigracyjny Michała Arcybaszewa." In *Studia Rossica*. Vol. 3, *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*. Edited by W. Skrunda, and W. Zmarzer, 7–16. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*, 1996.
- Vitale, N. "Na literaturnom sobranii (Iz Parizha)." *Russkoe slovo*. June 19–20, 1938.
- Zienkiewicz, T. "'Litieraturno-Artisticzeskaja siekcyja' i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939." In *Studia Rossica*. Vol. 3, *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*. Edited by W. Skrunda, and W. Zmarzer, 69–75. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*, 1996.

ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА: «КАК СВЕТОТЕНИ МУЧЕНИК РЕМБРАНДТ...»

Марина А. Бобрик
(Берлин)

*...and speech impelled us
To purify the dialect of the tribe
And urge the mind to aftersight and foresight*
T. S. Eliot. Little Gidding. II.
(Four Quartets, 1936–1943)

Вступление

Стихотворение «Как светотени мученик Рембрандт...» (4 февраля 1937) – из числа тех у Мандельштама, к которым *mutatis mutandis* применимы слова Павла Муратова из его «Образов Италии»:

Если бы Мантенья всегда писал такие вещи, <...> то он остался бы для нас неумолимым и почти жестоким волшебником, заставляющим наше зрение быть более тонким, чем оно есть от природы. Художественная плотность этих вещей, если можно так выразиться, превосходит наши естественные способности (Муратов 1924, 1: 128).

Стихи о мучительном вглядывании и вчувствовании в тьму жизни как будто вынуждают читателя на себе испытать усилие понимания. В посвященных этому стихотворению работах сделано немало ценных наблюдений, предложено несколько интерпретаций текста в целом (сжатый их обзор составил раздел «Синописис толкований»). К новой попытке прочтения побуждает то обстоятельство, что язык стихотворения – собственно конструкции, слова, звуки – остается недорасспрошенным. Первым на пути камнем преткновения стал для комментаторов синтаксис; из дюжины филологов, писавших об этом тексте начиная с 1967 г., аббераций не избежал, кажется, никто.

Начиная работу, я прежде всего стремилась компенсировать «лингвистическую недостаточность» предшествующих комментариев, но не могла предвидеть заранее, насколько глубоким окажется переосмысление образов и общей идеи стихотворения.

Текст

Автографа не существует, нет и авторизованной копии. Единственный список сделан рукой Н. Я. Мандельштам и хранится в составе Принстонского архива Мандельштама (“Natashina kniga,” Box 4, Folder 17, fol. 51 – <http://arks.princeton.edu/ark:/88435/736664523>). Заново выверив текст по рукописи, воспроизвожу его здесь с сохранением пунктуации и орфографии¹; отличия от современных норм комментируются в примечаниях.

- 1 Как светотени мученик Рембрандт,
- 2 Я глубоко ушел в немеющее время
- 3 И резкость моего горящего ребра
- 4 Не охраняется ни сторожами теми,
- 5 Ни этим воином, что под грозою спят...

- 6 Простишь ли ты меня, великолепный брат²
- 7 И мастер³, и отец чернозеленой⁴ теми,
- 8 Но око соколиного пера
- 9 И жаркие ларцы у полночи в гареме
- 10 Смущают не к добру, смущают без добра
- 11 Мехами сумрака взволнованное племя.

¹ В существующих изданиях орфография и пунктуация отредактированы.

² В рукописи зачеркнута запятая после *великолепный брат*.

³ Запятая после *мастер* может указывать на паузу и, следовательно, на более тесную интонационно-смысловую связь в составе обращения: *великолепный брат / И мастер*.

⁴ В современной норме принято написание через дефис: *черно-зеленой*; написание без дефиса скорее передает произношение слова как одноударного (с редуцированным в 1-м слоге [ч'ъ-]).

Синописис толкований

Кларенс Браун включил это стихотворение в свое исследование генезиса мандельштамовских стихов 1937 г. о Сталине (см.: Brown 1967: 585–588). В аспекте этой темы Брауну было интересно разгадать мотивировку просьбы поэта о прощении, и он усматривал ее в «грехе» стихов о Сталине. Задачи последовательно комментировать текст Браун перед собою не ставил, однако предложил свое толкование в форме перевода на английский.

Следом вышла статья Омри Ронена (см.: Ronen 1968: 252–264), который оспорил как некоторые переводческие решения Брауна (дав свой перевод), так и его толкование. Ронен, которому претила прямолинейность политических интерпретаций, сближал «я» и Рембрандта, поэта и художника на обобщенном уровне – как творцов, духовные сокровища которых не находят отклика у современников: «Мандельштам сопоставляет себя с Рембрандтом; оба – мученики богатства своего художественного зрения, отвергнутого их веком, и оба могут только “смутить” “волнуемое” “мехами сумрака” поколение теми драгоценными дарами, которые они предлагают». Перо с глазком (*око соколиного пера*) и покрытый драгоценной парчой ларь (*жаркие ларцы*) Ронен видел на картине Рембрандта «Артаксеркс, Аман и Эсфирь»: «Именно это выставленное напоказ богатство, по видимому, смущает посетителей музея, и поэт, извиняясь, говорит об этом Рембрандту» (Ронен 2010: 73, 75; Ronen 1968: 255; Ronen 2015: 8).

Обе работы конца 1960-х долго находились на периферии внимания комментаторов; статья О. Ронена – вплоть до 2010 г., когда он решил вывести ее из забвения, издав по-русски в своей книжке «Чужелюбие»; работа К. Брауна, насколько знаю, не упоминается комментаторами этого стихотворения до сих пор.

Большинство комментаторов (Н. Я. Мандельштам, С. В. Полякова, Т. Лангерак, М. Л. Гаспаров), исходя из того, что поэт сравнивает себя с Рембрандтом, искали «ключей» к разгадке образов стихотворения на картинах великого голландца.

На передний план выдвинулась идея контрастного противопоставления двух частей, впервые предложенная С. В. Поляковой

(см.: Полякова 1992; Полякова 1997: 86–91). Если в первой строфе, полагала она, поэт уподобляет себя Рембрандту, то во второй – противопоставляет ему себя и своих современников; любимая Рембрандтом «роскошь» (перья, драгоценности) кажется Мандельштаму, «нестяжателю и дервишу» (Полякова 1997: 89–90), напрасно искушающей «людей, охваченных темными, непраздничными <...> заботами» (Там же: 90).

Варьируя эту идею, Т. Лангерак первую часть связывает с «новозаветным», а вторую с «ветхозаветным» Рембрандтом; первый – «простой и истинный», второй – «роскошный и мнимый» (Лангерак 1993: 292).

Принимая выводы Поляковой и Лангерака, М. Л. Гаспаров формулирует сводное понимание второй строфы как упрека поэта Рембрандту за его страсть к драгоценным редкостям: «...с Рембрандтом [Мандельштам] самоотождествляется, но лишь частично – с новозаветным страждущим Рембрандтом I строфы, но не с ветхозаветным роскошествующим Рембрандтом II строфы <...>: поэт <...> со смущением упрекает брата-художника, что его пышность без нужды искушает нынешний трудно живущий народ» (Гаспаров 1996: 98). В чуть более поздний комментарий Гаспаров добавил предложенную Н. Я. Мандельштам (см.: Мандельштам Н. 1987: 241) отсылку к картине «Шествие на Голгофу»: «Поэт примеривает свое место в этом новом мире. Он – похожий на Прометея Христос (“Как светотени мученик Рембрандт...” <...>) с картины воронежского музея “Шествие на Голгофу”, приписывавшейся Рембрандту (теперь – Я. В. де Вету-старшему); и он осуждает Рембрандта за любованье роскошью старого мира в его темных картинах» (Мандельштам 2001: 670).

Ирина Сурат, сохраняя опоры синкретичного комментария Гаспарова (уподобление «я» поэта Рембрандту; отождествление «я» с Христом Страстей; око соколиного пера и жаркие ларцы как образы роскоши и соблазна у Рембрандта, которые «ставятся под сомнение в виду обступающей тьмы»; просьба о прощении за этот упрек), старается, в отличие от других, отойти от идеи отождествления образов стихотворения с конкретными картинами и образами

Рембрандта в пользу «Рембрандта вообще» («он [Мандельштам] создает в стихах сам образ рембрандтовской живописи»); символическое толкование получают и «время», «жаркие ларцы», «сторожа»: «...это стихи о свободе от времени, от “сторожей” и “воинов” – о последней свободе крестного страдания»; «Поэт говорит с художником *de profundis* – из той глубины “немецкого времени”, в которую оба они погружены»; «Все стихотворение растет и строится как личное мучительное переживание рембрандтовского мира светотени – преходящего блеска и великолепия жизни перед лицом вечности и тьмы» – и наконец: «...главная, невыговоренная мысль этих стихов – мысль о смерти, представшая поэту в образах глубинно родственного ему художника, брата-Рембрандта» (Сурат 2022: 391, 387, 395, 390, 392; там же).

Последним по времени был (из наследия) опубликован разбор Марка Гринберга, который пристальнее многих вглядывается в слова. Отталкиваясь от работы Сурат, он, по сути, мыслит в поле выводов Ронена (см. выше) и, не меняя общей конструкции, выводит их на еще более высокий уровень абстракции:

В целом смысл стихотворения можно очертить следующим образом. Поэт, обращаясь к живописцу, говорит: мы, каждый по-своему, обрекли себя на страдания, мы исследуем трудные противоречия времени, борьбу света с тьмой, и я при этом чувствую себя буквально распинаемым, ведь извлекать из мира – красками ли, словом ли – его трагическую истину и отвечать за свой жизненный выбор – это мученичество. Прости: перед твоими ли картинами, перед моими ли стихами – вообще перед лицом этой истины – люди чувствуют себя очень беспокойно, суровый взгляд искусства их смущает, делает их жизнь, и без того опасную, еще опасней, потому что свет человеческого в тех, кто находится под непрерывным воздействием тягостного сумрака, то усиливается, то слабеет, и это состояние неотделимо от болезненной тревоги (Гринберг 2023: 191).

Комментарий

Каждая из двух строф являет собою законченное синтаксическое целое, это строфы-предложения. Между собою они скреплены сигналами определенных мотивов – внутренними звуковыми повторами, рифмами внутри строфы, межстрофными рифмами:

I	Рембрандт	II	брат
	время		теми
	ребра		пера
	теми		в гареме
	спят		без добра
			племя

По горизонтали основные смысловые параллели таковы: *Рембрандт – брат* (мотив творческого братства); *время – теми* (Р. п. ед. ч. от *тьма*; мотив темных времен); *ребра – пера – без добра* (мотив творчества: муки, инструменты поэтического письма, неприятие современниками); *сторожами теми* (Т. п. мн. ч. от *тот* или Р. п. ед. ч. от *тьма*, см. комментарий) – *у полночи в гареме* (мотив пребывания в плену у тьмы). В обоих направлениях – по горизонтали и по вертикали – текст как бы прошит рифмами *время – теми – теми – в гареме – племя* (узел мотивов времени, тьмы, плена, современников).

Речь ведется от первого лица (*Я, моего, меня*); роль другого – Рембрандта – меняется: в первой строфе о нем говорится в третьем лице, во второй же строфе говорящий прямо обращается к нему. Такова самая общая коммуникативная структура этого текста. Ключевой вопрос его интерпретации состоит в том, чтобы понять, в каком конкретно отношении друг к другу находятся «я» поэта и Рембрандт. А так как роли и отношения проявляются прежде всего в синтаксисе (и интонации), важно разобраться в устройстве конструкции каждого из двух строфообразующих предложений, чтобы затем рассматривать их лексико-семантическое наполнение.

I

Ст. 1–2. *Как светотени мученик Рембрандт, / Я глубоко ушел в немеющее время...* – Фраза такого вида допускает два (и только два) грамматически верных толкования:

- (1) ‘как мучимый светотенью Рембрандт, я углубился в эпоху’;
- (2) ‘как Рембрандт мучается светотенью, [так] я углубился в эпоху’⁵.

Комментаторы видят тут только одну возможность – первую. Предикативность слова *мученик* не замечают, читая его исключительно как определение (приложение) к *Рембрандт*. Отсюда истолкование всего стихотворения в смысле уподобления поэта художнику и отсюда затрудненный поиск мотивировки для просьбы о прощении во второй строфе. Полагаю, что предпочтительна, напротив, вторая возможность и что, двигаясь в этом направлении, можно продвинуться в понимании текста⁶.

Главный формально-семантический критерий, позволяющий отличить конструкцию (1) от конструкции (2), – это характер предиката⁷. В первом случае одно сказуемое (*ушел*) и ситуация одна (‘я углубился в эпоху’), а предметом сравнения является один из компонентов этой ситуации (*Я* соотносится с *Рембрандт*). Напротив,

⁵ Скобки указывают на восполненную в толковании вторую, факультативную часть сопоставительного союза *как... так*.

⁶ Можно припомнить в этой связи и сознательное отталкивание от принципа сравнения в стихах воронежского периода: «Не сравнивай: живущий несравним» (1937; Мандельштам 2020, 1: 210); «меня сравнением не смущая» («На доске малиновой, червонной...», 1937. – Там же: 207).

⁷ Союз не имеет определяющего значения. В конструкции обоих типов возможен и союз *как*, и союз *как... так* (полностью или с опущенной второй частью), ср.: (1) «**Как** волны потока, **так** сонмы планет / За странником мира кипели вослед» [здесь и далее выделено мной. – М. Б.] (С. П. Шевырев. «Беспредельность», 1825. – Поэты 1820–1830-х годов 1972: 148); с одиночным союзом *как*: «**Как** демон мой, я зла избранник» (М. Ю. Лермонтов. «Я не для ангелов и рая...», 1831. – Лермонтов 1979: 222); (2) «**Как** буря по полю несется, / **Так** в мире мой раздастся глас» (В. К. Кюхельбекер. «Пророчество», 1822. – Кюхельбекер 1967: 161); с эллипсисом *так*: «**Как** мир физический живет *движением*, / Моральный мир живет *к добру влечением*» (А. Х. Востоков. «Бог в нравственном мире», 1807. – Востоков 1935: 210).

в конструкции другого типа аналогия устанавливается между двумя ситуациями, каждая из которых оформлена самостоятельной предикативной конструкцией ('Рембрандт – мученик светотени', 'я глубоко ушел'), и компоненты одной ситуации имеют соотносительную пару в другой. Именно поэтому ключевую роль в истолковании мандельштамовской фразы играет синтаксически амбивалентное (определение или сказуемое) слово *мученик*. В предикативном смысле оно соотносится с *глубоко ушел*; равным образом в этой фразе крест-накрест попарно соотнесены слово *светотени* и сочетание *в немеющее время*, *Рембрандт* и *Я*:

Как	светотени	мученик	Рембрандт,
[Так]	Я	глубоко ушел	в немеющее время.

Надежности такому прочтению придает параллель в написанном несколькими днями позднее (тематически близком к данному) стихотворении Мандельштама; начинается оно с очень похожей конструкции, в которой авторское «я» соотнесено с художником: «Как дерево и медь Фаворского полет – / В дощатом воздухе мы с временем соседи» 'как для Фаворского вещество творческого полета – дерево и медь, [так] мне доской [для письма] служит воздух, в котором я соседствую с эпохой'⁸ («Как дерево и медь Фаворского полет...», 11 февр. 1937. – Мандельштам 2020, 1: 201)⁹. Тут в обеих частях сопоставления сказуемые одного типа (оба именные) – *полет* и *соседи*; в «рембрандтовском» же стихотворении менее, вероятно, привычны для уха не только риторически обусловленная фигурой хиазма препозиция сказуемого, но и то, что именованное сказуемое (*мученик*) соотносится с глагольным (*глубоко ушел*); однако это именно лишь менее привычно, аграмматизма тут нет.

Таким образом, начальная фраза стихотворения «Как светотени мученик Рембрандт...» строится по такому же аналогическому принципу, что и, например, начало тютчевского «Как океан

⁸ В конструкции «мы с + Т. п.» *мы* имеет инклюзивную функцию, так что *мы с временем* значит 'я и время'.

⁹ Ср. мотив вещества воздуха в «Стихах о неизвестном солдате» и мотив доски в «Грифельной оде» и в стихотворении «На доске малиновой, червонной...».

объемлет шар земной, / Земная жизнь кругом объята снами...» (Тютчев 1913: 76)¹⁰.

Как вышло, что альтернативной возможности не замечали? Пунктуационно конструкции (1) и (2) неразличимы, смысловые акценты и эллипсис второй части союза выявляются только интонационно (по выражению Мандельштама, «в исполнении»; Мандельштам 2020, 2: 173), так что, если не заметить параллели в стихотворении с упоминанием Фаворского, срабатывает автоматизм восприятия и из двух грамматически возможных прочтений высвечивается более тривиальное, частотное, а менее привычное остается в тени.

Соотнесенные друг с другом элементы начальной фразы семантически как бы отражаются друг в друге¹¹, поэтому имеет смысл рассматривать их попарно.

...светотени мученик ... глубоко ушел в немеющее время... – Метафорическое употребление слова *мученик* с генитивом абстрактной семантики (*м. веры, искусства, любви, науки, свободы, славы* и т. д.) в (поэтическом) языке XIX–XX вв. обычная вещь. Сочетание *мученик светотени* у других авторов не отмечено, ср. однако *светотень* в сочетании с глаголом *замучить* (что косвенно подтверждает предикативность слова *мученик* у Мандельштама) в литературно-критическом эссе И. Анненского «Иуда» (II. «Искусство Леонида Андреева», 1909): «Но что сделал бы со схемами обвинительного акта, или покаянной молитвы, или даже страстной

¹⁰ Аналогия как принцип мандельштамовской поэтики была выявлена О. Роненом на примере образов поэтического письма, творчества в «Грифельной оде»; термин был выбран с опорой на терминологию самого Мандельштама: «Since the ode is not symbol-oriented, and actually anti-symbolist in many respects, one may speak of the **analogy** as its pervasive semantic device, especially since M. himself uses this term in a relevant context of *Разговор о Данте* («аналогия с горными породами»).» Тот же принцип Ронен усматривал в структуре заговоров: «Such analogy is the main organizational principle of magic spells («как у камня ничего не болело и не болит, так у раба божия X чтобы не болело» etc.)» (Ronen 1983: 50).

¹¹ В известной мере этот параллелизм учитывается в работе М. С. Гринберга (см.: Гринберг 2023: 178–193).

исповеди Леонид Андреев, если **его замучили** контуры, **светотени**, контрасты, сгущения теней и беспокойные пятна?» (Анненский 1979: 149).

...*светотени*... – В прямом терминологическом смысле слово *светотень* (*claire-obscur*; *chiaroscuro*; *hell dunkel*, *halbdunkel*) означает прием изображения объема и глубины пространства с помощью распределения света и тени, ср. словарные определения: «смешение света с тенью; оттенка [ж. р. ‘оттенение; наложение и распределение теней’]» (СЦСРЯ 1847, 4: 107); «полутень, разные оттенки, степени, смесь тени и света» (Даль 1863–1866, 4: 144); «*demi teinte* [‘полутона’]» с отсылкой к статье о слове *клер-обскюр*, значение которого определено следующим образом: «(Clairobscur), в живописи правильное распределение света и тени, помощью переходов от белого к черному. Особенно в этом искусны были Корреджо и Рембрандт» (Толль 1864, 3: 412; 2: 481).

В словоупотреблении Мандельштама значение слова *светотень* осциллирует между двумя полюсами его семантики и в зависимости от контекста приближается скорее к свету (как в стихотворении 1931 г. «Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой...»: «...Больше **светотени!** / Еще, еще! Сетчатка голодна!» – Мандельштам 2020, 1: 142) или скорее к тьме, как здесь, так как Рембрандт в представлении Мандельштама «мастер и отец» изображения тьмы, ср.: «Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом. / К Рембрандту входит в гости Рафаэль» («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931. – Там же: 141), где Рембрандт и Рафаэль – аллегории, соответственно, ночи и рассвета¹². В разбираемом стихотворении Рембрандт, таким образом, скорее мученик тьмы, погруженный в распознавание оттенков темного («мастер и отец черно-зеленой теми»), и тогда: ‘как Рембрандт погружен в мучительное распознавание оттенков тьмы, [так] я глубоко погрузился в немеющее время’.

¹² Акцентирование «темной» семантики в слове *светотень* не индивидуально для Мандельштама, этот мотив развернут, например, в стихотворении Тора Ланге “Clair Obscur” в переводе К. Бальмонта («Застенчивая Ночь, твои немые ласки...»).

...светотени ... в немеющее время... – Функция светотени как приема состоит в создании иллюзии пространства, ср.: «Светотень, освещая изображаемые предметы, <...> дает картине перспективу или расположение предметов относительно дали, приближая одни и отдаляя другие; так что картина представляет третье мнимое протяжение глубины, которое иногда до того очаровывает созерцателя, что он, кажется, видит даль, движение предметов и жизнь их» (Плаксин 1844: 36). Пространственная компонента слова *светотень* соотнесена в стихотворении со словом *время*.

...немеющее... – Молчит спящий, мертвый, больной немотой. Мотив оскудения слова в «советской ночи» в ряде стихов 1920–1930-х гг. сопряжен с мотивом нехватки слова, позабытого или потерянного слова, ср.: «Какая боль – искать **потерянное слово**» («1 января 1924», 1924, 1937. – Мандельштам 2020: 119; см. комм. О. Ронена к этим стихам: Ronen 1983: 257–259)¹³. В паре с понятием светотени в смысле ‘оттенки темного, тьмы’ слово *немеющее* приобретает обертон ‘становящееся темным’ в смысле обеднения культуры (*темный* ‘невежественный’; *темные времена*). Переход от речи к безмолвию (грамматически – выражающая процесс форма причастия настоящего времени *немеющее*) соотнесен с переходом от света к тьме (наглядным в самой структуре слова *свет-о-тень*).

...мученик ... глубоко ушел... – ‘глубоко погрузился’, ср. мотив поиска (слова) в «1 января 1924» (см.: Ronen 1983: 230). Погружение в эпоху есть род мученичества, ср.: «Я в львиный ров [как пророк Даниил] и крепость **погружен / И опускаюсь ниже, ниже, ниже**» (1937; Мандельштам 2020, 1: 202), до самой сердцевины времени, ср.: «Я в **сердце века**. Путь неясен...» (14 дек. 1936; Там же: 186).

¹³ Некоторые понимают *немеющее* в смысле ‘терять способность говорить’ о людях, которых принуждают молчать (см. в частности: Лангерак 1993: 290; Гринберг 2023: 181); другие – в смысле измеряемой звуком временной бесконечности ‘смолкающее при удалении’, «на <...> глубине, уходящей в вечность» (Сурат 2022: 388). Перевод К. Брауна (*ever muter time*) сохраняет многозначность оригинала (см.: Brown 1967: 585).

Ст. 3. *И резкость моего горящего ребра...* – Рифма *ребра – пера* (рифмуются третьи строки I и II строфы) и межъязыковое созвучие *Rippe* ‘ребро’ – *перо* служат сигналом параллелизма образов *резкость ... горящего ребра* и *око соколиного пера* (комм. к последнему см. в своем месте) как образов органа-инструмента поэтического творчества – горячего / горящего сердца и острого зрения. Каждый из двух образов сочетает в себе идею инструмента поэтического письма (*ребро* ‘кость’, *перо* ‘писчее перо’) и представление об органе творчества как способа постижения жизни (*ребро* ‘сердце’, *перо* ‘око’).

Культурно-поэтическая семантика слова *ребро* двоятся, восходя к двум (текстологически и экзегетически) взаимосвязанным библейским контекстам: метонимия *ребро* ‘сердце’ восходит к сюжету и иконографии крестных страданий и воскресения Иисуса в трактовке Евангелия от Иоанна (Ин. 19:34; 20:20)¹⁴; *ребро* ‘кость’ как эмблема творения и творчества – к ветхозаветному сюжету сотворения Евы ‘жизни’ из ребра первочеловека (Быт. 2:22). В христианской культуре укоренилось представление о «ветхом Адаме» как прототипе «нового Адама» Христа и, соответственно, о параллелизме ветхозаветного и новозаветного сюжетов и о лексической преемственности между ними. В русском стандартном переводе (синодальном) эта преемственность сохраняется вслед за церковнославянской и греческой версиями. Однако в одном и в другом контексте слово *ребро* имеет разные грамматические формы (ед. или мн. ч.) и разные значения (‘ребро’ или ‘бок’) и порождает поэтому разные образные ассоциации (с костью или с сердцем).

¹⁴ В традиции почитания крестных ран, развившейся в западноевропейском христианстве, рана от копья считалась главной из пяти и отождествлялась с сердцем Иисуса (*Herz Jesu, Sacré-Cœur*). Мотив раны мог входить в изображение распятия (если художник ориентировался на Ин. 19:34) и был обязательным в изображениях воскресшего Иисуса (восстание из гроба, явление ученикам, «уверение Фомы»). Т. Лангерак (см.: Лангерак 1993: 292) допускал, что образ *ребра* связан с картиной Рембрандта „*Christus toont zijn wonden aan de ongelovige Thomas*” («Неверие апостола Фомы», 1634). Эту картину, хранившуюся в Эрмитаже, а в 1930 г. перемещенную в московский Музей изобразительных искусств, Манделштам вполне мог видеть, однако она никак не связана с основной темой стихотворения – света во тьме, а для понимания новозаветной составляющей образа горящего ребра довольно обобщенного визуального представления о крестной ране на основании евангельского текста и его иконографии.

Познание эпохи сердцем является одним из лейтмотивов творчества Мандельштама в советское время, начиная от максимы 'имеющий сердце да слышит' в стихах 1918 г.: «В ком **сердце** есть – тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет» («Гимн». – Мандельштам 2020, 1: 86), заканчивая воронежскими стихами: «Но разве **сердце** – лишь испуганное мясо? / Я <...> **сердцевины часть** / До бесконечности расширенного часа» («Как дерево и медь Фаворского полет...», 1937. – Там же: 201). Звуковое и смысловое подобие слов *сердце* и *сердцевина* сообщает идею согласия между поэтом и эпохой; ср. сходный принцип в другом мандельштамовском образе творческого постижения жизни: в **ось** земную впиваться **острым**, как жало **осы**, зрением («Вооруженный зреньем узких ос...», 1937; см.: Там же: 200)¹⁵.

Словоупотребление Мандельштама находит параллели в поэтическом языке его времени. Метонимия *ребро* 'сердце' есть, в частности, в поэтическом словаре М. Цветаевой¹⁶; она же понимает сердце как «центропев»¹⁷. В программных стихах Вяч. Иванова ребро и творящая сила огненной природы – символы творчества¹⁸. Вполне индивидуален Мандельштам в том, что он в одном образе большой

¹⁵ Ср. древние заговорные формулы типа «кость к кости, жила к жиле», призванные обеспечить исцеление, восстановление целостности – как в видении пророка Иезекииля об оживлении сухих костей и восстановлении Израиля: «И когда я пророчествовал, сделался звук, и вот – шум и движение, и стали соединяться кости, **кость с костью**» (Иез. 37:7); ср. в примеч. 10 мысль О. Ронена о сходстве с заговором.

¹⁶ Поначалу – оба понятия рядом: «Всё громче, громче об **ребро** / **Сердечный** стук...» («Как настагаемый олень...», 1921. – Цветаева 1994–1995, 2: 18); позднее слово *ребро* принимает на себя значение 'сердце': «В летописи **ребра** / Небо – какой пробел!» («Когда же, Господин...», 1922. – Там же: 128); «Что же мне делать, **ребром** и промыслом [сердцем и судьбой] / Певчей!» («Поэты». 3: «Что же мне делать, слепцу и пасынку...», 1923. – Там же: 185) – или: «Как живется вам с чужою, / Здешнею? **Ребром** – любя?» («Попытка ревности», 1924. – Там же: 242).

¹⁷ Ср. сердце как орган творчества в стихах памяти Маяковского: «Выстрел в левую створку: / Ну в самый-те Центропев!» («Маяковскому». 5: «Выстрел – в самую душу...». – Цветаева 1994–1995, 2: 277).

¹⁸ «И в плоть стремится жизнь чрез **огнеструйный** перст [Творца], / И **из ребра** выходит Ева» («Творчество». – Иванов 1971–1987, 1: 537); «Не снова ль извечная Ева, / Нагая, встает **из ребра** / Дремотного первенца мира, / Невинное чадо эфира, / Моя золотая сестра?» («Поэзия». – Иванов 1971–1987, 3: 487).

плотности сопрягает оба мотива, оба значения, оба семантических поля.

Определение *горящего* ‘способного глубоко чувствовать, страдающего’ (ср. *пылающее, огненное, горячее сердце*) и звуковой повтор *го[р’а]щего реб[ра]* усиливают мотив вчувствования в эпоху (я *глубоко ушел*).

В этимологическом смысле ‘способность резать, врезаться’ резкость горящего инструмента («горящего ребра») вызывает представление о выжигании (знаков, слов), ср. пушкинское «глаголом жечь сердца людей»¹⁹.

Одновременно в слове *резкость* не вполне пропадает и смысловая связь с сердцем и светом, скрепляемая созвучием [*рес*]кость и *сердце*: горящее сердце издает свет (ср. *резкий с., режущий глаз с.*).

Возможно, в слове *резкость* происходит и семасиологизация элементов *рез-* и *-кость*, связанных с мотивом творчества; ср. в языке Мандельштама 1930-х годов *кость* как инструмент мысли, чувства: «И я хочу благодарить холмы, / Что эту **кость** и эту кисть развили» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», 1937. – Мандельштам 2020: 279); «Он **мыслит костью** и **чувствует челом**» («Внутри горы бездействует кумир...», 1936. – Там же: 186); особенно начало стихов памяти Андрея Белого: «Голубые глаза и **горячая лобная кость**» (1934, 1935; Там же: 167), где *горячая ... кость* читается как предтеча сочетания *горящее ребро*; параллель тем более значимая, что речь идет о поэте, которого Мандельштам чтит буквально до конца жизни²⁰. *Рез-кость ... ребра* может вызывать представление об инструменте письма, костяном писале, ср. в стихах тех же дней картину мучительного создания письмен-образов, значительных, как «черты и резы» из хрестоматийного рассказа о началах

¹⁹ Параллель предложена А. А. Гиппиусом при обсуждении этого места стихотворения.

²⁰ Ср. свидетельство солагерника Мандельштама В. Л. Меркулова: «Мандельштам снял с себя всё, остался голым и сказал: “Выколотите мое белье от вшей!” Я выколотил. Он сказал: “Когда-нибудь напишут: “Кандидат биологических наук выколачивал вшей у второго после А. Белого поэта”»; «...Читал Мандельштам также свой “Реквием на смерть А. Белого” <...>. Он вообще часто возвращался в разговорах к А. Белому, которого считал гениальным» (Нерлер 2010: 141).

славянской письменности: «Я не смолчу, не заглушу **боли**, / Но **начерчу** то, что **чертить** волен» («Если б меня наши враги взяли...», февр. 1937. – Там же: 281).

Ст. 4–5. *Не охраняется ни сторожами теми, / Ни этим воином, что под грозю спят...*

Не охраняется... – Мотив неподконтрольности поэта (в сочетании с мотивами темного времени и онеменения эпохи) восходит к „Tristia“, ср.: «Дикой кошкой горбится столица, / **На мосту патруль стоит**, / Только злой мотор во мгле промчится / И кукушкой прокричит. / **Мне не надо пропуска ночного, / Часовых я не боюсь** – / За блаженное, бессмысленное слово / Я в ночи советской помолюсь» («В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920. – Мандельштам 2020, 1: 93). В воронежских стихах он возобновляется в «Стансах» 1935 г.: «Я должен <...> / Работать речь, **не слушаюсь, сам-друг**» (Там же: 177) – и в двух стихотворениях зимы 1937 г.: «Упал опальный стих, не знающий отца: / Неумолимое – находка для творца, / Не может быть другим, **никто его не судит**» («Как землю где-нибудь небесный камень будит...», янв. 1937. – Там же: 195); «Я **без пропуска** в Кремль вошел» («Средь народного шума и спеха...», янв. 1937; Там же: 198). Мандельштам убежден в своем суверенном праве писать «неумолимое»: «Но начерчу то, что чертить **волен**» («Если б меня наши враги взяли...», февр. 1937. – Там же: 281)²¹.

...ни сторожами ..., ни ... воином, что ... спят... – в настроенном на синтаксическую норму восприятию *что*-придаточное припрягается к слову *воином*, стоящему в форме единственного числа, и тогда форма множественного числа *спят* требует объяснения. Если в стихе нет ошибки при записи Н. Я. Мандельштам по памяти, объяснить устройство этой фразы можно трояко²²:

²¹ О мотиве свободы выбора и воли особенно в поздних стихах см.: Бобрик 2021: 64.

²² С точки зрения норм письменного языка синтаксис фразы аномален во всех трех случаях; но все три возможности допустимы как в разговорном языке, так и в качестве «поэтической вольности».

- (1) придаточное предложение с *что* грамматически корректно относится к слову *сторожами*, но расположено дистантно; ср. в стихе: «Он от пожаров еще и морозов наглее» («С миром державным я был лишь ребячески связан...», 1931. – Мандельштам 2020, 1: 133) – последовательность *пожаров и морозов* разорвана словом *еще*; в нашем случае разрыв велик и потому в качестве объяснения маловероятен;
- (2) придаточное по смыслу относится к *воину*, опущено из *тех* или *таких*; грамматически корректная фраза выглядела бы так: *...*ни этим воином (из тех, таких), что под грозой спят*; ср. один из множества примеров эллипсиса у Мандельштама: «...Когда свинец ползет на медь, / Улитки корчатся и плавятся кубышки – [так,] / **Что** грешникам в котле кипеть!» («<Истукан>». <I>: «Бронза», пер. из О. Барбье, 1921–1929. – Мандельштам 1993–1999, 2: 147)²³;
- (3) придаточное *что под грозой спят* по смыслу относится ко всему обороту *ни... ни* в целом, то есть и к сторожам, и к воину в смысле 'не охраняется никем: ни теми сторожами, ни этим воином, все они (и те, и другой) спят'.

Версии (2) и (3), как увидим, не исключают друг друга.

...*что под грозой спят*... – традиционная метафора беспечности, неучастия, страха, непонимания значительности происходящего²⁴. В старшей, новозаветной традиции сон во время чуда – метафора духовного бездействия и противоположность деятельному бодрствованию, ср. сон учеников в Гефсимании (Мф. 26:36–46;

²³ Можно указать и на случаи аграмматичного согласования по смыслу, например: «На **стёкла** [мн. ч.] вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло, / Запечатлеется на нем [**на стекле**, ед. ч.] узор» («Дано мне тело – что мне делать с ним...», 1909. – Мандельштам 2020, 1: 32).

²⁴ В русской поэзии примеров немало, от А. Пушкина («Но он беспечно **под грозой** / И в ведро ясное **дремал**. – / И жил, не признавая власти / Судьбы коварной и слепой». – «Цыганы», 1824. – Пушкин 1937–1959, 4: 184) до А. Прокофьева («...По нашему веленью / Седой ордой раскинулась вдали / **Гроза** как постоянное явление, / И **спать** уже **не могут** короли!» – «Мы потрясаем мир. По нашему веленью...», 1932. – Прокофьев 1976: 191).

Мк. 14:22–42; Лк. 22:40–46), сон стражников у гроба Иисуса (в иконографии Воскресения)²⁵.

...под грозю... – ‘в грозу’, клише поэтического языка, метафора борьбы, войны, потрясений, но и очистительного катаклизма; скорее в этом последнем смысле и в словоупотреблении Мандельштама: гроза как разряд напряжения, высвобождение (революционной) энергии, Ленин сравнивается со «спелой грозой» («Если б меня наши враги взяли...», 1937. – Мандельштам 2020, 1: 281).

...что ... спят... – Образ спящих стражников (то есть нарушающих долг бодрствования) оттеняет идею творческого бодрствования²⁶. Поэт погружен в постижение «темницы мира», не охраняемый никем, ‘вся охрана спит, не ведая происходящего. Я же...’ «Не обманываюсь снами, / А захлебываюсь знаньем», ибо, «Лишь грозе подставив темя, / Благодать вернете жизни!» («Петербург», пер. из М. Бартеля, 1925. – Там же: 379, 382), ср.: «Поэзия, тебе полезны грозы!» («К немецкой речи», 1932. – Там же: 156).

...ни ... теми, ни этим... – Противопоставление *тот – этот* в пределах одной фразы встретилось в стихах Мандельштама только здесь, причем скорее в значении ‘ни одними, ни другим’, то есть в том смысле, в каком оборот *ни тот ни этот* употребляется как самостоятельная дискурсивная единица²⁷. Мандельштам

²⁵ Ср. мотив духовного бодрствования/сна в муратовском описании фрески Пьеро делла Франческа «Воскресение»: «Христос, бодрствующий за весь мир, и воины, погруженные в тяжелую дрему у пустеющего саркофага, окутаны очарованностью весеннего рассвета» (Муратов 1924, 3: 87–88).

²⁶ Ср. мотив сна людей и пробуждения их поэтом в близких по времени стихах: «Как землю где-нибудь небесный камень будит, / Упал опальный стих...» («Как землю где-нибудь небесный камень будит...», янв. 1937. – Мандельштам 2020, 1: 195); «И разбудив вражеской тьмы угол» («Если б меня наши враги взяли...», февр. 1937. – Там же: 281).

²⁷ Временное значение местоимения *тот* хотя и есть в языке Мандельштама (экс-плицитно – «И от красавиц тогдашних, от тех европейек нежных / Сколько я принял смущенья, надсады и горя!» в стихотворении «С миром державным я был лишь ребячески связан...», 1931. – Мандельштам 2020, 1: 133), но в обсуждаемом контексте

развертывает идиому, встраивая в нее «сторожей» и «воина», идиома разрушается, порождается новая конструкция, воспринимаемая как затрудненная. Похожее соотнесение местоимений, причем разных по числу, а именно *все – этот*, есть в стихах 1935 г.: «Я – беспартийный большевик, / Как **все** друзья, как недруг **этот**» («Ты должен мной повелевать...». – Там же: 277). В обоих стихотворениях соотнесены группы одинакового состава («союз + местоимение + существительное»), только в одном случае в смысле 'и... и' (1935), а в другом – в смысле 'ни... ни' (1937); в обоих случаях весь оборот в целом составляет смысловое единство.

...*ни сторожами ... , ни ... воином...* – зд. 'ни дозорными, ни воинами'.

Слово *сторож* встречается у Мандельштама, кроме этого текста, дважды в поэзии и столько же в прозе, везде – в значении 'сторож на городских улицах'. Синонима *страж* как возможного конкурента нет вовсе, а слово женского рода *стража* никогда не употребляется в собирательном смысле 'группа стражников', только в обороте *на страже*. Есть, таким образом, основания в первую очередь думать о городской охране.

Словом *воин* Мандельштам всегда обозначает военного. Так называет он и солдат-стражников при голгофском Кресте: «Стояли **воины** кругом / **На страже** стынувшего тела» («Неумолимые слова...», 1910. – Мандельштам 2020, 1: 246)²⁸. О семантике единственного числа в словоформе *воином* будет сказано дальше в связи с конструкцией фразы.

В обороте *ни... ни* названы, таким образом, охранники двух разных типов, чтобы сказать, что творчество не подлежит охране никаких несущих службу людей; придаточное *что под грозою спят* согласовано по смыслу со всем оборотом в целом и относится и к сторожам, и к воину вместе.

не дает хорошего смысла и заводит в тупик (см. толкования в работах: Полякова 1997: 87–88; Сурат 2022: 390).

²⁸ В канонических Евангелиях иначе.

теми – двусмысленно: ‘теми’ (местоимение *тот* в Тв. п. мн. ч.) и ‘тьмы, мрака’ (существительное *тьма* в Р. п. ед. ч.).

В своем местоименном значении *теми* соотносено с *этим* (см. комм. выше). В то же время *теми* перекликается с омонимичной формой слова *тьма* на конце 7-го стиха. Благодаря этой межстрофной рифме смысл словосочетания *сторожами теми* (как часто у Мандельштама) уплотняется, приобретая контекстное значение ‘ночными сторожами’, ср. в стихотворении «Если б меня наши враги взяли...»: «в глубине **сторожевой ночи**» (Мандельштам 2020, 1: 281).

Омонимия *теми* – *теми* выявляет смысловое напряжение между 4-м и 7-м стихами: в последнем слово *теми* относится к Рембрандту («мастер и отец черно-зеленой **теми**»); благодаря этой подсказке *сторожами теми* прочитывается как парафраз сочетания *ночной дозор*, которым с XIX в. называют знаменитую картину голландского мастера (De Nachtwacht, 1642, Рейксмузеум, Амстердам). Это не значит, что под ‘теми ночными сторожами’ подразумеваются только рембрандтовы дозорные – какой в этом был бы смысл? – но значит, полагаю, что о своем творчестве в темное время Мандельштам говорит через аналогию с образами Рембрандта: ‘мое творчество не охраняется сторожами, подобными дозорным Рембрандта’ (вроде патруля в «ночи советской» из стихов 1920 г.: «На мосту **патруль** стоит, / <...> / Мне не надо пропуска ночного, / **Часовых я не боюсь**». – Мандельштам 2020, 1: 93).

Ст. 5. *Ни этим воином, что под грозой спят...* – Замыкающий строфу стих связан рифмой с начальным ее стихом (*спят* – *Рембрандт*). Рифма и здесь, как и в случае *теми* – *теми*, отсылает к аналогии – к определенной, не менее хрестоматийной, чем «Ночной дозор», картине Рембрандта, а именно его «Воскресению» (1639, Старая пинакотека, Мюнхен)²⁹. На ней событие изображено как

²⁹ В иконографии Воскресения римские воины у гроба Иисуса изображаются в состоянии ужаса и/или сна в момент светового чуда. В Евангелии говорится только, что стражу поставили; иконография питалась из священного предания.

подобие ночной грозы: на фоне глубокой тьмы видно сильнейшее свечение от центральной фигуры – открывающего крышку гроба ангела; воины, пораженные, летят вверх тормашками или разбегаются во тьму, а один спит³⁰. Эта аналогия позволяет отнести придаточное *что под грозою спят* к слову *воин*, пренебрегая несоответствием в числе и понимая конструкцию фразы как эллиптическую в смысле ‘воином (из тех, таких), что под грозою спят’. И вновь: это не зашифрованное описание конкретной картины Рембрандта, но автохарактеристика через аналогию с образами Рембрандта.

...ни сторожами ..., ни ... воином, что ... спят... – Возвращаясь к конструкции двух этих стихов (ст. 4–5), можно заключить, что обе предложенные выше версии понимания фразы – и та, где придаточное относится к слову «воин» (2), и та, где оно относится ко всему обороту *ни... ни* (3), – совместимы: в плане современности и автохарактеристики *спят* отнесено и к сторожам, и к воину; в плане аналогии из мира образов Рембрандта воин сопоставлен с тем, кто спит во время чуда Воскресения; ценой грамматической шероховатости достигается большая плотность смысла.

Итак:

‘Как Рембрандт погружен в мучительное распознавание оттенков тьмы, так я углубился в свой век, из которого исчезает слово, и мое движимое горением сердца творчество уже не контролирует никто: ни сторожа тьмы, как те дозорные, ни такие воины, как этот при Кресте, что спит во время великого события’.

³⁰ К сюжету Воскресения склонялась при обсуждении этого места С. В. Полякова (см.: Полякова 1997: 87–88).

II

Во второй части аналогия с Рембрандтом сменяется прямым диалогическим обращением к нему. Проблемой для комментаторов и здесь стало строение фразы и эллипсис «маленьких» дейктических слов.

Простишь ли ты меня, великолепный брат... Но око ... пера И ... ларцы ... Смущают ... племя. – О широких возможностях эллипсиса в русском языке читатели и профессиональные комментаторы Мандельштама не всегда помнят, хотя как раз при чтении стихов Мандельштама «эллиптический нерв» важно держать наготове. *Простишь ли ты меня* в начале фразы подразумевает, что все остальное по смыслу остается отнесенным ко «мне», к говорящему; пропуск форм притяжательного местоимения *мой* (моего *пера*, мои *ларцы*) в стихотворной речи с ее ритмическими ограничениями (как и в разговорной с ее стремлением к экономии средств) естествен. Во второй строфе речь продолжает идти о «я» поэта.

Ст. 6. *Простишь ли ты меня, великолепный брат...* – Конструкция с вопросительной интонацией подразумевает усиленную просьбу ‘сможешь ли / пожелаешь ли ты меня простить?’ или ‘прости меня, если сможешь’. В передаче этой модальности по-своему верен, думаю, как перевод К. Брауна (*Can you forgive me* – Brown 1967: 585), так и перевод возражавшего ему О. Ронена (*Will you forgive me* – Ronen 1968: 255; Ronen 2015: 8).

Младший просит прощения у старшего, у мастера за то, что у него не получается проникнуть в тайны тьмы и сделать так, чтобы плоды его творчества не раздражали людей.

Сочетание мотива вины с мотивом причастности эпохе и вечности (*я глубоко ушел в немеющее время*) повторится в стихотворении «Как дерево и медь Фаворского полет...»: «Я **сердцем виноват и сердцевины часть** / До бесконечности расширенного **часа**» (Мандельштам 2020, 1: 202).

великолепный брат – ‘царственный брат’ по созвучию *Рембрандт* и *Рем-брат*; братья Ромул и Рем в языке европейской культуры – эмблема (царственного) братства, близнечества. В переносном смысле *брат* употребляется в сочетаниях *брат по духу*, *братья по перу*. Имя Рембрандта, раз названное в начале стихотворения, затем эхом откликается в нескольких точках текста: *время*, *ребра́*, *брат*, *пера*, *гарема* (см.: Полякова 1997: 181, примеч. 1). В начале второй строфы вместо имени – слово *брат*, созвучное, по наблюдению А. А. Морозова, слову *Brand* ‘пожар’ и перекликающееся далее с *горящего ребра* (см.: Золян, Лотман 2012: 45; источник не указан).

...великолепный... – Прославляя Рембрандта как мастера, Мандельштам величает его великолепным в смысле *magnificus* ‘выдающийся, блестящий, великий’³¹. Это слово сочетает в себе семантику ослепительного величия и красоты: в воронежских стихах *великолепный* рифмуется со *слепну* («Я к губам подношу эту зелень...», 1937. – Мандельштам 2020, 1: 215), корень *-леп-* (с семантикой красоты) перекликается со *слеп-* (корнем со значением ослепления).

Семантика царственности брезжит в созвучии обеих частей имени Рембрандта – **Рембрандт** и **Рейн** (*Rembrandt van Rijn*) – не только друг другу и не только имени одного из двух царственных братьев – основателей Рима, но и слову *reigne* ‘царство’; ср. у Мандельштама ассоциацию **Реймс** (место коронавания французских королей) – *брат* – **Рейн** (на котором стоит *Кёльн*) в стихах 1914 г.: «Что сотворили вы над **реймским братом**?» («Реймс и Кёльн», 1914. – Мандельштам 2020, 1: 263)³².

³¹ Ср. переводы К. Брауна (*splendid brother* – Brown 1967: 585) и О. Ронена (*magnificent brother* – Ronen 1968: 255). Напротив, те, кто услышал в этих стихах упрек Рембрандту, вынуждены толковать *великолепный* иначе: «Называя Рембрандта “великолепным братом”, Мандельштам наверняка имеет в виду именно <...> его невероятное мастерство в изображении предметов материального мира» (Сурат 2022: 392; см. также: Полякова 1997: 89).

³² В Воронеже написано и еще одно «реймское» стихотворение – «Реймс и Лаон» (1937). О комплексе значимых перекличек раннего и позднего Мандельштама см.: Гапаров 1996: 95–96.

Поэт обращается к Рембрандту как к брату-художнику, брату лучшему, старшему, первородному; весь ряд именовании Рембрандта – *великолепный брат, мастер, отец* – отмечен смиренным признанием его более высокого достоинства.

Ст. 7. *И мастер, и отец чернозеленой теми...* – Рембрандт, в представлении Мандельштама, мастер изображения тьмы³³; эта мысль сохраняется в обеих частях текста (см. выше комм. к сочетанию *светотени мученик*). Ассоциация черного, зеленого и ночной тьмы есть и в других мандельштамовских стихах: «**Зеленой** ночью папоротник **черный**» («Мир начинался страшен и велик...», 1935. – Мандельштам 2020, 1: 277)³⁴; «**зеленая** звезда», «над **черною** Невой» («На страшной высоте блуждающий огонь...», 1918. – Там же: 85).

И мастер, и отец... – В XIX – нач. XX в. о Рембрандте пишут как о признанном мастере светотеневого спектра. Светотень ассоциировалась с Рембрандтом и в прямом смысле термина, и в метафорическом применении его к литературной и риторической манере разных авторов³⁵.

³³ Ср. такой же семантический пучок – *мастер, отец* + генитив объекта – в «Балладе» (1916, 1928) Пастернака, где речь о Шопене: «...Вы обнесли стеной религий / **Отца и мастера тоски**» (Пастернак 1989–1992, 1: 97). В поэтическом подкорпусе НКРЯ сочетание такого состава в промежутке времени 1800–1937 отмечено только в этих двух текстах.

³⁴ Переключку отметил в свое время М. Л. Гаспаров (см.: Гаспаров 1996: 98–99).

³⁵ О генезисе этого мотива в западноевропейском и в русском контекстах см.: Димитриев 2021: 37–38, примеч. 4, 5; 41–42; 43, примеч. 35. Общим местом литературной критики, начиная с К. Случевского («Достоевский (очерк жизни и деятельности)», 1889) и Вяч. Иванова («Достоевский и роман-трагедия», 1911), стало, в частности, сравнение с техникой светотени стиля Достоевского. Опираясь на это клише и на метафорическое именование Достоевского мучеником, Г. А. Левинтон видит неявный намек на писателя в начальной строке стихотворения «Как светотени мученик Рембрандт...», а в слове *время* во втором стихе – на журнал «Время». В основании иносказания лежит, по мнению Левинтона, общая с Достоевским тема Мандельштама – «проблема взаимоотношения православия и иудаизма, русского и еврейского начал» (Левинтон 1994: 30; см.: Левинтон 2015: 444–451; Левинтон 2023: 117, обзор более ранних работ автора на эту тему). Остается неясным, как такая интерпретация ст. 1–2 соотносится с текстом стихотворения в целом.

Более того, считалось, что именно Рембрандт ввел светотень в живописную практику. Так, в книге К. Шторка (см.: Storck 1912) о системе эвритмического воспитания Эмиля Жак-Далькроза (системе, занимавшей Мандельштама, см. его статью «Государство и ритм», 1918), в пассаже, посвященном роли света в синкретическом танцевальном действе, о Рембрандте говорится как о высшем авторитете в вопросах светотени, как о суверенном мастере и изобретателе этого приема: **„Rembrandt hat uns diese Lichtwelt der Malerei gegeben; er strebt keine Nachahmung des Lichtes an, wie es draußen die Natur besitzt; er tritt nicht in Wetteifer mit Lichtwerten der wirklichen Welt, – das Bild im Rahmen, das ist seine Welt“** («Рембрандт в живописи создал свой свет; он отнюдь не копирует тот свет, который мы видим в природе; картина, пространство, ограниченное рамой – его мир, его природа, и здесь он создает свой свет, свободно распоряжаясь его силой»); **„Eine schlechthin geniale Lichanlage, um die der Maler Alexander von Saltzmann das größte Verdienst besitzt, ermöglicht ein Arbeiten mit der Kraft des Lichtes, das ein vollkommenes Seitenstück zum Helldunkel Rembrandts ist oder doch werden wird. Auch Rembrandt war nicht vom ersten Bilde ein Meister in der Verwendung des erkannten Mittels“** («Светотени [А. Зальцманна] теперь уже напоминают светотени картин Рембрандта; несомненно, впоследствии они будут еще более усовершенствованы. Ведь и Рембрандт не сразу овладел найденным им средством») (Storck 1912: 99; Шторк 1924: 130–131).

теми – не только рифмуется с омонимом *теми* в 4-м стихе (см. комм.), но и перекликается со словом *светотени* в начальном стихе; значения ‘тень’ и ‘тьма’ накладываются друг на друга – частый у Мандельштама прием уплотнения смысла.

Ст. 8. *Но око соколиного пера...* – ‘соколиное око (моего) пера’³⁶, эмблема творческого зрения, сопряженная рифмой с *резкость моего горящего ребра* (см. комм.).

³⁶ Ср. одну из идиом острого зрения *соколиный глаз* (отмечено в: Успенский, Файнберг 2020: 122).

Перо – зд. в традиционном для языка поэзии синкретическом смысле, сочетающем в себе птичье и писчее значения: ‘птичье перо как инструмент творчества’. В этом смысле (с опорой на прозрачность этимологии *pen*) перевел слово *перо* К. Браун: *the eye of the falcon-quill pen* (Brown 1967: 585) – и в этой буквальной точности остался одинок. Почти все последующие комментаторы понимали *соколиное перо* исключительно как ‘перо сокола’ и искали объяснения ему на картинах Рембрандта³⁷. О. Ронен хотя и перевел слово *перо* в чисто птичьем смысле (*the falcon feather*) и даже нашел уникальное глазчатое соколиное перо на картине Рембрандта «Артаксеркс, Аман и Эсфирь», но проициательно истолковал этот образ как эмблему художественного зрения (см.: Ronen 1968: 255; Ronen 2010: 74–75; Ronen 2015: 8)³⁸.

Остается дать объяснение устройству этой эмблемы. К ней подходит тот ключ, который Ронен подобрал для другого, сходного «птичьего» образа у Мандельштама: «...птица как традиционный символ поэтического творчества метонимически расщепляется у Мандельштама на *голос* и *перо* (“Перо – кусочек птичьей плоти” – “Разговор о Данте”))» (Ронен 2002: 29). В образе *око соколиного пера* мы имеем дело с «метонимическим расщеплением» на зрение и перо. Повтор элемента *око* скрепляет словосочетание и подчеркивает идею острого зрения.

³⁷ В. В. Мусатов считал, что речь об остром зрении самого Рембрандта (см.: Мусатов 2000: 508–509). Другие видели в стихотворении скорее указание на предмет из инвентаря рембрандтовых картин. Т. Лангерак, как и О. Ронен, остановил свое внимание на картине «Артаксеркс, Аман и Эсфирь», однако, не усматривая там глазчатого соколиного пера, считал «соколиные очи» свойством деспота Артаксеркса, а *око соколиного пера* – поэтической вольностью (см.: Лангерак 1993: 294); идея «нарочитой неточности» варьируется в работах: Успенский 2014: 10, примеч. и Сурат 2022: 395.

³⁸ Полемизируя с О. Роненом, Т. Лангерак его не назвал, хотя работу 1968 г. знал и в другом месте своей статьи, по другому поводу, на нее сослался. В русской версии эссе «Кашей», опубликованной годы спустя, Ронен (как будто отвечая Лангераку) добавил примечание, в котором пояснил, что перо на тюрбане Агасфера [Ронен пользуется принятой в западноевропейских языках формой имени Артаксеркса. – М. Б.] едва видно из-за давней порчи картины и неумелой реставрации. Упоминаю этот казус потому, что обсуждение картины из ГМИИ все еще связывают только с работой Лангерака.

Зрение поэта мыслится Мандельштамом по аналогии со зрением ловчих птиц. Ср. этот мотив в сопряжении с темой светотени: «Покуда **глаз – хрусталик кравчей птицы**, / А не стекляшка! / Больше светотени! / Еще, еще! Сетчатка голодна!» («Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой...», 1931. – Мандельштам 2020, 1: 142) – или в стихах памяти Андрея Белого (1934): «Где плавкий **ястребок на самом дне очей?**» (Там же: 168) – и очень явственно – в сопряжении с темой времени, своего и будущего, ближнего и дальнего – в «Разговоре о Данте»: «Двадцать шестая песня прекрасно вводит нас в анатомию дантовского глаза, столь естественно приспособленного лишь для вскрытия самой структуры будущего времени. У Данта была **зрительная аккомодация хищных птиц**, не приспособленная к ориентации на малом радиусе, – слишком большой охотничий участок» (Мандельштам 2020, 2: 371). Ср. также отождествление себя с соколом в воронежских стихах того же времени: «**Я** около Кольцова / **Как сокол** закольцован» (январь 1937; Мандельштам 2020, 1: 192).

В сочетании *око* [моего] *соколиного пера* создан семантически уплотненный образ органа и инструмента, глаза и писчего пера одновременно – в *pendant* к тому, как в сочетании *резкость моего горящего ребра* благодаря метонимии создан образ другого двуединого органа-инструмента творчества – горящего сердца и костяного писала.

Ст. 9. *И жаркие ларцы у полночи в гареме...*

жаркие ларцы – эмблема сокровищ поэзии, ‘золото слов’ (ср. идиому *золотые слова*), ср.: «...чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается» («[Поэт о себе]», 1928. – Мандельштам 2020, 3: 259; см.: Ronen 1968: 255; Ronen 2010: 75; Ronen 2015: 8).

Образ ценностей искусства как света во тьме (о Слове сказано: «И свет во тьме светит», Ин. 1:5) варьируется и в „*Tristia*“, и в воронежских стихах, ср.: «Римских **ночей полновесные слитки**, / Юношу Гете манившее лоно» (1935; Мандельштам 2020, 1: 180). Дважды этот образ связан с Кашеем – бессмертным хранителем

сокровищ³⁹: в стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...» (1931) ларцам Кащей уподоблены картины Рембрандта: «Вхожу в вертепы чудные музеев, / Где пучатся **кащевы Рембрандты**» (Там же: 144); а в мрачно-иронических святочных стихах «Оттого все неудачи...» (29–30 декабря 1936) Кащей – сам поэт (анализ стихотворения см.: Ronen 1968: 252–264; Ronen 2010: 63–93; Ronen 2015: 1–20).

Написанные месяц спустя стихи «Как светотени мученик Рембрандт...» лишены иронических обертонов, и в них оба носителя маски Кащей: и Рембрандт со своим золотом во тьме, и поэт – прозревающий вечность владетель чистого золота слов.

у полночи в гареме – ‘в плену у ночной тьмы’ (ср. ниже комм. к *сумрак*). О звездах как о множественном единстве (*гарем*) ср.: «**одинокое** [‘единое; как будто одноокое’] **множество** звезд» («Были очи острее точимой косы...», 9 февр. 1937. – Мандельштам 2020, 1: 200); «мачеха звездного **табора**, / Ночь» («Стихи о неизвестном солдате», 1937–1938. – Там же: 205).

Ст. 10. *Смущают не к добру, смущают без добра...* – Удвоенное отрицание понятия *добро* имеет (как и удвоение смысла ‘глаз’ в *око соколиного пера*) эмфатический смысл: ‘реакция людей, современников недобрая и не сулит добра’; кроме того, это отсылка «к тому виду гражданской лирики примирения с государственным порядком вещей, который основал Пушкин в надежде, как и его последователи, славы и добра» (Ronen 2002: 66, примеч. 21), и пессимистически окрашенная рефлексия собственных «Стансов» 1935 г. («Я в мир вхожу – и люди хороши». – Мандельштам 2020, 1: 176) в духе «Нет, никогда ничей я не был современник...» (см. комм. О. Ронена: Ronen 1983: 331–363).

³⁹ Ср. дефиницию значения имени *Кашей* в словаре В. Даля: «сказочное лицо, в роде вечного жида, с прилагат[ельным] *бессмертный*, <...> означая изможденного непомерно худобою человека, особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своею казною» (Даль 1978–1980, 2: 101).

смущают – ‘не удовлетворяют, раздражают’; семантика глагола *смущать кого-л.* включает, согласно определению В. Даля, широкий круг негативных ощущений: ‘тревожить <...>, приводить <...> в недоумение или ставить в тупик; приводить в негодование против чего, соблазнять <...>; сби[ва]ть с толку’ (Даль 1978–1980, 4: 238); в нынешнем употреблении *смущать* имеет более узкое значение ‘заставлять испытывать неловкость’. В отличие от «кащевых Рембрандтов», «жаркие ларцы» поэзии Мандельштама не находят признания у публики.

Ст. 11. *Мехами сумрака взволнованное племя.*

племя – рифмуется с *время* в смысле ‘поколение, род’; ‘народ’ (см.: Даль 1978–1980, 3: 124), как в «племя младое, незнакомое» Пушкина («Вновь я посетил...», 1835) и «за новым племенем брести» Тютчева («Как птичка, с раннею зарей...», 1835); ср. *для племени чужого* («1 января 1924», 1924), *за высокое племя людей* («За гремучую доблесть грядущих веков...», 1931), *племя пушкиноведов* («День стоял о пяти головах...», 1935; см.: Ronen 1983: 234, 256, 262, 347). Тема «племени» сопровождает стихотворение о Кашее в новогоднем письме Н. Тихонову: «Стишок мой, – писал Мандельштам, – в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать **народу советской страны**, перед которым я в бесконечном долгу» (Мандельштам 2020, 3: 457).

Пара *время – племя* напоминает читателю пару *век – поколение*, а сочетание *взволнованное племя* – сочетание *хлопочут поколения* в первой строфе «Последнего поэта» Баратынского (см.: Боратынский 1914: 140).

сумрак – ‘мрачная эпоха; темное время’ (см. выше комм. к *немеющее время*), контекстуальный синоним *полночь* (*у полночи в гареме*); ср. именование эпохи словами «ночного» семантического ряда: *сумерки свободы* («Гимн», 1918. – Мандельштам 2020, 1: 86), *в ночи советской* («В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920. – Там же: 93).

мехами сумрака – ‘как мехи раздувают пламя, так нагнетается возбуждение людей’, ср.: «Ход **воспаленных** тяжб людских [вар.: дел людских]» («Нет, никогда ничей я не был современник...», 1924; см.: Ronen 1983: 331); *племя* по созвучию ассоциируется с *пламя* (см.: Ronen 1968: 255).

Итак:

‘Как Рембрандт погружен в мучительное распознавание оттенков тьмы, так я углубился в свой век, из которого исчезает слово, и мое движимое горением сердца творчество уже не контролирует никто: ни сторожа тьмы, как те дозорные, ни такие воины, как этот при Кресте, что спит во время великого события.’

‘Прости мне, если можешь, великий брат, мастер и отец изображения оттенков тьмы, что зоркое око поэта и золото моих слов не способны удовлетворить современников, но раздражают их, разгоряченных недобрым и зловещим жаром, нагнетаемым эпохой мрака.’

Заключение

Пересмотр прежнего понимания синтаксиса в обеих строфах стихотворения открыл возможность по-новому взглянуть на распределение ролей поэта и Рембрандта, что, в свою очередь, повлекло за собою переосмысление образов и общей идеи.

В фокусе этих стихов находится «я» поэта; между ним и его молчаливым собеседником как будто невидимое зеркало. Образы стихотворения осциллируют между двумя планами, связанными между собою отношением аналогии. На переднем плане читаются смыслы, относящиеся к поэтическому творчеству, а из глубины проступают смутные, но узнаваемые образы картин голландца. На переднем плане – эмблемы поэтического творчества (*резкость моего горящего ребра, око соколиного пера, жаркие ларцы*), образы времени (*немеющее время, у полночи в гареме, мехи сумрака, сторожа и воин*) и современников (*племя*), а в глубине угадываются мотивы живописи Рембрандта, варьирующие тему света и тьмы –

«светотени» (свет во тьме, оттенки тьмы, Воскресение, ночной дозор, спящий страж, золото).

Мандельштамовский образ в этих стихах предполагает не описание, не энигматический намек, но выражение в эмблеме (формуле), материальное означающее которой может происходить из мира природы или из (христианской) культурной традиции.

Уплотнение смысла образа достигается совмещением в нем нескольких смыслов; возникают «тяжелые» эмблемы, такие как *резкость моего горящего ребра* или *око соколиного пера*. Инструментом сгущения смысла в этих стихах могут быть метонимия (*ребра*); омонимия и совмещение значений обоих омонимов (*сторожам* **теми**); этимологизация слова и/или семасиологизация его элементов (*резкость*). На уровне синтаксиса словосочетания средством может быть нестандартная семантическая сочетаемость, способная выявить некоторый смысл сверх тех, что присущи отдельным компонентам сочетания, и тем самым уплотнить смысл сочетания в целом. На уровне фразы (крепко слитой со строфой в общих для обеих границах) уплотнение смысла достигается ценой отступления от стандарта письменного синтаксиса в пользу большей свободы поэтического и разговорного строения фразы (эллипсис, анаколуф). Наконец, весь текст прошит системой смысловых созвучий и повторов; имя Рембрандта эхом откликается в разных точках текста.

Такого рода эмблематическая образность равно чужда реализму и символизму, сходна она скорее с барочными образами Ломоносова и поэтов-метафизиков, а в поколении Мандельштама – с эмблемами и аллегориями Монтале и Элиота.

Ритмическое выделение на шестистопном фоне двух пятистопных стихов выявляет опорные семантические акценты текста: ‘как Рембрандт – мученик светотени’ (ст. 1); ‘мой зоркий глаз поэта’ (ст. 8). Этими акцентами определяется фундаментальная для Мандельштама коллизия двух тем – “the theme of the historical contemporary and the theme of the literally noncontemporary” (Ronen 1983: 336). В стихотворении отражен момент, когда неприятие стихов Мандельштама публикой и властями переживается им как

собственная ущербность (ср. мотив вины в «1 января 1924»). Просьбу о прощении он приносит тому, кого почитает братом и мастером света и тьмы, «просветителем», если угодно, тьмы, – Рембрандту. Соизмеряя себя с ним, Манделъштам сетует на то, что свет его поэзии в сумраке эпохи – недостаточен. Это стихи о связи поэта с его временем, о свободе его творческой воли и о непонимании его слова современниками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненский И. 1979. Книги отражений / Изд. подготовили Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М.: Наука.
- Бобрик М. 2021. Летняя сказка: Стихотворение Осипа Манделъштама «Пароходик с петухами...» (1937). – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 87. S. 35–86.
- [Боратынский Е. А.] 1914. Полн. собр. соч. Е. А. Боратынского: [В 2-х тт.] / Под ред. и с примечаниями М. Л. Гофмана. Т. 1. СПб.: Издание Императорской Академии Наук.
- Востоков [А. Х.] 1935. Стихотворения / Ред., вступительная статья и примечания Вл. Орлова. Л.: Советский писатель.
- Гаспаров М. Л. 1996. О Манделъштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: РГГУ. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 17).
- Гринберг М. С. 2023. Око соколиного пера и жаркие ларцы / Публикация Е. В. Габриэловой. Предисловие И. З. Сурат. – Литературный факт. № 4. С. 178–193.
- Даль В. И. 1863–1866. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4-х чч.] М.: Издание Общества Любителей Российской Словесности, учрежденного при Императорском Московском Университете.
- Даль В. И. 1978–1980. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4-х тт.] М.: Русский язык.
- Димитриев В. М. 2021. Картина Достоевского и панорама Толстого: К истории одной параллели у Вяч. Иванова и Андре Жида. – Русская литература. № 3. С. 36–49.
- Золян С., Лотман М. 2012. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus].
- Иванов Вяч. 1971–1987. Собр. соч.: [В 4-х тт.] / Редакция Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.

- Кюхельбекер В. К. 1967. Избранные произведения: В 2-х тт. / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. В. Королевой. М.; Л.: Советский писатель.
- Лангерак Т. 1993. Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светогени мученик Рембрандт»). – *Russian Literature*. № 33. P. 289–298.
- Левинтон Г. А. 1994. Мандельштам и Гумилев: Предварительные заметки. – *Mandelstam Centenary Conference: Materials from the Mandelstam Centenary Conference, School of Slavonic and East European Studies, London 1991 / Compiled and edited by Robin Aizlewood, Diana Myers. Tenaflly: Hermitage Publishers. P. 30–43.*
- Левинтон Г. А. 2015. К пустой земле неволью припадая: Postscriptum к статье Н. Н. Мазур. – *Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение. С. 444–451.*
- Левинтон Г. А. 2023. Мандельштам и Достоевский: О некоторых элементах темы Достоевского в Третьей воронежской тетради. – *Acta Slavica Iaponica*. Т. 44. P. 113–144.
- Лермонтов М. Ю. 1979. Собр. соч.: В 4-х тт. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1: Стихотворения 1828–1841. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Мандельштам Н. 1987. Книга третья. Париж: YMCA-Press.
- Мандельштам О. 1993–1999. Собр. соч.: В 4-х тт. / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. М.: Арт-Бизнес-Центр.
- Мандельштам О. 2001. Стихотворения. Проза / Сост., вступительная статья и комментарии М. Л. Гаспарова. М.; Харьков: АСТ; Фолио. (Библиотека поэта).
- Мандельштам О. 2020. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. / Сост., подготовка текста и комментарии А. Г. Меца. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание.
- Муратов П. П. 1924. Образы Италии: В 3-х тт. Берлин: Издательство З. И. Гржебина.
- Мусатов В. В. 2000. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Ника-Центр, Эльга-Н.
- Нерлер П. 2010. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк.
- Пастернак Б. 1989–1992. Собр. соч.: В 5-ти тт. / Сост. и комментарии Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. М.: Художественная литература.

- Плаксин В. 1844. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. Кн. 2. СПб.: В Типографии Морского Кадетского Корпуса.
- Полякова С. В. [1992]. Осип Манделъштам: наблюдения, интерпретации, неопубликованное и забытое. [Ann Arbor]: Ardis.
- Полякова С. В. 1997. Осип Манделъштам: Наблюдения, интерпретации, заметки к комментарию. – Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. [СПб.]: ИНАПРЕСС. С. 65–187.
- Поэты 1820–1830-х годов 1972. Поэты 1820–1830-х годов / Биографические справки, сост., подготовка текста и примечания В. С. Киселева-Сергенина. Общая редакция Л. Я. Гинзбург. Т. 2. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Прокофьев А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная статья Б. И. Соловьева. Сост., подготовка текста и примечания В. В. Базанова и В. В. Бузник. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Ронен О. 2002. Поэтика Осипа Манделъштама. СПб.: Гиперион.
- Ронен О. 2010. «Кашей». – Ронен О. Чужелюбие: Третья книга из города Энн. СПб.: Журнал «Звезда». С. 63–93.
- Сурат И. 2022. Мученик Рембрандт. – Сурат И. Тяжесть и нежность: О поэзии Осипа Манделъштама. М.: Прогресс-Традиция. С. 385–396.
- СЦСРЯ 1847. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: [В 4-х тт.] СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук.
- [Толль Ф. Г.] 1864. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: В 3-х тт. СПб.: Издание Ф. Толля.
- [Тютчев Ф. И.] 1913. Полн. собр. соч. Ф. И. Тютчева / Под ред. П. В. Быкова. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркс.
- Успенский Ф. Б. 2014. Работы о языке и поэтике Осипа Манделъштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований». (Studia Philologica).

- Успенский П., Файнберг В. 2020. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение.
- Цветаева М. 1994–1995. Собр. соч.: В 7-ми тт. / Сост., подготовка текста и комментарии А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак.
- Шторк К. 1924. Система Далькроза / Пер. с нем. Р. Варшавской, Н. Левинской. Под ред. и с предисловием П. П. Гайдебурова. М.; Л.: Издательство «Петроград».
- Brown, C. 1967. Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin. – *Slavic Review*. Vol. 26. № 4. P. 584–604.
- Ronen, O. 1968. Mandel'shtam's *Кащей*. – *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students* / Ed. by Charles E. Gribble. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers. P. 252–264.
- Ronen, O. 1983. *An Approach to Mandel'shtam*. Jerusalem: The Magnes Press.
- Ronen, O. 2015. Mandel'shtam's "Kashchei". – [Ronen, O.] *The Joy of Recognition: Selected Essays of Omry Ronen* / Ed. by Barry P. Scherr and Michael Wachtel. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. P. 1–20.
- Storck, K. 1912. *E. Jaques-Dalcroze: Seine Stellung und Aufgabe in unserer Zeit*. Stuttgart: Steiner & Pfeiffer.

REFERENCES

- Annenskii, I. *Knigi otrazhenii*. Edited by N. T. Ashimbaeva, I. I. Podol'skaia, and A. V. Fedorov. Moscow: Nauka, 1979.
- Bobrik, M. "Letniaia skazka: Stikhotvorenie Osipa Mandel'shtama 'Parokhodik s petukhami...' (1937)." *Wiener Slawistischer Almanach* 87 (2021): 35–86.
- Boratynskii, E. A. *Polnoe sobranie sochinenii E. A. Boratynskogo*. 2 vols. Vol. 1. Edited and annotated by M. L. Gofman. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Akademii Nauk, 1914.
- Brown, C. "Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin." *Slavic Review* 26, no. 4 (1967): 584–604.
- Dal', V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*. 4 vols. Moscow: Izdanie Obshchestva Liubitelei Rossiiskoi Slovesnosti, uchrezhdenного pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1863–1866.
- . *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*. 4 vols. Moscow: Russkii iazyk, 1978–1980.

- Dimitriev, V. M. "Kartina Dostoevskogo i panorama Tolstogo: K istorii odnoi paralleli u Viach. Ivanova i André Gide'a." *Russkaia literatura* 3 (2021): 36–49.
- Gasparov, M. L. *O. Mandel'shtam: Grazhdanskaia lirika 1937 goda*. Chteniia po istorii i teorii kul'tury 17. Moscow: RGGU, 1996.
- Grinberg, M. S. "Oko sokolinogo pera i zharkie lartsy." Published by E. V. Gabriellova. Prefaced by I. Z. Surat. *Literaturnyi fakt* 4 (2023): 178–93.
- Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Edited by D. V. Ivanov, and O. Dechart. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
- Kiukhel'beker, V. K. *Izbrannye proizvedeniia*. 2 vols. Prefaced, edited and annotated by N. V. Koroleva. Moscow and Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967.
- Langerak, T. "Analiz odnogo stikhotvoreniia Mandel'shtama ('Kak svetoteni muchenik Rembrandt')." *Russian Literature* 33 (1993): 289–98.
- Levinton, G. A. "Mandel'shtam i Gumilev: Predvaritel'nye zametki." In *Mandelstam Centenary Conference: Materials from the Mandelstam Centenary Conference, School of Slavonic and East European Studies, London 1991*. Compiled and edited by Robin Aizlewood, and Diana Myers, 30–43. Tenafly: Hermitage Publishers, 1994.
- . "K pustoi zemle nevol'no pripadaia: Postscriptum k stat'e N. N. Mazur." In *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les Causeries du 7 Septembre: Sbornik statei v chest' V. A. Mil'chينوi*, 444–51. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- . "Mandel'shtam i Dostoevskii: O nekotorykh elementakh temy Dostoevskogo v Tre'tei voronezhskoi tetradi." *Acta Slavica Iaponica* 44 (2023): 113–44.
- Lermontov, M. Iu. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. 2nd rev. and exp. ed. Vol. 1, *Stikhotvoreniia 1828–1841*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otделение, 1979.
- Mandel'shtam, N. *Kniga tret'ia*. Paris: YMCA-Press, 1987.
- Mandel'shtam, O. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Edited by P. Nerler, A. Nikitaev, Iu. Freidin, and S. Vasilenko. Moscow: Art-Business-Center, 1993–1999.
- . *Stikhotvoreniia. Proza*. Prefaced, edited and annotated by M. L. Gasparov. Biblioteka poeta. Moscow and Kharkiv: AST; Folio, 2001.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 3 vols. Prefaced, edited and annotated by A. G. Mets. 3rd rev. and exp. ed. Saint Petersburg: Internet-izdanie, 2020.

- Muratov, P. P. *Obrazy Italii*. 3 vols. Berlin: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1924.
- Musatov, V. V. *Lirika Osipa Mandel'shtama*. Kyiv: Nika-Tsent, El'ga-N, 2000.
- Nerler, P. *Slovo i "Delo" Osipa Mandel'shtama: Kniga donosov, doprosov i obvinitel'nykh zakliuchenii*. Moscow: Petrovskii park, 2010.
- Pasternak, B. *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Edited and annotated by E. V. Pasternak, and K. M. Polivanov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989–1992.
- Plaksin, V. *Uchebnyi kurs slovesnosti, s prisovokupleniem predvaritel'nykh poniatii o cheloveke voobshche, o ego poznavatel'nykh silakh, o svoistvakh i sviazi myslei; kratkoi teorii iziashchnykh iskusstv i primerov vo vsekh rodakh prozaicheskikh i poeticheskikh sochinenii*. Vol. 2. Saint Petersburg: V Tipografii Morskogo Kadetskogo Korpusa, 1844.
- Poliakova, S. V. *Osip Mandel'shtam: nabliudeniia, interpretatsii, neopublikovannoe i zabytoe*. Ann Arbor: Ardis, 1992.
- . "Osip Mandel'shtam: nabliudeniia, interpretatsii, zametki k kommentariiu." In *Oleinikov i ob Oleinikove" i drugie raboty po russkoi literature*, 65–187. Saint Petersburg: INAPRESS, 1997.
- Poety 1820–1830-kh godov*. 2 vols. Vol. 2. Edited and annotated by V. S. Kiseleva-Sergenina, and L. Ia. Ginzburg. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1972.
- Prokof'ev, A. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by B. I. Solov'ev. Edited and annotated by V. V. Bazanova, and V. V. Buznik. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937–1959.
- Ronen, O. "Mandel'shtam's *Kashchei*." In *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*. Edited by Charles E. Gribble, 252–64. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers, 1968.
- . *An Approach to Mandel'shtam*. Jerusalem: The Magnes Press, 1983.
- . *Poetika Osipa Mandel'shtama*. Saint Petersburg: Hyperion, 2002.
- . "Kashchei." In *Chuzheliubie: Tret'ia kniga iz goroda Ann*, 63–93. Saint Petersburg: Zhurnal "Zvezda," 2010.
- . "Mandel'shtam's 'Kashchei'." In *The Joy of Recognition: Selected Essays of Omry Ronen*. Edited by Barry P. Scherr, and Michael Wachtel, 1–20. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015.
- Surat, I. "Muchenik Rembrandt." In *Tiazhest' i nezhnost': O poezii Osipa Mandel'shtama*, 385–96. Moscow: Progress-Traditsiia, 2022.

- Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk.* 4 vols. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1847.
- Storck, K. E. *Jaques-Dalcroze: Seine Stellung und Aufgabe in unserer Zeit.* Stuttgart: Steiner & Pfeiffer, 1912.
- . *Sistema Dalcroze'a.* Translated from the German by R. Varshavskaia, and N. Levinskaia. Prefaced and edited by P. P. Gaideburov. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo "Petrograd," 1924.
- Tiutchev, F. I. *Polnoe sobranie sochinenii F. I. Tiutcheva.* Edited by P. V. Bykov. Saint Petersburg: Izdanie T-va A. F. Marks, 1913.
- [Toll', F. G.] *Nastol'nyi slovar' dlia spravok po vsem otrasliam znaniia.* 3 vols. Saint Petersburg: Izdanie F. Tollia, 1864.
- Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii.* 7 vols. Edited and annotated by A. Saakiant, and L. Mnukhin. Moscow: Ellis Lak, 1994–1995.
- Uspenskii, F. B. *Raboty o iazyke i poetike Osipa Mandel'shtama: "Sopodchinennost' poryva i teksta."* *Studia Philologica.* Moscow: Fond "Razvitiia fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovani," 2014.
- Uspenskii, P. and V. Fainberg. *K russkoi rechi: Idiomatika i semantika poeticheskogo iazyka Mandel'shtama.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Vostokov, [A. Kh.] *Stikhotvoreniia.* Prefaced, edited and annotated by Vl. Orlov. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1935.
- Zolian, S. and M. Lotman. *Issledovaniia v oblasti semanticheskoi poetiki akmeizma.* Tallinn: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2012.

II

LAZAR FLEISHMAN
AT 80

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Этот раздел *SR* посвящен событию, отозвавшемуся среди многих специалистов по русской литературе «от Пушкина до Пастернака» – 15 мая 2024 года исполнилось 80 лет Лазарю Соломоновичу Флейшману.

По книгам Лазаря Флейшмана филологи наблюдают за вдумчивой и акрибической реконструкцией обширных, порой едва известных пластов интеллектуальной истории, следуя за ним по маршрутам первооткрывателя архивных источников. Трудно охватить исследованные Лазарем Флейшманом имена и факты, позволяющие воссоздать огромные пространства культурной традиции. Они включают в себя (вынужденно ограничимся несколькими вехами его научного творчества) и наследие Бориса Пастернака, и его рецепцию в эмиграции, и эпистолярные свидетельства о «русском Берлине» (в сотрудничестве с Робертом Хьюзом и Ольгой Петровной Раевской-Хьюз), и неожиданного в своем разнообразии Льва Гомолицкого, и мастеров провокаций с «евразийским соблазном», и галерею inferнальных журналистов коллаборационистской прессы, и заветный пятитомник по истории рижской «Сегодня», в соавторстве с Юрием Абызовым и Борисом Равдиным.

Постоянно обращаясь к трудам Лазаря Флейшмана, его сотоварищи по историко-филологическому цеху не ищут юбилейных дат, чтобы оставаться с ним в диалоге, вести многолетний *Zwiesgespräch*. И поэтому на сей раз, через пятнадцать лет после выхода в свет столь полифонического сборника „*Vademecum*” (сост. и ред. Андрей Устинов), мы хотим в рамках нашей небольшой рубрики поместить несколько публикаций в знак выражения *LF* признательности, симпатии, дружбы. Мы надеемся, что такое воссоединение на страницах „*Slavica Revalensia*”, журнала, издаваемого Таллиннским университетом, вручившим Лазарю Флейшману степень *Dr honoris causa*, будет еще одним, действенным

знаком преодоления нашего разделения в пространстве, еще одним звеном идущей через поколения связи.

Завершим наше вступление словами Кэрил Эмерсон, направленными одному из редакторов этой рубрики с разрешением на их публикацию: “Lazar Fleishman has contributed to many fields, but in itself this is not unusual: Russian literature scholars of his generation are polymaths. What is remarkable is the ability to re-create a person (Pasternak, for example) in such a thoroughly open-ended, polyphonic fashion, seen from the inside and the outside, over many years – so that the person constantly appears new, alive, unresolved. It’s the closest a scholar can come to bestowing the type of immortality that continues to surprise and sustain us.”

*Федор Поляков,
Григорий Утгоф*

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАСПРЯ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»: ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ (43)¹

А. Л. Осповат

(Москва / Лос-Анджелес)

Речь пойдет о начальной фазе конфликта между Гриневым и Швабриным (глава IV). Ниже это место дается с разбивкой на микрофрагменты, нумерация которых соответствует порядку изложения материала.

[I] Я ужъ сказывалъ, что я занимался литтературою. Опыты мои, для тогдашняго времени, были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. [II] Извѣстно, что сочинители иногда, подъ видомъ требованія совѣтовъ, ищуть благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведение стихотворца. [III] Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

[IV] Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

¹ Предыдущую серию этих заметок см.: Осповат А. 2023: 209–236. Как и ранее, комментируемое место приводится по тексту журнальной публикации, которая увидела свет при жизни и под контролем автора (см.: Пушкин 1836: 42–215). Далее все цитаты из романа даются в соответствии с нормами современной орфографии, и они выделены курсивом.

Но глаза, что мя плѣнили,
Всемиутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

<-> Какъ ты это находишь? – спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

<-> Почему такъ? – спросилъ я его, скрывая свою досаду.

«Потому» – отвѣчалъ онъ – «что такіе стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы<>>».

[V] Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозою. – «Посмотримъ<>> <-> сказалъ онъ – «сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья ль Ивановна?»

– Не твое дѣло – отвѣчалъ я нахмурясь, – кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

«Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ!» – продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня; – «но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками».

Эта сцена долгое время оставалась без внимания, если не считать попутных замечаний: Гринев – «плохой поэт» (Бахтин 2012: 158), его *песенка* «звучит пародийно» (Шкловский 1955: 62) и входит в особый класс «стихов в образе» – «стихов, которые по ходу действия сочиняют герои произведений (обычно с целью произвести комический эффект)» (Марков 1960: 146). Дело сдвинулось после того, как было окончательно установлено, что три строфы Гринева являются обработкой анонимного романса из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова 1770 года (см.: Карпов 1982: 140–142). В. Э. Вацуро, представив блестящий разбор *песенки* – образчика массовой стихотворной продукции той эпохи с характерным для нее обеднением лирического сюжета Сумарокова, – далее предложил истолковать всю сцену под знаком фундаментальной оппозиции двух персонажей романа: «носитель наивного, но этически полноценного начала» vs «иммориалист, “вольтерьянец” в том негативном качестве, которое подчеркивал Пушкин в тридцатые годы»:

[У] Гринева – неумелое, но искреннее литературное творчество и глубоко уважительное отношение к литературному мэтру – «Александру Петровичу Сумарокову»; у Швабрина – разрушительная критика, справедливая и литературно рафинированная, – но выросшая на почве эгоистических стремлений, и пренебрежительный скептицизм, распространяющийся, между прочим, и на его «учителя» – В. К. Третьяковского (Вацуро 1986: 323).

Оставляя в стороне моральный облик дворянина *хорошей фамилии*, который *месяца два* до приезда Гринева в крепость формальным порядком *сватался* за дочь коменданта *глухой крепости, вышедшего в офицеры из солдатских детей* (что при благоприятном исходе повлекло бы радикальную перемену всего образа жизни), – зададимся пока лишь одним вопросом. Отчего же Швабрин, столь взыскательный литературный оценщик, называет Гринева подражателем Третьяковского, а не эпигоном Сумарокова?

Впоследствии по поводу этой сцены было высказано несколько суждений. Так, Ирина Рейфман обратила внимание на

обнародованное в начале XIX века признание Державина в том, что законы поэзии он почерпнул из сочинений Тредиаковского; с учетом вероятного знакомства Пушкина с указанными источниками² и вводя Державина в круг прототипов романа (второе связующее звено – его участие в подавлении пугачевщины) автор статьи констатировала присутствие прямой проекции:

[W]hile Grinev's ability to write poetry makes him Derzhavin's colleague, an apprenticeship to Trediakovsky unites him, Shvabrin, and Derzhavin. <...> Shvabrin's connection to Trediakovsky can <...> be explained: when the initial character in *The Captain's Daughter*, who was partially modelled on Derzhavin, split in two in the novel's final version, his characteristics, including his apprenticeship to Trediakovsky, also split. Consequently, both antagonists became Trediakovsky's disciples. Significantly, Grinev is oblivious to his kinship with the wretched versifier, while Shvabrin, like Derzhavin, is fully aware both of the connection and of its negative implications (Reyfman 1994: 470).

Иначе смотрит на вещи Г. Г. Красухин:

Почему же Швабрин называет себя учеником Тредиаковского? Потому что иронизирует, дразнит «сумароковца» Гринева. А почему он сближает Петрушину песенку с любовными куплетцами Василия Кирилловича? Потому что Швабрин <...> знает, как враждебно относились друг к другу Тредиаковский и Сумароков, <...> знает поэтому, с каким изумленным негодованием воспринял бы представитель сумароковской школы сообщение о том, что его стихи могут кому-то напомнить стихи Тредиаковского (Красухин 2006: 55).

² Это фрагмент из «Нового опыта Исторического словаря о русских писателях» митрополита Евгения (см.: Друг просвещения. 1806. Ч. I. № 3) и державинское «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде» (см.: Чтение в Беседе любителей русского слова. 1811. Кн. 2).

[I] Когда и где Сумарокову случилось *очень похвалять* сочинявшиеся Гриневым *изрядные опыты*? – Они могли встретиться только в Москве, где основал свое последнее жительство Сумароков и где на рубеже 1774–1775 годов появился Петр Андреевич, чтобы 10 января наблюдать за казнью Пугачева на Болотной площади. До смерти поэта оставалось менее трех лет.

Падение репутации Сумарокова в закатные его годы, омраченные пьянством, болезнью и неконтролируемым поведением³, безжалостно засвидетельствовал один из первых посмертных откликов:

Лежащего меня без чувств во гробе
Никто не восхотел в последний раз узреть⁴.

Даже местонахождение могилы Сумарокова долгое время считалось забытым – 23 августа 1830 года, после похорон Василия Львовича, Пушкину и Погодину пришлось искать ее на Донском кладбище (см.: Погодин 1974: 21). При таких обстоятельствах похвале престарелого мэтра, которой так гордится автор *семейственных записок*, приобщен некоторый оттенок сомнительности.

Впрочем, в любом своем состоянии Сумароков пришел бы в крайнее раздражение, если бы услышал от Гринева, что тот сочинил *песенку*, – в его ожесточенной полемике с ТрEDIAKовским это слово служило одним из маркеров лингвостилистической позиции оппонента (см.: Гринберг, Успенский 2001: 34, 104, 106). Так, например, в известной Пушкину комедии «Тресотиниус» (1750) (см.: Сумароков 1787, V: 297–324; БП 1910. № 375: 101) заглавный герой, в лице которого осмеян ТрEDIAKовский (см.: Гринберг, Успенский 2001: 26–44, 99–113), следующим образом навязывается к собеседнице: «Однако ж не поскучите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами» (Сумароков 1787, V: 301). В русле нашей

³ Среди многого прочего см. письмо Екатерины II князю М. Н. Волконскому от 29 декабря 1772 года: Письма 1869: 110–111 – и позднейший рассказ Ивана Дмитриева, записанный его племянником: Дмитриев 1869: 20–21.

⁴ Цит. по: Берков 1962: 374. Об источнике и циркуляции этой легенды см.: Там же: 374–375.

темы показательна и короткая выдержка из перечня претензий, предъявленных Третьяковскому в сумароковской «Эпистоле II» («Эпистоле о стихотворстве») (1748):

Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
 Нет в песне скарёдной при мысли недостойной.
 Но что я говорю: при мысли? Да в такой
 Изрядной песенке нет мысли никакой.

(Сумароков 1787, I: 346)

Итак, ключевые лексемы, использованные Гриневым в его позднейших самооценках: *Опыты мои <...> были изрядны; ...удалось мне написать песенку, которой был я доволен*, – непосредственно заимствованы из памфлетной характеристики стихов Третьяковского, принадлежащей Сумарокову.

[II] Сообщение о том, что свою *песенку* Гринев *понес* Швабрину, дополнено пояснительным придаточным: *...который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца*. На внешний взгляд, здесь налицо нехарактерная для пушкинского стиля информационная избыточность (у читателя уже сложилось представление о культурном кругозоре всех обитателей крепости). Между тем такая фигурация привносит важный смысловой акцент: выясняется, что Швабрин не только держит у себя *несколько французских книг*, но и обладает компетенцией по части русского стихосложения. Откуда об этом стало известно Гриневу? – Очевидно, протагонист, недавно начавший *упражняться <...> в сочинении стихов*, имел случай коснуться сферы его занятий в *каждодневных беседах* со Швабриным, и тот выказал незаурядное знание предмета. Но откуда оно взялось? – не благодаря ли собственным поэтическим увлечениям разжалованного гвардейского офицера?

[III] Располагая найти в Швабрине *благосклонного слушателя*, Гринев приступает к делу с *маленького предисловия* (не для того ли, чтобы впервые объявить о своих стихотворных упражнениях?). В этот момент уже отмеченная проекция на эпизод из комедии Сумарокова получает еще одно текстуальное подтверждение: подобно Тресотиниусу, обращение которого к неблагосклонной Кларисе

сопровождает ремарка: «вынув песню из кармана» (Сумароков 1787, V: 301), Гринев тоже *вынул из кармана тетрадку* с переписанной *песенкой*.

Этим жестом завершается пролог обсуждаемой сцены, и, как видим, заданный режим повествования предусматривает динамическое соотношение двух планов. На поверхности – инициальная фраза, оформленная от лица пожилого и ответственного мемуариста, которая апробирует принадлежность юного стихотворца к сумароковской школе. В то же время внесенный в подтекст аллюзионный заряд перенаправляет смысловой вектор в противоположную от Сумарокова сторону – в сторону Третьяковского, причем таким образом внедряется точка зрения *Александра Петровича*, личного и литературного врага *Василья Кирилыча*.

[IV] *Песенка* Гринева решительно не понравилась Швабрину, а его реакцию передает прямая речь, в которую вставлена биографическая деталь (это единственный случай в тексте романа): *такие стихи достойны учителя моего Василья Кирилыча Третьяковского и очень напоминают мне его любовные куплеты*.

Возможно, Швабрин имеет в виду личные контакты с *учителем*, но прежде всего речь идет о навыках версификации, приобретенных при чтении стиховедческих трактатов Третьяковского⁵. В этом своем качестве Швабрин – как и Гринев⁶ – действительно вызывает ассоциацию с Державиным, и, принимая точку зрения Ирины Рейфман, дополним перечень свидетельств, которые могли привлечь внимание Пушкина (см. примеч. 2), еще одной позицией. В книге «Ключ к сочинениям Державина», где выборочно пересказывалась ранняя редакция его «Записок» (без указания на источник),

⁵ Хотя в эпоху Екатерины II фигуру Третьяковского плотно окружал негативный ореол (см.: Рейфман 1990), как раз в тот временной отрезок, к которому относится действие романа, появилось печатное признание его неоспоримой заслуги: «...первый в России сочинил правила нового русского стихосложения...»; «...первый открыл в России путь к словесным наукам; а паче к стихотворству» (Новиков 1772: 218–219).

⁶ Вкус к *сочинению стихов* на русском языке Гринев не мог обрести в Белогорской крепости, где отсутствовали необходимые к тому пособия. Приобщению литературным и умственным интересам, как и знанию французского языка, он был обязан родительскому дому и семейной библиотеке (см.: Осповат А. 2023: 210–214).

содержалась фраза: «Правила Поэзии почерпал из сочинений Тредиаковского, а в выражениях и слоге старался подражать Ломоносову...» (Остолопов 1822: 7; см.: БП 1910. № 274: 74).

Согласно общепринятому мнению, ввиду того, что Дарья Алексеевна Державина отклонила просьбу Пушкина ознакомиться с бумагами ее покойного мужа, он не читал полный и окончательный текст «Записок» (см.: Грот 1901: 118)⁷. Здесь процитированная фраза читалась иначе: «...стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредьяковским и из прочих авторов, как: гг. Ломоносова и Сумарокова» (Державин 1871: 443)⁸; как известно, под «книгой» автор «Записок» разумел двухтомные «Сочинения и переводы» (1752)⁹. Тем более любопытно, что в распоряжении Швабрина находился первый трактат Тредиаковского, уже потерявший актуальность для начинающих рифмачей 1760-х годов. Уничтожающая коллокация *любвные куплеты* представляет собой двойную отсылку. Термин, который Тредиаковский впервые ввел в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов...»:

Предлагаю я здесь <...> в пример из двух моих песен <...> по одной первой строфе, которые у французов в песнях называются *Couplets* (Тредиаковский 1735: 25)¹⁰, –

был издевательски подхвачен в упоминавшейся комедии Сумарокова. Возгласив свою песенку и надеясь совершенно очаровать

⁷ Гипотезу, выдвинутую наперекор этому мнению, см.: Schwarzband 1994: 149–158.

⁸ По всей вероятности, Пушкин не располагал сведениями о том, что молодой Сумароков тоже был «последователем» и «энергичным энтузиастом» Тредиаковского (Берков 1936: 34). См. в злобном отзыве Ломоносова о Сумарокове (1760): «Génie créateur: стихосложение принял сперва развращенное от Третьякова <Тредиаковского. – А. О.>...» (Ломоносов 1955: 634).

⁹ См.: Алексеева 2009: 478; Осоват К. 2020: 101–102.

¹⁰ См. в его ранней стиховой композиции из двух частей («Объявление любви французской работы» и «Ответ на оное моего труда»): « Si sensible au caractere / De l'auteur de ses couplets »; « Quelque soit le caractere / De l'auteur de vos couplets » (Тредиаковский 1730: 176, 178). В этом значении калькированное слово «куплет» употреблено в переводе «Аргениды» (см.: Тредиаковский 1751: 626). Иное толкование см. во «Всеобщем писмословии»: «КУПЛЕТ или КАРМЕН у стихачей есть отдельная часть строфы <т. е. двустипшие. – А. О.>» (Курганов 1769: 241).

Клариссу, Тресотиниус умоляет: «Хоть один куплет еще прочесть мне позволь» (Сумароков 1787, V: 302).

Таким образом, на поверхность выведена линия, ранее имплицированная в подтексте, – декларируя ориентацию Гринева на сочинителя первых *любвных куплетцев*, Швабрин буквально вторит тому же полемическому приему, который использовал Сумароков для дискредитации ТрEDIAКОВСКОГО. Между тем текст гриневской *песенки*, которая примитивизирует лирический сюжет Сумарокова – «борьба любовника со своей страстью» (см. выше), – не дает никаких оснований для этой проекции. Любовные «песни» и «песенки» ТрEDIAКОВСКОГО, опубликованные в приложении к книге «Езда в остров любви», написаны силлабическим стихом на лирический сюжет «стенания любовника»:

Красот умилна!
паче всех силна!
Уже склонивши,
уж победивши,

Изволь сотворить
Милость, мя любить:
люблю, драгая,
тя, сам весь тая.

(ТрEDIAКОВСКИЙ 1730: 180)

Подобный сюжет, ничем не напоминающий *песенку* Гринева, развивают и два «куплета» из «Нового и краткого способа...», изложенные уже силлабо-тоническим стихом:

Сколь долго, Климена,
Тебе не любить?
Времен бо премена
Не знает годить.

(ТрEDIAКОВСКИЙ 1735: 26)

Грубая передержка, допущенная отнюдь не *благосклонным слушателем*, камуфлирует довольно изощренную уловку: стихи,

принесенные Швабрину, отсылают не к *любовным куплетцам* ТрEDIAKовского, но к сочиненной Сумароковым пародии на эти *куплетцы*. Ср. «песню» Тресотиниуса, в которой двустопный амфибрахий ТрEDIAKовского переведен в неравностопный хорей, и *песенку* Гринева, написанную четырехстопным хореем:

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелю сшибла с ног.

<...>

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить ся не губя.

(Сумароков 1787, V: 301–302)

*Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!*

<...>

*Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой¹¹.*

Эта подмена возвращает стихи Гринева в семантическую традицию Сумарокова.

[V] В следующем эпизоде, отпустив *самые колкие* издевки над *песенкой*, Швабрин провоцирует новый виток конфронтации

¹¹ Отметим стилизацию под ТрEDIAKовского в третьем стихе: *И ах, Машу избегая* (ср. в тексте анонимного романа, послужившего источником: «И от взоров убегаю». – Карпов 1982: 140). См.: «Особенно пленяло ТрEDIAKовского свободное место междометия в латинской фразе. В результате “ах” или “о” стоят у него (сотни раз) там, где меньше всего ожидаешь восклицательного перерыва фразы» (Пумпянский 1939: 70).

вопросом: *А кто эта Маша <...>? Уж не Марья ли Ивановна?* Отказ Гринева пускаться в какие-либо объяснения повлек за собой переход на личности: *Самолюбивый стихотворец и скромный любовник!*

Обе аттестации, соположенные в реплике Швабрина, суть цитаты. Первая, как указал В. Э. Вацуру, воспроизводит название некогда скандальной комедии Н. П. Николева (1775; опубликована в 1787 году), которая в памфлетном виде изображала Сумарокова. По мнению исследователя, Пушкин вряд ли был знаком с текстом самой комедии, но он, скорее всего, помнил ее заглавную формулу, послужившую «основой большинства анекдотов о Сумарокове» (Вацуру 1986: 320). Существенно, однако, что в т. н. пушкинскую эпоху эта формула активно использовалась и как обобщающая дефиниция всего сословия стихотворцев (издатель «Северной пчелы» назначал «всем знакомым <...> Поэтам» по экземпляру комедии «Самолюбивый стихотворец». – Фаддеев [Булгарин] 1825: <4>; то же: Булгарин 1830: 53), и для характеристики вполне конкретного типажа:

С каким человеком всего несноснее жить?

С самолюбивым стихотворцем. – За грехи мои послал мне Бог товарища – *стихотворца*, и какого же? – Самого неугомонного! Взглянуть не на кого: едва дышит, а все пишет. Но это еще не беда.

Пушай бы только он писал,

А то стихами он всем уши прожужжал!

Беспреданно читает вслух свои стихи, даже во сне ими бредит (Измайлов 1818: 121).

Образ рифмача, одержимого манией «стихобесия» (см.: Мазур 2009: 152–160), введен в ассоциативное поле романа вместе с фигурой, которая, хотя и принадлежит другому толку, усваивает те же черты незадачливого сочинителя. Номинация *скромный любовник*, примененная к Гриневу, подключает мотив из главы IV «Евгения Онегина» (XXXIV):

И впрям, блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.

(Пушкин 1937–1959, VI: 88)

Но разве сам Швабрин не примерял на себя роль *скромного любовника*? Его цинические наставления (в том числе и не вошедшие в комментируемый фрагмент):

[Н]о послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками; <...> [Е]жели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег; <...> [З]наю по опыту ее нрав и обычай, –

отзываются унижению лирического стихотворца, чьи «песни и любовь» были отвергнуты до и/или во время сватовства девицей Мироновой. И парадоксальным образом его оскорбительный *совет* возымел действие: в тексте романа отсутствуют какие-либо намеки на то, что Гринев показывал капитанской дочке адресованные ей стихи, хотя в забракованном варианте беловой рукописи *песенка* переписывалась не для Швабрина – «для Марьи Ивановны» (Пушкин 1937–1959, VIII, 2: 870).

Итак, соперничество персонажей на поприще стихотворства сложным образом соотносится с литературной враждой Сумарокова и Тредиаковского. Никаких иных упоминаний об этой полемике Пушкин не оставил, но нам известны его разрозненные и нарочито заостренные суждения о русской поэзии XVIII века, которые были высказаны в незавершенном сочинении «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835). Отказывая в истинном даровании и Ломоносову («Оды его <...> утомительны и надуты»), и его подражателю Сумарокову («...во всех родах оставил примеры, но

они столь маловажны...»), а Третьяковскому присуждая первенство по ученой части («Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков») (Пушкин 1937–1959, XI: 249, 261, 253), – автор делает предельно категоричный вывод:

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Третьяковский немало к тому способствовал своею Телемахидою. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно <...>. <...> Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. <...> Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху (Там же: 262–263).

«Путешествие из Москвы в Петербург» было в работе одновременно с «Капитанской дочкой», и представляется, что точка зрения несостоявшегося реформатора системы русского стихосложения устанавливает латентный фокус нашей сцены. Ссора двух персонажей приводит к тому, что песенка Гринева утрачивает свою литературную идентификацию. Миграция этих трех строф в противоположных направлениях, – из семантического поля Сумарокова в семантическое поле Третьяковского и обратно, – в равной степени субверсирует потенциал обеих поэтических школ, как и всего рифменного наследия XVIII века.

СОКРАЩЕНИЯ

БП 1910. – Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) <...>. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1910.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Н. Ю. 2009. «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» в творчестве В. К. Третьяковского. – Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / Изд. подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб.: «Наука». С. 446–480.
- Бахтин М. М. 2012. Слово в романе: К вопросам стилистики романа. – Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур. С. 9–179.

- Берков П. Н. 1936. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Берков П. Н. 1962. Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова. – XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 364–375.
- Булгарин Ф. 1830. Сочинения Фаддея Булгарина / Изд. 2-е, исправленное. Ч. IX. СПб.: В Типографии Александра Смирдина.
- Вацуру В. Э. 1986. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина. – Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 305–323.
- Гринберг М. С., Успенский Б. А. 2001. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов. М.: РГГУ.
- Грот Я. К. 1901. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. – Труды Я. К. Грота <а>. Т. III: Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения. С. 117–124 (2-я пагинация).
- Державин Г. Р. 1871. Записки <...>, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. – Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI: Переписка (1794–1816) и «Записки». СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук. С. 413–829.
- Дмитриев М. А. 1869. Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением <...>. М.: Типография Грачева и Комп.
- [Измайлов А.] 1818. Ответы на вопросы, предложенные в 3-й книжке Благонамеренного. – Благонамеренный. Ч. 3. № VII. С. 121–123.
- Карпов А. А. 1982. Об источнике стихотворения Гринева. – Временник Пушкинской комиссии: 1979. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 140–142.
- Красухин Г. Г. 2006. Путеводитель по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета.
- [Курганов Н. Г.] 1769. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие <...>. СПб.: [Типография Морского кадетского корпуса].
- Ломоносов М. В. 1955. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 9: Служебные документы 1742–1765 гг. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Мазур Н. Н. 2009. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции. – Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб.: «Нестор-История». С. 141–208.

- Марков В. 1960. Стихи русских прозаиков. – Воздушные пути: Альманах. [Вып. I]. Нью Йорк: Printed by Rausen Bros. С. 135–178.
- Новиков Н. 1772. Опыт исторического словаря о российских писателях <...>. СПб.: [Типография Императорской Академии Наук].
- Осват А. 2023. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (26–42). – *Slavica Revalensia*. Vol. X. С. 209–236.
- Осват К. 2020. Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение.
- [Остолопов Н.] 1822. Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб.: В Типографии Ив. Глазунова.
- Письма 1869. Письма государыни императрицы Екатерины II-й к князю Михаилу Никитичу Волконскому. – Оснадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. I. М.: Типография Грачева и Комп. С. 79–184.
- Погодин М. П. 1974. Из «Дневника». – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. М.: «Художественная литература». С. 9–26.
- Пумпянский Л. В. 1939. Кантемир. Тредиаковский. – Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. С. 46–81.
- [Пушкин А.] 1836. Капитанская дочка. – Современник. Т. IV. С. 42–215.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.]: Издательство АН СССР.
- Сумароков А. П. 1787. Полн. собр. всех сочинений, в стихах и прозе <...>. Ч. I–X. Изд. 2-е. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова.
- Тредиаковский 1730. Езда в остров любви / Переведена с французского на русский чрез студента Василья Тредиаковского <...>. [СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук].
- Тредиаковский В. 1735. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб.: Печатано <...> при Императорской Академии Наук.
- Тредиаковский В. 1751. Аргенида: Повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-русский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского <...>. Т. II. СПб.: При Императорской Академии Наук.

- Фаддеев А. [Булгарин Ф.] 1825. Подарки в Новый год (Письмо к Издателью). – Северная пчела. № 6. 13 января. [С. 4].
- Шкловский В. 1955. Заметки о прозе русских классиков. Изд. 2-е. М.: Советский писатель.
- Reyffman, I. 1990. *Vasilii Trediakovsky: The Fool of the “New” Russian Literature*. Stanford: Stanford University Press.
- Reyffman, I. 1994. Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin’s *The Captain’s Daughter*. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. № 3. P. 463–478.
- Schwarzband, S. 1994. *Les Carnets de Derjavine et La Fille du capitaine de Pouchkine*. – *Derjavine : Un poète russe dans l’Europe des Lumières*. Sous la direction d’Anita Davidenkoff. Paris : Institut d’Études slaves. P. 149–158.

REFERENCES

- Alekseeva, N. Iu. “Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu’ v tvorchestve V. K. Trediakovskogo.” In *Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu*, by V. K. Trediakovskii. Edited by N. Iu. Alekseeva, 446–80. Saint Petersburg: Nauka, 2009.
- Bakhtin, M. M. “Slovo v romane: K voprosam stilistiki romana.” In *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 3, *Teoriia romana (1930–1961 gg.)*, 9–179. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur, 2012.
- Berkov, P. N. *Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni: 1750–1765*. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1936.
- . “Neskol’ko spravok dlia biografii A. P. Sumarokova.” In *XVIII vek*. Vol. 5, 364–75. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1962.
- Bulgarin, F. *Sochineniia Faddeia Bulgarina*. 2nd rev. ed. Vol. 9. Saint Petersburg: V Tipografii Aleksandra Smirdina, 1830.
- Catherine II and M. N. Volkonsky. “Pis’ma gosudaryni imperatritsy Ekateriny II-i k kniazuiu Mikhailu Nikitichu Volkonskomu.” In *Osmnadtsatyi vek: Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym*. Vol. 1, 79–184. Moscow: Tipografiia Gracheva i Komp., 1869.
- Derzhavin, G. R. “Zapiski [...], zakliuchaiushchie v sebe zhizn’ Gavrily Romanovicha Derzhavina.” In *Sochineniia Derzhavina*. Vol. 6, *Perepiska (1794–1816) i “Zapiski.”* Edited and annotated by Ia. Grot, 413–829. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1871.
- Dmitriev, M. A. *Melochi iz zapasa moei pamiati*. 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Tipografiia Gracheva i Komp., 1869.

- Faddeev, A. [F. Bulgarin, pseud.] "Podarki v Novyi god (Pis'mo k Izdateliu)." *Severnaia pchela*. January 13, 1825.
- Grinberg, M. S. and B. A. Uspenskii. *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov*. Moscow: RGGU, 2001.
- Grot, Ia. K. "Prigotovitel'nye zaniatiia Pushkina dlia istoricheskikh trudov." In *Trudy Ia. K. Grot[a]*. Vol. 3, *Ocherki iz istorii russkoi literatury (1848–1893): Biografii, kharakteristiki i kritiko-bibliograficheskie zametki*, 117–24 (2nd pag.). Saint Petersburg: Tipografia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1901.
- [Izmailov, A.] "Otvety na voprosy, predlozhennye v 3 knizhke Blagonamerennogo." *Blagonamerennyi* 3, no. 7 (1818): 121–23.
- Karpov, A. A. "Ob istochnike stikhotvoreniia Grineva." In *Vremennik Pushkinskoi komissii: 1979*, 140–42. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1982.
- Krasukhin, G. G. *Putevoditel' po romanu A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka": Uchebnoe posobie*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2006.
- [Kurganov, N. G.] *Rossiiskaia universal'naia grammatika, ili Vseobshchee pismo-slovie [...]*. Saint Petersburg: [Tipografia Morskogo Kadetskogo Korpusa], 1769.
- Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 9, *Sluzhebnye dokumenty 1742–1765 gg*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- Markov, V. "Stikhi russkikh prozaikov." In *Vozdushnye puti: Al'manakh*. Vol. 1, 135–78. New York: Printed by Rausen Bros, 1960.
- Mazur, N. N. "Maska neistovogo stikhotvortsa v 'Evgenii Onegine': polemicheskie funktsii." In *Pushkin i ego sovremenniki: Sbornik nauchnykh trudov*. Vol. 5 (44), 141–208. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009.
- Novikov, N. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh [...]*. Saint Petersburg: [Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk], 1772.
- Ospovat, A. "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (26–42)." *Slavica Revalensia* 10 (2023): 209–36.
- Ospovat, K. *Pridvornaia slovesnost': Institut literatury i konstruksii absoliutizma v Rossii serediny 18 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- [Ostolopov, N.] *Kliuch k sochineniiam Derzhavina, s kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta*. Saint Petersburg: V Tipografii Iv. Glazunova, 1822.
- Pogodin, M. P. "Iz 'Dnevnika'." In *A. S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov*. 2 vols. Vol. 2, 9–26. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1974.

- Pumpianskii, L. V. "Kantemir. Trediakovskii." In *Russkaia literatura 18 veka: Uchebnik dlia vysshikh uchebnykh zavedenii*, by G. A. Gukovskii, 46–81. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Nar-komprosa RSFSR, 1939.
- [Pushkin, A.] "Kapitanskaia dochka." *Sovremennik* 4 (1836): 42–215.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- Reyffman, I. *Vasilii Trediakovsky: The Fool of the "New" Russian Literature*. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- . "Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin's *The Captain's Daughter*." *Slavic and East European Journal* 38, no. 3 (1994): 463–78.
- Schwarzband, S. "Les Carnets de Derjavine et *La Fille du capitaine* de Pouchkine." In *Derjavine: Un poète russe dans l'Europe des Lumières*. Edited by Anita Davidenkoff, 149–58. Paris: Institut d'études slaves, 1994.
- Shklovskii, V. *Zametki o proze russkikh klassikov*. 2nd ed. Moscow: Sovetskii pisatel', 1955.
- Sumarokov, A. P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii, v stikhakh i proze* [...]. 2nd ed. Vols. 1–10. Moscow: V Universitetskoi Tipografii u N. Novikova, 1787.
- Trediakovskii, V. *Ezda v ostrov liubvi*. Translated from the French by [...] Vasilii Trediakovskii [...]. [Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk], 1730.
- . *Novyi i kratkii sposob k slozheniiu rossiiskikh stikhov s opredeleniiami do sego nadlezhashchikh zvaniu*. Saint Petersburg: Pechatano [...] pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1735.
- . *Argenida: Povest' geroicheskaia*, by John Barclay. Translated from the Latin and annotated by Vasilii Trediakovskii [...]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1751.
- Vatsuro, V. E. "Iz istoriko-literaturnogo kommentariia k stikhotvoreniiam Pushkina." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 12, 305–23. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1986.

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ ПАСТЕРНАКА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»¹

А. А. Долинин

(Мэдисон)

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне)
А. Блок. «Два века»
(Русское слово. 1914. 25 декабря)

Был вечер, как удар,
И был грудною жабой
Лесов – багровый шар,
Чадивший без послабы.

И день валился с ног,
И с ног валился тут же,
Где с людом и шинок,
Подобранный заблудшей

Трясиной, влекся. Где
Концы свели с концами
Плавучесть звезд в воде
И вод в их панораме.

Где словно спирт, взасос
Пары болот под паром
Тянули крепость рос,
Разбавленных пожаром.

И был как паралич
Тот вечер. Был как кризис
Поэм о смерти. Притч,
Решивших сбуться, близясь.

¹ Я благодарю О. А. Лекманова за полезные советы и замечания.

Сюда! лицом к лицу
Заката, не робея!
Сейчас придет к концу
Последний день Помпеи.

(Пастернак 2003–2005, I: 367–368)

Стихотворение (далее ПДП), по-видимому, было написано летом 1915 года во время или после июльской поездки Пастернака в «плакучий Харьковский уезд»², где он провел около трех недель в имении Красная Поляна у своей тогдашней возлюбленной Надежды Синяковой³. Его название прямо отсылает к знаменитой одноименной картине Брюллова, но не имеет прямого отношения ни к ней, ни к самой Помпее. Пастернак изображает вечер очень жаркого украинского дня: «багровый шар» заходящего солнца, чад, испарения, удушье, местный люд, стекающийся в деревенский шинок (где, судя по спиртовым мотивам в четвертой строфе, торговали суррогатами водки, популярными в годы сухого закона).

ПДП вошел в первое издание сборника «Поверх барьеров» (1917), где он напечатан под № 29 (см.: Пастернак 1917: 58–59). Посылая сборник в 1926 г. Марине Цветаевой и довольно строго его оценивая, Пастернак заметил, что «вещи поотраднее» начинаются в нем со страницы 58 (Пастернак 2003–2005, VII: 690) – то есть с ПДП. Тем не менее во вторую, радикально измененную версию сборника, подготовленную в 1928 г., он ПДП не включил, хотя тщательно отредактировал и исправил (см.: Пастернак 2003–2005, I: 384).

В сборнике ПДП предшествовало еще одно стихотворение с заемным и обманчивым названием – эротическая «Appassionata» («От жара струились стручья...»), написанная примерно тогда же и посвященная – вместе с несколькими другими стихотворениями,

² Из поздней редакции стихотворения «Мельницы» (Пастернак 2003–2005, I: 103). На самом деле Красная Поляна находилась не в Харьковском, а в Змиевском уезде, в 29 км к югу от Харькова.

³ Биографические сведения о семье Синяковых суммированы в цикле из шести статей с приложением на сайте «История Змиевского края»: Титарь В. П., Парамонов А. Ф., Фефелова Л. И. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма. – [https://colovrat.org/publ/8-1-0-234\[-252\]](https://colovrat.org/publ/8-1-0-234[-252])

не вошедшими в редакцию 1928 г., – Надежде Синяковой. Как и в ПДП, в нем важную роль играет мотив жары / жара, что можно отчасти объяснить чрезвычайными погодными условиями лета 1915 г. Как раз в те дни, когда Пастернак жил близ Харькова, там установилась необыкновенно жаркая погода. 12 июля 1915 г. журналист харьковской газеты «Южный край» в заметке «Вопросы дня» писал:

Харьков под самыми тропиками!...

Знойная полоса лета наступила с неделю тому назад, и пребывание в Харькове, в этом каменном мешке, становится невыносимым, даже грозы и вечерняя прохлада не освежают. <...>

Были дни, когда температура доходила до 44° R. [= 55 °C], жары чисто тропической, и население <...> ищет облегчения в грязных и мутных водах харьковских реченок... <...> Люди вместо прохлады, – вода в них воняет, и чуть ли не 25° R. [= 31 °C], – находят гибель, часто от дурноты, с ними происходят обмороки, и немало приобретается разных кожных болезней... (1915. № 12813. 12 июля. С. 7; подпись «Журналист»).

Если в «Appassionata» «жар» относится не столько к температурной аномалии, сколько к жаркой ночи любви с одержимой страстью женщиной (*Appassionata*, *ит. прил. ж. р.* – страстная, одержимая страстью), то упоминание Помпеи в названии ПДП, повторенном в финальной строке, вызывает совсем другие – не сексуальные, а общественно-политические – ассоциации. Начиная с эпохи романтизма, извержение Везувия и уничтожение Помпеи нередко использовались в поэзии и публицистике как окказиональные прономинии различных катастроф, катаклизмов, резких сдвигов и переломов, которые изменяли (или должны изменить) судьбы народов и государств. Например, в последней, седьмой части цикла Гюго «À la jeune France» («К молодой Франции», 1830)⁴ ярко описанное извержение «разгневанного Везувия», разрушающего город, – это аллегория только что победившей июльской революции

⁴ В сборнике «Les chants du crépuscule» («Сумеречные песни», 1835) цикл получил новое название «Продиктовано после июля 1830 года» («Dicté après Juillet 1830»).

в Париже (Hugo 1964: 823–824). После неудачи революций 1848 г. Герцен предсказывал новый подъем революционного движения и окончательную гибель западной буржуазной цивилизации («С того берега», 1849):

Кайтесь, господа, кайтесь! Суд миру вашему пришел. <...> Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать? – Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землю, внутри гор. Когда настанет их час – Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот... Эта лава, эти варвары, <...> идущие покончить дряхлое и бессильное и расчистить место свежему и новому, ближе, нежели вы думаете (Герцен 1955: 58).

Н. Минский в первой редакции раннего «Везувия» (1881), аллегоризируя вслед за Гюго извержение вулкана, приветствовал «губителя городов, / Чей скрытый гнев смертельный страх вселяет», прославлял революционное насилие («Счастлив, чей пламень внутренний нашел / Исход наружу, лавой вытекаая») и, наконец, в финале предоставлял слово самому вулкану, который объясняет, что восстал, потому что не мог больше терпеть «тяжелый гнет людей», превративших его в раба (Минский 1888: 27–30). Тогда «последний день Помпеи» (или, как в заглавии популярного романа Булвера-Литтона, «Последние дни Помпеи») – это предвестье, канун или самое начало мощного катаклизма, который изменяет ход истории. Именно в этом переносном смысле следует понимать само название стихотворения Пастернака.

Жаркое лето 1915 года давало достаточно оснований для апокалипсических настроений. В Галиции и Польше продолжалось начатое весной «великое отступление» русской армии, сопряженное с огромными потерями. В «Очерках русской смуты» Деникин назвал его катастрофой, «великой трагедией русской армии», и вспоминал: «Ни патронов, ни снарядов. Изю дня в день кровавые бои, изю дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная

жуть...» (Деникин 1921: 29–30). Несмотря на успокоительное вранье газетных пропагандистов и строгости военной цензуры (например, в стихотворении «Осень. Отвыкли от молний...» из «Поверх барьеров» она пропустила лишь одну строфу из шести), слухи о военной катастрофе и возмущение преступным бездействием властей, оставивших армию без боеприпасов, быстро распространились во всех слоях российского общества. 23 июля Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Более мутного момента еще не было за год войны. Вероятно, не было и за всю жизнь нашу, и за жизнь наших отцов. Мы отдали назад всю Галицию <...>, эвакуирована Варшава. Взята Либава, Виндава, кажется, Митава, очищена Рига. Сильнейшее наступление на нас, а у нас... *нет снарядов!*» (Гиппиус 1982: 116). Примерно тогда же Брюсов, в мае вернувшийся с польского фронта, вписал «в альбом одной дамы» экспромт, который начинался так:

Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!
Мы пред врагом отступить
Будем постыдно... О, боже!

Мы пред врагом отступить
Будем теперь... Почему же?
– Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!

(Брюсов 1973–1975, 3: 352)⁵

На украинской земле ужасы войны ощущались, конечно же, намного сильнее, чем в обеих столицах. Уже известная нам газета «Южный край» каждый день сообщала о прибытии в Харьков – главный прифронтовой эвакуационный пункт – нескольких санитарных поездов с ранеными и эшелонов с сотнями беженцев из Польши и Галиции; печатала длинные списки погибших, раненых и без вести пропавших, как офицеров, так и низших чинов; публиковала письма с фронта и т. п. В нескольких уездах началась эпидемия холеры, а

⁵ Об этом стихотворении и о реакции других поэтов-символистов на «великое отступление» 1915 г. см.: Hellman 2018: 198–201.

кое-где и тифа; люди жаловались на недостаток мяса и некоторых других продуктов на рынках и в лавках.

Одним словом, все указанные в Новом Завете признаки начала конца (кроме труса) были налицо, и Пастернак, судя по метафорам и сравнениям ПДП, это почувствовал. Уже в первой строфе через них вводятся мотивы болезни и насилия: вечер, то есть переживаемое поэтом «сумеречное» состояние души и мира, сравнивается с ударом в обоих значениях, боевом и медицинском, а жаркое солнце ассоциируется с грудной жабой. Во второй – день валится с ног (от удара? от жара / жары? от усталости?). В пятой, предпоследней, вечер снова становится членом сравнения, но на этот раз сравнивается не с ударом, а с его последствием – параличом, и с кризисом, у которого могут быть разные значения, в том числе медицинское (критическое состояние больного, заканчивающееся либо смертью, либо выздоровлением) и актуальное политическое⁶. Однако оба определения после слова «кризис» – «поэмы» и «притчи» – показывают, что в данном случае речь идет о принятом в конце XIX – начале XX в. литературоведческом термине, обозначающем кульминацию или поворотный пункт в развитии драматического действия (прежде всего в шекспировских трагедиях⁷). Под «притчами, решившими сбыться», Пастернак, очевидно, имел в виду многочисленные библейские пророчества о страшных потрясениях и «последних временах», особенно в главе 24 Евангелия от Матфея, в посланиях апостолов и, конечно же, в Откровении Св. Иоанна. С какими конкретно «поэмами о смерти» он сопоставлял современную критическую ситуацию, определить невозможно, потому что подобных стихов в мировой поэзии великое множество. Отмечу лишь, что они нередко заканчиваются тем, что поэт и / или его герои преодолевают страх смерти и встречают ее, подобно лермонтовскому

⁶ На заседании Государственной Думы 19 июля 1915 года Г. С. Чхеидзе, глава фракции меньшевиков, заявил: «...Россия переживает острый, опасный кризис, и если она не сделает решительного поворота, то очень легко может статься, что страна вступит на путь полного краха, а народ на путь полного вырождения» (Стенографический отчет 1915: 119).

⁷ См., например, анализ «Макбета» в «Учебном курсе теории словесности» В. А. Яковлева для средних учебных заведений: Яковлев 1895: 157–158.

барсу, «лицом к лицу, / Как в битве следует бойцу». Именно так, «лицом к лицу», «не робея», Пастернак в последней строфе призывает своих современников встретить приближающийся конец «последнего дня Помпеи»⁸ – то есть конец рушащегося российского *Ancien Régime*, который вскоре назовут «крушением империи». В процитированном выше письме Цветаевой о сборнике «Поверх барьеров» Пастернак отмечал, что начало книги откликается на «предчувствуемые предпосылки революции» (Пастернак 2003–2005, VII: 690), а ПДП, как представляется, предсказывает ее скорый приход.

Любопытно, что в том же 1915 году мятежи и революции предсказал Маяковский во второй главе «Облака в штанах»:

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

⁸ На картине Брюллова, давшей название ПДП, имеется персонаж, который встречает скорую гибель со стоическим спокойствием, «лицом к лицу», бесстрашно глядя на пламя Везувия и падающие с крыши гробницы языческие статуи. Это христианский священник с крестом на груди – явный анахронизм, потому что в Помпее I в. н. э. христианской общины не было. Ему контрастно противопоставлен трусливый языческий жрец, повернувшийся к пламени спиной. Этот контраст, важный для понимания аллегорического смысла картины (см.: Сурат 2009: 296–297), отметил один из первых критиков картины, итальянский археолог и литератор Пьетро Эрколе Висконти в подробном панегирическом описании «Последнего дня Помпеи», которое было заказано ему петербургским Обществом Поощрения Художников и немедленно переведено на русский язык: «...старец, почтенной наружности, с седою бородою <...> есть Христианский священнослужитель. Символ искупления, святой признак его сана, висит у него на груди. <...> В благородном и простом лице его отражается добродетель. С твердостью покоряется он таинственным законам Природы и один во всей толпе спокойно смотрит на это бушующее небо <...>. Но посмотрите на этого языческого жреца, удачно выведенного на сцену, чтоб показать различие чувствований в одном и том же бедствии! Какой взгляд мечет он в небеса, где для него уже нет божества!... Он не верит и не надеется. В этих двух фигурах целые две Истории» (Последний день Помпеи, картина К. Брюллова. – Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. № 1. С. 126. Оригинал: Visconti 1833: 19–20).

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

(Маяковский 1955: 185)

Как и Пастернак, Маяковский связывает мотив грядущей революции с мотивом заката («На небе, красный, как марсельеза, / вздрагивал, околевая, закат». – Там же: 189) и даже вспоминает гибель Помпеи – правда, отождествляя с Везувием не народное возмущение, а самого себя, обиженного женщиной и потому грозящего ей участью древнего города («Помните! / Погибла Помпея, / когда раздражили Везувий!» – Там же: 179). Главным предвестьем еще не раздутого мирового пожара в поэме выступает не пламя вулкана, а «горящие руки “Лузитании”» (Там же: 180) – британского лайнера, торпедированного немецкой субмариной в мае 1915 года.

К сожалению, мы не можем точно установить, когда и в каком объеме Пастернак познакомился с поэмой Маяковского. В «Охранной грамоте» он вспоминал лишь о встрече с Маяковским в Петрограде в октябре 1915 г., когда «книжкой в оранжевой обложке вышло “Облако в штанах”» (Пастернак 2003–2005, III: 225), изуродованное цензурой. Маяковский повел его на вечер к Брикам и читал там – по дневниковой записи Хлебникова, «хуже обыкновенного» – всю поэму (Хлебников 1933: 333). Еще раньше Пастернак должен был видеть небольшие фрагменты в первом выпуске сборника «Стрелец» (Пг., 1915. С. 87–90) и в статье самого поэта «О разных Маяковских» (Журнал журналов. 1915. № 17. 12 августа). Разными окольными путями могли доходить до Пастернака и какие-то другие места поэмы, особенно неподцензурные. Этого явно недостаточно, чтобы предполагать генетическую связь между двумя текстами, но важнее другое – то, что самые, пожалуй, талантливые поэты одного поколения с разным мировосприятием, поэтикой и опытом за два года до двух русских революций одновременно почувствовали их неотвратимость.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брюсов В. 1973–1975. Собр. соч.: В 7-ми тт. М.: «Художественная литература».
- Герцен А. И. 1955. Собр. соч.: В 30-ти тт. Т. 6: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Гиппиус З. 1982. Петербургские дневники (1914–1919). New York: Орфей.
- Деникин А. И. 1921. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Paris: J. Povolozky & Cie, Éditeurs.
- Маяковский В. В. 1955. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 1: 1912–1917. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Минский Н. М. 1888. Стихотворения: Изд. 2-е. СПб.: Типография В. С. Балашева.
- Пастернак Б. 1917. Поверх барьеров: Вторая книга стихов. М.: Центрифуга.
- Пастернак Б. Л. 2003–2005. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. М.: Слово/Slovo.
- Стенографический отчет 1915. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Заседание первое. Воскресенье, 19 июля 1915 г. Стенографический отчет. Пг.: Государственная типография.
- Сурат И. З. 2009. Пушкин и гибель Помпеи. – Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М.: Издательство РГГУ. С. 293–303.
- Хлебников В. 1933. Собр. произведений: [В 5-ти тт.] / Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Т. V: Стихи, проза, статьи, записная книжка, письма, дневник. Л.: Издательство писателей в Ленинграде.
- Яковлев В. А. 1895. Учебный курс теории словесности: Изд. 3-е, исправленное и дополненное. СПб.: «Русский книжный магазин».
- Hellman, B. 2018. Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution, 1914–1918. Second Revised Edition. Leiden; Boston: Brill.
- Hugo, V. 1964. Œuvres poétiques. T. I: Avant l'exil 1802–1851. Paris: Édition Gallimard. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Visconti, P. E. 1833. L'ultimo giorno di Pompei: Quadro dipinto dal sig. Cavaliere Carlo Brulloff... Roma: Presso Antonio Boulzalzer.

REFERENCES

- Briusov, V. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1973–1975.
- Denikin, A. I. *Ocherki Russkoi Smuty*. Vol. 1. Pt. 1, *Krushenie vlasti i armii. Fevral'–sentiabr' 1917*. Paris: J. Povolozky & Cie, Éditeurs, 1921.

- Gippius, Z. *Peterburgskie dnevniki (1914–1919)*. New York: Orpheus, 1982.
- Gosudarstvennaia Duma. *Chetvertyi sozyv. Sessii IV. Zasedanie pervoe. Voskresen'e, 19 iiulia 1915 g. Stenograficheskii otchet*. Petrograd: Gosudarstvennaia tipografiia, 1915.
- Hellman, B. *Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution, 1914–1918*. 2nd rev. ed. Leiden and Boston: Brill, 2018.
- Herzen, A. I. *Sobranie sochinenii*. 30 vols. Vol. 6, *S togo berega. Stat'i. Dolg prezhde vsego. 1847–1851*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955.
- Hugo, V. *Œuvres poétiques*. Vol. 1, *Avant l'exil 1802–1851*. Bibliothèque de la Pléiade. Paris: Édition Gallimard, 1964.
- Iakovlev, V. A. *Uchebnyi kurs teorii slovesnosti*. 3rd rev. and exp. ed. Saint Petersburg: Russkii knizhnyi magazin, 1895.
- Khlebnikov, V. *Sobranie proizvedenii*. Edited by Iu. Tynianov, and N. Stepanov. 5 vols. Vol. 5, *Stikhi, proza, stat'i, zapisnaia knizhka, pis'ma, dnevnik*. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1933.
- Maiakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 1, *1912–1917*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955.
- Minskii, N. M. *Stikhotvoreniia*. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiia V. S. Balasheva, 1888.
- Pasternak, B. *Poverkh bar'erov: Vtoraia kniga stikhov*. Moscow: Tsentrifuga, 1917.
- . *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Moscow: Slovo/Slovo, 2003–2005.
- Surat, I. Z. “Pushkin i gibel' Pompei.” In *Vcherashnee solntse: O Pushkine i pushkinistakh*, 293–303. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2009.
- Visconti, P. E. *L'ultimo giorno di Pompei: Quadro dipinto dal sig. Cavaliere Carlo Brulloff...* Rome: Presso Antonio Boulzaler, 1833.

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ: БОРИС ПАСТЕРНАК. ЧАСТЬ I

Р. Д. Ти́менчик
(Иерусалим)

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт. По ахматовским блокнотам рассыпаны даты взаимных пересечений двух биографий, начиная с эпизода чтения сборника «Четки» (частью которого был раздел «Стихи из книги “Вечер”») весной 1915 года (см.: *Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022*: 160–162), упомянутого в автобиографии Пастернака, внесенной в автобиблиографию Ахматовой: «Пастернак: Автобиография. Paris» (Ахматова 1996: 212):

Je me la rappelle bien. Les rayons d'un coucher de soleil d'automne <sic!> sillonnaient la pièce et le livre que je feuilletais. Dans ce livre, le soir se retrouvait sous deux aspects. L'un posait un rosissement léger sur les pages, l'autre était le contenu et l'âme des vers qui y étaient imprimés. J'enviais l'auteur qui avait su retenir avec des moyens aussi simples les parcelles de vérité qu'il y avait apportées. C'était l'un des premiers livres d'Akhmatova, *La Passerine*, sans doute (Pasternak 1958: 86–87).

Ср.:

I remember it very well. The rays of the setting autumn sun furrowed the room and the book I was looking through. There were two kinds of evening in the book. One lay across it with a light rosy hue. The other was made up of the contents and the soul of the poems published in it. I envied its author, who was able to retain the bits of reality she had put into it with such simple means. It was one of Akhmatova's first books, probably *The Plantain* (Pasternak 1960: 82).

Ср. в оригинале:

Я хорошо помню. Лучи садившегося осеннего <sic!> солнца бороздили комнату и книгу, которую я перелистывал. Вечер в двух видах заключался в ней. Один легким порозовением лежал на ее страницах. Другой составлял содержание и душу стихов, напечатанных в ней. Я завидовал автору, сумевшему такими простыми средствами удержать частицы действительности, в нее занесенные. Это была одна из первых книг Ахматовой, вероятно, «Подорожник» (Пастернак 1967: 225).

См.: «Когда я сказала ему, что “Подорожник” не одна из первых книг, а одна из последних, и вышла она не в 14 г<оду>, а в 21<-м>, и нельзя ли это поправить, он замахал руками: “Нет, нет, там так много такого!!”» (Ахматова 1998: 58). Ахматова была знакома с этим моментом в тексте до его публикации – в январе 1957 г. записано:

...Анна Андреевна обиделась на Бориса Леонидовича. Мельком, в придаточном предложении, он у нее осведомился: «У вас ведь есть, кажется, такая книга – “Вечер”?»

– А если бы я у него спросила: у вас ведь есть, кажется, такая книга – «Поверх барьеров»? Он раззнакомился бы со мной, перестал кланяться на улице, уверяю вас... Пишет, что «Подорожник» лежал у него на столе накануне войны. А «Подорожник» вышел в 1921... Совсем провалился в себя. Не видит уже никого и ничего (Чуковская 1997b: 234; подход к интерпретации сдвига см.: Амелин, Мордерер 2009: 179–183).

К моменту писания автобиографии Пастернак уже прошел сквозь опыт рабочего толкования непонятой собеседником шутки Ромео о врачевании разбитого сердца кровоостанавливающим подорожником (ср. «...кусок / Кровоостанавливающей арники» в «Марбурге» – Пастернак 2003: 102):

R o m e o
Your plantain leaf is excellent for that.
B e n v o l i o
For what, I pray thee?

R o m e o

For your broken shin.

B e n v o l i o

Why, Romeo, art thou mad?

Р о м е о . Хорош при этом также подорожник.

Б е н в о л и о . При чем, дружок?

Р о м е о . При переломе ног.

Б е н в о л и о . Да ты не спятил?

(Шекспир 1944: 21)

Об амбивалентной семантике ахматовского «подорожника» см.: Пугачева 2014: 103; Стрыгина 2021: 42–43. Предпочтение, оказанное «Подорожнику» среди иной ахматовской титулатуры, связано, видимо, со скромностью растения, его самоумалением – ср. «Мне чудится смиренный подорожник» в стихотворении «Надпись на книге “Подорожник”», впервые напечатанном в сборнике, который Пастернак рецензировал (см.: Ахматова 1943: 43), и созвучием пастернаковскому девизу о поэзии, которая «валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и подобрать с земли» (Пастернак 2004: 229).

Погружению Пастернака в сборник «Четки» предшествовало знакомство с ее стихами с голоса Маяковского на московских улицах осенью 1914 года: «Маяковский читал Ахматову, Северянина, свое и большеаковское о войне и городе» (Пастернак 1931: 39; о функции включения имени антипода Маяковского см.: Флейшман 2003: 316); ср. воспоминания Михаила Зенкевича: «...[К. А.] Большеаков рассказывал, что они с Маяковским когда-то ходили по Москве и читали стихотворения Ахматовой. <...> “Там есть прудок, такой прудок, // Где тина на парчу похожа...”» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников 2002: 28) – и Александра Вертинского:

Как-то мы с Маяковским шли по Тверскому бульвару от Никитских ворот к Страстному. <...> Мы ежились и мерзли. Маяковский читал стихи Ахматовой о Пушкине:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>

Стихи ему, по-видимому, очень нравились: читал он их задушевно, вполголоса (Вертинский 1991: 93).

Ахматова познакомилась с Пастернаком в 1922 г., но знакомству предшествовало несколько лет, когда о нем доходили до нее, говоря его словами, «толчки одни» (Пастернак 2003: 351). Георгий Адамович вспоминал «Пастернака, первые произведения которого произвели в Петербурге (не знаю, что было в Москве) впечатление глубокое и длительное, даже на поэтов, резко с ним расходившихся в методах и стиле (на Анну Ахматову, например, на Кузмина, на Сологуба, отчасти на Гумилева)»¹; в другой раз он приурочивал ахматовскую реакцию к чтению альманаха «Весеннее контрагентство муз», вышедшего в мае 1915 г. (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 163), где были напечатаны стихотворения «В посадке, куда ни одна нога...» (ср.: Пастернак 2003: 84), «Весна, ты сырость рудника в висках...» (ср.: Там же: 514), «Я клавишей стаю кормил с руки...» (ср.: Там же: 93): «с каким упоением читала их Ахматова, как захлебывался Осип Мандельштам: кто это, где он, откуда?»²; в первый раз он вспоминал это событие еще без упоминания Ахматовой:

Лет двенадцать тому назад, когда о Пастернаке еще мало кто слышал, получился в Петербурге московский альманах, называвшийся, кажется, «Весеннее контрагентство муз». В альманахе было несколько стихотворений Пастернака и среди них одно, путанное, длинное, о Замоскворечье, со строчкой: «не тот это город и полночь не та». От этого стихотворения несколько юных петербургских поэтов почти что сошли с ума. Даже снисходительно-важный Гумилев отзывался о новом стихотворце с необычным воодушевлением. Мандельштам же бредил им³.

¹ Адамович Г. Литературные заметки. – Последние новости. 1931. № 3676. 16 апреля. С. 2.

² Г. А. [Адамович Г. В.] Владислав Ходасевич. – Последние новости. 1939. № 6660. 22 июня. С. 3.

³ Адамович Г. «Лейтенант Шмидт» Б. Пастернака. – Звено (Париж). 1927. № 218. 3 апреля. С. 2.

Отзыв Гумилева: «Забавна у Пастернака строчка: “И птицы породы ‘люблю вас’”»; «Гимназическая фауна» (Мочалова 2004: 39). Гумилев распознал в строках стихотворения «Я клавишей стаю кормил с руки...» – «И птиц из породы люблювас <sic!>, / Казалось, скорей умертвят, чем умрут / Крикливые черные крепкие клювы» (Пастернак 1915: 47) – каламбур из школярского флирта: Ich liebe dich (Я люблю тебя) – лебедих. Н. Оцуп вспоминал, что начало этого стихотворения «Гумилев декламировал с удовольствием» (Оцуп 1928: 264). По-видимому, Гумилев и Мандельштам познакомились с московским гостем в октябре 1915 года в Петрограде (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 166), когда Гумилев устраивал литературные собрания для поэтической молодежи, на которых бывал и Мандельштам (см.: Лукницкий 2010: 423), и спустя шесть лет Гумилев говорил в Москве: «Позовем Пастернака, он милый человек и талантливый поэт» (Мочалова 2004: 39). Пастернак же говорил о двух акмеистах в 1920–1921 гг., по (возможно, неточной) записи мемуариста:

Я сказал:

– По крайней мере, они умеют делать стихи.

– Да, да, да, да! Конечно! Умеют. Но-о!.. Они запрягают в пролетку игрушечных лошадок. Знают про сбрую, про дугу и подпругу. Мандельштам? Он, поди, тоже знает про подпругу, и чтобы седло не сползло. – Борис Леонидович рассмеялся добродушно, но немного как людоед. – Подождите! Он же служил в лейб-гвардии – рядовым, конечно. Его Гумилев определил через влиятельных особ женского пола. Но *тот* – офицер и гвардеец «со связями». Любил «высший свет», хоть от него и следа не осталось, и продолжает любить, наверное, – как Оскар Уайльд. Я жил в Петербурге и немного их знаю. <...> Блок и Анненский только одни и держались большого русского словаря. Я, еще в Петербурге, говорил об этом с Гумилевым и Осипом Мандельштамом, и они меня слушали. Гумилев – храня гордое величье, но Мандельштам – как откровение и мотая себе на ус... (Вильмонт 1989: 19–20, 47; о Пастернаке и Гумилеве см.: Флейшман 2003: 193–194, 196–197; Тименчик 2018b: 343–344; Тименчик 2022: 73–74)

Память об ошеломляющем эффекте стихотворения «Я клавишей стаю кормил с руки...», позднее получавшего названия «Импровизация», «Импровизация на рояле» (см.: Пастернак 2003: 93, 578, 686), была запечатлена в 1940 году в цитате из него, взятой эпиграфом к первому разделу сборника «Из шести книг»:

И было темно. И это был пруд

И волны...

Борис Пастернак.

(Ахматова 1940: <5>; ср.: Ахматова 1976: 476)

Как заметил Вяч. Вс. Иванов, «она выбрала строки наименее метафорические и своей сдержанной живописностью напоминающие ее собственные ранние (а не значительно более усложненные последующие) сборники» (Иванов Вяч. Вс. 2000: 262). Но в 1940 году, по-видимому, у ахматовской тайнописи был дополнительный повод избрать эти строки: они указывали на «камыши в пруду» из стихотворения 1938–1940 гг. «Памяти Пильняка» (Ахматова 1965: 270) – речь шла о переделкинском пруде неподалеку от дачи Пастернака, проезжая через который в 1955 году Ахматова процитировала строфу про камыши и сказала: «А вот что помню: незадолго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал: “А мне?” – “И вам напишу”. И вот когда довелось написать!» (Чуковская 1997b: 143).

Расстрелянный в апреле 1938 года Борис Пильняк был многолетним другом Пастернака со сложной драматургией взаимоотношений, например: «Борис Пильняк относился к Пастернаку двойственно: то осуждал в нем его “изоляционизм”, то считал это единственно приемлемой позицией для писателя в современных условиях» (Кротков 1967: 64; см.: Флейшман 2005: по указателю). Мотив «пруда» отсылал к дружбе и соперничеству двух писателей.

В середине января 1922 г. Пастернак вместе с невестой Е. В. Лурье увидели Ахматову во время заседания кружка «Звучащая раковина» (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 267): «АА говорит, что Н. Тихонова и Пастернака видела обоих

сразу и обоих первый раз в жизни у Наппельбаумов. Пастернак тогда читал стихи, а Тихонов “ел его глазами” (Лукницкий 1997: 251); во время этой встречи или очень скоро после нее «Ахматова надписала Пастернаку на своем “Подорожнике”: “Борису Пастернаку, чьи стихи мне кажутся волшебными”. Ее, говорят, спросили: вы, значит, любите его стихи? Она подумала и ответила: “Я написала волшебные. Волшебство не любовь. Ему удивляются”. Как всегда коротко и точно» (Коростелев, Федякин 1995: 71). Марина Цветаева в письме к Пастернаку вспоминала о разговоре с ним весной 1922 г.:

Потом рассказывали об Ахматовой. Я спросила об основной ее земной примете. И Вы, вглядываясь:

– Чистота внимания. Она напоминает мне сестру (Цветаева, Пастернак 2004: 15).

Возможно, в этом рассказе Пастернака содержалось и сообщение об отношении Ахматовой к его стихам и от Цветаевой это сообщение попало к Илье Эренбургу, который писал в июле 1922 г. в рецензии на сборник «Сестра моя жизнь»: «Я понимаю, почему в этот курорт (наз^{ываемый} Пастернак) с равной охотой идут Маяковский, Брюсов, Ахматова» (Пастернак 2012: 985; Тименчик 2021: 195). Стихи Пастернака Ахматова, очевидно, знала по воронежскому журналу, где могла прочесть «Степь» («Как были те выходы в тишь хороши!..») (см.: Сирена. 1918. № 2/3. С. 13–14) – в том же номере редактор В. И. Нарбут поместил ахматовские стихотворения «Про-плывают льдины, звеня...» и «От любви твоей загадочной...», и по московскому сборнику «Весенний салон поэтов» 1918 года, где Пастернак был представлен пятью стихотворениями – «Не как люди, не еженедельно...»; «Фантазм» («В девять, по левой, как выйти со Страстного...»); «Марбург» («День был резкий, и тон был резкий...»); «По стене сбежали стрелки...»; «Лодка колотится в озерной груди...» – и пятью стихотворениями – Ахматова.

К лету 1922 года пришло время дарения «гениальной книги лета 1917 (вышла в 1921 <sic!>» (Ахматова 1996: 209) – она вышла к маю (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 276). Надпись на ней Ахматова через 40 лет предполагала

показать знакомому Пастернака Эрику Местертону: «Для Эрика / Пастер~~нак~~ – две надписи и письмо» (Ахматова 1996: 227); «Показать Э~~рику~~ <...> Б. Пастер~~нак~~ телегр~~амма~~, два письма, надписи на книгах» (Там же: 237–238; в цитируемом издании инициал Местертон раскритикован ошибочно). Надпись от 6 июня 1922 г. гласила:

Анне Ахматовой, поэту – товарищу по несчастью. Дичливой, от- роческой, и менее чем на половину использованной впечатли- тельности, и потому: – особо-исключительной жертве критики, не умеющей чувствовать и пытающейся быть сочувственной, жертве непрошенных и никогда не своевременных итогов и схем, с любовью от человека, который все силы свои положит на то, чтобы изгнать отвратительное слово «мастер» из прижизненной обстановки людей, осужденных выражать себя и себя в этом выражении складывать, с клятвенным обещанием повисить тре- бовательность века до тех натуральных норм, когда можно будет прохаживаться в размышлениях, не рискуя расшибить лба об неожиданную апофеозу, и темени, при естественном отскоке на- зад – об еще более неожиданное и оправданное только принципом архитектурной симметрии развенчанье (Пастернак 1983: 654).

Ср.: «АА усмехнулась: “Вот как люди надписывают!”» (Лукницкий 1991: 76). Адресаты полемики запала инскрипта, как пред- ставляется, названы Кристофером Барнсом неверно – марксисты в лице Б. Арватова, Г. Горбачева и ошибочно занесенного в эту компанию В. А. Чудовского (см.: Barnes 1989: 293), скорее может идти речь об очерке влиятельного в Москве Юлия Айхенвальда (см.: Айхенвальд 1922: 53–75), за четыре дня до пастернаковской записи выдвинутого в центр всероссийского внимания правдинской статьей Л. Д. Троцкого (см.: Тименчик 2009: 37–40) и о патетике которого отозвался бывший литературный соратник Пастернака:

Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: <...> Ахматова: «явила образ женской

души... так задушевно и проникновенны ее интонации... это пленительно». <...> Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем (Бобров 1922: 288).

В письме к Ю. И. Юркуну Пастернак пояснял:

В случае с Анной Андреевной боязнь показаться фамильярно-панибратствующим (а как это было бы далеко от истины!) преодолена чувством живого знакомства с ней. В этом духе я и сделал ей надпись: как человеку, несправедливо потерпевшему от дружественной критики, преждевременно объявляющей человека мастером, канонизирующей его в меру своих умеренных требований и больше ничего от него не желающего. А когда я книжку ей надписывал, я видел перед собой чуть что не девочку с тем восприимчивым воображением, которое чурается всякой обобщенности и отвлеченья, даже того малого, какое заключается в понятии «зрелого человека», не говоря уже о той абстракции, которой подвергается человек, мирящийся со званием мастера (Пастернак 1977: 191–192).

Фразу о дружественной критике Михаил Кузмин обратил к самому Пастернаку: «Пастернак достаточно пострадал от дружественной критики Эренбурга»⁴.

Пастернак, вероятно, увидел Ахматову в следующий раз 17 августа 1922 г., когда она пришла провожать Артура Лурье на набережную к пароходу, отправлявшемуся в Штеттин в Германии (см.: Пастернак Евг., Пастернак Ел. 2004: 198). «Пароход отходил с опозданием на пять часов, мы все сидели на ящиках у пристани и ждали» (Волошина 1993: 306). Ахматова описала этот день в стихотворении «Разлука»: «Вот и берег северного моря...» (Ахматова 1923: 26), а Пастернак – в стихотворении «Отплытие» (см.: Пастернак

⁴ Кузмин М. Говорящие. – Жизнь искусства. 1922. № 31. 8–15 августа. С. 1.

2003: 185, 707), где зачин «Слышен лепет соли каплющей...» представляется типичным образцом «преобразования источника» (Смирнов 1985: 113) в манере «механизмов» пастернаковской интертекстуальности (Там же: 131) – препарированный по-пастернаковски финал «пароходного стихотворения» «Просыпаться на рассвете...»: «От соленых брызг и ветра / С каждым часом молодеть» (Ахматова 1921: 12).

«Б. Пастернак примолк после гениальной книги лета 1917 (вышла в 1921 <sic!>), растил сына, читал толстые книги и писал свои 3 поэмы» (Ахматова 1996: 209) – вероятно, эта спрессованная справка (в контексте оправдания собственного периода «молчания» – см.: Тименчик 2018а: 228–229, 233) восходила к повторяющейся автохарактеристике Пастернака («Я раз оставить должен был стезю / Объевшегося рифмами всезнайки. // Я бедствовал. У нас родился сын...»). – Пастернак 2003: 267), как к ней же восходило и синхронное свидетельство Сергея Буданцева 1925 года: «Он женат, у него сын Женя, а поэтам трудно жить. Он служит, зарабатывает деньги, целый день занят, а дома у него нельзя громко разговаривать. Это Борису-то, с его голосом! Но он написал, говорят, прекрасную поэму “Спекторский”, выпустил книжку прозы, которая, впрочем, не выходит за пределы книжных магазинов» (Nivat 1974: 207).

В августе 1923 года Ахматова говорила И. Н. Розанову: «о Пастернаке – талантлив, но до Мандельштама далеко: “Я не изменю об нем своего мнения, хотя он меня начал печатно бранить”» (Богомолов 2021: 345); ср. разговор в июле 1925 года:

У Пастернака есть достоинства, но есть недостатки, которых у Мандельштама нет. Мандельштам лучше... Шенгели спросил АА о Пастернаке. АА ответила так. Он удивился (он совершенно не признает Пастернака, ничего в нем не чувствует).

Я: «В чем недостатки? Прозаизм?»

«Ну, это еще может быть отнесено к стилю поэта... У него часто язык неправильный, не по-русски...» (Лукницкий 1991: 200)

В следующий после встречи на набережной раз Ахматова увидела Пастернака на вечере «Литературное сегодня» 17 апреля 1924 г. –

«на вечере “Русского совр<еменника>” (апрель 1924) в зале Консерватории (Москва)» (Ахматова 1996: 379); ср. разговор с Сергеем Спасским в 1941 году:

– Я видел вас впервые в Москве в Консерватории на вечере «Современника». Заглянул в артистическую, вижу – Пастернак и Асеев подходят к вам.

– Тогда Асеев поднес мне стихотворение. Асеева со мной Пастернак знакомил (Timenchik 2014: 112; ср.: Лукницкий 1997: 257).

В 1926 году Ахматовой была подарена новая книга «Рассказы» (М.; Л.: Круг, 1925): «Дорогой / Анне Андреевне / Ахматовой / в знак горячей / преданности / Б. Пастернак / 9/III/26 / Москва» (Сеславинский 2015: 55–56) – во время поездки Ахматовой с Н. Н. Пуниным в Москву в начале марта (см.: Пастернак 2005: 612):

С Пастернаком АА виделась в Москве несколько раз; он приходил к ней и подолгу сидел у нее. Очень много говорили о поэзии, о том, как трудно – невозможно – писать стихи теперь. Пастернак очень жаловался ей... Я спросил: «Читал ли он Вам стихи?». АА горячо ответила: «Я никогда такой мерзости не допустила бы!» – и рассмеялась.

С Пастернаком АА говорила много о Гумилеве и, между прочим, и обо мне. Пастернак просил АА передать мне его извинения за то, что он не поблагодарил меня письменно за присланные мной ему сообщения о Есенине. АА привезла сюда поэму Пастернака.

Пастернак долго смотрел на профиль АА и сказал ей: «Как вы похожи на сфинкса!» По этому поводу АА рассказала ему о фотографии, где она – в позе сфинкса, и обещала прислать ее ему.

Пастернак очень заботливо, очень хорошо отнесся к АА в Москве, и АА тронута его отношением (как тронута и отношением всех других москвичей к ней). <...>

В Москве пресыщены Пастернаком. Наступает реакция против него: у всех на губах вязнет его «школа». <...>

Заговорили о мастерстве, с каким Пушкин обновлял и обогащал русский язык. Я поставил вопрос: кто из современных

поэтов так же, т. е. тем же методом, обновляет язык? АА неуверенно ответила: «Пастернак только этим и занимается – так, по крайней мере, про него говорят... Хлебников...» (Лукницкий 1997: 62–63, 90, 162)

Через три месяца (см.: Лукницкий 1997: 179) сделана надпись на книге «Избранные стихи» (М.: Узел, 1926): «Анне Андреевне Ахматовой, / с новой дерзостью в / память четвертьгодичной! / С чувством неистребимой уве / ренности, что надпись делается / накануне ее / новой рабочей лирической полосы, / а может быть, даже / и опаздывает к ее началу. С / пожеланьем единственного, в / чем нуждается совершенный поэт. / С пожеланьем полного здоровья. / Б. Пастернак» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 169, 170).

Месяц спустя:

Говорила, что Пастернак по три, по четыре года не пишет стихов, Мандельштам тоже, Асеев, и т. д., и т. д. – тоже. Есть какие-то «пределы». Если их перейти, то некоторые люди – наиболее чуткие, тонкие – начинают задыхаться. И тогда им кажется странным, что вообще можно писать стихи, кажется, что писать стихи – немисливо, и они не пишут, молчат, молчат по три, по пять лет... (Лукницкий 1997: 214)

В 1927 году вышла книга «Девятьсот пятый год», куда была включена и поэма «Лейтенант Шмидт»:

Говорили о Пастернаке. АА сказала, что у него очень развито чувство погоды и способность находить все оттенки для ее описаний.

АА любит лирику Пастернака. Поэма «1905» – в целом неудачна, хоть есть отдельные хорошие места.

(«Пастернак слишком “через вещи” чувствует, слишком нервен, капризен и эмоционален. Это достоинство в лирике, но это же ослабляет эпическую вещь, какой должны быть “1905” и “Лейтенант Шмидт”<>».) (Лукницкий 1997: 314)

– А я очень не люблю Шмидта, кроме отдельных небольших кусков. Ведь он там, в сущности, ни о чем, кроме погоды, не пишет. Что я люблю, это «Отцы». Ах, до чего это хорошо! (Чуковская 1997а: 219)

В «Отцах» Ахматову остановила строфа, в которой копия родоскulptуры из Училища живописи, ваяния и зодчества метонимически претворяется в борцов французской борьбы законных дымов:

Точно Лаокоон,
Будет дым
На трескучем морозе,
Оголясь,
Как атлет,
Обнимать и валить облака.
Ускользящий день
Будет плыть
На железных полозьях
Телеграфных сетей,
Открывающихся с чердака.

(Пастернак 2003: 221–222; попытку интерпретации мотива змеборчества семьи Лаокоона см.: Мальцева 2013: 60–61)

Фрагмент, содержащий эту строфу, был выбран для демонстрации стиховедческого наблюдения: «Были открыты остававшиеся ранее неузнанными ритмические ходы пятистопного анапеста, подчеркнутые разделением каждого стиха на три коротких строчки, но которые теперь, когда поэт нам их показал, образуют музыкальный узор, звучащий и без этого деления» (Вейдле 1961: 125).

Обаяние строфы только подчеркивалось тем, что она была своевременно подвергнута легкому осуждению в предисловии А. К. Тарасенкова к пастернаковским «Избранным стихотворениям» 1934 года: «Поэмы “1905 год” и “Лейтенант Шмидт” замечательны тем, что в них очень отчетливо нащупывается борьба между старым, импрессионистически-субъективным методом поэта и неоспоримой реальностью тех людей и событий, за изображение

которых он взялся. Эта внутренняя борьба иногда оканчивается победой старого – и тогда мы получаем строки о дыме, который, точно сказочный Лаокоон, будет, “оголясь, как атлет, обнимать и валить облака” (Пастернак 2012: 563).

Видимо, именно о главке «Отцы», а не об открывающих поэму 7 четверостишиях идет речь в разговоре 1942 года:

- И страшно люблю вступление к «Девятьсот пятому году».
- «Ну, это совсем другое дело. Это может быть лучшее из всего, что он написал» (Чуковская 1997а: 391).

В той же главке Ахматовой запомнилось на площади перед Зимним дворцом дыхание безлюдной сентябрьской ночи, напоминающей о воспетых и проклятых Иннокентием Анненским «пустынях немых площадей, где казнили людей до рассвета» (Анненский 1910b: 3):

Моросит на дворе.
 Во дворце улеглась суматоха.
 Тухнут площадки.
 Теплынь.
 Город вымер и словно оглох.
 Облетевшим листом
 И кладбищенским чертополохом
 Дышит ночь.
 Ни души.
 Дремлет площадь,
 И сон ее плох.

(Пастернак 2003: 221)

В январе 1928 года Ахматова читала сборник «Поверх барьеров» (1917) и заметила: «У Пастернака нет людей (и когда они принуждены появляться, он недоволен)» (Лукницкий 2002: 466–467). Толчком к этому наблюдению, не раз повторявшемуся Ахматовой, было, вероятно, стихотворение «Степь» (см.: Пастернак 2003: 124–125, 694–695) о ветхозаветной космогонии, подтолкнувшее к сходной формулировке Марину Цветаеву (см.: Быков 2005: 92; ср.: Тименчик 1994: 70).

Осенью того же года в Москве «видалась с Пастернаком (с ним была у <О. Д.> Каменевой, по делу), бывала у него, он у нее» (Лукницкий 2002: 452); «дело» – вероятно, арест сестры В. С. Срезневской (см.: Черных 2016: 306, 309). В 1928 году в журнале «Красная новь» (№№ 1, 7) печатаются очередные фрагменты поэмы «Спекторский» – ср. слова Ахматовой в 1965 году:

«Живаго» – неудача, и это неудача нас всех. От «Спекторского» все тоже очень многого ожидали, а как только там начинаются диалоги, сразу видно, что неудачная вещь (Венцлова 2001: 84).

– Это неудачная вещь <...>. Я ее всегда не любила. Но почему – догадалась только сегодня. Дело в том, что стихи Пастернака написаны еще до шестого дня, когда Бог создал человека. Вы заметили – в стихах у него нету человека. Все что угодно: грозы, леса, хаос, но не люди. Иногда, правда, показывается он сам, Борис Леонидович, и он-то сам себе удается... Он действительно мог крикнуть в форточку детям: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?». Но другие люди в его поэзию не входят, да он и не пробует их создавать. А в «Спекторском» попробовал. И сразу крах. Имя и фамилия Мария Ильина в его стихе звучит никчемно, дико... (Чуковская 1997а: 149–150)

В 1928 году начало писаться стихотворение Пастернака «Анне Ахматовой». Последний по времени его автограф известен нам по копии в дневник В. Г. Гаршина:

Анне Ахматовой с бездной преданности и преклонением, пошедшей на нижеследующие стихи и оставшейся не выраженной в них.

Мне кажется, я подберу слова,
Похожие на Вашу первозданность.
А ошибусь, – мне это трын-трава,
Я все равно с ошибкой не расстанусь.

Я слышу мокрых кровель говорок,
Торцовых плит заглохшие эклоги.
Их шорох настигает с первых строк,
И слышится при каждом новом слоге.

На них весна, но за город нельзя.
 Еще строга заказчица скупая.
 Глаза за лампой в сумерках слезя,
 Горит заря, спины не разгибая.

Вдыхая дали Ладожскую гладь,
 Спешит к воде, смиряя сил упадок.
 С таких гулянок ничего не взять.
 Каналы пахнут затхлостью укладок.

По ним ныряет, как пустой орех,
 Горячий ветер и колышет веки
 Ветвей и звезд, и фонарей, и вех,
 И с моста вдаль глядящей беловшейки.

Бывает глаз по-разному остер,
 По-разному бывает образ точен.
 Но самой страшной крепости раствор –
 Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.
 Он мне внушен не тем столбом из соли,
 Которым Вы пять лет тому назад
 Испуг оглядки к рифме прикололи.

Но, исходив от Ваших первых книг,
 Где крепили прозы пристальной крупницы,
 Он и во всех, как искры проводник,
 События былью заставляет биться.

Итак, – Вам, т. е. белой ночи. 20 II 30 Борис
 Пастернак (Петербург Ахматовой 2002: 105–106;
 имеются разночтения с известными вариантами:
 Пастернак 2003: 179–180, 589–590, 705)

Стихотворение было напечатано в журнале «Красная новь» (1929. № 5. С. 158–161) в подборке «Четыре стихотворения» вместе с двумя не обозначенными посвящениями Марине Цветаевой (одно из них – акrostих) и посвящением «Мейерхольдам» (см.: Пастернак 2003: 180–182, 548, 705–706). Наличие акrostиха эмигрантке ставило

под угрозу прохождения всей подборки через цензуру, и Ахматова рассказывала потом другу Пастернака Сергею Спасскому: «А когда Пастернаку сказали, чтоб он снял посвящение, кажется, в “Новом мире” <sic!>, он написал: Ахматова такая же гражданка, как и все. Не понимаю, почему нельзя ей посвящать. Такая же гражданка. В этом весь Пастернак» (Timenčik 2014: 113); «Пастернак еле уговорил редакцию “Нов<ого> мира” <sic!> разрешить напечатать мою фамилию над посвященным мне его стихотворением и т. д. (1930?) – Мне кажется я подберу...» (Ахматова 1996: 146).

Намерение помянуть некую специальную петербургскую поэтику сказывается в одном варианте стихотворения отсылкой к стихотворению петербургского символиста Ивана Коневского:

Мерцают, заострясь, острова.
Метя песок, клубится малокровье,
И хмурит брови странная Нева,
Срываясь за мост в роды и здоровье.

(Пастернак 2003: 590;

ср. «В роды и роды»: Коневской 2008: 96–97)

Определение степени подражания поэтике получательницы, предполагаемого жанром послания, волновало интерпретаторов стихотворения:

Стихотворение, посвященное Анне Ахматовой, начинается заявкой:

Мне кажется, я подберу слова <...>

В дальнейшем, раскрывая суть ахматовской лирики, Пастернак тем не менее остается самим собой и не пишет «под Ахматову». Не в силах расстаться со своей «ошибкой», он подбирает слова, похожие не на чужой стиль, а на первозданность мира (Синявский 1965: 25).

...можно с полной убежденностью сказать, что свой портрет Ахматовой строит Пастернак в соответствии с закономерностями поэзии изображаемой (т. е. ахматовской).

<...> Возвращаясь теперь к пастернаковскому портрету Ахматовой, мы можем сказать, что он написан не только согласно законам поэтики Ахматовой, но также согласно и законам поэтики самого Пастернака. Так например, стих «Кругом весна, но за город нельзя» является в одинаковой степени и ахматовским и пастернаковским. <...> Пастернаковское прочтение допускает наличие слова «весна», которое предполагает еще наличие «зимы» за городом; но ахматовское же прочтение позволяет наличие «города» как антитезиса неоформленного, 'не-текстового' пространства за городом.

<...> Пастернаку свойственно понимать мир как текст:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

и текст – как мир:

Теперь качаться продолжая
В стихах вне ранга,
Бредут в туман росой лужаек
И снятся Гангу.

Поэтому, портретируя ахматовскую поэзию, Пастернак отождествляет текст и мир <...>. <...> Поэтика Пастернака в основном сориентирована не на код, а на мир. И этим объясняется тот факт, что портрет Ахматовой построен у него на одном уровне – на уровне самого мира. Второй уровень представлен непосредственным обращением к самому портретируемому автору: «Мне кажется, я подберу слова, Похожие на вашу первозданность. <...> Таким я вижу облик ваш и взгляд» (Фарино 1976: 60–62, 65).

Пресуппозиция антитезы «сложного» Пастернака и «простой» Ахматовой стоит как за усиленными жестами недоумения, так и за стремлением разъяснить пастернаковские метонимии и синтаксис:

Стихи Пастернака густословесны, и то и дело доходят до подлинного буйства слов, образов, звуков, метафор, будто толпящихся и подгоняющих друг друга. В этом буйстве поэту некогда в образы свои вглядываться – куда там! – что и приводит к тому, что если в некоторых стихах нарушить ритм и прочесть их как прозу, ахинея получится невероятная. В стихотворении, посвященном Анне Ахматовой, например, сообщается, что поэтесса «испуг оглядки приколола к рифме столбом из соли», – и чудовищную цитату эту я привожу почти что наудачу, их можно было бы сделать тысячи (Адамович 1955: 223–224).

Но, исходив из ваших первых книг,
Где <ре>пли прозы пристальной крупницы,
Он и во всех, как искры проводник,
Событья былью заставлял биться.

«Он» – это тот «облик», «взгляд» Ахматовой, который принес в поэзию прозы пристальной крупницы, и вместе с тем это искры проводник, который заставлял биться события былью. При этом событие превращается в типичную для Пастернака метафору-олицетворение; событие «бьется», как живое существо (Македонов 1985: 19–20).

Полемику с ахматовской «Лотовой женой» видит в этом стихотворении Л. Флейшман (см.: Флейшман 2003: 126–127). Один из самых интригующих образов стихотворения – «белошвейка» (см.: Там же: 127), возможно, отчасти спровоцирован московским писательским фольклором: «Вызывающе московское пренебрежение тех дней к “Петербургу”: “Блок – мертвец, Гумилев – вахмистр, Ахматова – стишонки для белошвеек”...» (Иванов Г. 1955: 279). Интерпретация противопоставления «заказчицы» и «белошвейки» как закодированной пастернаковской позиции по отношению к ЛЕФу и теории «социального заказа» (см.: Vogen 2003: 432–446) представляется нуждающейся в дополнительной аргументации. Возведенная в ранг мифологемы – Белой Ночи, Белошвейки, получательница через четверть века при следующей попытке Пастернака продолжить московско-петербургский поэтический

диалог (см.: Тименчик 1971: 59) ревниво вглядывалась в свою тезку – «Белую ночь» (см.: Пастернак 2003: 379–380):

– Борис Леонидович, – произносит Ахматова, – во время белых ночей фонари в Петербурге не горели...

Пастернак на секунду задумывается и говорит:

– Нет, горели...

Этот краткий диалог происходил на моих глазах в тот день, когда Борис Леонидович пришел на Ордынку, чтобы прочесть Ахматовой «Стихи из романа». В одном из них – «Белой ночью» – есть такие строчки:

Фонари, точно бабочки газовые,
Утро тронуло первую дрожью...

(Ардов 2014: 31–32)

В этом стихотворении Ахматовой, вероятно, явственна была «петербургская» отсылка – к «Бабочке газа» Иннокентия Анненского:

Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

(Анненский 1910а: 100)

В 1920-е годы Ахматовой не раз доводилось обсуждать в стихах Пастернака отголоски поэзии Иннокентия Анненского, таким образом их общего учителя:

Пунин произнес строку: «Горьмя горит душа...»

О. Э. спросил: «Чья?»

Пунин: «Пастернака...»

О. Э.: «Да, пожалуй, Пастернак может так сказать...»

Разговор о том, кто еще мог бы так сказать, и АА и О. Э. соглашаются, что до Анненского так никто бы не сказал.

О. Э.: «Разве Ап. Григорьев...»

АА: «Именно Анненский мог бы так сказать...»

АА считает, что эта строка могла бы быть у Анненского в стихотворении:

Под яблонькой, под вишнею
Всю ночь горят огни, –
Бывало выпьешь лишнее,
А только ни-ни-ни...

Эту строфу АА произносит (Лукницкий 1991: 140–141; строка из стих. «Образец»: Пастернак 2003: 113, строфа из стих. «Гармонные вздохи»: Анненский 1923: 83).

10.06.1926

Говорила о влиянии Анненского на творчество Пастернака. То же дыхание. Может быть – тот же темперамент (Лукницкий 1997: 181).

В столовой АА читала мне отрывки из «1905» Пастернака (книгу ей принес Маршак на днях). Отмечали влияния (например, хоры античных трагедий в интерпретации Анненского. И другие – Н. Гумилева, И. Северянина, А. Блока, пролетарских поэтов...).
<...>

14.11.1927

<...> Прочла четвертую главу «Лейтенанта Шмидта», отметила ее как удачную. Сказала, что эта глава напоминает ей хоры античных трагедий в трактовке И. Анненского (Лукницкий 1997: 312; о теме «Пастернак и Анненский» см.: Тименчик 2017: 105, 200–201).

См. первичную библиографию по теме: Баженов 1995: 90–109.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. 1955. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.
- Айхенвальд Ю. 1922. Анна Ахматова. – Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М.: Северные дни. С. 53–75.
- Амелин Г., Мордерер В. 2009. Письма о русской поэзии. М.: Знак.
- Анненский И. 1910а. Кипарисовый ларец: Вторая книга стихов (посмертная). М.: Гриф.
- Анненский И. 1910б. Петербург. – Аполлон. № 8. С. 3–4. Вт. паг.
- Анненский И. 1923. Посмертные стихи Иннокентия Анненского / Под ред. В. Кривича. Пб.: Картонный домик.
- Ардов М. 2014. Исподтишка меняются портреты... М.: Б. С. Г.-Пресс.

- Ахматова А. 1921. Подорожник: Стихотворения. Пг.: Petropolis.
- Ахматова А. 1923. Anno Domini: Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 2-е, доп. Берлин: Петрополис; Алконост.
- Ахматова 1940. Из шести книг: Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель.
- Ахматова А. 1943. Избранное: Стихи / Сост. К. Зелинский. [Ташкент]: Советский писатель.
- Ахматова А. 1965. Бег времени: Стихотворения. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. А. Суркова; сост., подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 1998. Анна Ахматова: набросок «для себя» / Публикация В. А. Черных. – Наше наследие. № 45. С. 57–59.
- Баженов М. Н. 1995. Анна Ахматова – Борис Пастернак: Хроника литературной дружбы. – Библиография. № 2. С. 90–109.
- Богомолов Н. А. 2021. Собиратель: Иван Никанорович Розанов и его время. М.: Азбуковник.
- Бобров С. 1922. [Рец. на кн.:] Ю. Айхенвальд. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. <...> – Печать и революция. № 6. С. 288.
- Быков Д. 2005. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия.
- Вейдле В. 1961. Пастернак и модернизм. – Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. [Вып.] 6. Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР. С. 119–132.
- Венцлова Т. и др. 2001. Анна Ахматова: Последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., комментарий О. Е. Рубинчик. СПб.: Невский Диалект.
- Вертинский А. 1991. Дорогой длиною... М.: Правда.
- Вильмонт Н. 1989. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель.

- Волошина М. (М. В. Сабашникова). 1993. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступительная ст. С. О. Прокофьева. М.: Энигма.
- Иванов Вяч. Вс. 2000. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры.
- Иванов Г. 1955. Осип Мандельштам. – Новый журнал. № 43. С. 273–284.
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Сост. М. С. Лесман, Л. П. Архипова и др. М.: Книга.
- Коневской И. 2008. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания А. В. Лаврова. СПб.; М.: Издательство ДНК, Прогресс-Плеяда.
- Коростелев О., Федякин С. 1995. Рукопись неизвестного. – Огонек. № 28. С. 69, 71.
- Кротков Ю. 1967. Пастернаки. – Грани. № 63. С. 58–96.
- Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022. Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака: В 3-х тт. Т. 1: 1889–1924 / Авторы-сост. А. Ю. Сергеева-Клятис, Р. Лихт. М.: Бослен.
- Лукницкий П. Н. 1991. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–25 гг. Париж: YMCA-Press.
- Лукницкий П. Н. 1997. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: YMCA Press; Русский путь.
- Лукницкий П. Н. 2002. Дневник 1928 года. Асумiana. 1928–1929 / Публикация и комментарии Т. М. Двинятиной. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 9. СПб.: Феникс. С. 341–495.
- Лукницкий П. Н. 2010. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука.
- Македонов А. 1985. Свершения и кануны: О поэтике русской советской лирики 1930–1970-х годов. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Мальцева О. А. 2013. История и миф в поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год». – Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 58–62.
- Мочалова О. 2004. Голоса Серебряного века: Поэт о поэтах / Сост., предисловие и комментарии А. Л. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия.
- Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников 2002. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступительная

- ст., подготовка текста, сост. и комментарий О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М.: Наталис.
- Оцуп Н. 1928. Борис Пастернак. – Звено. № 5. С. 260–266.
- Пастернак Б. 1915. Стихи. – Весеннее контрагентство муз: Сборник / Под ред. Д. Бурлюк и С. Вермель. М.: Издание Студии Д. Бурлюка и Сам. Вермель. С. 43–47.
- Пастернак Б. 1931. Охранная грамота. – Красная новь. № 5/6. С. 32–46.
- Пастернак Б. 1967. Люди и положения: Автобиографический очерк. – Новый мир. № 1. С. 204–236.
- Пастернак Б. Л. 1977. Письмо Ю. И. Юркуну [от 14 июня 1922 г.] / Публикация Г. Шмакова. – Глагол. № 1. С. 189–193.
- Пастернак Б. 1983. Из переписки с писателями / Предисловие и публикация Е. Б. и Е. В. Пастернаков. – Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М.: Наука. С. 649–737.
- Пастернак Б. 2003. Полн. собр. стихотворений и поэм / Вступительная ст. В. Н. Альфонсова; сост., подготовка текста, примечания Е. В. Пастернак и В. С. Баевского. СПб.: Академический проект.
- Пастернак Б. Л. 2004. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. V: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений / Сост., комментарии Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Б. Л. 2005. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. VII: Письма 1905–1926 гг. / Сост., комментарии Е. В. Пастернак и М. А. Рашковской. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак 2012. Б. Пастернак: Pro et contra: В 2-х тт. / Сост. Е. В. Пастернак, М. А. Рашковская, А. Ю. Сергеева-Клятис. Т. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Пастернак Евг., Пастернак Ел. 2004. Жизнь Бориса Пастернака: Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда».
- Петербург Ахматовой 2002. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост. и комментарии Т. С. Поздняковой. СПб.: Невский Диалект.
- Пугачева Э. В. 2014. Трансформация символа «розы» в поэзии Анны Ахматовой. – Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 90. № 10 (339). С. 102–105.

- Сеславинский М. В. 2015. Пастернак на книжной полке: К 125-летию со дня рождения поэта. – Про книги: Журнал библиофила. № 1 (33). С. 50–63.
- Синявский А. Д. 1965. Поэзия Пастернака. – Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. Д. Синявского; сост., подготовка текста и примечания Л. А. Озерова. М.; Л.: Советский писатель. С. 9–62.
- Смирнов И. П. 1985. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17).
- Стрыгина Э. И. 2021. Мифопоэтика книги А. Ахматовой «Тростник». – Пятый этаж: Международный сборник научных статей молодых ученых. № 7. Барнаул: [Б. и.]. С. 40–44.
- Тименчик Р. 1971. К изучению языка русской поэзии XX века. – Материалы XXVI научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 58–59.
- Тименчик Р. 1994. Расписание и Писанье. – Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford: Berkeley Slavic Specialties. P. 70. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
- Тименчик Р. 2009. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7: К 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь: Крымский архив. С. 37–82.
- Тименчик Р. 2017. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2018а. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Vol. 6. S. 207–235.
- Тименчик Р. 2018b. История культа Гумилева. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2021. О летописи поэтовой: Например, Ахматова. – Slavica Revalensia. Vol. VIII. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus]. С. 178–237.
- Тименчик Р. 2022. Школа читателей Гумилева: Семь учеников (Приблудный, Кедрин, Мочалова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова). – Literatūra. Vol. 64. № 2. С. 67–78.

- Фарино Е. 1976. Два поэтических портрета (Ахматова → ← Пастернак). – Boris Pasternak: Essays / Ed. by Nils Åke Nilsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 52–66.
- Флейшман Л. 2003. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб.: Академический проект.
- Флейшман Л. 2005. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект.
- Цветаева М., Пастернак Б. 2004. Марина Цветаева, Борис Пастернак: Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов / Издание подготовили Е. Б. Коркина и И. Д. Шевеленко. М.: Вагриус.
- Черных В. А. 2016. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Азбуковник.
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997б. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Шекспир В. 1944. Ромео и Джульетта / Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: ОГИЗ; Государственное издательство Художественной литературы.
- Barnes, Ch. 1989. Boris Pasternak: A Literary Biography. Vol. 1: 1890–1928. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bogen, A. 2003. Über ein Gedicht von Boris Pasternak. – Zeitschrift für Slawistik. Bd. 48. H. 4. S. 432–446.
- Nivat, G. 1974. Trois correspondants d'Aleksandr Kusikov. – Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 15. N° 1/2. P. 201–219.
- Pasternak, B. 1958. Essai d'autobiographie. Paris: Gallimard.
- Pasternak, B. 1960. I Remember: Sketch for an Autobiography / Translated with a preface and notes by David Magarshak. New York: Meridian Books.
- Timenchik, R. 2014. Сергей Спасский и Ахматова. – Toronto Slavic Quarterly. № 50. P. 85–134.

REFERENCES

- Adamovich, G. *Odinochestvo i svoboda*. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1955.
- Aikhental'd, Iu. "Anna Akhmatova." In *Poety i poetessy*, 53–75. Moscow: Severnye dni, 1922.
- Akhmatova, A. *Podorozhnik: Stikhotvoreniia*. Petrograd: Petropolis, 1921.

- . *Anno Domini: Stikhotvoreniia. Kniga 3*. 2nd exp. ed. Petersburg: Petropolis; Alkonost, 1923.
- . *Iz shesti knig: Stikhotvoreniia Anny Akhmatovoi*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1940.
- . *Izbrannoe: Stikhi*. Edited by K. Zelinskii. [Tashkent]: Sovetskii pisatel', 1943.
- . *Beg vremeni: Stikhotvoreniia*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1965.
- . *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. A. Surkov. Edited and annotated by V. M. Zhirmunskii. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- . “Anna Akhmatova: Nabrosok ‘dlia sebia.’” Published by V. A. Chernykh. *Nashe nasledie* 45 (1998): 57–59.
- Amelin, G. and V. Morderer. *Pis'ma o russkoi poezii*. Moscow: Znak, 2009.
- Annenskii, I. *Kiparisovyi larets: Vtoraia kniga stikhov (posmertnaia)*. Moscow: Grif, 1910.
- . “Petersburg.” *Apollon* 8 (1910): 3–4. 2nd pag.
- . *Posmertnye stikhi Innokentii Annenskogo*. Edited by V. Krivich. Petersburg: Kartonnyi domik, 1923.
- Ardov, M. *Ispodtishka meniaiutsia portrety...* Moscow: B.S.G.-Press, 2014.
- B. Pasternak: *Pro et contra*. 2 vols. Vol. 1. Edited by E. V. Pasternak, M. A. Rashkovskaia, and A. Iu. Sergeeva-Kliatis. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2012.
- Barnes, Ch. 1989. *Boris Pasternak: A Literary Biography*. Vol. 1, 1890–1928. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bazhenov, M. N. “Anna Akhmatova – Boris Pasternak: Khronika literaturnoi druzhby.” *Bibliografiia* 2 (1995): 90–109.
- Bobrov, S. Review of *Poety i poetessy*, by Iu. Aikhenval'd. *Pechat' i revoliutsiia* 6 (1922): 288.
- Bogen, A. “Über ein Gedicht von Boris Pasternak.” *Zeitschrift für Slawistik* 48, no. 4 (2003): 432–46.
- Bogomolov, N. A. *Sobiratel': Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremia*. Moscow: Azbukovnik, 2021.
- Bykov, D. *Boris Pasternak*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2005.
- Chernykh, V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi: 1889–1966*. 3rd rev. and exp. ed. Moscow: Azbukovnik, 2016.

- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- Faryno, J. “Dva poeticheskikh portreta (Akhmatova → ← Pasternak).” In *Boris Pasternak: Essays*. Edited by Nils Åke Nilsson, 52–66. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976.
- Fleishman, L. *Boris Pasternak v dvadtsatye gody*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003.
- . *Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2005.
- Ivanov, Viach. Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Vol. 2, *Stat'i o russkoi literature*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Ivanov, G. “Osip Mandel'shtam.” *Novyi zhurnal* 43 (1955): 273–84.
- Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii*. Edited by M. S. Lesman, L. P. Arkhipova et al. Moscow: Kniga, 1989.
- Konevskoi, I. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced, edited and annotated by A. V. Lavrov. Saint Petersburg and Moscow: Izdatel'stvo DNK; Progress-Pleiada, 2008.
- Korostelev, O. and S. Fediakin. “Rukopis' neizvestnogo.” *Ogonek* 28 (1995): 69, 71.
- Krotkov, Iu. “Pasternaki.” *Grani* 63 (1967): 58–96.
- Letopis' zhizni i tvorchestva B. L. Pasternaka*. 3 vols. Vol. 1, 1889–1924. Edited by A. Iu. Sergeeva-Kliatis, and R. Likht. Moscow: Boslen, 2022.
- Luknitskii, P. N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 1, 1924–25 gg. Paris: YMCA-Press, 1991.
- . *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA Press; Russkii put', 1997.
- . “Dnevnik 1928 goda: Acumiana. 1928–1929.” Edited and annotated by T. M. Dviniatina. In *Litsa: Biograficheskii al'manakh*. Vol. 9, 341–495. Saint Petersburg: Phoenix, 2002.
- . *Trudy i dni N. S. Gumileva*. Saint Petersburg: Nauka, 2010.
- Makedonov, A. *Sversheniia i kanuny: O poetike russkoi sovetskoi liriki 1930–1970-kh godov*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1985.
- Mal'tseva, O. A. “Istoriia i mif v poeme B. Pasternaka ‘Deviat'sot piatyti god’.” *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* 76, no. 10 (301) (2013): 58–62.

- Mochalova, O. *Golosa Serebrianogo veka: Poet o poetakh*. Prefaced, edited and annotated by A. L. Evstigneeva. Moscow: Molodaia gvardiia, 2004.
- Nivat, G. "Trois correspondants d'Aleksandr Kusikov." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 15, no. 1/2 (1974): 201–19.
- Osip i Nadezhda Mandel'shtamy v rasskazakh sovremennikov*. Prefaced, edited and annotated by O. S. Figurnova, and M. V. Figurnova. Moscow: Natalis, 2002.
- Otsup, N. "Boris Pasternak." *Zveno* 5 (1928): 260–66.
- Pasternak, B. "Stikhi." In *Vesennee kontragentstvo muz: Sbornik*. Edited by D. Burliuk, and S. Vermel', 43–47. Moscow: Izdanie Studii D. Burliuka i Sam. Vermel', 1915.
- . "Okhrannaia gramota." *Krasnaia nov'* 5/6 (1931): 32–46.
- . *Essai d'autobiographie*. Paris: Gallimard, 1958.
- . *I Remember: Sketch for an Autobiography*. Translated with a preface and notes by David Magarshak. New York: Meridian Books, 1960.
- . "Liudi i polozheniia: Avtobiograficheskii ocherk." *Novyi mir* 1 (1967): 204–36.
- . "Letter to Iu. I. Iurkun [from July 14, 1922]." Published by G. Shmakov. *Glagol* 1 (1977): 189–93.
- . "Iz perepiski s pisateliami." Prefaced and published by E. B. Pasternak, and E. V. Pasternak. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 93, *Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov: Novye materialy i issledovaniia*, 649–737. Moscow: Nauka, 1983.
- . *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem*. Prefaced by V. N. Al'fonsov. Edited and annotated by E. V. Pasternak, and V. S. Baevskii. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 5, *Stat'i, retsenzii, predisloviia. Dramaticheskie proizvedeniia. Literaturnye i biograficheskie ankety. Neokonchennye nabroski. Stenogrammy vystuplenii*. Edited and annotated by E. B. Pasternak, and E. V. Pasternak. Moscow: Slovo/Slovo, 2004.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 7, *Pis'ma 1905–1926 gg*. Edited and annotated by E. V. Pasternak, and M. A. Rashkovskaia. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Pasternak, Evgenii and Elena Pasternak. *Zhizn' Borisa Pasternaka: Dokumental'noe povestvovanie*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda," 2004.

- Peterburg Akhmatovoi: Vladimir Georgievich Garshin*. Edited and annotated by T. S. Pozdniakova. Saint Petersburg: Nevskii Dialekt, 2002.
- Pugacheva, E. V. "Transformatsiia simvola 'rozy' v poezii Anny Akhmatovoi." *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* 90, no. 10 (339) (2014): 102–05.
- Seslavinskii, M. V. "Pasternak na knizhnoi polke: K 125-letiiu so dnia rozhdeniia poeta." *Pro knigi: Zhurnal bibliofila* 1 (33) (2015): 50–63.
- Shakespeare, W. *Romeo i Juliet'ta*. Translated from the English by B. Pasternak. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennoi literatury, 1944.
- Siniavskii, A. D. "Poeziia Pasternaka." In *Stikhotvoreniia i poemy*, by Boris Pasternak. Prefaced by A. D. Siniavskii. Edited and annotated by L. A. Ozerov, 9–62. Moscow and Leningrad: Sovetskii pisatel', 1965.
- Smirnov, I. P. *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka)*. Wiener Slawistischer Almanach 17. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1985.
- Strygina, E. I. "Mifopoetika knigi A. Akhmatovoi 'Trostnik'." In *Piatyi etazh: Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei molodykh uchenykh*. Vol. 7, 40–44. Barnaul: n. p., 2021.
- Timenchik, R. "K izucheniiu iazyka russkoi poezii 20 veka." In *Materialy 26 nauchnoi studencheskoi konferentsii: Literaturovedenie. Lingvistika*, 58–59. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1971.
- . "Raspisan'e i Pisan'e." In *Temy i variatsii: Sbornik statei i materialov k 50-letiiu Lazaria Fleishmana. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*. Edited by K. Polivanov, I. Shevelenko, and A. Ustinov. Stanford Slavic Studies, vol. 8, 70. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 1994.
- . "Iz Imennogo ukazatel'ia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 7, K 120-letiiu so dnia rozhdeniia poeta, 37–82. Sympheropolis: Krymskii arkhiv, 2009.
- . "Sergei Spasskii i Akhmatova." *Toronto Slavic Quarterly* 50 (2014): 85–134.
- . *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim, 2017.
- . "Iz Imennogo ukazatel'ia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi." *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 6 (2018): 207–35.
- . *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moscow: Mosty kul'tury, 2018.

- . “O letopisi poetovoi: Naprimer, Akhmatova.” *Slavica Revalensia* 8 (2021): 178–237.
- . “Shkola chitatelei Gumileva: Sem’ uchenikov (Pribludnyi, Kedrin, Mochalova, Pasternak, Mandel’shtam, Tsvetaeva, Akhmatova).” *Literatūra* 64, no. 2 (2022): 67–78.
- Tsvetaeva, M. and B. Pasternak. *Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak: Dushi nachinaiut videt’: Pis’ma 1922–1936 godov*. Edited by E. B. Korkina, and I. D. Shevelenko. Moscow: Vagrius, 2004.
- Venclova, T. et al. *Anna Akhmatova: Poslednie gody. Rasskazyvaiut Viktor Krivulin, Vladimir Murav’ev, Tomas Venclova*. Edited and annotated by O. E. Rubinchik. Saint Petersburg: Nevskii Dialekt, 2001.
- Vertinskii, A. *Dorogoi dlinnoi...* Moscow: Pravda, 1991.
- Vil’mont, N. *O Borise Pasternake: Vospominaniia i mysli*. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1989.
- Voloshina M. (M. V. Sabashnikova). *Zelenaia Zmeia: Istoriiia odnoi zhizni*. Translated from the German by M. N. Zhemchuzhnikova. Prefaced by S. O. Prokof’ev. Moscow: Enigma, 1993.
- Weidlé, W. “Pasternak i modernizm.” In *Mosty: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al’manakh*. Vol. 6, 119–32. Munich: Izdatel’stvo Tsentral’nogo ob’edineniia politicheskikh emigrantov iz SSSR, 1961.

БЛИЗКИЕ, ДАЛЕКИЕ: ДАВИД БУРЛЮК И А. ВЕТЛУГИН

И. З. Белобровцева

(Таллинн)

Заглавие статьи представляет собой парафраз названия книги мемуаров Андрея Седых, журналиста, прозаика, многолетнего главного редактора нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Объясняя название «Далекие, близкие», Седых писал: «Книга эта родилась из отдельных очерков, написанных в разное время о разных людях, с которыми сводила меня судьба. Отношения складывались не всегда одинаково: одних я просто знал, с другими дружил, – были они людьми близкими. Многие, к несчастью, теперь далеки... Отсюда и название книги» (Седых 1979: 5).

Авторское объяснение можно истолковать не как разную степень близости, дружбы, привязанности с тем или иным объектом мемуаров, но, скорее, как развертывание их отношений во времени, отсюда и значение определения «далекие» – это не взаимное охлаждение, но «летейская стужа», «поля елисейские», предел разобщения и разлуки.

В нашем случае речь пойдет о двух представителях первой волны эмиграции, сама судьба которых, несмотря на существенную разницу в возрасте, обнаруживает немало моментов сходства. Прежде всего, это сама история их появления в США. Давид Бурлюк (1882–1967), начав свой эмигрантский путь в европейской части Советской России в 1918 г., временно, в течение двух лет, жил и работал в Японии и, лишь обеспечив переезд семьи в США, поселился там с 1922 г. Владимир Рындзюн, известный в русской литературе под псевдонимом А. Ветлугин, эмигрировал в июне 1920 г. в Константинополь, затем переехал в Париж, а весной 1922 г. – в Берлин.

В начале 1930-х гг. А. Н. Толстой, которого связывали с А. Ветлугиным творческие и просто человеческие отношения, работал

над романом «Черное золото» (журнальный вариант названия) / «Эмигранты» (заглавие отдельной книги), где в прототипе персонажа по имени Владимир Лисовский легко угадывался А. Ветлугин. Осведомленный о судьбе А. Ветлугина, Толстой как бы прозорливо прочерчивает будущую связь Лисовского с США: «В конце концов ему было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Все это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки...» (Толстой 1958: 288).

Осень 1922 г. становится поворотным моментом в биографии обоих, и Бурлюка, и Ветлугина. После 2 недель плавания на пароходе “Empress of Russia” первого (по Д. Д. Бурлюку) или второго сентября (по М. Н. Бурлюк) Бурлюки высадились в Нью-Йорке.

Месяц спустя, 1 октября 1922 г. (на этот раз дата точная), на пароходе “Paris” в Нью-Йорк прибыли Сергей Есенин, Айседора Дункан и сопровождавший их в качестве переводчика А. Ветлугин. В Certificate of Arrival от 15 октября 1923 г., когда он возвращается из трехмесячной поездки в Европу от газеты «Русский Голос» (см. об этом ниже), его имя и фамилия пишутся тремя разными способами: Voldemar Ryndzune, Voldemar R. Vetluguin и подпись – Voldemar Ryndzune Vetluguin.

С этого момента между Бурлюком и Ветлугиным протягивается связующая нить по крайней мере на четыре года.

С 22 марта 1923 г. Бурлюк начинает работать в газете «Русский Голос»¹. «Русский Голос» (Russian voice; далее РГ) в подзаголовке названия позиционирует себя как «самую большую и распространенную в Соед. Штатах и Канаде ежедневную кооперативную газету» Нью-Йорка, ежедневный номер которой насчитывает 6, а воскресный – 16 страниц (Русский Голос. 1923. № 2826. 18 октября. С. 1). Объявление о начале сотрудничества с Бурлюком публикуется в номере газеты от 13 марта: «Редакцией “Русского Голоса” приглашен в качестве постоянного сотрудника

¹ См.: Дневник Д. Д. Бурлюка за 1932 г. Запись от 18.06.1932. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 4. Ед. хр. 3. Л. 113.

известный поэт-художник Д. Д. Бурлюк (отец русского футуризма). Начиная с этой недели на страницах “Русского Голоса” будут регулярно помещаться его статьи, фельетоны, стихи. Д. Д. Бурлюк будет помещать свои произведения на русском языке исключительно в “Русском Голосе”. Следите за “Русским Голосом”» (Русский Голос. 1923. № 2108. 13 марта. С. 1).

В следующем же номере от 14 марта (№ 2109) публикуется стихотворение Бурлюка «Рифмы о бесправии и свободе»; в номере от 15 марта (№ 2110) – статьи «Поэзия и проза за пять лет революции» и «Русский язык за границей в годы революции»; 20 марта (№ 2115) газета расширяет полномочия Бурлюка, публикуя анонс «Литературного четверга»: «Целая страница, посвященная литературе и искусству будет печататься в “РГ” еженедельно по четвергам под редакцией русского поэта и художника Давида Бурлюка» (Русский Голос. 1923. № 2115. 20 марта. С. 1). И спустя два дня первый «Литературный четверг» предстает перед читателями РГ (см.: РГ. 1923. № 2117. 22 марта. С. 2). В нем опубликованы стихотворения Бурлюка «Блондинки, будьте осторожны!» и «Владимир Маяковский». Именно к этому времени относится письмо Бурлюка: «Газета здесь есть <...> – с трудом (бесплатно) начинаю туда пролазить» (цит. по: Деменов 2020: 331). И в том же году, уже после упомянутой выше поездки в Европу, в РГ начинает работать А. Ветлугин².

По всей вероятности, свою роль в его приглашении к сотрудничеству сыграл Бурлюк, который в автобиографии писал: «В 1915 году умер мой отец. В этом году мы владели маленьким старинным имением Михалево около станции Пушкино. Здесь у меня В. Хлебников, который с 1918 года жил у меня годами. Познакомился с А. Ветлугиным» (Бурлюк 1924: 44).

Не до конца понятно, когда именно могло состояться знакомство – в 1915 г. или в 1918 г., но в любом случае есть в утверждении Бурлюка неточность: в ту пору никакой А. Ветлугин еще не

² Об американской карьере А. Ветлугина / Voldemar Vetluguin см.: Устинов 2016: 224–239.

существовал, этот псевдоним В. И. Рындзюн взял в 1919 г., работая в ростовской газете «Жизнь». Между тем в биографии Бурлюка действительно был знакомец и даже больше – друг юности – Ветлугин: так, во время гастролей по Уралу он в Нижнем Тагиле «дружески встречается с уездным комиссаром – адвокатом Михаилом Николаевичем Ветлугиным – другом юношества – и заводской публикой, приветствовавшей Поэта в театре, на лекциях» (Антипина, Подлубнова 2019: 8).

Подобное «переключение» или укрупнение собственной личности за счет знакомств с известными людьми чрезвычайно характерно для Бурлюка – так, по словам мемуариста Н. Хлестова, в интервью, опубликованном газетой «Московский комсомолец» во время приезда Д. Д. и М. Н. Бурлюков в Москву в 1965 г., «со слов М. Н. Бурлюк сообщалось, будто в 1911 году Д. Бурлюк привел к себе домой изможденного, оборванного, с больными руками юношу Маяковского и будто бы Бурлюки его усыновили и он прожил у них четыре года» (Хлестов 1968: 102). Мемуарист, в эти годы снимавший комнату у матери Маяковского, в которой вместе с ним жил и будущий поэт, заключает: «Мне неизвестно, для чего сочинили эту неправдоподобную историю» (Там же).

Утверждение Бурлюка о собственной причастности к становлению как поэтов Хлебникова, Маяковского и Каменского, в отличие от предыдущей фантазии, вполне правомерно, однако встает в тот же ряд «укрупняющих» обстоятельств. В последний день пребывания в Москве в августе 1965 г. Д. Д. Бурлюк на завтрак с друзьями в ресторане «Националь», подумав, по словам мемуариста Леонарда Гендлина, произносит тост: «Я верю, что мои писания когда-нибудь увидят свет в России. Недаром я был первым поклонником, другом и издателем Велемира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его, и Володи Маяковского, и Васи Каменского, – трех бардов, скакунов поэзии Парнаса Российского» (Гендлин 1986: 222). Этот красивый экспромт далек от импровизации – Бурлюк почти дословно повторяет свою запись в дневнике, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: «недаром я был дружен, был первым

поклонником, издателем и переписчиком Велемира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его и Маяковского, и Каменского, трех бардов, скакунов поэзии<,> бардой <sic!> Парнаса российского выкормленных»³.

Нельзя не согласиться с Е. Деменком: «...излюбленная Давидом Давидовичем самореклама оказалась в Америке удивительно к месту. Он просто превзошел самого себя, пользуясь тем, что американцы были совершенно не осведомлены о том, что на самом деле происходило в России. <...> В предисловии к книге “Бурлюк пожимает руку Вульворт-Бильдингу” он писал о себе так: “Всемирно известный поэт, оратор, футурист, презентёр, классик, художник пейзажей, портретов и декоратор. Художник-гений современности”. <...> “Давид Бурлюк – гений, Давид Бурлюк – великий, мастер в каждом виде живописи”» (Деменок 2000: 267).

Эта характерная особенность Бурлюка должна была импонировать А. Ветлугину, который тоже не чурался мистификаций: так, например, до сих пор в справочной литературе нередко указывается, что он окончил юридический факультет Московского университета, хотя здесь же сообщается о его учебе на историко-филологическом и медицинском факультетах. Однако В. И. Рындзюн учебу в университете так и не окончил, хотя называл себя «кандидатом прав». А. Н. Толстой, избрав А. Ветлугина в качестве прототипа в статье «О Париже», создает бурлескный портрет писателя-эмигранта, акцентируя именно виртуозность его мистификаций:

Я знавал одного молодого человека. <...> Душа его была разъедена. В Париже он сделался писателем. Ему было наплевать на все, – с почтительной иронией он говорил только о деньгах. Денег у него не было. От скуки и омерзения он устроил «театр для себя», – то есть сидя в редакции «Общего дела» сочинял головокружительную, невероятную информацию, – телеграммы с мест, из России. Он стирал с лица земли целые губернии, поднимал восстания, сжигал города, писал некрологи. Бурцев печатал всю эту чушь. Затем

³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 17–18.

молодой человек ходил по знакомым и наслаждался своей работой. Эмигрантский Париж ежедневно потрясался до самых основ чудовищной фантазией веселого молодого человека (Толстой 1961: 49–50).

Поэтому не вызывает удивления факт совместных выступлений Бурлюка и Ветлугина. 22 ноября 1923 г. РГ объявил, что «<...> многочисленные письма и запросы выявили необходимость устройства для нью-йоркской русской колонии литературных воскресников, которые бы дали возможность сообщать русской колонии в живой и доступной форме о новом быте России, о жизни Европы, прочитывать новое и лучшее из русской и европейской литературы», положив таким образом начало воскресному «Литературному утру», которое Бурлюк и Ветлугин начинают вести вдвоем 2 декабря 1923 г. В воскресенье, 2 декабря «Давид Бурлюк и А. Ветлугин (недавно вернувшийся из трехмесячной поездки по Европе) в 1 час 45 минут дня выступят в зале о-ва “Просвещение” (Секонд ав. 9). А. Ветлугин прочтет доклад “Пожар в сумасшедшем доме” (впечатления от поездки по Англии, Италии, Германии, Франции и т. д.), последние стихи русских поэтов, новости мировой литературы и т. д.

Давид Бурлюк прочтет последние неизданные стихи Владимира Маяковского и выскажется на тему “Америка и Россия” (Америка в новейшей русской литературе). Вслед за этим состоится разговор с публикой, обмен мнений и т. д. Вход 35 центов». (Русский Голос. 1923. № 2857. 22 ноября. С. 4). Объявление было повторено 25 и 29 ноября 1923 г.

Начало работы А. Ветлугина в РГ можно отсчитывать от публикации его статьи «По умирающей Европе» (см.: Русский Голос. 1923. № 2828. 20 октября. С. 2), ее продолжение последовало через номер, 22 октября, и с этого дня его материалы появляются в газете практически ежедневно, возможно, именно такая частотность выступлений приводит к появлению в РГ рубрики «День за днем», которую А. Ветлугин ведет в течение 1924 и 1925 гг. Рассмотрение и оценка этих статей во всем многообразии их тематики и персонажей заслуживает отдельной работы, задача же настоящей статьи – продемонстрировать сотрудничество и взаимоотношения в США

двух русских эмигрантов первой волны. То, что писал исследователь о А. Ветлугине, в полной мере применимо и к Д. Д. Бурлюку: «Он оказался в Америке гораздо раньше своих современников-эмигрантов, в особенности коллег по журналистскому цеху, которые переместились за океан после Второй мировой войны. Здесь он выступил в роли “пионера”, первопроходца, который буквально подчинил себе читателей газеты “Русский голос» (Устинов 2016: 235).

Бурлюк и Ветлугин обмениваются комплиментами в печати: художник цитирует своего коллегу-писателя, добавляя: «по выражению острейшего А. Ветлугина», говорит о его «талантливом пере»; Ветлугин откликается на все события, связанные с деятельностью Бурлюка-художника, и можно лишь посотовать на его жалостливый тон в одном из писем Э. Поллаку: «Последние 8 лет всё мной написанное было продано! Мои покупатели американцы; они по-русски не читают. <...> На моих выставках никогда не было ни одного читателя Р<усского> Г<олоса> или члена ред<акции> или конторы газеты, или членов раб<очих> обществ, ибо они мной не интересуются и меня не признают; другие же русск<ие> “газеты” и их “читатели” – меня просто ненавидят» (цит. по: Деменок 2020: 288). Между тем, начав регулярно печататься в РГ с октября 1923 г., Ветлугин уже 2 февраля 1924 г. публикует статью «25 лет таланта и упорства» (см.: Русский Голос. 1924. № 2933. 2 февраля. С. 2), отмечая 25 лет бунтарской деятельности Давида Бурлюка. По всей видимости, Ветлугину принадлежит и статья-объявление на 1-й странице РГ от 4 февраля 1924 г. – «25-летний юбилей отца российского футуризма прошел с колоссальным успехом», он же в своей колонке от 8 марта пересказывает мнение о Бурлюке «Крисчена Бринтона» (так в его огласовке звучит имя известного художественного критика Кристиана Бринтона).

Ему принадлежит и статья в каталоге второй персональной выставки Бурлюка в галерее “J. V. Neumann’s Print Room”, продлившейся с 27 декабря 1924 г. по 13 января 1925 г. В своем личном архиве Бурлюк сохранил вырезку «На выставке Д. Д. Бурлюка» – ежедневную колонку А. Ветлугина «День за днем» из РГ, посвященную открытию этой выставки. Ветлугин тщательно лепит в

статье образ Бурлюка, с одной стороны, яркого, провокативного, переступающего любые отводимые искусству рамки:

Давид Давидович Бурлюк еще раз демонстрирует перед американцами возможности своей гигантской фантазии.

Снова, как и в прошлом году (как, вероятно, будет и в будущем) молоденькие барышни вооружаются лорнетками и с почтительным ужасом спрашивают: «А что же это такое?» И снова человек ангельского терпения – Бурлюк кротко объясняет, поясняет, разжевывает и вкладывает в рот. «Авось и сами проглотят»... А если проглотят, тогда... В конце концов:

Природа знать не знает о былом
Ей чужды наши призрачные годы...

Не проглотят сегодня, проглотят через 25 лет. Столетия в жизни человека – только миг в жизни искусства и природы⁴.

С другой стороны, чтобы представить Бурлюка как человека, авторитетного в художественных кругах Соединенных Штатов, Ветлугин щедро насыщает статью похвалами Бурлюку от известных деятелей американского искусства:

Знаменитый американский художник Роберт Астор Чанлер пишет о Бурлюке: «Он идет вокруг света, от русского царя до японского Микадо, от пустынных тихоокеанских островов до Нью Йорка, он несет с собой свои цветные жилеты, свое мужество, свой многоцветный талант... Выше, выше знамя... Он пишет стихи о своих картинах, и публика понимает его стихи еще меньше, чем его картины, потому что и в стихах его, и в картинах его тот последний анализ жизни, который легче всего не понять, которому труднее всего отказать в важности значения...».

Мне повезло. Бурлюк рассказал мне философию его жизни и философию его картин. Для меня это было открытием⁵.

⁴ А. Ветлугин. На выставке Д. Д. Бурлюка. – Дневник Д. Д. Бурлюка. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 264.

⁵ Там же.

Ветлугин продуманно выбирает из высказываний о Бурлюке те, что могут приумножить его достоинства для зрителей и, возможно, будущих покупателей. Так, цитируя «председательницу “Анонимного” общества американских художников Катерину Драйер» (и здесь он замечательно угадывает с выбором автора – в будущем, в 1944 г., Катарина Дрейер, американская художница, лектор, меценат, станет автором первой монографии о Бурлюке; см.: Dreier 1944), он выбирает два момента: во-первых, «зоркий глаз, всевидящий глаз. Такой зоркий глаз, что на что он ни посмотрит, все приобретает новый смысл и новую окраску» (Ветлугин, кажется, не ощущает каламбурного характера характеристики – у Бурлюка, действительно, видел только один глаз) и, во-вторых, функциональную характеристику его творчества: «Подобно остальным большим настоящим пришедшим из России, Бурлюк – живой мост между искусством Запада и искусством Востока <ошибочно – Бостона. – И. Б.>. И только тот, кто чувствует и Восток, и Запад, может оценить Бурлюка».

И, наконец, в завершение статьи – пожелание, «чтобы голос его первых поклонников был услышан всей Америкой и чтобы на его картины не только смотрели, но и покупали бы их. Презренный металл не лишняя вещь даже для художников»⁶. Единственным диссонансом, вкравшимся в этот панегирик, предстает фраза, открывающая последний абзац статьи: «Все это очень почтенно и очень радостно»⁷, – если радость по поводу достижений Бурлюка не вызывает сомнений, то «почтенность» как характерная черта выставки отца-футуриста, родоначальника, как представлял себя Бурлюк, кубофутуризма во Франции и Японии, – явное противоречие в терминах.

Можно предположить, что А. Ветлугину было известно желание Бурлюка быть не просто прославленным футуристом, но получить определенное официальное признание своих заслуг. В эксплицированной форме это нашло отражение в книге

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«Энтелехизм», изданной под именем Бурлюка в 1930 г., где перечислено то необходимое, что должно быть предпринято для увековечения футуризма: «Теперь к 20 летию футуризма необходимо требовать постановки памятника в бронзе – зачинателям “Первого искусства Революции Пролетарской”<.> Основания музея пролетар-футуризма в Сов. Союзе. Правильной оценки всего движения» (Бурлюк 1930: 3). Это требование безусловно противоречило ироничному заявлению Маяковского в стихотворении «Юбилейное»:

Мне бы
 памятник при жизни
 полагается по чину.
Заложил бы
 динамиту
 – ну-ка,
 дрызнь!
Ненавижу
 всяческую мертвечину!
Обожаю
 всяческую жизнь!

(Маяковский 1957: 56)

В 1929 г., когда Бурлюк требует памятник в бронзе, Маяковский жив, но опубликовано «требование» за подписями только В. Каменского и Д. Бурлюка.

Ко второй персональной выставке Бурлюка был выпущен каталог со статьями о нем К. Дрейер, Р. У. Чанлера, Ив. Народного, Л. Лозовика, А. Ветлугина и Б. Григорьева. Как пишет исследователь, «<...> все они хорошо знали Бурлюка и его творчество и сами были достаточно известны в художественных кругах Нью-Йорка» (Деменок 2020: 273).

Статья «А. Ветлугин о Бурлюке» в этом каталоге еще более комплиментарна, чем опубликованная в РГ. Бурлюк предстает здесь в ипостаси вечно ищущего бунтаря от искусства, основоположника, родоначальника нового движения в искусстве и России, и Америки:

Москвичи бы никогда не поверили. Бурлюк? Юная душа. Молодой из молодых. Всегда в авангарде. Всегда готовый отречься от прошедшего момента и принять грядущее⁸. <...>

Бурлюк начинатель „Бубнового Валета“. Бурлюк – ночной кошмар великолепного жандарма искусства А. Н. Бенуа. Бурлюк – возмутитель сонного царства Политехнического Московского Музея.

И вот этот самый Бурлюк – 25 летие... (Ветлугин 1924: 25)

С одной стороны, Ветлугин говорит о месте юбиляра в российской литературе, где

<...> хаотический бунтарь непоседа Бурлюк проявил чисто немецкое упорство в борьбе с косностью. Многие из того, за что он боролся, стало уже прописью. Но ему принадлежит честь почина. Когда Бурлюк начинал «деятельность», Брюсов почитался «революционером» в поэзии, а к картинам Врубеля не знали даже с какого бока подходить и укоризненно трясли головами: «Черт знает, что такое... Декадентщина». Думаю о Бурлюке. Забавно и высоко-поучительно: на левом фронте искусства он повторил историю левого фронта народничества.

Пошел в народ. Да ведь в какой еще «народ». В среду русского чугунного мещанства, в Россию коричневую, времен все задушившей реакции. <...>

Жандармы от искусства похуже, потуже, пожестче жандармов от политики.

На Бурлюка вопили. Не пуцали, в участок дурного вкуса тасили.

⁸ Этот в высшей степени хвалебный отзыв, особенно учитывая характерный для времени появления статьи укрепившийся в американском обществе культ молодости (обильно цитируемое высказывание авторитетного американского дизайнера и кинорежиссера Тома Форда “I am tired of the cult of youth” появилось почти столетие спустя, в 2010 г.), подтверждает предположение Е. Д. Толстой о том, что ирония посвященной приезду в США Маяковского статьи А. Ветлугина в серии РГ «Моя коллекция» отчасти задевала и Д. Д. Бурлюка: «Узнал, что В. В. Маяковский разочарован в американцах, хотя самый 100-процентный американец, с которым он столкнулся, был *молодой футурист*, прибывший в Америку два года назад...» (цит. по: Толстая 2006: 541; курсив наш).

Бурлюк не унывал. На брань отвечал бранью, за словом в карман не лез. А главное: отвечал работой, создал новый большой стиль в живописи (Ветлугин 1924: 25).

Вторая часть статьи выстроена на американском материале: «Бурлюк в Америке. Неслыханно» (Ветлугин 1924: 25). Сюда Ветлугин также привносит непрменный элемент рекламы, которой всерьез займется позже и даже увековечит свое имя на поле американских гляцевых журналов, предложив вместо постных рисунков помещать на обложке фотографии красивых (и обязательно молодых) американских девушек и женщин – cover girls, что будет упомянуто в каждом его англоязычном некрологе. «Это не человек, а олицетворенная сенсация (“фичю”)», – сказал о нем редактор большой американской газеты. Для русского читателя газеты имя редактора и название издания избыточны, важны должность и ее масштаб – «большая газета» (Ветлугин 1924: 25).

И еще одна характерная особенность этой статьи – яркие личностные реакции автора на творчество, манеру поведения, внешний вид своего героя:

Умирать буду, не забуду. На страшном суде вспомню, засмеюсь. Вечер в доме миллионерши и покровительницы искусства миссис Гарриман-Ромзей⁹. Толпы людей во фраках и бальных туалетах. Что ни имя – то общемировая известность. Появляется Бурлюк. В чёрном сюртуке, в золотом жилете нечеловеческой красоты. И начинается давка. Щупают жилет, осматривают серьгу. Расступаются, чтоб пропустить посмотреть какую-то почти задавленную старуху.

Неслыханно.

А Бурлюк контрабандой под прикрытием жилета проповедовал новое искусство (Ветлугин 1924: 26).

⁹ Mary Harriman Rumsey (Мэри Гарриман-Рамси; 1889–1934) – общественная деятельница, создатель одной из самых известных в истории благотворительных организаций, действующих по сей день.

Наконец, последний абзац – констатация нетленной значимости взглядов и творчества Бурлюка, вновь поданная как феномен личной заинтересованности, личного, и отличного, знания предмета, личного участия в знаменательном событии: «Слушали и мотали на ус. Через неделю в разговоре со многими из присутствовавших я услышал такие речи об искусстве, в происхождении которых не усомнился» (Ветлугин 1924: 25–26).

Продолжая рассказ об авторах статей, вошедших в каталог второй выставки Бурлюка, исследователь отмечает: «Давид Бурлюк не остался в долгу. Помимо многочисленных публикаций о своих друзьях в “Русском Голосе”, он в 1928 году выпустил книгу “Русское искусство в Америке. Материалы по истории русского искусства 1917–1928”» (Деменок 2020: 273).

Это утверждение, справедливое в отношении остальных авторов, не находит подтверждения в случае А. Ветлугина. Скорее, есть основания считать, что Бурлюк видел его растущую популярность как среди читателей, так и среди журналистов, видел и завидовал ему. Ветлугин обладал острым аналитическим умом, у него за плечами был ценный опыт работы в периодике русской эмиграции в самом начале 1920-х гг., не говоря уже о сотрудничестве с российскими органами печати разных направлений: в первые послереволюционные годы – с анархистской газетой «Жизнь» (Москва), во время Гражданской войны – с одноименной газетой в Ростове-на-Дону; его яркий талант публициста проявился в книгах о Гражданской войне («Герои и воображаемые портреты», Берлин, 1922; «Авантюристы гражданской войны», Париж, 1921; «Последыши», Берлин, 1922; «Третья Россия», Париж, 1922). По убеждению Е. Д. Толстой, после ухода Ветлугина из РГ Бурлюк станет в газете «центральной фигурой, ориентируясь в своих фельетонах на стиль бывшего коллеги» (Толстая 2006: 542)¹⁰.

¹⁰ Влияние стиля А. Ветлугина, в частности «бескомпромиссности, остроты <...> выражений, темперамента» (Толстая 2006: 504), исследовательница усматривает и у А. Н. Толстого, который приятельствовал с А. Ветлугиным в Париже и Берлине в 1921–1922 гг. и, по ее мнению, учился «у Ветлугина искусству краткого энергичного

Разница в самопрезентации Бурлюка и Ветлугина была огромной и принципиальной: так, в первые же месяцы по приезде в США М. Н. Бурлюк писала своим корреспондентам: «Много очень интересного, ходим в субботу и воскресенье (детки не учатся) по музеям, театрам, вчера были на Айседоре Дункан, Давид Давидович познакомился с ее мужем Есениным, будет писать его, а с нее наброски» (Деменов 2020: 259). Бурлюк, узнав о приезде Есенина, сразу же приходит к нему в гости, предлагает показать Нью-Йорк; свидетель этого разговора в гостиничном номере Есенина и Дункан характеризует манеру общения Бурлюка как заискивающую, даже назойливую. Предлагая услуги гида, Бурлюк многократно повторял один и тот же вопрос: «Так что же желал бы Сергей Александрович увидеть в своеобразнейшем городе Нью-Йорке?», вызывая явное раздражение собеседника. Свидетелю беседы «не хотелось думать, что поведение поэта объясняется просто возникшей у него личной неприязнью к Бурлюку, что во всем повинна слащавость тона Давида Давидовича, его непомерная настойчивость»; понимая, что «Бурлюк ведет себя очень странно, что он теряет контроль над собой», он искренне жалеет Бурлюка, объясняя увиденное тем, что Бурлюк, «став эмигрантом, уже не был в состоянии разговаривать с гражданином Советской страны как равный с равным» (Мендельсон 1986: 30–31).

Думается, однако, что причина нервозности Бурлюка, скорее, объяснялась тем, что ему не удалось произвести на Есенина желанного впечатления, не удалось заинтересовать его своей личностью, как не удалось и вставить его имя в ряд тех, кому посвящены были его статьи в РГ («Владимир Маяковский (Поэт революции)» – 22 и 29 марта 1923 г.; «Характеристика личности Маяковского и приемы его творчества» – 5 и 19 апреля 1923 г.; «Мое знакомство с Горьким» – 10 и 17 мая 1923 г.; «Ф. И. Шаляпин лично и в анекдотах» – 31 мая и 14 июня 1923 г. и т. д.).

репортажа», способности быть «гораздо более энергичным, пронизательным, циничным и жестким, чем раньше» (Толстая 2006: 548).

Между тем А. Ветлугин, по его справедливому замечанию, был «одним из очень и очень немногих, которые знавали Есенина в свете истинной жизни, истинного творчества, а не разглагольствований о рахат-лукумовых “измах”» (Ветлугин 2007: 144) – стрела, явно метящая в имажинизм. Будучи знаком с Есениным еще по Москве, в 1922 г. в Берлине он близко сходится с ним и с А. Кусиковым – настолько близко, что посвящает им обоим свой единственный роман «Записки мерзавца» (1922); настолько близко, что получает приглашение отправиться вместе с Есениным и А. Дункан в США в качестве «спутника» – так назовет его Есенин в своем рассказе об Америке; в качестве секретаря А. Дункан – так аттестовала Ветлугина в мемуарах ее подруга Мэри Дести, сильно преувеличившая возможности Айседоры Дункан:

...боясь, что он <Есенин> чувствует себя одиноким без соотечественников, она наняла в качестве секретарей двух его друзей, тоже нуждающихся поэтов, платя им большие деньги, и даже привезла их в Америку. <...> ...в воскресное утро в октябре 1922 года Айседора и ее муж, поэт, в сопровождении *нескольких* русских секретарей прибыли из Гавра в Америку на лайнере «Париж»¹¹.

Сотрудник Библиотеки Конгресса Авраам Ярмолинский, в 1921 г. издавший вместе с женой, Бабеттой Дейч, антологию новейшей русской поэзии, считал А. Ветлугина нью-йоркским приятелем Есенина, «беллетристом по фамилии Рындзюк», состоявшим «чем-то вроде переводчика при Айседоре, помогая ей объясниться с мужем» (Ярмолинский 2007: 249).

Уже упомянутый Морис Мендельсон характеризовал А. Ветлугина, встреченного им в гостиничном номере Есенина, как человека, выказывавшего отчужденность, не желавшего общаться с посетителями поэта, упорно и недружелюбно молчавшего. После известного скандала с антисемитским привкусом в гостях у поэта

¹¹ Дести М. Нерассказанная история (Айседора Дункан и Есенин). – <http://esenin-lit.ru/esenin/vospominaniya/desti-dunkan-i-esenin/ajsedora-pokazyvaet-eseninu-mir.htm?ysclid=m13uri6s9p480747783>; курсив наш.

Мани-Лейба Есенин пишет письмо с извинениями и просит: «Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет» (Есенин 1980: 136), что, конечно же, свидетельствует о высокой степени доверия.

И тогда, в 1922 г., и в 1950-м, которым датированы воспоминания Ярмолинского, о Ветлугине было известно очень немного. Сегодня мы знаем о нем значительно больше – перед нами предстает, хотя и со значительными лакунами, одна из удачных эмигрантских судеб, одна из самых серьезных карьер в русской эмигрантской среде; правда, за пределами русской культуры¹².

Сотрудничество с Давидом Бурлюком, признание заслуг зачинателя футуризма, совместные выступления не переросли в дружбу. Свою роль в этом сыграла, конечно, и разница в возрасте в 15 лет, но не только она. Соревновательность с Ветлугиным в РФ остро ощущалась Бурлюком и в октябре 1925 г., незадолго до ухода Ветлугина из газеты, неожиданно вылилась в полемику. В своем

¹² Однако, едва заходит речь о Есенине, и сегодня Ветлугин нередко рисуется его злым гением: в книге Валентины Пашиной «Неизвестный Есенин» (2001) Ветлугину уделена целая глава, в которой совершенно безосновательно утверждается, что он был осведомителем (чьим – непонятно), что годы его жизни 1897 – после 1946 (при том, что он умер в 1953 г.), что «сведений о нем мало – писатель, эмигрант. Зато много нареканий в его адрес, начиная с того, что в переводчики он никак не годился, потому что сам плохо знал английский. Эту сплетню пустил Дон Аминадо (так пишет Елена Толстая). Судя по названиям его книг, большевиков не любил» (Пашиная 2007: 285). Далее приводятся высказывания о Ветлугине Троцкого, Бунина, Яценко, что должно было бы навести автора книги на мысль о значимости этого персонажа, но В. Пашиной важнее данные, представленные редактором петербургской газеты «Милицейские ведомости», почерпнутые из чужих исследований без каких бы то ни было отсылок и сносок, что приводит ее к выводу: «Короче говоря, ему было все равно кому служить, лишь бы хорошо платили. Об этом Ветлугин весьма откровенно сообщает Есенину 6 октября 1923 года: “Быть Рокфеллером значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным <...> Мне мое имя – строка из паспорта, тебе – надпись на монументе”» (Там же: 286). Дело, однако, не в «откровенности» Ветлугина, но в осознанном выборе жизненной позиции, что подчеркнуто определением «значительнее и искреннее», резко контрастирующим с представлением Пашиной о всеядности и продажности А. Ветлугина. Так что наивное обращение к читателям в предисловии: «Хочу уверить моего читателя: в этой книге нет ни одного непроверенного факта» (Там же: 7) – не оправдывается, хотя, возможно, этого не заметил «первый читатель» В. Пашиной: «<...> могу с гордостью сказать, что сыктывкарские работники службы государственной безопасности стали первыми читателями рукописи “Неизвестный Есенин”. / В. Пашиная, / Март 2001 г.» (Там же: 580).

дневнике Бурлюк подготавливает к публикации черновик статьи, сводя воедино обстоятельства полемики, цитируя оппонента, приводя мнения читателей. На первый взгляд, предмет полемики отнюдь не первой значимости – речь идет о спорте, который Бурлюк характеризует как «пресловутый американский спорт»¹³.

Итак, летом 1925 г. Бурлюк упоминает в дневнике, что написал «в ряду своих заметок об американской жизни несколько фельетонов об американских нравах. Писал их искренне, писал, как говорится, “с натуры”, то, что видел. “Почти” неожиданно Ветлугин обрушился на меня, обвиняя меня в том, что де Бурлюк пишет так мрачно об американских нравах – потому первое: “что он новичек в Америке” <орфография оригинала. – И. Б.>»¹⁴.

Второе: «что Бурлюк обнаруживает интеллигентскую точку зрения (по мнению Ветлугина, постыдную (?)- <пунктуация оригинала. – И. Б.>»¹⁵.

Возражая коллеге, Бурлюк предлагает любопытную классификацию «физиономии взглядов»:

Я знаю три таковых наиболее определенных нашего времени: буржуазную, интеллигентскую и рабочую-пролетарскую.

Моя точка зрения – находится (вероятно) как раз посередине между двумя последними характеристиками¹⁶.

Зато у Ветлугина «физиономия» взглядов «явно чуждых (конечно) пролетарской идеологии»¹⁷. Эта атака скрашена признанием заслуг

¹³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Стоит упомянуть, что в США Бурлюк примыкал к просоветски ориентированным группам, и можно предположить, что, написав поэму к 10-летию Октябрьской революции (характерно, что три названия, данные автором поэме на обложке книги, – «Ленин», «Апофеоз Октября» и «Поэма к десятилетию республики Советов», привели к тому, что до сих пор в статьях и книгах она фигурирует двояким образом – то как «Апофеоз Октября», то как «Десятый Октябрь»), Бурлюк стремился не только утвердиться в качестве одной из ведущих фигур русского футуризма, но и уравнивать себя с Маяковским, автором поэмы «Хорошо!», написанной к тому же юбилею революции.

оппонента как «автора остроумных и едких фельетонов, проникнутых огромным знанием жизни»¹⁸.

По словам Бурлюка, спор идет о пользе «для нас, тружеников», спорта. Между тем его возражения Ветлугину проникнуты яростной ненавистью к состоятельному классу, «кучке дармоедов-богачей», на которых, по его мнению, и рассчитан американский спорт:

Пойдите, Ветлугин, в Джером Парк, посмотрите, как все полянки заняты гольфом богачей, а бедноте отведены скудные крохи зеленой (вытопанной уже) травки...

А знаменитые бейсболлы!

А боксы?¹⁹

Начав говорить о спорте, Бурлюк сворачивает на путь революционных преобразований, от которого далека Америка с ее культом здорового образа жизни и молодости: «Спорт нужен, необходим, но раньше дайте сносные условия существования. Обеспечьте приличной заработной платой тружеников, устранили безработицы, организуйте жизнь!»²⁰

Кому бы ни был адресован этот призыв, Бурлюк словно охвачен речевым возбуждением, сопоставляет несопоставимое, безрассудно контаминирует спорт и политику, спорт и шоу, спорт и казни в античном Риме:

Но против бокса, против боя быков, так же как против бывших недавно нероновских живых факелов – каждый культурный человек обязан выступить с безусловным осуждением, во имя

При этом поэма Бурлюка в своей поверхностной реалистичности и «дурном символизме» (термин Н. А. Бердяева) далека от футуризма, о чем можно судить хотя бы по ее началу: «Слева выходит группа рабочих и крестьян в русских костюмах. Они идут перед занавесом навстречу Миру. Молодой могучий рабочий держит на блюде “Каравай Москвы” <своего рода прообраз «сахарного Кремля» Вл. Сорокина. – И. Б.>. ХОР РАБОЧИХ торжественно поет: На липово-узорном блюде / Снегами лег Октябрьский плат. / Чьи торжеством не смяты груди? / Всяк восхищенья морем взят! // Встречаем по старинке – с хлебом / Москвы разлегся каравай» (Бурлюк 1928: 5).

¹⁸ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

тех высоких идеалов, вечных и не зыблемых – гуманности, справедливости и добра – к коим жизнь уже приближается, ради которых борются рабочие массы, ради которых развивают свои кровавые флаги революции²¹.

На первый взгляд, тирада выстроена по всем законам «правила трех», однако к спорту отношение имеет только бокс, который не только не вызывал раздражения, но, напротив, был одним из самых популярных видов спорта²². Бой быков считается искусством, а недавние «живые факелы Нерона», то есть мучительные казни христиан, происходили в 64 г. н. э. и заведомо не имели никакого отношения к спорту. Утратив логическую связь между означаемым и означающим, Бурлюк приходит к утверждению, которое Ветлугина не могло не ужаснуть (хотя, возможно, в силу его циничного характера – рассмешить): оправдание кровавых революций, признание, что они происходят во имя идеалов гуманности, справедливости и добра.

Месяц спустя, 29 октября 1925 г., Бурлюк подводит итог полемики, скорее напоминающей его страстный монолог, пересказывая и цитируя четыре ожидаемых мнения «читательской массы»: то, что защищает Ветлугин, – «позорный акт, с которым будет расплачиваться будущее поколение <Америки>»; «Америка хороша для тех, кто влюблен в доллар»; физические упражнения бесполезны без соблюдения гигиены; особо выделено мнение некоего М. Мамаева: «Бурлюк прав», а не прав Ветлугин, впадающий в восторг перед торговлей, которая есть обман и пользы не принесет, «ибо Толстой – не торговал, Пушкин – не торговал»²³.

Наивно-провинциальный характер аргументов Бурлюка был направлен, прежде всего, против «американизма» Ветлугина во всех ипостасях – и против его воодушевленного приятия Америки, и против его вживания в американскую действительность. И от того,

²¹ Там же.

²² Возможно, инвектива по поводу бокса также была частью полемики с А. Ветлугиным, блестяще описавшим в романе «Записки мерзавца» поединок француза Жоржа Карпантье и американца Джека Демпси, состоявшийся в 1921 г.

²³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

и от другого Бурлюк был одинаково далек, судя по дневникам и статьям, «своим» в Америке он так и не стал, хотя к началу 1960-х гг. снижал успех как художник. В конце 1940 г. он подал в советское посольство заявление о принятии его семьи в советское подданство; в письмах, синхронно с этим заявлением посланных советским друзьям, он написал подобающие строки о том, что в Америке, Японии и Сибири оставался преданным делу Ленина – Сталина (см.: Деменок 2020: 284). Ко времени «полемики» с Ветлугиным в начале и середине 1920-х гг. он менее всего был готов к адаптации в американское общество, оказавшись в США, по его собственным словам, без денег, знакомств и языка.

Неслучайно в этом плане окончание полемики, также подчеркивавшее приверженность Бурлюка советским этическим и культурным ценностям: «Из всего этого мной был сделан вывод, неоднократно поддержанный и до и после всей практикой, жизнью <sic!> нашей родины Сов. России, что нам русским нужна, годится Америка техники, Америка усовершенствований – но не та Америка, апогеем которой является знаменитый “белый путь Бродвея”²⁴, на который так часто натывается талантливое перо моего сотрудника по газете, теперешнего соперника по дискуссии»²⁵.

²⁴ Театральный район улицы Бродвей в Нью-Йорке, охватывающий территорию между 42-й и 53-й улицами и включающий также Таймс-сквер. Общим местом стала характеристика Бродвея Э. А. По, опубликованная в “Broadway Journal” (1845. No 1): “Broadway is confessedly the finest street in the first city of the New World. It is the great artery through which flows the best blood of our system. All the elegance of our continent permeates through it. If there is a handsome equipage set up, its first appearance is made in Broadway. The most elegant shops in the City line its sides; the finest buildings are found there, and all fashions exhibit their first gloss upon its sidewalks. <...> <E>very exhibition of art is found here, and the largest caravanseries in the world border upon it [«Бродвей, по общему признанию, – самая шикарная улица в первом городе Нового Света. Это большая артерия, по которой течет лучшая кровь нашей системы. Все, что есть на нашем континенте изысканного, пронизывает ее насквозь. Как только сооружают красивый экипаж, он первым делом появляется на Бродвее. Вдоль него расположены самые элегантные магазины города, здесь находятся самые роскошные здания, и все веяния моды первыми вмещают его тротуары. <...> Здесь устраиваются лучшие выставки, сюда прибывают караваны со всего света»; перевод мой. – И. Б.]” ([Poe] 1845: 1).

²⁵ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

Бурлюк, конечно, не мог предвидеть, что его «соперник по дискуссии» станет известной персоной в американской англоязычной журналистике и кинематографе, так что «великий белый путь» для А. Ветлугина – рабочая площадка. В очерке «Всего-то пять кварталов» (“Only 5 Short Blocks”) он описывает случайную встречу в Нью-Йорке с Шаляпиным в самом начале 1920-х гг., которая стала для него «уроком искусства жить»²⁶ и которая началась именно на «великом белом пути»: «Однажды на 42-й улице я наткнулся на огромного блондина. Я сразу узнал его – Федор Шаляпин, великий русский певец» (Белобровцева, Устинов 2022: 180).

Бурлюк закончил полемику очередным вариантом самоутверждения:

Я уверен, что Ветлугин поймет меня и не будет в претензии за правду, может быть, за излишнюю прямоту... в споре допустимую...

Разногласие и спор – это и есть жизнь, реальная, от болота далекая.

Истина – дороже самолюбий²⁷.

По всей видимости, последняя фраза должна была подчеркнуть, что истина, без всякого сомнения, на его стороне. Ветлугина полемика оставила равнодушным. Свое кредо, как уже сказано выше, он сформулировал в письме к Есенину за два года до этого события, объясняя адресату коренные различия их жизнепонимания. Обычно из этого письма цитируют лишь одну фразу: «Мне мое имя – строка из паспорта, тебе – надпись на монументах. Мою смерть отметят в приходе-расходной книге крематория, твоя воспламенит Когана, если он тебя переживет (а “он” всех переживет)» (Вдовин 1977: 234).

В письме «я» и «ты» противопоставлены многократно: Есенин остался в революции – Ветлугин уже «на отмели времен»; Есенин уехал в Москву («творчество»), Ветлугин едет в Америку, «перестав

²⁶ Об этой встрече см.: Белобровцева, Устинов 2022: 174–190.

²⁷ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

играть с самим собой» на фоне «выштукатуренного фасада – Искусства (и с большого и с малого “И”»)» (Там же). Есенина он считает «подлинно скифом», а свою будущую жизнь видит в единственной реальности «вкусовых и зрительных ощущений» (Там же). Ветлугин со свойственными ему глубоким пониманием человека и безукоризненным чувством стиля определяет Есенина так, словно предсказывает его будущую смерть: «тебя ужаснул...», «Ты весь из междометий», «Ты потрясен и оскорблен ложью мира» (Там же). При этом собственный портрет он подбирает из прямо противоположных характеристик: он закрытый человек, предпочитающий «официальную вежливость» тесному общению и «кроткую фальшь <...> бурной правде» (Там же). К своим 26 годам А. Ветлугин прожил целую жизнь: революция, выживание в условиях распада и каждодневной смертельной опасности, участие в Гражданской войне и ее осмысление в четырех книгах, заставивших говорить о нем и в русском зарубежье, и в Советской России, наконец, эмиграция со сменой континента.

Ему, в отличие от советского литературоведа, на основании ветлугинского письма писавшего об «отвращении Есенина к беспринципности западных буржуазных журналистов, “литературной шатии”»²⁸ (Вдовин 1977: 235), ясна была одноприродность любых идеологических конструктов – неслучайно поименованный вначале П. С. Коган превращается в собирательное «он». И в данном случае предвидение Ветлугина о будущей бурной реакции Когана на смерть Есенина оправдалось: спустя три дня после смерти поэта он опубликовал статью «Есенин» в «Вечерней Москве», выступил на вечере памяти Есенина в Доме печати; в январе 1926 г. появилась статья Когана «Есенин» в «Информационном бюллетене Всесоюзного общества культурных связей с заграницей» (1926. № 2. 14 января); в февральском номере журнала «Печать и революция» (1926. № 2) – его статья «Памяти Есенина».

²⁸ Эти почти рефлекторные нападки на Запад и представителей западной культуры, характерные для советских литературоведов и критиков 1970-х гг., дезавуируются названием единственного имени высокопоставленного советского чиновника от литературы – П. С. Когана.

Отказываясь от любой идеологии, Ветлугин отдавал предпочтение собственному переживанию жизни, ее гедонистическому началу, которое отнюдь не исключает этической составляющей.

Собственно, полемика Бурлюка с Ветлугиным во многом повторяет обозначенные А. Ветлугиным контрасты между ним и Есениным: готовность младшего коллеги наслаждаться жизнью, физическими ощущениями, искусством резко контрастировала с постоянной оглядкой Давида Бурлюка на Советскую Россию и Советский Союз, с тем, что он мерял «на столетия» и проходил «мимо дней». Это высказанное в письме Есенину сожаление Ветлугин вполне мог повторить и в адрес Бурлюка, если бы «полемика» была двусторонней. В сущности, такой не вызывающий особых страстей предмет, как массовый спорт, мог стать предметом полемики именно как демонстрация принадлежности двух сотрудников газеты РГ к разным типам эмигрантов: если Ветлугин был готов, и эту готовность реализовал достаточно быстро, к интеграции в социальную, политическую, культурную область американского общества, то Бурлюку предстоял долгий путь адаптации.

Думается, полное понимание того, что он так и не стал «своим» в Америке, но перестал им быть в СССР, пришло к нему и его жене во время их второго, в 1965 г., приезда в СССР, когда ему отказались отдать ранние работы в обмен на новые, прочли нотацию о том, что он когда-то бросил родину, а затем официальные представители МИДа предложили остаться в СССР, где чете Бурлюков будут предоставлены лучшие условия жизни.

По словам мемуариста, в аэропорту Шереметьево Мария Никифоровна сказала:

– В жизни мы сделали много ошибок. Одна из самых больших – наш второй приезд в Россию. На родине Бурлюка не любят и не понимают. На протяжении десятилетий наши слезы по России были напрасными.

Давид Бурлюк слышал, что сказала его жена. Он добавил:

– Наш плач по России был неоправданным... (Гендлин 1986: 222)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антипина З. С., Подлубнова Ю. С. 2019. Футуристический привет! Гастроли футуристов на Урале: 1917–1918 гг. – Язык. Текст. Книга: Материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 5–11.
- Белобровцева И. З., Устинов А. Б. 2022. Прогулка с Шаляпиным: К «американской биографии» А. Ветлугина. – *Slavica Revalensia*. Vol. IX. Tallinn: TLÜ Kirjastus. С. 174–190.
- Бурлюк Д. 1924. Стихи. Картины. Автобиография. Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу: К 25-летию художественно-литературной деятельности (Стихи 1898 г. – 1923 г.). Нью-Йорк: Издание Кооператива Газеты «Русский Голос».
- Бурлюк Д. 1928. Десятый Октябрь. Нью-Йорк: Издание Марины Никифоровны Бурлюк.
- Бурлюк Д. 1930. Энтелехизм: Теория. Критика. Стихи. Картины (1907–1930). Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк.
- Вдовин В. 1977. Письма к Сергею Есенину. – Вопросы литературы. № 6. С. 233–248.
- Ветлугин А. 1924. Ветлугин о Бурлюке. – Свирель собвея: 1-ый Кооперативный Сборник. Проза, стихи, картины. Нью-Йорк: [Б. и.]. С. 25–26.
- Ветлугин А. 2007. Воспоминания о Есенине. – Русское зарубежье о Сергее Есенине. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. С. 144–153.
- Гендлин Л. 1986. Перебирая старые блокноты. Амстердам: Геликон.
- Деменок Е. 2020. Давид Бурлюк: Инстинкт эстетического самосохранения. М.: Молодая гвардия.
- Есенин С. 1980. [Письмо М. Л. Брагинскому от конца января 1923 г.]. – Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 6. М.: Художественная литература. С. 135–136.
- Маяковский В. В. 1957. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 6: 1924 – первая половина 1925. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Мендельсон М. О. 1986. Встречи с Есениным. – С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература. С. 24–34.
- Пашинина В. С. 2007. Неизвестный Есенин: Литературно-историческое исследование. 3-е изд., дополненное и переработанное. Киев: Фирма «Деркул».

- Седых А. 1979. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Издание «Нового Русского Слова».
- Толстая Е. Д. 2006. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ.
- Толстой А. 1958. Эмигранты. – Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4: Повести и рассказы (1925–1928). Гиперболоид инженера Гарина. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 223–515.
- Толстой А. 1961. О Париже. – Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10: Статьи, выступления, письма, очерки. Рассказы Ивана Сударева. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 45–50.
- Устинов А. 2016. Биография как сюжет: «Американская мечта» А. Ветлугина. – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 224–239.
- Хлестов Н. И. 1968. Памятные годы. – Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Московский рабочий. С. 84–105.
- Ярмолинский А. 2007. Есенин в Нью-Йорке. – Русское зарубежье о Сергее Есенине. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. С. 247–253.
- Dreier, K. S. 1944. *Burliuk / Foreword by Duncan Philips*. New York: The Société Anonyme; Color and Rhyme.
- [Poe, E. A.] 1845. Introductory. – *The Broadway Journal* (New York). Vol. 1. No 1. January 4. P. 1.

REFERENCES

- Antipina, Z. S. and Iu. S. Podlubnova. “Futuristicheskii privet! Gastrolit futuristov na Urale: 1917–1918 gg.” In *Iazyk. Tekst. Kniga: Materialy 2 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 25 apreliia 2019 g.)*, 5–11. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2019.
- Belobrov'tseva, I. Z. and A. B. Ustinov. “Progulka s Shaliapinyim: K ‘amerikanskoi biografii’ A. Vetlugina.” *Slavica Revalensia* 9 (2022): 174–90.
- Burliuk, D. *Stikhi. Kartiny. Avtobiografiia. Burliuk pozhimaet ruku Woolworth'u Bilding'u: K 25-letiiu khudozhestvenno-literaturnoi deiatel'nosti (stikhi 1898 g. – 1923 g.)*. New York: Izdanie Kooperativa Gazety “Russkii Golos,” 1924.
- . *Desiatyi Oktiabr'*. New York: Izdanie Mariny Nikiforovny Burliuk, 1928.
- . *Entelechism: Teoriiia. Kritika. Stikhi. Kartiny (1907–1930)*. New York: Izdanie Marii Nikiforovny Burliuk, 1930.
- Demenok, E. *David Burliuk: Instinkt esteticheskogo samosokhraneniia*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2020.

- Dreier, K. S. *Burliuk*. Foreword by Duncan Philips. New York: The Société Anonyme; Color and Rhyme, 1944.
- Esenin, S. “[Letter to M. L. Braginskii from the end of January, 1923].” In *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 6, 135–36. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1980.
- Gendlin, L. *Perebiraia starye bloknoty*. Amsterdam: Helicon, 1986.
- Iarmolinskii, A. “Esenin v New York’e.” In *Russkoe zarubezh’e o Sergee Esenine*, 247–53. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2007.
- Khlestov, N. I. “Pamiatnye gody.” In *Maiakovskii v vospominaniakh rodnikh i druzei*, 84–105. Moscow: Moskovskii rabochii, 1968.
- Maiakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 6, 1924 – *pervaia polovina 1925*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1957.
- Mendel’son, M. O. “Vstrechi s Eseninym.” In *S. A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov*. 2 vols. Vol. 2, 24–34. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Pashinina, V. S. *Neizvestnyi Esenin: Literaturno-istoricheskoe issledovanie*. 3rd rev. and exp. ed. Kyiv: Firma “Derkul,” 2007.
- [Poe, E. A.] “Introductory.” *The Broadway Journal*. January 4, 1845.
- Tolstaia, E. D. “Degot’ ili med”: *Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel’ (1917–1923)*. Moscow: RGGU, 2006.
- Tolstoi, A. *Emigranty*. In *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 4, *Povesti i rasskazy (1925–1928)*. *Giperboloid inzhenera Garina*, 223–515. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1958.
- . “O Parizhe.” In *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 10, *Stat’i, vystupleniia, pis’ma, ocherki. Rasskazy Ivana Sudareva*, 45–50. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1961.
- Ustinov, A. “Biografiia kak siuzhet: ‘Amerikanskaia mechta’ A. Vetlugina.” *Siuzhetologii i siuzhetografiia* 2 (2016): 224–39.
- Vdovin, V. “Pis’ma k Sergeiu Eseninu.” *Voprosy literatury* 6 (1977): 233–48.
- Vetlugin, A. “Vetlugin o Burliuke.” In *Svirel’ sobveia: 1-yi Kooperativnyi Sbornik. Proza, stikhi, kartiny*, 25–26. New York: n. p., 1924.
- . “Vospominaniia o Esenine.” In *Russkoe zarubezh’e o Sergee Esenine*, 144–53. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2007.

«ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» СОФИИ ДУБНОВОЙ-ЭРЛИХ В АРХИВЕ М. ВОЛОШИНА

А. В. Лавров
(С.-Петербург)

Небольшой сборник стихов, о котором пойдет речь, Максимилиан Волошин получил от Михаила Львовича Винавера, с которым дружески общался в 1920-е годы. Это был, по словам Волошина, «человек высокой души и сердца, которому за последнее 10-летие принадлежит самая благородная и чистая роль» (Волошин 2015: 123).

Михаил (Михал) Львович Винавер (1880–1942?) родился в Варшаве, где проживал до 1911 г., после чего перебрался в Москву; получил высшее образование в Бельгии (инженер-технолог) и вплоть до 1918 г. работал в московских учреждениях по своей специальности. В 1918 г. Винавер стал одним из создателей Московского Политического Красного Креста и заместителем его председателя (вначале Н. К. Муравьева, затем Е. П. Пешковой); преемственной по отношению к этой организации стала ПОМПОЛИТ (Помощь политическим заключенным) во главе с Екатериной Павловной Пешковой, первой женой М. Горького; Винавер был ее бессменным заместителем в 1922–1938 гг., совмещая эту деятельность с работой в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста (1920–1937)¹. В годы большевистского террора значимость их совместных самоотверженных усилий невозможно переоценить. М. Горький, упоминая о том, как Е. П. Пешкова «семь лет держалась на своем труднейшем посту», подчеркивал: «Нет в России тюрьмы, которую она не посетила бы, она и Винавер, святой еврей. Вдвоем они спасли не одну сотню людей» (Горький 2013: 109). Отстаивавший права политических заключенных, Винавер закономерным образом и

¹ Подробнее см.: Письма женщин и детей 2005: 433–435; Письма Винавера и Пешковой 2009: 142–145.

сам не избежал той же участи. После кратковременных арестов в 1919 и 1922 гг. третий арест оказался последним: 3 августа 1937 г. в Крыму – в деревне Козы Судакского района Крымской АССР, где в 1920-е годы он приобрел себе домик. Обвиненный в шпионаже в пользу Польши (в 1926 г. он принял польское гражданство), Винавер 29 июня 1939 г. был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. О последующей его судьбе имеются различные данные: по официальным сведениям, в начале 1942 г. освобожден из лагеря по амнистии как польский подданный и 29 сентября 1942 г. скончался; по другим сведениям, в 1943 г. по его просьбе направлен в польскую армию В. Андерса, формировавшуюся на территории СССР, и, заболев, умер в дороге.

Знакомство Винавера с Волошиным состоялось, по всей вероятности, осенью 1923 г. в Коктебеле, после чего они неоднократно общались там же и, видимо, во время пребывания Волошина в Москве в феврале – марте 1927 г. В летописи жизни и творчества М. А. Волошина, составленной В. П. Купченко, упоминаются (на основе регистрационных записей поэта) многочисленные его письма к Винаверу (некоторые – на оборотах акварелей), но ни одно из них не выявлено (скорее всего, погибли вместе со всеми бумагами после ареста); в архиве Волошина хранятся 14 писем Винавера к нему. Волошин писал Винаверу на протяжении ряда лет, обращался, в частности, с просьбами похлопотать о смягчении участи репрессированных друзей – С. Н. Дурьлина, Е. И. Васильевой, Б. А. Лемана, Д. Е. Жуковского, М. И. Долгополова, – а также о защите своего коктебельского дома от посягательств властей. За отсутствием других эпистолярных высказываний особенно выразительна дарительная надпись Волошина на его акварели (23 октября 1931 г.): «Дорогой Михаил Львович, я не могу выразить словами глубину моего восторга и уважения перед вашим делом во время Революции»².

2 сентября 1925 г. М. Л. Винавер сообщал Волошину из Москвы: «Возвращаясь из-за границы, я встретился в Варшаве со своим

² Собрание М. А. Лентуловой. Приведено в кн.: Купченко 2007: 502.

старым другом, Софией Дубновой, которая читала мне свои стихи. Избранные – я посылаю Вам. Рад бы получить от Вас отзыв о них. Она очень Вас ценит, как поэта, и Ваше мнение для нее очень важно. Если не затруднит Вас эта просьба – напишите по моему адресу: Москва, Фурманский пер., 18, кв. 14»³. К письму прилагалась переплетенная в тетрадку машинописная подборка Софии Дубновой под общим заглавием «Избранные стихотворения».

В ближайшие два месяца по получении стихов Волошин на их присылку никак не откликнулся, о чем можно судить по запросу В. Д. Финкельштейн в письме к М. С. Волошиной от 8 ноября 1925 г.: дошел ли до Волошина сборник Дубновой, отправленный «на отзыв» (Купченко 2007: 282). Но, видимо, и на это напоминание он не отреагировал: в письмах Винавера к Волошину имя Дубновой более не упоминается. Вероятно, поэт, как и во многих других аналогичных случаях, предпочел уклониться от возлагаемой на него ответственной миссии «рецензента».

Представляя Софию Дубнову как «старого друга», Винавер мог добавить: друга из Варшавы, его родного города. Она и ее муж, Генрих Моисеевич Эрлих (1882–1942), один из лидеров польского Бунда (еврейской социал-демократической партии) и редактор партийной ежедневной газеты «Фолькцайтунг», осенью 1918 г. уехали из Советской России в обретшую государственный суверенитет Польшу и обосновались в Варшаве; Винавер и Эрлих были знакомы еще до революции. О варшавских встречах с Винавером С. Дубнова-Эрлих рассказывает в своих мемуарах «Хлеб и маца»:

Раз в год доходил до меня живой голос моей родины: в середине декабря приезжал из Москвы на короткое время наш старый друг Михал Винавер. Приезжал он как представитель московского полулегального Красного Креста. Практической целью приезда была операция обмена польских коммунистов, приговоренных судом к 15- или 10-летнему заключению, на соответствующее

³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 342. Л. 1.

количество поляков, сидящих в советских тюрьмах или лагерях. Личным стимулом к ежегодной поездке было желание Михала повидаться с женой, вскоре после октябрьского переворота переселившейся в Варшаву <...> (Дубнова-Эрлих 1994: 222).

Приезжая, Михал привозил маленькие сборники не известных мне молодых авторов, театральные программы, афиши фильмов. Он охотно и воодушевленно рассказывал о литературных вечерах, о новых постановках, о переменах в быту, но менее охотно говорил о политике <...> (Там же: 223).

София Дубнова представлена несколькими стихотворениями в новейшей антологии «Сто поэтесс Серебряного века» (см.: Сто поэтесс Серебряного века 1996: 108–110), но в сборник аналогичного содержания, включающий минимальное количество имен, ее стихи едва ли вошли бы. Место Дубновой в ряду авторов, представляющих эпоху расцвета русской поэзии на рубеже XIX–XX веков, – самое скромное. Оно несопоставимо с тем местом в истории культуры того же времени, которое занимает ее отец Семен Маркович Дубнов (1860–1941) – историк еврейства, публицист, общественный деятель; один из основателей и руководителей Еврейского историко-этнографического общества, редактор журнала «Еврейская старина» (1909–1918) и один из редакторов «Еврейской энциклопедии» (1908–1913), автор монументальной «Всеобщей истории евреев» (Т. 1–3. СПб., 1904–1906), в расширенном виде опубликованной в 10 томах под заглавиями «Всемирная история еврейского народа» и «Новейшая история еврейского народа» (Рига, 1934–1938) (см.: Дубнова-Эрлих 1950). Направленность исследовательских интересов отца во многом определила самосознание Софии Дубновой, уже в семилетнем возрасте, по ее признанию, заявившей о себе: «Я – русская еврейка» – и на склоне лет резюмировавшей: «Этого ответа хватило на всю мою жизнь. Сочетание русского и еврейского начала было не механическим, а органическим» (Дубнова-Эрлих 1994: 134)⁴.

⁴ Общая биографическая справка о С. С. Дубновой-Эрлих содержится в статье: Тункина 2012: 527–528.

София Семеновна Дубнова (1885–1986) родилась в городке Мстиславле Минской губернии, детские и гимназические годы провела в Одессе, с осени 1906 г. обосновалась в Петербурге, где поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, окончить которые ей не довелось – была отчислена за участие в студенческих протестах. Вовлеченность в политическую деятельность и тяготение к российскому революционному движению были характерными особенностями ее личности с ранних лет; в январе 1905 г. она вступила в Бунд и в последующую пору солидаризировалась с идеологическими установками этой партии. Стихи будущая поэтесса пыталась писать с раннего детства, в 1904 г. дебютировала в печати стихотворными переводами из Хаима-Нахмана Бялика⁵; в своих творческих устремлениях она нашла поддержку в лице Вл. Жаботинского. В 1909–1910 гг. начинающая поэтесса опубликовала (под псевдонимом С. Мстиславская) в журнале «Еврейский мир» несколько переводов из еврейских народных песен и из Ицхока-Лейбуша Переца, тогда же ее оригинальные стихотворения появились в престижных петербургских изданиях – «Новом журнале для всех» (1910. № 19) и, через посредничество Н. Гумилева, в модернистском «Аполлоне» (1910. № 10). В начале 1911 г. вышел в свет сборник стихотворений Софии Дубновой «Осенняя свирель», а 10 сентября того же года состоялось ее бракосочетание с Генрихом Эрлихом, выпускником юридического факультета Петербургского университета. Последующие свои публикации она подписывала двойной фамилией: София Дубнова-Эрлих.

«Осенняя свирель» включает в себя 84 стихотворения, распределенных – в полном соответствии с композиционными параметрами, установленными в книгах символистских «мэтров», – по четырем разделам («I. Земля вечерняя», «II. Обреченные», «III. Осенняя любовь», «IV. Лики женщин»). Настойчивое стремление автора к воспроизведению знаковых и уже примелькавшихся признаков символистского идиостиля сочетается в книге с элементами лирической исповеди, которая, однако, растворяется

⁵ См.: Еврейская жизнь. 1904. № 7. С. 52–53.

в вариациях на заимствованные мотивы. Версификационное мастерство, продемонстрированное в «Осенней свирели», похвалил В. Брюсов: «Хорошую школу и умение работать обнаруживает г-жа София Дубнова», – добавив при этом: «...но стихи ее мало оригинальны» (Брюсов 1975: 369; впервые: Русская Мысль. 1911. № 7). Разумеется, он не мог не заметить вторичность нового поэтического голоса, прилежно разрабатывающего, наряду со многими другими, хотя бы его собственные урбанистические мотивы:

И город, злобно торжествуя,
Вновь звякнет пышностью оков,
И опояшет тьму ночную
Коварной цепью огоньков, –

И поплывут как прежде маски,
И снова ярок цвет румян,
И слепо равнодушны ласки,
И сонны взоры сквозь туман, –

И под гуденье ресторанов,
Под свист бичей в седой пыли,
Погаснет благовест туманов
С росистых папертей земли <...>

(«Прохожему». – Дубнова 1911: 16)

Развернутый отзыв об «Осенней свирели» опубликовал (под своим постоянным псевдонимом Altalena) давний друг и собеседник Дубновой Вл. Жаботинский. Критик констатирует в книге «явное и яркое присутствие поэтического дара», раскрывающего особенности женской души, двуединство девушки и женщины («Какой-то мост ведет от одной к другой, зыбкий, тонкий, неуловимый, и недоступный для постороннего глаза»), «связь женской души с звериной жизнью природы». «...все это хорошо, глубоко, нежно и чисто», – резюмирует Жаботинский, однако отображение подлинных переживаний и ощущений нарушено в книге, по его убеждению, «обидными диссонансами», «выкрутасами», «фокусами» – стремлением автора писать «по новой моде»: «...г-жа

Дубнова, при всей свежести и неподдельности своего дарования, по рукам и ногам спутана навыками новой моды»⁶.

Другие критики, входившие в круг приверженцев «новой моды», не были готовы замечать у Дубновой индивидуальные черты дарования и акцентировали внимание на сугубо книжном характере ее поэтических опытов. «Любовь к фразе, красивой и таинственной, к знаменательным, но бессодержательным намекам – вот главный недостаток г-жи Дубновой, – писал в рецензии на «Осеннюю свирель» В. М. Волькенштейн. – Она заимствовала у русских символистов внешние приемы, их поэтический лексикон; в ее стихах легко можно узнать романтические образы Блока, можно найти “миги” Брюсова и “меч” Сологуба, – но еще неясным намеком остается ее собственная поэтическая индивидуальность. Неточность и витиеватость языка чрезвычайно вредят ее стихам»⁷. Аналогичным образом расценил книгу Дубновой Сергей Городецкий, распознав в данном конкретном образчике массовое явление: «Этот современный поэтический язык, органически возникший у Вяч. Иванова, раннего Блока, Брюсова и отличающийся торжественностью, изысканностью, иногда пряностью, употребляющий обычные слова нашего быта только как особый поэтический эффект, принимает среди ученичествующих поэтов уже неприятный оттенок излишней литературности, какой-то кастовой обособленности»⁸. Городецкий предостерегает: «...нет ничего легче, чем впасть во власть внешне-красивой словесности», – а другой, анонимный, рецензент указывает на «магическое слово» «алый», изобилующее в стихах «Осенней свирели», и добавляет: «Прибавив сюда немного “тиховейности”, “струйности”, “сладостных безволий” и “небесных горений”, г-жа Д. легко получает звучные стихи, которые при снисходительном отношении к ним могут сойти и за поэзию»⁹.

⁶ Altalena. Старая мода и новая мода. – Одесские новости. 1911. № 8361. 6 марта. С. 3.

⁷ Современный Мир. 1911, март. № 3. С. 352.

⁸ Речь. 1911. № 64. 7 марта. С. 3.

⁹ Новый журнал для всех. 1911, март. № 29. Стб. 127. Ср. заметку Евг. Венского «Алая книга», в которой перечисляются десятки страниц в «Осенней свирели» с употреблением слова «алый» (Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1911. № 12306. 5 мая. С. 3. Подпись: Евг. В.).

После выхода в свет «Осенней свирели» С. Дубнова-Эрлих долгое время не писала стихов, ощутив исчерпанность прежних вдохновений. В мемуарах она признается: «Иногда думалось, что я уже больше никогда не буду писать стихи. Одно я твердо знала: если начну снова писать, стихи будут иными и по духу, и по форме. <...> Анахронизмом стали смутные предчувствия, бормотания о “ком-то”, о “чем-то”, безответственность эпитетов» (Дубнова-Эрлих 1994: 158). Выступления ее в печати ограничивались главным образом некрологическими статьями о еврейских писателях – И.-Л. Переце и Шолом-Алейхеме¹⁰. Новый стимул для стихотворчества возник благодаря важнейшей перемене в жизни – материнству: первый сын, Александр, родился в 1912 г., второй, Виктор, – в 1914 г. (впоследствии Виктор Эрлих – видный американский филолог-славист, автор классического труда «Русский формализм: История и теория», изданного в США в 1981 г. и ныне переведенного на русский язык). «...То новое, что вошло в мою жизнь, – вспоминает София Дубнова, – требовало воплощения в стихотворной форме; так возник цикл “Мать” <...>. Я пыталась найти свои слова, чтобы передать и спокойствие, и тревогу материнства – чувства, которые только на первый взгляд противоречат одно другому. Писать просто было нелегко: я ведь привыкла к изощренности символизма» (Дубнова-Эрлих 1994: 161). На смену воображаемым мирам «Осенней свирели», женским образам метерлинковской Мелисанды и Моны Лизы, Арианы и Аспазии приходят восприятия и переживания, укорененные в личном душевном опыте, в житейской прозе, раскрывающей свою поэтическую доминанту:

Младший сын мой дремлет в белом зное,
Старший рвет фиалки у дороги.
Знаю – в кубке, налитом весною,
Отстоит темный хмель тревоги.

¹⁰ См.: Дубнова-Эрлих С. 1) Л. Перец. – Голос жизни. 1915. № 19. 6 мая. С. 3–5; 2) Странник-чудодей (К годовщине смерти Переца). – Новый Путь: Еженедельник, посвященный вопросам еврейской жизни. 1916. № 13/14. 24 апреля. Стб. 53–54; 3) Памяти Шолом-Алейхема. – Там же. 1916. № 17. 15 мая. Стб. 3–6.

Вы возьмете кровь мою и силу
 И уйдете – каждый к присужденной.
 Ведь и я душою опаленной
 Вешнее богатство расточила.

Все равно мне – сердце не тоскует,
 Для любви ни граней нет, ни цели.
 Старший сын мой пыль цветов целует,
 Младший дремлет в зыбкой колыбели.

(Дубнова-Эрлих 1994: 239)

Известный писатель и собиратель еврейского фольклора С. Анский (С. А. Раппопорт) высоко оценил стихи «материнского» цикла и рекомендовал их напечатать в редактировавшемся М. Горьким журнале «Летопись», где они и появились в 1916 г. (три стихотворения – в № 3, еще три – в № 12)¹¹, позднее пять стихотворений были изданы отдельной книжкой¹². Новизна и неожиданность их заключалась в раскрытии психологии материнства как сложного комплекса душевных и физиологических переживаний, с акцентированием «природных», натуралистических аспектов деторождения; несколько лет спустя аналогичный подход к этой теме продемонстрирует Мария Шкапская в стихотворном сборнике „Mater Dolorosa” (1921).

В расширенном составе цикл «Мать» вошел в машинописную подборку стихотворений С. Дубновой-Эрлих, присланную М. Л. Винавером Волошину. Помимо этого цикла, в «Избранные стихотворения» вошли два раздела, содержащие тексты эмигрантского периода, в том числе затрагивающие тему современной России и революции в авторской трактовке, близкой стихам Волошина об «усобице». В трактовке, которая, по убеждению Дубновой, объединяла Волошина и Винавера. «На его глазах в России

¹¹ См.: Коростелев 2015: 106–108. Впоследствии Дубнова опубликовала очерк «Из воспоминаний о Горьком» в эмигрантском журнале «Новоселье» (1945. № 21. С. 46–53).

¹² Издание осуществлено в Петрограде артелью художников «Сегодня»: Дубнова С. Мать. <1918>. В библиотеке Пушкинского Дома сохранился экземпляр книжки с дарительной надписью: «Отцу моих детей. 24 февр. 1918 г. Петербург» (1938 6 / 1390).

начинался террор, – пишет она о Винавере в своем мемуарном повествовании, – но он заставлял себя видеть то, что внушало надежды на будущее. В этом он был не одинок: его друг и крымский сосед <...> Макс Волошин тоже любил свою страну проклинающей и благословляющей любовью, он сказал об этом в стихах» (Дубнова-Эрлих 1994: 223).

Писать стихи С. Дубнова-Эрлих не прекращала до глубокой старости, но лишь от случая к случаю, иногда выступала с ними в эмигрантских изданиях¹³; итоговый ее сборник «Стихи разных лет», выпущенный в свет нью-йоркским издательством «Уолдон Пресс» в 1973 г., – брошюра в 44 страницы. По объему с ним вполне сопоставима подборка «Избранные стихотворения», переданная М. Л. Винаверу.

Ниже сборник «Избранные стихотворения» публикуется по машинописному тексту, хранящемуся в архиве Волошина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург) в подборке писем М. Л. Винавера к Волошину (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 342. Л. 2–28).

В цикле «Мать» не приводятся открывающие его стихотворения «Кормлю ребенка на крыльце...» (1916), «Младший сын мой дремлет в белом зное...» (1916; оно воспроизведено выше), а также стихотворения (после стихотворения «Если б дочь у меня была...») «Страшная сила – в горестном зове...» (1917), «Лишь жестокий безгневен ныне...» (1916), «Девушка, роди дитя...» (1914). Они напечатаны в указанной выше книге «Хлеб и маца» (см.: Дубнова-Эрлих 1994: 238–240) по тексту сборника: Дубнова-Эрлих 1973; ранее публиковались в журнале «Летопись» (1916. № 3, 12) и в сборнике С. Дубновой «Мать».

Второе стихотворение диптиха «Чужбина» («Голубеющие котловины...») вошло в «Стихи разных лет», перепечатано в кн. «Хлеб и маца» (см.: Дубнова-Эрлих 1994: 184).

¹³ См.: Новоселье (Нью-Йорк). 1943. № 4/5; 1944. №№ 12/13, 16, 17/18; 1945. №№ 19, 22/23; 1948. № 37/38; Эстафета: Сб. стихов русских зарубежных поэтов / Ред. И. Яссен, В. Андреев, Ю. Терапиано. Париж: «Дом книги», <1948>. С. 38–39.

София Дубнова
Избранные стихотворения

МАТЬ

Если б дочь у меня была,
Я б качала ее на коленях...
Расцветания снов весенних
Ты отдашь, как я отдала.

Сквозь огонь пройдешь ты и кровь
И опять воскреснешь – в ребенке...
И подснежников лепет звонкий
Отцветая, услышишь вновь.

Все мы жизнь сжигаем дотла,
И над пеплом плачем украдкой...
Мне бы грустно было и сладко,
Если б дочь у меня была.

1915.

Ты девушкой стала, родив ребенка,
Ты вновь хрупка и нежна.
Твой сын смеется и плачет звонко,
И в смехе его – весна.
Одежды белой сомкнулись складки,
Тоска былая чужда.
Синий ночник у детской кровати
Цветет в тиши, как звезда.
И ты улыбнешься в рассвет зардевший,
Над сыном лицо клоня:
«Ведь он, так властно мною владевший,
Опять не знает меня»...

1914.

Родила – и вышла в люди,
Подвязав сыночка платком.
Осторожно носила груди,
Отягченные молоком.

И не знала больше печали,
Объятий не жаждала вновь.
Упрямые губки сосали
Живую, теплую кровь.

Над зыбкой пела незвонко –
Налитой до краев сосуд.
Смуглые ладошки ребенка
Чудеснее всяких чуд.

И узнала, что кровь кипела
Сокровенно так и светло –
Лишь затем, чтоб хрупкое тело
Из раскрытых недр изошло.

1919.

Перерезали пуповину,
Но как встарь – ты в крови.
Из глубин сокровенных выну ль
Содроганья твои?

Все забудется: грусти пламя,
Крестный путь, вешний бред.
Только крик твой первый, упрямый
Вечен в сердце, как свет.

С каждым днем неистовой нежность,
Как огонь на ветру.
Если ж сам ты себя отрежешь,
Тогда умру.

1921.

А ведь мог быть маленький, кудрявенький,
Глазки – синие цветы...
Прыгал бы козленочком по травоньке...
– Так зачем же ты?

Знаю – стало жаль цыганской волюшки,
Пестрого житья...
Испугалась подневольной долюшки,
Бедная моя...

Вечно кровь за новой лаской гонится,
А душа пуста...
Но тогда лишь мир к тебе наклонится
Чашею к устам,
Если перед богом с бровью гневною –
Грозно-благостным отцом,
Вознесешь ребенка – радость чревную –
Нежным деревцом.

1924.

БАЛЛАДА

Эти руки, цепкие и странные,
На груди – клеймо –
Были точно знаки, кем-то данные,
Чтоб поверить: мой.

Промеж пьяниц поступью неслышную
Ты прошла – к судьбе.
Этот смуглый, с бровью неподвижною
Сына даст тебе.

А теперь – волченка синеокого
Кормишь у крыльца.
Под ресницей детской – зыбь далекая,
Взявшая отца.

1925.

РОССИЯ

Родина обреченная,
От тебя не уйти.
Всюду темным вихрем спаленная,
Ты стоишь на пути.

Наши души глухие, стертые –
Но твоя ли в них тьма?
Разве можем мы быть не мертвые,
Если труп ты сама?

Знаю – сгинем лодочки утлые,
В ошалелых зыбях...
Только как нам, родная, жуткая,
Как нам быть без тебя?

1920.

ЗА СТЕНОЙ

Выстрел вонзился остро и звонко
В утренний мрак немой.
Может быть, там убили ребенка,
Ласкового, как мой.

Камнем застыну, без слез, без крика,
Не разжимая губ.
Может быть, мать там корчится дико,
Вся посинев, как труп.
Стены, все стены кругом глухие,
Тупо молчат дома.
Может быть, вся ты, моя Россия,
Трупом стала сама.

Ноябрь 1917.

ЧУЖБИНА

I.

Чужая весна не в радость,
Червь бессильное сердце точит...
Там, над Летним, пустынным садом
Встанут скоро белые ночи.

Ах, далекое первое мая.
Мост, взгудевший весенним народом.
Нева, Нева золотая
Под рвущимся ледоходом.

Сквозистые на солнце обломки
Уносились в пене и брызгах...
Лед беспомощный был и ломкий,
Как свобода твоя, отчизна...
Варшава. 1920.

II.

Голубеющие котловины,
Горные тропы витые,
Заслоните сны мои равнинные,
Сны о далекой России.

Здесь выси лучисто-строги,
И воздух – подарок божий...
Русь, зачем мне твои убогие,
Окровавленные бездорожья?

Все выше ветер веселый.
Ведет в ущелья глухие...
Но висишь ты сумою тяжелой
За плечами моими, Россия...
В Татрах. 1920.

III.

Резвясь, следите с широкой палубы
 Спокойный бег корабля.
 Гляжу, мертвея, без слез, без жалоб,
 Как никнет моя земля.

Вам – все родное, все – шум и всплески,
 Звонящий сон наяву.
 А мне б и мертвой лежать на Смоленском,
 В сыром Петербургском рву.

Там желтый вечер василеостровский
 Небесные жжет края.
 Там бьется ветер, жадный и жесткий,
 Такой, как тоска моя.

Балтийское побережье. 1923.

ГОРЬКИЙ ХМЕЛЬ

Темным жаждам подвластное тело
 Обезумел – так что ж?
 Ведь лишь дрожи ответной хотела
 Закипевшая дрожь.

Не услышишь, прильнув ко мне грудью
 И в бреду не дыша,
 Как о жаркие, жесткие прутья
 Вольно бьется душа.

А на утро – для взора загадка –
 (Божий дар – слепота)
 Эта новая горькая складка
 У потухшего рта.

1924.

Каждая встанет колосом спелым
Так, как велел ей рок.
Каждая ляжет покорным телом
В знойную пыль дорог.

Каждая в тех же муках уронит
Тот же безвестный плод.
Каждая душу свою схоронит
Раньше, чем плоть умрет.

Хмель и похмелье, мимо и мимо,
В старость, в небытие...
Господи, где же – неповторимое,
Только мое?

1924.

Дни мои – безликие, стертые,
Без зари...
Хочешь взять меня полумертвую –
Так бери.

Только жаль мне тебя, усталого
В шумах дня,
Что такого требуешь малого
От меня.

Скорлупу обнимаешь тленную –
Без зерна.
Где ж душа моя, птица пленная,
Где она?

Глянь, – летит в безвестное зарево,
Вся дрожа.
У родимого никнет замертво
Рубежа.

1924.

Не удержит ни уют, ни прялка,
Ни альков наш, ни очаг.
Даль зовет – всходить на мостик валкий
С милой ношей на плечах.
Вот вся жизнь. Дрожащий сумрак клена,
Запах прели, дождь в лицо,
Да в ночи вкруг шеи утомленной
Ручек ласковых кольцо.

1925.

В подворотнях и в пышных отелях, –
Лишь стусится вечерняя мгла –
На продажных, на брачных постелях
Сцепы тел, без лица, без числа.

Та иль эта – в чаду не отметишь:
В омут, вниз, в ошалелую дрожь...
Даже если единую встретишь,
На привычное дно повлечешь.

И все те же смыканья объятий...
Смерть ли, нега ли? Гроб иль альков?
Тот же страх ненавистных зачатий
В утомленности женских зрачков.

Что глядишь ты, создатель печальный?
Мир бесплоден, скудна его кровь.
Так сотри ж над хмельными ночами
Устарелую надпись: любовь.

1925.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брюсов В. 1975. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924. «Далекие и близкие». М.: Художественная литература.
- Волошин М. 2015. [Письмо к К. Ф. Богаевскому от 17 сентября 1929 г.]. – Волошин М. Собр. соч.: [В 13-ти тт.] Т. 13, кн. 2: Письма 1929–1932. М.: Азбуковник. С. 123.
- Горький М. 2013. [Письмо к С. В. Познеру от 8 августа 1926 г.]. – Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24-х тт. Т. 16: Письма (март 1926 – июль 1927). М.: Наука. С. 108–109.
- Дубнова С. 1911. Осенняя свирель: Стихи. СПб.: Сатирикон.
- Дубнова-Эрлих С. 1950. Жизнь и творчество С. М. Дубнова. Нью-Йорк: Комитет имени С. М. Дубнова.
- Дубнова-Эрлих С. 1973. Стихи разных лет. Нью-Йорк: [Б. и.].
- Дубнова-Эрлих С. 1994. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет / Подготовка текста, комментарии, послесловие Т. В. Ланиной. СПб.: Максима.
- Коростелев С. Г. 2015. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Купченко В. 2007. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь: Алетейя; Сонет.
- Письма Винавера и Пешковой 2009. «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923–1936 / Сост., предисловие и комментарии Л. А. Должанской. Научный редактор И. В. Чубыкин. М.: АСТ: Восток-Запад.
- Письма женщин и детей 2005. «Дорогая Екатерина Павловна...»: Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов: «Московский Политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. Научный ред. Я. Леонтьев. СПб.: Журнал «Звезда».
- Сто поэтесс Серебряного века 1996. Сто поэтесс Серебряного века: Антология / Сост. и авторы биографических статей М. Л. Гаспаров, О. Б. Кушлина, Т. Л. Никольская. СПб.: Фонд русской поэзии.
- Гункина И. В. 2012. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Часть I: Корни. Троцкие – Фрейдлины – Дубновы. – *Varietas delectans*: Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История. С. 510–538.

REFERENCES

- Briusov, V. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 6, *Stat'i i retsenzii 1893–1924*. “*Dalekie i blizkie*.” Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975.
- “*Dorogaia Ekaterina Pavlovna...: Pis'ma zhenshchin i detei. Pis'ma v ikh zashchitu. 1920–1936. Po dokumentam fondov “Moskovskii Politicheskii Krasnyi Krest,” “E. P. Peshkova. Pomoshch' politicheskim zakliuchennym.*” Edited by L. Dolzhanskaia, I. Osipova, and Ia. Leont'ev. Saint Petersburg: Zhurnal “Zvezda,” 2005.
- Dubnova, S. *Oseniaia svirel': Stikhi*. Saint Petersburg: Satyricon, 1911.
- Dubnova-Erlikh, S. *Zhizn' i tvorchestvo S. M. Dubnova*. New York: Komitet imeni S. M. Dubnova, 1950.
- . *Stikhi raznykh let*. New York: n. p., 1973.
- . *Khleb i matsa: Vospominaniia. Stikhi raznykh let*. Edited and annotated by T. V. Lanina. Saint Petersburg: Maxima, 1994.
- Gor'kii, M. “[Letter to S. V. Pozner from August 8, 1926].” In *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma*. 24 vols. Vol. 16, *Pis'ma (mart 1926 – iiul' 1927)*, 108–09. Moscow: Nauka, 2013.
- Korostelev, S. G. *Zhurnal ‘Letopis’ (1915–1917) i gazeta ‘Novaia zhizn’ (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015.
- Kupchenko, V. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva. 1917–1932*. Saint Petersburg and Sympheropolis: Aletheia; Sonet, 2007.
- “*Nash spor s Vami reshil zhizn'”: Pis'ma M. L. Vinavera i E. P. Peshkovoii k E. D. Kuskovoii. 1923–1936*. Prefaced, edited and annotated by L. A. Dolzhanskaia, and I. V. Chubykin. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2009.
- Sto poetess Serebrianogo veka: Antologiiia*. Edited by M. L. Gasparov, O. B. Kushlina, and T. L. Nikol'skaia. Saint Petersburg: Fond russkoi poezii, 1996.
- Tunkina, I. V. “K ‘potaennoi’ biografii I. M. Tronskogo (Trotskogo): Rodstvennyi kontekst. Chast' I: Kornii. Trotskie – Freidliny – Dubnovy.” In *Varietas delectans: Sbornik statei k 70-letiiu Nikolaia Leonidovicha Sukhacheva*, 510–38. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2012.
- Voloshin, M. “Letter to K. F. Bogaevskii from September 17, 1929.” In *Sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 13. Pt. 2, *Pis'ma 1929–1932*, 123. Moscow: Azbukovnik, 2015.

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ГОРЛИНА ИЗ АРХИВА INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES (ПАРИЖ). ЧАСТЬ ВТОРАЯ¹

Ф. Б. Поляков

(Вена)

№ 6

«Жалованная Грамота» Клуба поэтов Михаилу Горлину
(1933 г.)

В начале 1933 г., за две недели до смены власти в Германии, в берлинской газете «Наш век» появилась следующая анонимная заметка:

13-го января исполнилось 15-летие издательской деятельности «Петрополиса», возникшего в 1918 г. в Петербурге и в 1922 г. переселившегося в Берлин.

За время существования «Петрополиса» им выпущено в свет около 250 книг, преимущественно беллетристики и поэзии, через которые прошло наиболее существенное из советской литературы и очень заметное из литературы зарубежной. Список авторов, изданных издательством, огромен. Среди авторов: Ахматова, Гумилев, С. Горный, Р. Гуль, Замятин, Зощенко, В. Инбер, Ирецкий, Кузмин, Леонов, Мандельштам, Никитин, Олеша, Пильняк, Пант. Романов, Савич, Федор Соллогуб <*sic!* – Ф. П.>, Толстой, Тынянов, Федин, Эренбург и др.

¹ См. предшествующую публикацию: Поляков 2023: 147–160. – Издаваемые здесь архивные материалы, имеющие отношение к Горлину, содержатся в собрании: Paris, Institut d'études slaves (IES), fonds Gorlin. За помощь в подготовке статьи приносим благодарность директору IES H  l  ne M  lat и архивисту Nathalie Lerebouillet, а также Anne Hultsch (Wien / Praha), Евгению Пономареву (Bochum), Нелли Портновой (Иерусалим), Janet Rabinowitch (Bloomington), Лазарю Флейшману (Stanford), Владимиру Хазану (Иерусалим).

Кроме того, издательством выпущено несколько ценных художественных изданий, в том числе «Портреты» Анненкова, монографии Бор. Григорьева, Альтмана, Добужинского, Книжные знаки и др.

Немалой заслугой издательства, особенно если принять во внимание ограниченность зарубежного книжного рынка, является издание «памятников мировой литературы» – Бен Джонсон, Тирсо де Молина, Аристофан, Макиавелли, Леконт де Лиль и др.²

Как мы видим, политическая обстановка еще допускала открытое совмещение подсоветских и эмигрантских авторов. Такой интегративный взгляд на положение русской литературы в скором времени сменится установками национал-социалистической идеологии, которые затронут также и эту газету, закрывшуюся в апреле 1933 г. (см.: Burchard 1995: 451–454; Burchard 2001: 284). Названный в заметке день – официальная дата основания издательства 31 декабря 1917 / 13 января 1918 г. в Петрограде³. Этот день встречи Нового года у издателей «Петрополиса» А. С. Кагана и Я. Н. Блоха и их ближайшего круга приобрел характер «семейного» праздника; ср., например, издательскую аннотацию в первом сборнике Раисы Блох: «Настоящая книга отпечатана в типографии Бр<атьев> Гиршбаум в Берлине и поступила в продажу 12-го января 1928 года в день десятилетия издательства „Петрополис“» (Блох 1928: [IV]).

Пятнадцатилетие «Петрополиса» отмечалось в Берлине в конце февраля 1933 г.; накануне мероприятия сообщалось:

По инициативе друзей издательства «Петрополис», Комитет в составе Н. М. Волковыского, Сергея Горного и Александра Эд. Когана устраивает в понедельник, 27 с<его> м<есяца>, в кафе «Леон», Курфюрстендамм 156, дружескую беседу, посвященную

² Наш век (Берлин). 1933. № 59. 15 января. С. 3.

³ См. известное описание начальной истории «Петрополиса» в обзоре Г. Л. Лозинского к 10-летию издательства: Лозинский 1928: 33 [репринт: Лозинский 2007: 153]; Лозинский 1989: 158; Тимофеев 1991: 189.

15-летнему юбилею издательства. Начало беседы в 20^{1/4} час. Вход по именным приглашениям⁴.

Как выясняется, под «беседой» подразумевалось несколько выступлений и декламаций, с последующим банкетом. Описание встречи содержится в репортаже Владимира Деспотули для читателей харбинской газеты «Рубеж»:

Многолюдное чествование 15-летия издательской деятельности «Петрополя» превратилось в общественно-литературное явление в жизни русского Берлина.

На банкете, под председательством быв<шего> редактора «Речи» и «Руля» – И. В. Гессена, присутствовало около 200 человек, были оглашены многочисленные приветствия, произнесены речи, прочитаны стихи А. Ахматовой, Н. Гумилева, Ф. Сологуба.

Н. М. Волковский сделал очень интересный обзор книжного дела в Петербурге в первые годы революции⁵; Сергей Горный прочитал свой этюд о русской книге, о плавной певучести русской речи, ее спокойных, зеркальных лагунах, ее чаровании.

«Если, вообще, отдых души мыслим лишь в общении с чужой творческой стихией, с книгой в руках, то для нас, русских, мыслящих, зябнущих на чужих площадях, – это справедливо вдвойне: тепло нисходит на нас от раскрытой книги, – от книги русской, тепло родное, дающее ей отдых для дальнейшего преодоления будней»⁶.

Эту дружескую помощь в пополнении нашего книжного угла «Петрополис» проделал честно, любовно, с большим тактом (Деспотули 1933: 5–6)⁷.

⁴ Наш век. 1933. № 65. 26 февраля. С. 3. Встреча проходила в Шарлоттенбурге в „Café Tanzravillon Leon“ (Kurfürstendamm 155).

⁵ О деятельности Н. М. Волковского в Петрограде, а также о пребывании в Берлине см.: Флейшман, Абызов, Равдин 1997: 299–300. О полемическом отклике В. Д. Набокова на упрек Волковскому, еще находившегося в Петрограде, в адрес эмиграции в сентябре 1920 г. см.: Флейшман 2006: 99–100.

⁶ Очерк опубликован; см.: Горный С. Писатель и издатель. – Наш век. 1933. № 66. 5 марта. С. 3.

⁷ Указанием на этот источник мы обязаны вниманию Лазаря Флейшмана к нашей работе. О биографии Деспотули см. его исследование: Флейшман 2012: 453–544.

Однако празднество было прекращено из-за роковой новости – поздним вечером того же дня, 27 февраля 1933 г., в германской столице запылало подожженное здание Рейхстага. Много лет спустя Евгения Каннак (участница «Клуба поэтов» под своей девичьей фамилией Залькинд, также в форме Залкинд, и псевдонимом Е. Алена) вспоминала:

26 февраля <sic! – Ф. П.> 1933 года, через месяц после прихода Гитлера к власти, издательство «Петрополис» праздновало пятинадцатилетие своего существования – оно было основано еще в Петербурге. В зале одного из больших берлинских ресторанов собралось немало народа, – все более или менее причастные к литературе люди. Было весело, – пили за процветание эмигрантской литературы, за здоровье издателя, поэтов и писателей... Вдруг издателя позвали к телефону: звонил один его близкий приятель: «Горит Рейхстаг, – кто поджег – неизвестно, это темная и опасная история...»

Торжество тут же оборвалось. Одни пошли поглядеть на пожар, – издали, потому что гитлеровцы никого близко не подпускали, – другие поспешили домой (Каннак 1981: 366)⁸.

С поджогом, ознаменовавшим собой наступление террора, Евгения Каннак напрямую связывала распад их литературного объединения. Ее рассказ о праздновании юбилея «Петрополиса», приведенный выше, сопровождается следующей ремаркой: «Жизнь Берлинского Кружка закончилась внезапно – при драматических обстоятельствах» (Каннак 1981: 366)⁹. Впрочем, «Клуб поэтов» действовал еще несколько месяцев (см. ниже свидетельство с апрельской

⁸ Указанная мемуаристкой дата 26 февраля (см. выше) неточна. В воспоминаниях одного из издателей «Петрополиса» А. С. Кагана имеется другая неточность, касающаяся места праздника: «Издательство “Петрополис” праздновало свой юбилей в загородном доме в Груневальде. Собрались на чествование <...> все общественные русские круги Берлина. Председателем был И. В. Гессен и я с Яковом Ноевичем. <...> К концу вечера сообщили зловещее известие: горит рейхстаг. Под этим впечатлением мы разошлись» (цит. по изд.: Каган 2016: 85).

⁹ Почему-то эпизод этот не фигурирует в поздней редакции ее воспоминаний: Каннак 1992a: 242–252; Каннак 1992b: 150–167.

датой). Подчеркнем, что уже находясь в Париже, Горлин продолжал в течение двух лет выступать представителем этого как бы еще продолжавшего существовать берлинского кружка (см.: Поляков 2022: 407–409).

Вскоре после описываемого вечера многие члены «Клуба поэтов» один за другим вынужденно покинули Берлин. Михаил Горлин в мае 1933 г., после защиты диссертации и сдачи докторского экзамена, при поддержке своего университетского наставника профессора Макса (Максима Романовича) Фасмера переехал в мае 1933 г. в Париж (см.: Поляков 2022: 402–425). Отметим, что причиной оставления им Берлина называлось сугубо личное дело; ср. упоминание об этом Раисой Блох в письме к Григорию Лозинскому от 11 апреля 1933 г.: «Скоро пришлю Вам сборник поэтов и моего друга Мишу, который едет к родным в гости» (Поляков 2021: 538). В действительности поездка к родным стала первым шагом к переселению, обернувшись, несмотря на всякого рода колебания, повторной эмиграцией.

Незадолго до майского отъезда Горлина в Париж «к родным в гости», «Клуб поэтов» преподнес ему в воскресенье, 22 апреля, какой-то символический подарок (вероятно, рисунок) «за пятилѣтнее вѣрное служеніе музѣ», с приложением «Жалованной грамоты» (см. ниже). Юбилейная привязка имеет в данном случае несколько иной смысл. Как известно по сохранившимся протоколам, первое заседание кружка состоялось 10 февраля 1928 г., так что пятилетие Клуба отмечалось в феврале 1933 г., сначала его членами на отдельном заседании, а затем и на публичном чтении:

В субботу 11 февраля Клуб русских поэтов отпраздновал пятилетие своего существования. На скромном, но весьма оживленном юбилейном торжестве присутствовали исключительно члены клуба. Были прочитаны история клуба – очень остроумная пародия на юбилейные обзоры, шуточные характеристики в стихах отдельных членов и особенностей их творчества и пр.

Клуб Русских Поэтов устраивает открытое выступление в четверг, 23-го февраля в 9 час. вечера в помещении «Ахдут» (Курфюрстендамм 50)¹⁰.

Это означает, что апрельская дата не имеет прямого отношения к юбилею «Клуба поэтов», как полагала Амори Бурхард (см.: Burchard 2001: 255). «Жалованная грамота» была знаком прощания, подготовленным именно в связи с ожидаемым скорым отъездом Горлина. В заключительной фразе грамоты пожелание Горлину «веселыхъ странствіѣ по сказкамъ и городамъ» содержит отсылку к названию его сборника (см.: Gorlin 1930).

Грамота написана на плотной бумаге (18,2 × 29 см) красными чернилами; почерк с элементами орнаментальности призван придать значимость акту дарения, зафиксированного «киноварью» в дореформенной орфографии. По мнению А. Бурхард (см.: Burchard 2001: 255), этот торжественный почерк принадлежит Раисе Блох. В конце грамоты было оставлено место для подписей участников Клуба (черные чернила, орфографические особенности подписей воспроизведены ниже). Приведем текст грамоты:

Жалованная Грамота.

Секретарю Поэту и Доктору
Михаилу Горлину

Клубомъ Русскихъ Поэтовъ въ Берлинѣ
жалуется сей Единорогъ, онъ же Пегасъ,
за доблестное писаніе открытокъ, щедрое и
неутомимое расточеніе поэтическихъ привѣтовъ,
а равно и за пятилѣтнее вѣрное служеніе
музѣ. Пусть этотъ Зверь принесетъ
ему счастье и вдохновеніе въ веселыхъ
странствіяхъ по сказкамъ и городамъ.

¹⁰ Наш век. 1933. № 64. 19 февраля. С. 3. Об этой организации см. также: Burchard 1995: 456.

Клубъ Русскихъ Поэтовъ

Раиса Блох	Н. Бѣлоцвѣтов	
Вл. Ракинть		
Н. Эльяшов	Е. Аленина	
В. Лурье	Я. Бикерман	В. Постман
А. Павловичъ		

Дана въ Берлинѣ, 22 апрѣля 1933 года

Семь из девяти человек, принимавших участие в этом вечере, нам хорошо известны: Раиса Блох, Николай Белоцветов, Владимир Ракинт, Николай Эльяшов, Евгения Залькинд (Е. Аленина), Вера Лурье, Яков Бикерман. Мало известно о поэте Алексее Павловиче – одном из постоянных участников Клуба; его стихотворения появлялись в двух первых сборниках объединения, «Новоселье» (1931) и «Роща» (1932). В книге А. Бурхард (см.: Burchard 2001: 255) встречаются неточности: Залькинд здесь пропущена, Бикерман предстает в почти германском обличе *Bikermann*, вслед за ним появляется фантомный „V. Gofman“, причем в сноске говорится об еще одном, нечитаемом имени „A. Post...“ (sic). Между тем обе последние формы относятся к одному и тому же участнику встречи – Владимиру Постману.

Раиса Блох Н. Бѣлоцвѣтов.
 Вл. Ракинть
 Е. Аленина
 В. Лурье Я. Бикерман А. Павловичъ.
 Дана въ Берлинѣ, 22 апрѣля 1933 года.

Илл. 1. Фрагмент «Жалованной грамоты» Михаилу Горлину

Несколько дней спустя Горлину было вручено еще одно коллективное послание – с пометой «28.4.1933 / Берлин» и двумя рисунками

пера Нины Левиной (вероятно, сестры или родственницы члена Клуба Софии Левиной), изображающими Пегаса с левого боку и сзади, пускающего слезу разлуки, с подписью: «Пегас крылатый воспаришь / И Мишу унесешь в Париж». Текст послания содержит обращение к Горлину в стихах (Инс.: «Что происходит в Вестене»). Оно написано в основном рукой Евгении Залькинд, с упоминанием встречи разных литераторов в квартире Горлина («Зачем в уютной горнице / У Горлина, как горлинки / Воркуют и плетут / Беседу суетливую»). Общие пожелания удачи уезжающему завершаются стихом:

И я желаю Мишеньке
И счастья и радости.
Не забывай Алениной:
Она всегда твоя.

Е. Аленина

Затем помещены приветствия с подписями Николая Белоцветова, Раисы Блох, Николая Эльяшова, Виктора Франка, Владимира Постмана и Алексея Павловича; вот главные из них:

Но с Мишей разговорчивым
Пегаса мы лишаемся.
Не знаем, что милее нам,
Пегас или Мишель.

Н. Белоцветов

Я не читала этого,
Но подпишу с охотою
В Послании другу милому
Свое

Раиса Блох

В стране, где франки катятся,
Звенят, переливаются,
Ты Франка бородатого
Мой друг, не забывай.

Викт. Франк

Запутан словно тиною
 Ямбической рутиною,
 Но непривычен, Миша, мне
 Разлуки горький час.
 И потому желаю я
 С концовкой дактилической
 Тебе всего чудесного

Эльяшов Николай

Прозопоэтом будучи,
 Размером не владеячи <sic! – Ф. П.>,
 Лишь подпишусь как прочие

Твой Постман Вальдемар.

В берлинской жизни молодого поколения литераторов Владимир Постман появляется лишь спорадически. Семья Постмана находилась в Берлине уже в 1920-х годах. Его отец Иосиф Владимирович умер там 9 октября 1928 г.¹¹ В протоколах «Клуба поэтов» содержится одно (неузнанное) упоминание Владимира летом 1928 г.: «Первое заседание второй додекады состоялось в четверг 26 июля, на квартире у п.<розопоэтессы> Е. Залькинд»; последним в перечне присутствующих, в разряде гостей назван Постман¹². О его участии (уже как члена горлинского кружка) в публичном чтении летом 1930 г. сообщается в следующей заметке:

¹¹ См.: Руль. 1928. № 2395. 11 октября. С. 3. Он участвовал в переводе «Общей истории философии», первый том которого вышел в СПб. в 1910 г. под ред. А. И. Введенского и Э. Л. Радлова (оригинальное издание „Allgemeine Geschichte der Philosophie“, под ред. Вильгельма Вундта и др., выходило у В. G. Teubner с 1909 г.). В работе: Будницкий, Полян 2013: 161, 461 – И. В. Постман упоминается как «один из руководителей издательства “Огоньки”», но эту информацию по доступным нам источникам мы не смогли подтвердить или дополнить.

¹² В работе: Бабинов 2019: 462 предлагается расшифровка «[Постин?]». Отметим, что расшифровка автором фразы: «в квартире у п.<оэта> Е. Залькинд» (Там же) нуждается в исправлении: Евгения Залькинд была прозаиком и, соответственно, в протоколах Клуба называлась «прозопоэтессой», ее стихи предназначались для клубных шуточных встреч.

Русско-Еврейский обществ<енный> клуб устраивает в среду 13-го августа в 20 ч. вечер молодых поэтов. Со своими произведениями выступят М. Горлин, Вл. Постман, Е. Залкинд и др. Помещение: Кафе Керстен (Ленинер Плац, Кюрфюрстендамм 90). На покрытие расходов взимается 50 пфен.¹³

Также важна запись от 22 ноября 1932 г. в неопубликованных дневниках Аарона Штейнберга:

Вечером в суб<боту>, 19-го, в «Клубе поэтов»: Р. Н. Блох, М. Г. Горлин, Постман, Аля¹⁴, Леррманы, Frl. Von Busse, Н. Н. Белоцветов, Бикерман, Гр. <sic! – Ф. П.> Авд. Оцуп (Раевский!), Савел<ий> Григ<орьевич> Шерман (Савельев!). Прочел и я три стихотв<орения> (1914–17 гг.). Кое-что публике понравилось¹⁵.

По этой записи можно проследить пересечение линий общения, столь характерных для деятельности Клуба, – немецкоязычные гости, литераторы и университетские коллеги. Это историк Восточной Европы и славист Wolfgang Johannes Leppmann (1902–1943), погибший, как Горлин и Блох, в Аушвице (о нем см.: Brandon 2005: 87–99), а также, исходя из множественного числа гибридно записанного имени *Леррманы*, его спутница жизни (ее имя было Charlotte Johanna Schick). Кроме них, на встрече присутствовала Gisela von Busse (1899–1987), впоследствии известный библиограф и специалист по библиотечному делу (см.: Braun 1988: 206–210).

Отметим пример такого пересечения литературных и академических линий горлинского кружка и в коллективном труде под редакцией Клауса Менерта (см.: Mehnert 1933; см. также: Kohlstruck 2005: 29–47; Graceffa 2017: 149–150). В перечне сотрудников (см. илл. в приложении) мы находим не только участников «Клуба поэтов» Раису Блох, Михаила Горлина, Владимира Ракинта и

¹³ Рувль. 1930. № 2949. 9 августа. С. 4. Несмотря на обозначение «молодых поэтов» в этом кратком объявлении, и Постман и Залкинд являлись прозаиками.

¹⁴ Николай Эльяшев (Эльяшов), который приходился Штейнбергу кузеном по материнской линии.

¹⁵ Central Archives for the Jewish People (Jerusalem), box VIII–IX (цитата сообщена Владимиром Хазаном).

Евгению Зал(ь)кинд, но и близкого друга Горлина Виктора Франка, парижского сотрудника – старшего друга Блох Григория Лозинского (привлеченного к библиографической работе при ее посредничестве) или уже названных выше Вольфганга Леппманна и Гизелу фон Буссе.

Еще одно упоминание о Постмане содержится в письме Раисы Блох от 23 января 1940 г. из Парижа к Евгению Рабиновичу (поэту Евгению Раичу), члену горлинского Клуба и их близкому другу по Берлину: «Яша и Леночка кланяются. Они оба работают в ОЗЕ. Петрополис временно помер. Вова Постман прозопоэт кланяется» (Rabinowitch Family Archive). Здесь говорится о семье Раисы – Якове Ноевиче Блохе и его жене Елене Исааковне, в то время сотрудниках OSE (*Oeuvre de secours aux enfants*), посвятивших социальной работе всю оставшуюся жизнь (см. подробно: Graceffa 2017), а Постман фигурирует вкуче со своим клубным титулом. Итак, Постману удалось выехать из Германии в Париж, он пережил оккупацию Франции и смог добраться до Америки. Местом его службы являлась русская редакция радиостанции *The Voice of America*¹⁶. Сохранилась его записка Галине Кузнецовой от 11 ноября 1954 г. (при посылке чека с благотворительной целью), с указанием нью-йоркского адреса¹⁷.

Объявление о кончине в Нью-Йорке Владимира Иосифовича Постмана помещено в «Новом Русском Слове» 5 декабря 1954 г. (НРС. 1954. № 15562. 5 декабря. С. 1), с упоминанием соболезнований от его друзей Адольфа и Виктора Французовых (оба имени опущены при внесении данных из некролога в справочник: Чуваков 2004: 633). Об этом круге радиожурналистов, с которым был связан Постман, рассказывают воспоминания Виктора Адольфовича Французова (1911–1996), занимавшего различные ключевые посты в русском отделе станции (см.: Franzusoff 1998).

Еще один след дружбы Блох и Постмана обнаружился несколько лет назад: 4 ноября 2021 г. в Москве аукционный дом «Литфонд» выставил на торги (аукцион № 358, лот 219) объект

¹⁶ Ср.: «рано скончавшийся талантливый писатель Владимир Постман» (Френкли 1995: 48).

¹⁷ W. J. Postman, 244 West 74th Street, New York 23, N. Y. (Bremen, Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. 01-141. Фонд Г. Н. Кузнецовой).

с таким описанием: «Блох, Р. Собственноручное письмо с белыми автографами стихотворений. [Париж], 1933. [2] с. 27,6 × 21,3 см». Письмо написано по новой орфографии. В каталоге (<https://www.litfund.ru/auction/358/219/>) имеется полное факсимильное воспроизведение двухстраничного письма, с кратким описанием (и одной неверной атрибуцией, см. ниже). Благодаря этому источнику мы располагаем еще одним автобиографическим свидетельством Раисы Блох, касающимся начала ее парижской жизни после переселения из Берлина. Ниже приводится этот документ, с сохранением его орфографических особенностей.

Раиса Блох – Владимиру Постману

Париж, 22 ноября 1933 г. (с припиской от 23 ноября)

<Приписка в правом углу письма:>

23/XI Я здесь остаюсь до первого.
Нашла комнату. Адрес точный
не знаю, о нем справьтесь у
Яши и Леночки. Завтра выясню
номер дома. Комната
два дома от места службы.
Всего лучшего.

22/XI 1933

Дорогой Вова!

Простите меня, что я Вам так долго не писала. Не думайте, что я забыла старых друзей. Напротив вспоминаю о них с тоскою и с любовью и хоть Париж чудный, красивый и веселый<,> мне в нем часто очень грустно бывает. Только мне приходится зверски работать каждый день часов до восьми, а вечером либо я удираю в гости либо гости приходят ко мне. Поэтому с письмами застой. Например кузену моему сто лет не писала. ...и стыдно мне это, но из-за страшных расстояний ничего нельзя успеть. Приедете сами увидите, какая здесь сумасшедшая жизнь. Собралась покидать свой американский рай и селиться около самого места моей службы, т. е. около Bibl<i>iothèque</i> Nationale. Die amerikanische Geselligkeit надоела

ужасно, да и сил нет ходить двадцать минут до путей сообщения¹⁸. Кроме того не буду тратить столько на дорогу.

Страшно буду рада принять Вас в своих хоробах под крышей. Я уже облюбовала себе апартамент. Внизу в отеле geht ein lustiges Leben zu, а наверху sehr solid¹⁹. Вот увидите. Впрочем может быть выберу себе еще что-нибудь другое. Часто вижу Софью Юльевну и Мишеньку. Миша самоотверженно ездит ко мне за орлеанские ворота²⁰. Других людей посolidнее просто не решаюсь звать в зимнюю распутицу: бульвар местами превратился в тесто. А так живетса мне хорошо и вольно. Наука... Но об этом не стоит говорить, а то бравурные ноты сменятса другими.

Моя служба стала интереснее. Читаю без счета книги по средневековой схоластик<е> и образовываюсь хоть в этом направлении по крайней мере. По телефону умудряюсь и здесь говорить много. Много написала стихов, т. е. «много» для меня. Ведь Вы знаете, что я на этот счет тяжела на под'ем. Нельзя сказать, чтоб стихи были очень оптимистические, но все<->таки они поживее берлинских. Вот два для образца:

Память о тебе – голос тишины
 В темной вышине – чистый серп луны
 В черной целине – неумолчный ключ,
 В глубине, во мне – неусыпный луч.
 Через столько дней<,> через все года
 Ты мой путь, мой дом, моя звезда.²¹

¹⁸ Раиса Блох оказалась в Париже в начале мая 1933 г. и с июня жила в южной части города, в XIV округе, в студенческом общежитии United States Foundation (Fondation des États-Unis, Cité internationale universitaire de Paris, 15 boulevard Jourdan, 75014 Paris) (см.: Graceffa 2017: 163–166).

¹⁹ Квартира по адресу: L'hôtel Raganaud, 6 rue des Petits-Champs во втором округе (см.: Graceffa 2017: 184, с датировкой началом декабря); согласно этому письму, Блох поселилась там несколько раньше.

²⁰ Porte d'Orléans. Упоминаются С. Ю. Прегель (которая также переехала в Париж незадолго до того, летом 1933 г.) и Михаил Горлин.

²¹ Впервые: Блох 1934: 168, стих. № 1. Вошло в ее вторую книгу стихотворений: Блох 1935: 8.

Die Sovet-Union

1917—1932

Systematische, mit Kommentaren versehene Bibliographie der 1917—1932 in deutscher Sprache außerhalb der Sovet-Union veröffentlichten 1900 wichtigsten Bücher und Aufsätze über den Bolschewismus und die Sovet-Union

Im Auftrag

der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas

unter Mitarbeit von

Raissa Bloch, Helga Boustedt, Michael Bruckus, Erwin Buchholz,
Gisela v. Busse, Gerhard Dobbert, Robert Engel, Viktor Frank,
Heinrich Freund, Dorothy Galton, Michael Gorlin, Waldemar
Henrici, Nadeshda Jaffe, Ljubow Jakobson, Michael Jakobson,
Erwin Kaiser, Margarete Klante, Adolf Lane, Wolfgang Leppmann,
Gregor Lozinski, Arthur Luther, Anna Mänchen, Karl Menges,
Golda Patz, Wladimir Rakint, Eugenie Salkind, Heinrich Saller,
Robert Schweitzer, Hedwig Seebacher, Juri Semjonow,
Leopold Silberstein, Friedrich Steinmann,
Wolfgang Stubenrauch, Friedrich Veit und Heinz Zeiß

bearbeitet von

Klaus Mehnert

1933

Im Ost-Europa-Verlag, Königsberg Pr. u. Berlin W. 35

Илл. 2. Титульный лист издания „Die Sovet-Union 1917–1932“

Растеряла города и годы,
Отпустила по ветру друзей.
Что ж осталось от моей свободы,
Что осталось мне от жизни всей?

Только солнца дым неуловимый,
Что к траве сияющей приник,
Только сердца стук неутомимый <->
Тишину внушающий язык.²²

Напишите мне, что у Вас слышно, милый Вова. Когда можно угощать Вас чаем? Что пишет Тала? Эта девочка приехала молниеносно, потом скрылась и ни слова с тех пор, а я ее очень люблю. Будете писать, скажите, что нехорошо забывать и не отвечать. Я ей ведь написала²³. Кого выдаете из друзей? За Бунина радуюсь, но и теперь, как и прежде его не люблю по ассоциации с одним его поклонником и нашим общим другом, кандидатом на следующую премию, уж не знаю какую Нобелевскую или Боксерскую²⁴. Здесь конечно все чувствуют себя Нобелями и в особенности толстые дамы, играющие в бридж. Иду в воскресенье

²² Впервые: Блох 1934: 168, стих. № 2. Вошло в кн.: Блох 1935: 9, с разночтением в первой строке: «Растеряла *по дорогам годы*». В письме Постману сохраняется та же последовательность текстов, как в первой публикации и в книге «Тишина», однако второе стихотворение Блох цитирует по начальной версии в журнале «Встречи», подвергшейся исправлению при составлении книги стихотворений.

²³ Вероятно, «эта девочка» была тайной любовью Михаила Горлина, упоминаемой в черновике его письма под Рождество 1934 г., когда и он, и Блох находились в Берлине, посещая свои семьи, ср.: Поляков 2022: 404–405 (там с формой имени *Таля*).

²⁴ Имеется в виду присуждение И. А. Бунину Нобелевской премии 9 ноября 1933 г. В письме отразилась резкая антипатия Блох по отношению к Владимиру Набокову, который здесь отнесен к бунинским поклонникам (об их отношениях см.: Шраер 2023) и саркастически назван «нашим общим другом» (т. е. недоброжелателем) берлинских времен. Склонность Набокова к боксу упоминается столь же язвительно, как и пошедшие разговоры о возможных будущих претендентах на Нобелевскую премию. В аннотации к письму Блох в аукционном каталоге «Литфонда» эти выражения поняты вне их отрицательной подоплеку, поэтому их адресат ошибочно определен как Борис Поплавский, в литературных кругах также известный как боксер. Вражда с Набоковым была столь сильным переживанием для Блох, что она перенесла свою антипатию и на Бунина (собрание сочинений которого выходило тогда в издательстве «Петрополис»; ср. также: Аболина 2017: 69–75).

вечером в [Крокадило] <зачеркн.><,> где Бунина будут чествовать Valéry и Maugris²⁵. Привет Вашим. Жму Вам крепко руку. Пишите поскорее. Люблю Вас и уважаю.

Ваша Р. Блох

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аболина М. М. 2017. Нобелевский лауреат И. А. Бунин и издательство «Петрополис». – Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 215. С. 69–75.
- Бабилов А. 2019. Прочтение Набокова: Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Блох Р. 1928. Мой город. [Берлин]: Петрополис.
- Блох Р. 1934. <Стихотворения>. – Встречи: Ежемесячный журнал под ред. Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора. № 4. С. 168.
- Блох Р. 1935. Тишина: Стихи 1928–1934. [Берлин]: Петрополис.
- Будницкий О., Полян А. 2013. Русско-еврейский Берлин 1920–1941. М.: Новое литературное обозрение.
- Двинятина Т. М. 2017. Нобелевский год И. А. Бунина (По материалам дневников и семейной переписки). – Литературный факт. № 4. С. 143–161.
- Деспотули В. 1933. «Петрополис» и «петрополитяне»: Пятнадцать лет крупнейшего за рубежом русского издательства. Один из питомцев «Петрополиса» – писатель Роман Гуль. От берлинского корреспондента «Рубежа». – Рубеж (Харбин). № 45. Ч. XI. С. 5–6.
- Каган А. 2016. Воспоминания. СПб.: ИД «Петрополис».
- Каннак Е. 1981. Берлинский «Кружок поэтов» (1928–33). – Русский альманах / [Ред.] Зинаида Шаховская, Ренэ Герра, Евгений Терновский. Париж: [Б. и.]. С. 363–366.

²⁵ Празднование присуждения Бунину Нобелевской премии состоялось в воскресенье, 26 ноября 1933 г. в Théâtre des Champs-Élysées под председательством В. А. Маклакова (см.: Мнухин 1995: 491). Среди выступавших тогда французских писателей, перечисленных в аннотации, не встречается, однако, имен Поля Валери и Андре Моруа. Вера Бунина не смогла сопровождать юбиляра в его поездке в Париж (подробно см.: Двинятина 2017: 143–161). В письме к ней от 30 ноября 1933 г. художник-портретист Н. Д. Миллиоти резко отрицательно отзывался об этом собрании: «Согласен с Вами, а со мной и вся “настоящая” эмиграция, что в вечер в Champs Elysées не все было хорошо. Нехорошо, что из нашего общего русского праздника сделали *платный спектакль*» (Триббл, Дэвис 2010: 434, № 17; курсив в оригинале).

- Каннак Е. 1992а. Памяти ушедших: Воспоминания Евгении Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох / Подготовка текста, публикация и примечания А. Клементьева. – Евреи в культуре Русского Зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919–1939 гг. / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим: [Б. и.]. С. 242–252.
- Каннак Е. 1992б. Верность: Воспоминания, рассказы, очерки / Сост., подготовка текста и комментарий А. Клементьева и С. Клементьевой. Paris: YMCA-Press.
- Лозинский Г. 1928. Petropolis. – Временник Общества друзей русской книги. [Вып.] II. Париж: [Б. и.]. С. 33–38.
- Лозинский Г. Л. 1989. «Petropolis». – Книга: Исследования и материалы. Сб. 59. М.: Книжная палата. С. 158–162.
- Лозинский Г. 2007. Petropolis. – Временник Общества друзей русской книги / Вступительная статья А. П. Толстякова. М.: Собрание. С. 153–158.
- Мнухин Л. А. 1995. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общей ред. Л. А. Мнухина в сотрудничестве с Т. Л. Гладковой, Т. И. Дубровиной, В. К. Лосской и Н. А. Струве. Т. 2: 1930–1934. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press.
- Поляков Ф. 2021. Накануне Парижа: Материалы к истории берлинского «Клуба поэтов». – Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение. С. 524–544.
- Поляков Ф. 2022. «Мальчик с неседыми волосами»: Вокруг поэтической книги Михаила Горлина «Путешествия» (1936). – Профессор, сын профессора: Памяти Н. А. Богомолова / Под ред. Н. А. Богомоловой, О. Л. Довгий, А. Ю. Сергеевой-Клятис. М.: Водолей. С. 402–425.
- Поляков Ф. 2023. Материалы к изучению биографии и творчества Михаила Горлина из архива Institut d'études slaves (Париж). Часть первая (№ 1–5). – Sdvig / Shift: Transnational Russian Studies. [Vol.] 1. P. 147–160. <http://www.serena.unina.it/index.php/sdvig/article/view/10545/10783>
- Тимофеев А. Г. 1991. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» (новые материалы по истории «русского Берлина»). – Русская литература. № 1. С. 189–204.
- Триббл, Дэвис 2010. Письма Н. Д. Миллиоти к В. Н. Буниной (1927–1958) / Вступительная статья и приложение К. Триббла. Публикация

- К. Триббла и Р. Дэвиса. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост. и ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь. С. 398–462.
- Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. 1997. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I: На грани эпох. Stanford: Berkeley Slavic Specialties. (Stanford Slavic Studies. Vol. 13).
- Флейшман Л. 2006. Высылка интеллигенции и русский Берлин в 1922 г. – Русский Берлин 1920–1945: Международная научная конференция / Научная ред. Л. С. Флейшмана. Сост. М. А. Васильевой, Л. С. Флейшмана. М.: Русский путь. С. 92–106.
- Флейшман Л. 2012. Из истории журналистики русского зарубежья: К биографии В. М. Деспотули (По письмам его к К. Г. Кромиади). – История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М.: Новое издательство. С. 453–544.
- Френкли Н. 1995. Мои воспоминания о работе А. Я. Френкли на радиостанции «Голос Америки». – Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. IV: 1939–1960 гг. / Сост. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим: [Б. и.]. С. 46–62.
- Чуваков В. Н. 2004. Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–1999: В 6-ти тт. / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 5. М.: Пашков дом.
- Шраер М. Д. 2023. Бунин и Набоков: Ученичество – мастерство – соперничество 1917–1977. 4-е изд., расшир. и доп. М.: Альпина нон-фикшн.
- Brandon, R. 2005. „Politische Einstellung: Jude“: Wolfgang Johannes Leppmann (1902–1943). – Osteuropa. Bd. 55. Nr. 12. S. 87–99.
- Braun, H. 1988. Gisela von Busse 1899–1987: Nachruf. – Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie: Zweimonatsschrift. Bd. 35. S. 206–210.
- Burchard, A. 1995. Die russische Emigrantenzeitung *Naš Věk* (Berlin, 1931–1933). – Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin: Akademie-Verlag. S. 447–457.
- Burchard, A. 2001. Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941: Institutionen des literarischen Lebens im Exil. München: Otto Sagner. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. [Bd.] 69).
- Franzusoff, V. 1998. Talking to the Russians: Glimpses of History by a Voice of America Pioneer. Santa Barbara: Fithian Press.
- Gorlin, M. 1930. Märchen und Städte: Gedichte / Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von D. Mirajew. Berlin: Waldemar Hoffmann.
- Graceffa, A. 2017. Une femme face à l'Histoire : Itinéraire de Raïssa Bloch, Saint-Pétersbourg – Auschwitz, 1898–1943. Paris : Éditions Belin/Humensis.

- Kohlstruck, M. 2005. „Salonbolschewist“ und Pionier der Sozialforschung: Klaus Mehnert und die *Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas* 1931–1934. – *Osteuropa*. Bd. 55. Nr. 12. S. 29–47.
- Mehnert, K. 1933. Die Sovet-Union 1917–1932: Systematische, mit Kommentaren versehene Bibliographie der 1917–1932 in deutscher Sprache außerhalb der Sovet-Union veröffentlichten 1900 wichtigsten Bücher und Aufsätze über den Bolschewismus und die Sovet-Union. Im Auftrag der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas <...> bearbeitet von Klaus Mehnert. Königsberg Pr<eußen> und Berlin: Osteuropa-Verlag.

REFERENCES

- Abolina, M. M. “Nobelevskii laureat I. A. Bunin i izdatel'stvo ‘Petropolis’.” *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 215 (2017): 69–75.
- Babikov, A. *Prochtenie Nabokova: Izyskaniia i materialy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2019.
- Blokh, R. *Moi gorod*. [Berlin]: Petropolis, 1928.
- . “[Poems].” *Vstrechi: Ezhemesiachnyi zhurnal pod red. G. V. Adamovicha i M. L. Kantora* 4 (1934): 168.
- . *Tishina: Stikhi 1928–1934*. [Berlin]: Petropolis, 1935.
- Brandon, R. “‘Politische Einstellung: Jude’: Wolfgang Johannes Leppmann (1902–1943).” *Osteuropa* 55, no. 12 (2005): 87–99.
- Braun, H. “Gisela von Busse 1899–1987: Nachruf.” *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie: Zweimonatsschrift* 35 (1988): 206–10.
- Budnitskii, O. and A. Polian. *Russko-evreiskii Berlin 1920–1941*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Burchard, A. “Die russische Emigrantenzeitung *Naš Vek* (Berlin, 1931–1933).” In *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Edited by Karl Schlögel, 447–57. Berlin: Akademie-Verlag, 1995.
- . *Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941: Institutionen des literarischen Lebens im Exil*. Arbeiten und Texte zur Slavistik 69. Munich: Otto Sagner, 2001.
- Chuvakov, V. N. *Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh'e. Nekrologi 1917–1999*. 6 vols. Vol. 5. Edited by V. N. Chuvakov. Moscow: Pashkov dom, 2004.
- Dviniatina, T. M. “Nobelevskii god I. A. Bunina (Po materialam dnevnikov i semeinoi perepiski).” *Literaturnyi fakt* 4 (2017): 143–61.
- Despotuli, V. “‘Petropolis’ i ‘petropolitiane’: Piatnadsat' let krupneishego za rubezhom russkogo izdatel'stva. Odin iz pitomtsev ‘Petropolisa’ – pisatel’

- Roman Gul'. Ot berlinskogo korrespondenta 'Rubezha'." *Rubezh* 45, no. 11 (1933): 5–6.
- Fleishman, L. "Vysylka intelligentsii i russkii Berlin v 1922 g." In *Russkii Berlin 1920–1945: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia*. Edited by L. S. Fleishman, and M. A. Vasil'eva, 92–106. Moscow: Russkii put', 2006.
- . "Iz istorii zhurnalistiki russkogo zarubezh'ia: K biografii V. M. Despotuli (Po pis'mam ego k K. G. Kromiadi)." In *Istoriia literatury. Poetika. Kino: Sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoi*, 453–544. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2012.
- Fleishman, L., Iu. Abyzov and B. Ravdin. *Russkaia pechat' v Rige: Iz istorii gazety "Segodnia" 1930-kh godov*. Vol. 1, *Na grani epokh*. Stanford Slavic Studies, vol. 13. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 1997.
- Franzusoff, V. *Talking to the Russians: Glimpses of History by a Voice of America Pioneer*. Santa Barbara: Fithian Press, 1998.
- Frenkli, N. "Moi vospominaniia o rabote A. Ia. Frenkli na radiostantsii 'Golos Ameriki'." In *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Stat'i, publikatsii, memuary i esse*. Vol. 4, 1939–1960 gg. Edited by M. Parkhomovskii, 46–62. Jerusalem: n. p., 1995.
- Gorlin, M. *Märchen und Städte: Gedichte*. Translated from the Russian by D. Mirajew in collaboration with the author. Berlin: Waldemar Hoffmann, 1930.
- Graceffa, A. *Une femme face à l'Histoire: Itinéraire de Raïssa Bloch, Saint-Pétersbourg – Auschwitz, 1898–1943*. Paris: Éditions Belin/Humensis, 2017.
- Kagan, A. *Vospominaniia*. Saint Petersburg: ID "Petropolis," 2016.
- Kannak, E. "Berlinskii 'Kruzhok poetov' (1928–33)." In *Russkii al'manakh*. Edited by Zinaida Shakhovskaia, René Guerra, and Evgenii Ternovskii, 363–66. Paris: n. p., 1981.
- . "Pamiati ushedshikh: Vospominaniia Evgenii Kannak o poetakh Mikhaile Gorline i Raise Blokh." Published, edited and annotated by A. Klement'eva. In *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Sbornik statei, publikatsii, memuarov i esse*. Vol. 1, 1919–1939 gg. Edited by M. Parkhomovskii, 242–52. Jerusalem: n. p., 1992.
- . *Vernost': Vospominaniia, rasskazy, ocherki*. Edited and annotated by A. Klement'ev, and S. Klement'eva. Paris: YMCA-Press, 1992.
- Kohlstruck, M. "'Salonbolschewist' und Pionier der Sozialforschung: Klaus Mehnert und die Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas 1931–1934." *Osteuropa* 55, no. 12 (2005): 29–47.

- Lozinskii, G. "Petropolis." In *Vremennik Obshchestva družei russkoi knigi*. Vol. 2, 33–38. Paris: n. p., 1928.
- . "Petropolis." In *Kniga: Issledovaniia i materialy*. Vol. 59, 158–62. Moscow: Knizhnaia palata, 1989.
- . "Petropolis." In *Vremennik Obshchestva družei russkoi knigi*. Prefaced by A. P. Tolstiaikov, 153–58. Moscow: Sobranie, 2007.
- Mehnert, K. *Die Sovet-Union 1917–1932: Systematische, mit Kommentaren versehene Bibliographie der 1917–1932 in deutscher Sprache außerhalb der Sovet-Union veröffentlichten 1900 wichtigsten Bücher und Aufsätze über den Bolschewismus und die Sovet-Union [...]*. Edited by Klaus Mehnert. Königsberg and Berlin: Osteuropa-Verlag, 1933.
- Mnukhin, L. A. *Russkoe zarubezh'e: Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni. 1920–1940. Frantsiia*. Edited by L. A. Mnukhin in collaboration with T. L. Gladkova, T. I. Dubrovina, V. K. Losskaia, and N. A. Struve. Vol. 2, 1930–1934. Moscow and Paris: EKSMO; YMCA-Press, 1995.
- Poliakov, F. "Nakanune Parizha: Materialy k istorii berlinskogo 'Kluba poetov'." In *Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letii N. A. Bogomolova*. Edited by A. Iu. Sergeeva-Kliatis, and M. Iu. Edel'shtein, 524–44. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- . "'Mal'chik s nesedyimi volosami': Vokrug poeticheskoi knigi Mikhaila Gorlina 'Puteshestviia' (1936)." In *Professor, syn professora: Pamiati N. A. Bogomolova*. Edited by N. A. Bogomolova, O. L. Dovgii, and A. Iu. Sergeeva-Kliatis, 402–25. Moscow: Vodolei, 2022.
- . "Materialy k izucheniiu biografii i tvorchestva Mikhaila Gorlina iz arkhiva Institut d'études slaves (Parizh). Chast' pervaiia (№ 1–5)." *Sdvig / Shift: Transnational Russian Studies* 1 (2023): 147–160. <http://www.serena.unina.it/index.php/sdvig/article/view/10545/10783>
- Shrayer, M. D. *Bunin i Nabokov: Uchenichestvo – masterstvo – sopernichestvo 1917–1977*. 4th rev. and exp. ed. Moscow: Al'pina non-fiction, 2023.
- Timofeev, A. G. "Mikhail Kuzmin i izdatel'stvo 'Petropolis' (Novye materialy po istorii 'russkogo Berlina')." *Russkaia literatura* 1 (1991): 189–204.
- Tribble, K. and R. Davies. "Pis'ma N. D. Millioti k V. N. Buninoi (1927–1958)." Prefaced by K. Tribble. Publication by K. Tribble and R. Davies. In *I. A. Bunin: Novye materialy*. Vol. 2. Edited by O. Korostelev, and R. Davies, 398–462. Moscow: Russkii put', 2010.

REVISITING THE EXECUTION OF MARINUS VAN DER LUBBE IN THE CONTEXT OF *INVITATION TO A BEHEADING*: WHAT DID NABOKOV KNOW?¹

David M. Bethea

(Madison)

Lazar Fleishman, colleague and friend, is known worldwide for his scholarly scrupulosity and the astonishing empirical basis at the heart of his many books. To take an obvious example, we need only open *Boris Pasternak v dvadtsatye gody* (1981) or *Boris Pasternak v tridtsatye gody* (1984) to any page to see how our honoree places his hero's words and deeds in the complex, and often dangerous, multi-voiced context of his times. Very few of us Slavic scholars, if any, can match the *Sitzfleisch* of a Fleishman publication. And without any false modesty, and with the humility that comes with age and hindsight, I freely admit that the *gamburgskii schet* epitomized by Lazar's impeccable scholarship is not a competition I would feel worthy entering. Be that as it may, the following note is my modest attempt to celebrate Lazar by following in footsteps that at least faintly resemble his own.

Readers familiar with Nabokov's drollery in the English-language forewords to his novels have learned to take his self-referential comments *cum grano salis*. Nowhere is this more obvious than in the 1959 foreword to *Invitation to a Beheading* (orig. *Priglasenie na kazn'* [1938]), a work triumphantly described there as a "violin in a void" (Nabokov 1959: 7). For a creative personality who had already suffered significant personal loss at the hands of very real ideologues and ideologies (exile, impoverishment, the assassination of his father) and who was now a family

¹ This note is a revisiting and slight expansion of my "A Note on Nabokov's *Invitation to a Beheading*: The Reichstag Fire and the Execution of Marinus van der Lubbe" (see: Bethea 2013: 592–98).

man living with a Jewish-Russian wife and young child in Nazi Berlin, the idea that this novel did not emerge out of, and at some level engage with, a specific historical context strains credulity. Nabokov wrote to his friend Khodasevich in July 1934, as he was immersed in composing *Priglasenie*: “I am writing my novel. I do not read the papers.”² Even if this statement is largely true and sincere, it does not follow that all of “*dura-istoriia* [history the fool]” has been successfully banished from the artificial world of *Priglasenie*. The purpose of the present note (*zametka*) is to identify a possible subtext, taken from contemporary history, that served as a spur to the artist’s thinking as he set about writing *Priglasenie* in the midst of his work on the longer novel *Dar* (*The Gift* [partially ser. 1938, pub. 1952]).

Let us begin by looking again at Nabokov’s foreword to *Invitation*. The second paragraph and opening sentences of the third paragraph read:

I composed the Russian original exactly a quarter of a century ago in Berlin, some fifteen years after escaping from the Bolshevik regime, and just before the Nazi regime reached its full volume of welcome. The question whether or not my seeing both in terms of one dull beastly farce had any effect on this book, should concern the good reader as little as it does me.

Priglasenie na kazn’ came out serially in a Russian émigré magazine, the *Sovremenniya Zapiski* appearing in Paris, and later, in 1938, was published in that city by the *Dom Knigi*. Emigré reviewers, who were puzzled but liked it, thought they distinguished in it a “Kafkaesque” strain, not knowing that I had no German, was completely ignorant of modern German literature, and had not yet read any French or English translations of Kafka’s works (Nabokov 1959: 5–6).³

First, without arguing that every detail in this passage should be turned on its head à la the psychoanalytic tactics of the “Viennese witch-doctor”

² Vladimir Nabokov to Vladislav Khodasevich, July 24, 1934; Beinecke Library, Yale; cited: Boyd 1990: 409; the original cited in: Boyd 2001: 477.

³ On émigré reviewers, who in the 1930s mentioned “Kafka’s works” in relation to *Priglasenie* only once, see: Dolinin 2019: 150–51. On Nabokov and Kafka see also: Foster 1995: 444–51.

(Nabokov 1959: 8), it would be fair to say that the “dull beastly farce” must mean something to the man writing these words, otherwise why mention the Communist and National Socialist movements at all? Second, how is the reader to understand the author’s *total lack* of any German language and culture/literature (“I had no German [and] was completely ignorant of modern German literature”) after he had been living in Berlin for years, was in possession of an elite Cambridge education, and was highly (actually breathtakingly) fluent in three languages and cultures? If we think of Fedor in *Dar*, Nabokov-Sirin’s most autobiographical character, does he exist in a world that is completely walled off from history (cf. the trauma of his father’s disappearance), does this young émigré walk around Berlin, even when he is composing verse in a dream-like state, with no awareness of the foreign “shore” (its sights, sounds, letters, words) he is stepping from? Not likely.

And third, the sarcastic phrase “reached its full volume of welcome” is pertinent because it refers to the moment at which the Nazis actually gained control of the levers of state and were free to impose their policies on the population. That moment, I would like to suggest, came with the famous Reichstag fire of February 27, 1933, which the Nazi coalition government (still only a plurality) succeeded in attributing to Communist arsonists and then manipulated as *cause célèbre* to arrest and remove from any active role the opposition party. That the aging President von Hindenburg appointed Adolph Hitler Chancellor in January 1933 and, in the wake of the fire was moved to issue the Reichstag Fire Decree, a crucial piece of legislation which restricted civil liberties and, through mass arrests and intimidation, allowed the Hitler administration to squash the Communist opposition (before then occupying a 17% block of Parliamentary seats) seems very close to the “full volume” of which Nabokov intimates. Indeed, in terms of historical causality, it was largely as a result of the Fire Decree that Hitler succeeded in only a month’s time in garnering the necessary two-thirds majority in the Reichstag to pass the Enabling Act, which gave the Nazi government full legislative powers and in effect made Hitler Germany’s dictator. At the inflection point of this turmoil is a mentally impaired young Dutchman with Communist sympathies by the

name of Marinus (Rinus) van der Lubbe (1909–1934). It is his story that bears interesting parallels with the plot-line of *Priglashenie*.⁴

As a resident of Berlin in 1933–1934 Nabokov had to be bombarded with news about the Reichstag fire and the series of arrests and elaborate trial following in its wake that autumn.⁵ The event was simply too present in Europe's (and the world's) consciousness not to have registered; indeed, the very fact that multiple aspects of the trial seemed staged (a grim prelude to Stalin's show trials) certainly could have played a role in the theme of execution as theatrical spectacle in *Priglashenie*. Van der Lubbe, who was born in Leiden, was cognitively impaired at birth and was destined for the life of manual laborer. His home life had been unfortunate – his parents were divorced, his mother died when he was young, and he was forced to live with his half-sister's family – but he was endowed with a strong constitution and had done work as a bricklayer. Along with his early interest in the worker's plight (he had become partially blind in 1926 when he got lime in his eyes on the job and was placed on a meager pension) he also apparently had cultivated a fascination with fire. By the time he showed up in Berlin, he had been a member of the Dutch Communist Party (CPN) and its youth section the Communist Youth Bund (CJB) and had taken part in a strike at the Tielmann factory for which he stood trial with others and for which he attempted to assume exclusive responsibility (an exaggeration destined to repeat itself). Taken together, his character traits and the details of his short biography create the picture of someone unbalanced, hyper-politicized, and eager to participate in revolutionary activity.

Enter the Reichstag fire and van der Lubbe's much disputed role in it. At 9:25 pm on February 27, 1933 one of Berlin's fire stations received a call that the Reichstag was on fire. By the time the fire brigades arrived on

⁴ For background on these events see: <https://www.britannica.com/event/Reichstag-fire>.

⁵ For the Russian émigré press's initial reaction to the Reichstag fire see, e.g., the Parisian daily *Poslednie novosti*, March 1 and 2, 1933, nos. 4361 and 4362: «Пожар Рейхстага [The Reichstag Fire]» and «События в Германии: Отменены конституционные гарантии. Репрессии против коммунистов и социалистов [Events in Germany: Constitutional Guarantees Have Been Abolished. Repression of Communists and Socialists]». This was front page news and covered three columns of the entire page.

the scene the Chamber of Deputies was consumed in flames and most of the building was severely damaged. It took some two hours to extinguish the blaze, and when policemen inspected the building they discovered numerous bundles of inflammable material placed throughout the premises. They also discovered Marinus van der Lubbe, who was immediately arrested. The young man claimed to have started the fire as a call to action for the German workers to rise up against the Nazis. Hitler and Goebbels rushed to the site to find Göring, who termed the conflagration a “Communist outrage” and announced that the culprit had been apprehended. Hitler himself saw the fire as a “sign from God” and the *Fanal* (signal) that a Communist putsch was underway. Before the next day had passed the Chancellor asked for and received from President von Hindenburg the Reichstag Fire Decree. The Nazi thrust to consolidate power was on.

In the succeeding days and weeks van der Lubbe was interrogated (i.e. tortured) and, despite his insistence on acting alone, others were arrested in connection with the arson, including Ernst Torgler, chairman of the German Communist Party (KPD) and member of the Reichstag, on February 28, and three high-ranking members of the Comintern, Bulgarians Georgi Dimitrov, Vassil Tanev, and Blagoi Popov, in early March. Most historians now agree that van der Lubbe set the fire on his own, but spirited attempts have been mounted on both sides of the issue, some suggesting it was a Nazi plot orchestrated to remove all Communist opposition, while others argue that Hitler and his lieutenants were genuinely caught unawares and presented with a massive instance of good luck. In any event, the five alleged conspirators were officially indicted in July 1933 and then tried publicly in Leipzig, before the German Imperial High Court, from September 21 to December 23, 1933. The trial itself was broadly followed in the press and broadcast over the radio. Considering the circumstances it's also not surprising that it offered moments of high drama, such as a heated exchange between Dimitrov, at the time of his arrest head of Comintern operations in Western Europe and a staunch apologist for the Soviet political system, and Reichsminister Göring.

The verdict delivered at the trial's conclusion did not please Hitler or his administration but seems, upon hindsight, justified, if not in terms of the punishment at least in terms of the assigning of blame for the terrorist

act: van der Lubbe was found guilty of the arson and sentenced to death, while the others were set free for lack of credible evidence. On January 10, 1934 van der Lubbe was executed and the news of his death spread rapidly throughout the world. Here is how the Associated Press covered the event:

LEIPZIG, Jan. 10. – The guillotine that decapitated Marinus van der Lubbe this morning was hastily erected during the night by the official executioner and his attendants in the prison yard of the Leipzig district court.

At dawn van der Lubbe was shaved and led into the yard, where Dr. Wilhelm Buenger, the presiding judge at the Reichstag fire trial, Chief Prosecutor Werner, several physicians and twelve citizens “of good repute” – in accordance with the law – were assembled.

Without showing the least emotion, van der Lubbe listened with bowed head as the death sentence again was read by Dr. Buenger and silently shook his head when asked whether he wanted to make a statement.

Dr. Werner then said “I surrender you to the executioner.”

The latter, Herr Goebler of Magdeburg, dressed in evening clothes and wearing white gloves, laid his hand on van der Lubbe’s shoulder. Meekly the young man ascended the scaffold, where he was tied down, and in thirty seconds it was all over.

Van der Lubbe was examined yesterday and pronounced sane.⁶

And here is more detailed coverage by *Time* magazine:

On the massive desk of old President Paul von Beneckendorff und von Hindenburg last week lay a letter heavy with Dutch seals. It contained a dignified appeal from Wilhelmina Helena Pauline Maria, Queen of The Netherlands, Princess of Orange-Nassau and Duchess of Mecklenburg. Her Majesty asked only what seemed simple Anglo-Saxon Justice. The death penalty, she urged, should not be inflicted retroactively on her famed subject, the dim-witted Dutch brick mason Marinus van der Lubbe. At the time he set fire to the German Reichstag there was no

⁶ Associated Press, “Guillotine Erected Hastily,” *New York Times*, January 11, 1934: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1934/01/11/95025379.html?pageNumber=9>

death penalty for such an act. It was hastily decreed, on the day after the fire, by President von Hindenburg at the frantic insistence of Herren Hitler, Goring and Goebbels. Would not Old Paul commute the sentence of Dutchman van der Lubbe to imprisonment? All Holland was hopeful when the Nazi-controlled Press threw out strong, repeated hints that President von Hindenburg would accede to Queen Wilhelmina's request. Overnight came a Nazi smack in the face to Holland. Van der Lubbe's head had been cut off, the German Government announced, without prior notice of any sort to either Queen Wilhelmina or the German public. Obeying strict orders from Minister of Propaganda & Public Enlightenment Dr. Paul Joseph Goebbels, German newspapers barely mentioned the Dutchman's execution, stating that "It was the purpose of the German Government to confront the public with an accomplished fact without long preliminary palavers as a token of justice, assurance, determination and as a warning to other international revolutionaries of the Communist persuasion." Since no correspondent witnessed the execution. Dr. Goebbels could and did put out an exclusive Government story of what occurred: At 5 p.m. Public Prosecutor Werner, whose speeches during the Reichstag Trial fill several volumes, entered van der Lubbe's isolated cell, reread the death sentence of the Supreme Court (TIME, Jan. 1), stated that President von Hindenburg had refused to commute it and told van der Lubbe to make ready for death at dawn. During the night a guillotine was hastily knocked together in the prison courtyard. Meanwhile van der Lubbe, who had written numerous letters from his cell to his family in Leyden, refused to write another after Prosecutor Werner told him he was really going to die.* Just after dawn, Prisoner van der Lubbe was led "without showing the least emotion" out onto the grass of the prison courtyard where he stood with hanging head while his death sentence was read a third time by Supreme Court Justice Wilhelm Büniger. Asked if he had any last words, van der Lubbe muttered "No."

"I surrender you, van der Lubbe," cried Prosecutor Werner, "to the executioner!"

Up stepped top-hatted, white-gloved Executioner Goebler. If he had been working anywhere else in Germany he would have used a battle ax

but in the State of Saxony, seat of the German Supreme Court, a French-type guillotine is the customary instrument of death. Putting his hand on the prisoner's arm, Executioner Goebler steered van der Lubbe to the guillotine, strapped him down, pressed a button releasing the great knife and stood back as it fell. Into a basket full of absorbent sawdust rolled the head of van der Lubbe.

Commented a high Nazi official in Berlin, "It was a concession that he was not hanged. The [retroactive] law specifies hanging for political arson but hanging is a shameful death. Van der Lubbe was spared that."

An autopsy by neutral Dutch physicians would have proved or disproved the charge that Nazis drugged van der Lubbe into the amazing apathy he showed throughout his trial for life. Though his old father asked for the head and trunk of his son, Public Prosecutor Werner insisted on burying the remains of Marinus van der Lubbe at Leipzig.

Other defendants at the Reichstag trial, all of them acquitted, were still held in prison by the Hitler State last week while their relatives waited in dread lest they be confronted at any moment with another Nazi surprise fait accompli.

* The Dutchman's confession that he alone set the fire (despite the testimony of German experts that he must have had accomplices) is widely accounted for on the theory that Nazis employed penniless van der Lubbe to help them set the fire, promising to save his neck by a Presidential reprieve and to reward him handsomely for hiding their identity and taking the whole blame in court. If this be true, Nazis would obviously have had every reason to stop him from writing letters as soon as he knew he had been double crossed.⁷

Without implying that the seemingly somewhat deranged van der Lubbe is the poetically gifted and therefore not "normal", not "transparent" Cincinnatus C. in *Priglasenie*, I would still like to offer several intriguing parallels between the two situations. First, van der Lubbe is beheaded, not by axe but by guillotine to be sure, but beheaded nonetheless. What is more, in the version(s) of the execution that ran in *Poslednie novosti*, which also cited coverage in Berlin, Leipzig, the Hague, and Amsterdam, it was written that «Голландцу отрубили голову *топором* [The Dutch-

⁷ "Germany: Head Into Basket," *Time* (January 22, 1934): <https://time.com/archive/6752433/germany-head-into-basket/>

man was beheaded by an *axe*. – My emphasis]». ⁸ Thus, the image of a henchman not pushing a button but actually wielding an axe would have been circulating through émigré circles from the moment the news of the execution was made public. Second, the beheading itself is presented as a somehow dignified ritual – what Nabokov would quickly identify as the essence of *poshlost'* – with all the smarmy pretense that goes with attempting to aestheticize brutality, including the idea that removing one's head from one's body is more “honorable” than hanging. ⁹ Surely a writer as sensitive to the threat of politically motivated violence and the behavior of zealous henchmen would notice how van der Lubbe was dealt with at his trial and execution. Recall, for example, what Nabokov wrote about this “German” penchant for *poshlost'* a decade later, in his Gogol book, as the war was still going on:

To exaggerate the worthlessness of a country at the awkward moment when one is at war with it – and would like to see it destroyed to the last beer-mug and last forget-me-not – means walking dangerously close to that abyss of *poshlost'* [sic – VN's coinage] which yawns universally at times of revolution or war (Nabokov 1944: 65).

In this respect, as he continues, “it is impossible to imagine anything more unpleasant than a German Lothario, a German who tries to be winsome” (Nabokov 1944: 65). Now, the German judges and executioner in this flatly reported newspaper article are clearly not Lotharios, but perhaps there is a sense in which they are trying to be “winsome,” trying to be consciously appropriate to their assigned roles.

Third, taking into account that this has been a show trial from the start, with the conclusion, at least for poor van der Lubbe, never in doubt,

⁸ This was the Berlin storyline, the first appearing in the article: «Эпилог лейпцигского процесса [The Leipzig trial's epilogue]», *Poslednie novosti*, no. 4677, January 11, 1934. For the Russian description of the executioner (*palach*) in evening dress, see: «После казни ван дер Люббе [After van der Lubbe's execution]», *Poslednie novosti*, no. 4678, January 12, 1934: «Палач, во фраке и белых перчатках, уже стоял рядом с председателем суда [The henchman, wearing a tailcoat and white gloves, stood next to the presiding justice]».

⁹ In this connection see esp.: Dolinin 2013: 29–44, esp. 32–33; Dolinin 2019: 303–20, esp. 307.

the elaborate performative quality of the event, including the executioner's evening dress, white gloves, and "tender" hand gesture seems sickeningly sweet, once again drenched in *poshlost'*. «С любезного разрешения публики, вам наденут красный цилиндр [With the gracious consent of the audience, you will be made to don the red tophat]» (Nabokov 2000: 54 and 1959: 21), declares the judge as he reads the sentence in the novel. The evening dress, by the way, provides a nice situational rhyme (Nabokov would never repeat events *verbatim*, so to speak) to Pierre's hunter's green – «охотнич[ий] горохов[ый] костюмчик» (Nabokov 2000: 175) – in *Priglasenie*, the latter possibly gesturing toward Hitler's Bavaria. That van der Lubbe has been declared sane, when he evidently was not, makes the "I surrender you to the executioner" climax all the more false, all the more evidence that what has been done is not righteous punishment, but cynical, shabby charade. Van der Lubbe's physical strength (his nickname was "Dempsey") coupled with his total apathy and docility at the trial and execution provide suggestive counterpoints to Cincinnatus's physical puniness coupled with his inner turmoil and (unseen to his tormentors) imaginative flights as he is waiting to be executed.

As a final aside, following the execution the distinguished Flemish poet Willem Elsschot (born Alfons Josef de Ridder, 1882–1960) wrote a poem entitled "Aan Van der Lubbe" (dated January 16, 1934, Antwerp). Since the poem was not translated until considerably later in the century, there is little likelihood that Nabokov knew of its existence. Still, the obvious intersection of tone and imagery between Elsschot's brief work and Nabokov's novel suggests that the space into which the violin played may not have been a complete void. Elsschot calls the court proceedings an "operetta" (*de operette*), a term that evokes the cheap stage decorations and replaceable, cardboard character types in *Priglasenie* (cf. again the "dull beastly farce" of the foreword), just as he cuts through the doublespeak of the manner of execution, decapitation imposing maximum carnage and dishonor and having nothing to do with saving face (hanging being supposedly reserved for traitors):

Lang heeft men geprakkezeerd
 wat een mensch het meest onteert:
 hangen, branden, vierendeelen,
 of gewoon als varken kelen.

Toen heeft men het mes gekozen
 om je toch eens te doen blozen.
 Zulk een gala met wat bloed
 doet een hakenkruizer goed.¹⁰

(Elsschot 1946–1947: 265)

Elsschot ends his poetic send-up of the “live performance” (*zulk een gala*, lit. “such a gala”) with the prediction that the ghost of the simple youth/boy (*jongenlief*) will haunt its executioners until they meet their fate “at Russian hands” (*door den Rus vernietigd zijn*, lit. “are destroyed by the Rus/Russian”). By Russian he doubtless means the Soviets.

It would be an irony of history, however, and an irony rendered yet more ironic, as it were, by the fact that Elsschot and Nabokov-Sirin are writing presumably completely independently of each other, if some measure of the justice meted back to this dark regime of bad taste and romantic mythology run amok came from a stroke of the insistently non-political Sirin’s pen and not only from the more obvious thrusts of Stalin’s sword.

WORKS CITED

Bethea, David M. “A Note on Nabokov’s *Invitation to a Beheading*: The Reichstag Fire and the Execution of Marinus van der Lubbe.” In *(Ne)muzykal’noe prinoshenie, ili Allegro affettuoso: Sbornik statei k 65-letiiu Borisa Aronovicha Katsa*. Edited by Alexander Dolinin, Il’ia Doronchenkov, Liudmila Kovnatskaia, and Natalia Mazour, 592–98. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.

¹⁰ “Man has for years employed his mind / the most degrading death to find, / hanging, burning, drawing, quartering, / cutting the throat like a pig for slaughtering. // Maximum dishonour to achieve, / the knife was chosen for the deed; / a live performance, shedding blood / always does a Nazi good” (trans. Peter J. Large).

- Boyd, Brian. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- . *Vladimir Nabokov: Russkie gody. Biografiia*. Moscow and Saint Petersburg: Nezavisimaia gazeta; Symposium, 2001.
- Dolinin, Alexander. "Iskusstvo palacha: Zametki k teme smertnoi kazni u Nabokova," In *Deviataia mezhdunarodnaia letniaia shkola po russkoi literature. Stat'i i materialy*, 29–44. [Kaukolempiälä]: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Herzen'a; Peterburgskii institut iudaiki, 2013.
- . *Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove*. 2nd rev. ed. Saint Petersburg: Symposium, 2019.
- Elsschot, Willem. "Aan Van der Lubbe." *Nieuw Vlaams Tijdschrift* 1 (1946–1947): 264–65.
- Foster, John Burt, Jr. "Nabokov and Kafka." In *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. Edited by Vladimir E. Alexandrov, 444–51. New York and London: Garland, 1995.
- Nabokov, Vladimir. *Nikolai Gogol*. Norfolk, CT: New Directions, 1944.
- . *Invitation to a Beheading*. Translated by Dmitri Nabokov in collaboration with the author. New York: G. P. Putnam's Sons, 1959.
- . *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 4, 1935–1937. Saint Petersburg: Symposium, 2000.

ANCORA DA CAPO: ОБ «ЭЛЕГИИ» АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО¹

А. Б. Устинов
(Сан-Франциско)

стекло морщинится не хочет
а он стекло представь щекочет
и сам хохочет

александрвведенский

люди в страхе рассуждают:
кто сей всадник? объясните!
в нас, от страха, мысли тают,
рвутся нервов наших нити.

Даниил Хармс

в трельяж и в зеркало второе
вспомните пристальней, и вы
увидите портрет героя
на фоне мчащейся Невы...

Иосиф Бродский

«Элегия» – безусловно, самая известная «вещь» Александра Введенского. Это единственное из его произведений, которое стало предметом отдельной монографии – с подзаголовком «Равнение на смерть» (см.: Буров, Ладенкова 2017), парафразой последних строк этого стихотворения:

На смерть на смерть держи равнение
Певец и всадник бедный².

¹ Моя искренняя признательность Ильдару Галееву за предоставление копий автографов из своего собрания, а также Жан-Филиппу Жаккару и Игорю Лошилову за приглашение меня подумать о двух обэриутских элегиях.

² Поскольку автографов «Элегии» не сохранилось, мы пользуемся списком Н. И. Харджиева, сохранившимся в его архиве в Музее Стеделейк (Амстердам). В иных

Вряд ли возможно даже представить, что, сочиняя свою «Элегию» в первую очередь как опыт деконструкции балладного стиха и элегии как жанра лирической поэзии, Введенский предполагал, что его «оарлушка», по слову Хармса, заслужит такое признание и раскат интерпретаций³. Этот стилистический экзерсис продолжает вызывать толкования, одно серьезнее другого, что противоречит биографическому настрою «Элегии», написанной Введенским в первую очередь как «алаверды» другу-обэриуту Игорю Бахтереву. Основной причиной этого перекоса является отмеченная Александром Скиданом «нервная обстановка, сложившаяся вокруг текстологии, комментирования, юридических, моральных и прочих прав на издание (и подготовку к изданию)» произведений Введенского (Скидан 2011: с. р.).

Сам поэт, напротив, никогда не показывал особой серьезности в отношении к своим «вещам». Николай Харджиев вспоминал Введенского как «замечательного человека», считал, что «“Элегия” – это гениальное, эпохальное произведение», но признавал, что ее автор «был непутевый, распутник, безобразник, никогда не смеялся, улыбался только» (Голубкина-Врубель 1995: с. р.). Впрочем, Харджиев, в свою очередь, декламировал «Элегию», по воспоминаниям молодого

изданиях стихотворение печаталось по «копии Я. С. Друскина, сделанной до войны, так же как копии Вс. Н. Петрова и В. В. Стерлигова, с несохранившейся рукописи, переписанной Д. Хармсом» (Введенский 1993, 2: 198) – на рубеже 1920–1930-х гг., добавлю я, исходя из контекста бытования «Элегии». В книге А. Введенского «Всё» стихотворение дано «по рукописному автографу» (Введенский 2011: 325), на самом деле неполному черновику, поэтому «отсутствующие фрагменты» (Там же) при публикации позаимствованы из списка Друскина, который отметил в примечании: «Элегия переписана мною с автографа, в крайнем случае с хорошо проверенной копии, сделанной Д. Хармсом» (Там же). Заключительное двустихие дано в следующем виде:

На смерть! На смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный (Введенский 2011: 263), –

а в комментарии сказано: «в копии Друскина: *на смерть, на смерть*; у Петрова и у Глебовой без знаков препинания» (Там же: 326). Таким образом, можно считать, что использование восклицательного знака и обращение «поэт» являются окказиональными приводимого варианта «Элегии», который впервые был напечатан в книге пасынка Введенского: Викторов 2009: 211–213.

³ См. анализ разномастных подходов к «Элегии» в устанавливающей контекст работе Корнелии Ичин: Ичин 2002: 219–221.

современника, «как эпитафию своему времени» (Дуганов 1997: 14)⁴. Эта «вещь» была безоговорочно рассчитана на декламацию – мемуаристы не без восторга вспоминали, как поэт читал свои произведения. Так, в 1938 г. Николай Асеев, прослушав серию стихотворений в авторском исполнении, надписал одну из своих книжек: «Александр Введенскому, детскому и недетскому» (Введенский 1993, 1: 5). Игорь Владимирович Бахтерев рассказывал, что Введенский читал «Элегию», закулив и ритмически поводя рукой с папиросой в такт восьмистишиям. «Татьяна Николаевна Глебова передала мне, – замечал Яков Друскин, – что Введенский перед чтением *Элегии* сказал: это стихотворение отличается от моих прежних вещей. И еще до того, как Татьяна Николаевна передала мне слова Введенского, мне казалось, что *Элегия* – единственная вещь Введенского, в которой нет “звезды бессмыслицы”» (Введенский 2017: 326)⁵.

На протяжении многих лет комментированные публикации «Элегии» неоправданно обходились без должной отсылки, что взятый поэтом – без указания автора – эпитаграф:

Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я⁶ –

⁴ М. Мейлах также сообщал, что «Харджиев накануне войны восторженно читал *Элегию*» Ахматовой (Введенский 1993, 1: 5), но, как можно догадаться, «вещь» Введенского оставила ее равнодушной, поскольку за 25 лет поэтического молчания она совершенно выпала из литературного контекста. Ср. также более приземленное свидетельство: «Узнав о моих занятиях обэриутами, Анна Андреевна попросила что-нибудь прочитать. Я прочитал “Элегию” Введенского. Оказалось, что она с давних пор знала ее от Николая Ивановича Харджиева» (Мейлах 1989а: 99).

⁵ М. Мейлах неизменно приводит первую часть примечания Друскина в своем пере­сказе; ср.: Введенский 1984, 2: 332.

⁶ В отличие от составителя «Полного собрания сочинений» Введенского, на эпитаграф обратил внимание рецензент этого издания, который, видимо, первым уличил в «Элегии» подтексты из А. Пушкина:

Были ли Введенский по-настоящему талантлив? <...> Объем талантливости ни на каких весах не взвесить, никаким аршином не измерить. Но он был из тех, кто пытался со свойственным ему азартом в ставшую чем-то обязательным серость внести какую-то пеструю, хотя бы искусственно раскрашенную струю, пускай с налетом эксцентризма, но, во всяком случае, шедшую из самого его нутра. Для этого стоит процитировать строфу из его «Элегии» с неуместно игривым

восходит к одноименному стихотворению Бахтерева 1927 года⁷.

эпиграфом: «Так сочинилась мной элегия о том, как ехал на телеге я», несомненно намекающим на пушкинскую «Телегу жизни».

Нам восхищенье неизвестно,
Нам туга, пасмурно и тесно,
Мы друга предаем бесчестно,
И Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
Мы нас самим себе простили,
Нам, тем, кто как зола остыли,
Милей орла гвоздика.

(Бахрах 1982: 5; цитата из «Элегии» приводится здесь по списку Харджиева)

Отметим также, что А. В. Бахрах был отнюдь не сторонним наблюдателем выхода сочинений Введенского и вместе с В. Ф. Марковым, видимо, единственным в «старой эмиграции», кто обратил внимание на ОБЭРИУ. См. в его предыдущем выступлении: «Может быть, не следует преувеличивать роль этого причудливого и незлобивого объединения людей, влюбленных в литературу и хотевших воспринимать революционную повседневность, отклоняясь от шор конформизма, ни на что не взирая, идти своей дорогой. Но не следует также упускать из виду, что своими причудами, чуткостью к слову как таковому, описаниями всяких “часов без стрелок” они внесли в советскую литературу что-то необычное, пускай малопривлекательное, но в каком-то смысле “немыслимое” и уже этим одним – свежее» (Бахрах 1980: 5).

⁷ В «Полном собрании сочинений» и в книге «Всё» эпиграф дается «с небольшой погрешностью»:

Так сочинилась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.

(Введенский 1993, 2: 68; Введенский 2011: 261)

Ср. также вызванные эпиграфом «Элегии» замечания О. Лекманова:

Мне кажется, что уже первая рифма стихотворения («элегия» – «телеге я», по утверждению Игоря Бахтерева, взятая из его стихотворения 1927 года) – не из тех, что первыми приходят в голову. Это рифма изысканная, щегольская, да и само слово «элегия» – совсем не детское. Я бы рискнул предположить, что Введенский в «Элегии» решает другую задачу, чем в большинстве своих стихотворений. Здесь, по-моему, нет «поэтической критики разума» и попытки передать ощущение «бессвязности мира и раздробленности времени». Я думаю, что Введенский в «Элегии» как бы примиряется с классической русской поэзией, выбирает традиционный для нее жанр медитативного философского раздумья над сложностью жизни <...> и, рифмуя «элегия» – «телеге я», пишет собственную вариацию на классическую тему – жизненный путь (ведь где телега, там и путь) в пушкинской огласовке – почти все исследователи указывают на связь «Элегии» с «Телегой жизни» Пушкина (Сильные тексты: Александр Введенский – «Элегия». – <https://polit.ru/articles/kultura/silnye-teksty-aleksandr-vvedenskiy-elegiya-2021-05-18/>).

Только начиная с издания «Библиотеки поэта» эта «связь» (вновь термин Хармса) с грехом пополам стала попадать в примечания⁸, хотя собственно обзорный ракурс «Элегии» был предложен Сергеем Сигеем при первой публикации «наиболее авторитетного списка» стихотворения (Введенский 1993, 2: 198), сделанного Харджиевым⁹:

Несколько лет назад в ардесе вышел двухтомник александра введенского. это издание сделало широко доступным творчество этого великолепного поэта, друга хармса и бахтерева. к сожалению далеко не все тексты введенского даны в двутомнике в надлежащем виде. некоторые подвергнуты редактуре, другие напечатаны в неокончательных редакциях. последнее прежде всего относится к его знаменитой «элегии», написанной поэтом в 1940 году. между тем в коллекции николая ивановича харджиева хранится авторская рукопись окончательного текста этого стихотворения и благодаря его любезности здесь единственно верное чтение стиха появляется впервые... (Сигей 1985: <121>)

Ср. пушкинский пассаж с «метелью» и «телегой жизни» в наброске зачина II части «Комедии города Петербурга» Д. Хармса:

Пётр – Я город выстроил на финском побережьи
сказал: Столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был дó корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин
[тогда проснувшись и лениво руки вскинув
чиновник думал: «кто бы это мог
в такую познь ехать? может лекарь
торопится в привычную метель?
но мне мешает спать проклятая телега
жена проснись!»...]

(Хармс 1978–1980, 1: 182)

⁸ См.: Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994: 599. Впрочем, в последних изданиях Введенского о «связи» его «Элегии» с бахтеревской сказано пренебрежительно и не без сомнения: «Эпиграф, как утверждал И. Бахтерев, взят из его стихотворения 1927 г., также под названием “Элегия”: “Заканчиваю элегию, там – на своей телеге я”» (Введенский 2011: 325), – что явно вызвано незнакомством с публикациями литературного наследства Игоря Владимировича.

⁹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация «Транспонанса».

«Элегия» отражала литературные намерения не только Введенского, но и других обэриутов, и, несмотря на то, что деконструктивный характер их отношения к поэтическим жанрам по-настоящему обнажился у того же Хармса позже, в начале 1930-х гг., наиболее наглядно воплотившись в пародийных «Упражнениях в классических размерах» (или просто «УКР»), следы проявления интереса к классическим формам лирической поэзии можно заметить в его записных книжках времени ОБЭРИУ. Так, в самом начале января 1927 г. он записывает на обороте листка с предположительным проектом «сборника стихов Даниила Ивановича Хармса», названным «Управление Вещей. Стихи малодоступные»:

грецкая Элегия
 точные свечи сияли
 с Онегином
 вообще же это был Урал
 (Хармс 2002: 123)

«Грецкая элегия» фигурирует в той же записной книжке № 8 в «Оглавлении Шуркиной Тетради», переписанном Хармсом, видимо, весной 1927 г.¹⁰, где также упомянуто другое стихотворение, явно балладного плана, – «По небу смутному полночи» (Хармс 2002: 157). В записной книжке № 11 Хармс делает замечания о чьих-то произведениях (в том числе и о «балладе»), возможно как раз Введенского, по справедливому предположению В. Сажина:

Сидящему на желез<ном> Болване.
 туда где памятник лежит но что с тобой. В пустое небо бородат.
 Баллада. Рифмы не те.

Пир. 2 кусок замечательный.
 3 здорово! 4, 5, 6, 7, 8.

¹⁰ См. в той же записной книжке: «Странно, что со мной делается. По моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс<кому>. Грецкая элегия <sic!>» (Хармс 2002: 129).

Бедность. Песня.

Разрушение Города.

чуть чуть поменьше.

Ружье и пушки заряжали¹¹.

(Хармс 2002: 209)

Введенский неслучайным образом не назвал автора эпитафии к своей «Элегии» – не столько даже по той причине, что он не мог точно припомнить строчки Бахтерева, сколько потому, что эта, условно говоря, первая обэриутская «Элегия» была на слуху у участников Объединения реального искусства и к ним приближенных. Она не только прозвучала на их гранд-представлении «Три левых часа»¹², но летом того же 1928 г. была переслана за границу (см.: Бахтерев 2001: 95–96). В оглавлении сборника обэриутских «вещей», который был составлен Введенским и Хармсом и передан последним художнику Павлу Мансурову, отправившемуся в командировку в Италию, «Элегия» шла второй по счету¹³.

Введенский явно писал свою «Элегию» как ответ на это поэтическое выступление, поэтому «пригладил» синкопирующую бахте-

¹¹ См. также в записной книжке № 17 припоминание строчек Введенского, где появляются «снег», «орлы»: Хармс 2002: 328.

¹² «Однажды Игорь Владимирович пришел ко мне в гости на Невский, д. 74, между блинной и пирожковой, – вспоминала Т. Никольская, – и принес свой рукописный сборник “Несколько страниц из книги ‘В лавке старьевщика’”. Собрание разных лет. 1926 год и далее”, который я под его диктовку начала перепечатывать. Нужно было видеть выражение лица моего папы, когда Игорь Владимирович скандировал:

Где черти пыльные белеют
Роятся и во тьму глазают
Олифу пьют, свинец глотают
Болеют –
белями страдают...

Сборник состоял из прозаического фрагмента-предисловия, “Элегии”, впервые прочитанной на вечере “Три левых часа”, отрывков из стихотворной повести “Старинные Санкт-Петербургские чудачки”, стихотворения “Знакомый художник”, водевиля “Древнегреческая размовка”, стихов “Один старик вместо лампы себя повесивший”, “Определение любви”, “Деревенские картинки” и “Варвара” (Никольская 2014: 39).

¹³ Первая книжная публикация «Элегии» Бахтерева состоялась в антологии: Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994: 370–372. В отдельном издании его поэтических произведений стихотворение ошибочно датировано «Ленинград 1928» (см.: Бахтерев 2001: 20–22).

ревскую ритмику, поменяв ее на четырехстопный ямб с женскими клаузулами и рефреном трехстопного ямба в каждой четвертой строке, а также развернул в правильные восьмистишия нарушенную строфику коды первой обэриутской «Элегии»¹⁴:

Шуми, шуми богов
стихия,
под зелень ночи
стих и я.
Шуми, шуми царей
стихия
раскладываю по обочинам
укладываю по орочинам
стихи я...
Шуми, шуми дерев
стихия,
заканчиваю элегию
я на своей телеге.

открыт собор младенцев полный
в шинке народов бродят волны.
Вокруг чуть слышный бор лежит,
а надо всем поют стрижи¹⁵.

Несмотря на свое прохладное отношение к творчеству Введенского¹⁶, Сигей опубликовал в «Транспонансе» список «Элегии»,

¹⁴ Ср. иное мнение, что «Элегия» Бахтерева «в остальном никак не соотносится с текстом Введенского» (Успенский, Файнберг 2016: 45, прим. 59).

¹⁵ Публикуемый текст «Элегии» исправлен по автографу одного из вариантов стихотворения, поскольку, как отметил позже Сигей, в «Транспонансе» стихотворение было напечатано «без заглавных букв» (Сигей 1997: 275; ср.: Бахтерев 2006: 78). По замечанию Ю. Валиевой, вариантов «Элегии» «только в домашнем архиве (не считая рукописей, подаренных автором друзьям) имеется, скажем, 9» (Валиева 2013: 373).

¹⁶ Об этом Сигей заявил в № 17 (1983) «Транспонанса», попутно призвав к кардинальной переоценке репутаций обэриутов: «последнее время о них сложилось представление странное и неверное. так, считают “гением” введенского и ценят хармса. и никаких других имен. между тем, эта группировка была гораздо обширнее. <...> введенский уж<е> потому не может считаться гением, что был удивительно однообразен <...>. вообще же судить о том что такое были обэриуты игнорируя творчество бахтерева просто невозможно. с именем игоря владимировича бахтерева связана

выполненный Харджиевым. Сигей сравнивал его с разошедшейся в самиздате копией Друскина:

всего лишь девять слов заменил введенский, отделявая свою «элегию», но правка эта представляется весьма существенной, поскольку придает измененным строкам нужную ритмическую и семантическую упругость: в первой октаве в пятой строке земные потоки сменяются горными, во второй октаве воин не исполнен, но наполнен отвагой, в третьей – уборы ночей вместо несложных становятся неслышными, а в пятой строке вместо «в пустом смущенье чувства прячем» появляется смысл более точный: «в пустом сомненьи сердце прячем». точность меняет волшебные ладони коня на ладони могучие (вторая октава) и следом за днем и тенью неминуемо вызывает сновиденье (вместо неопределенного наслажденья). таков же характер и двух последних авторских поправок, из которых замена «поэта» певцом делает весь смысл стиха более всеобъемлющим (Сигей 1985: <125>).

Для удобства читателей все 9 авторских поправок были при этом любезно отмечены публикатором¹⁷. Но он не обратил внимания на некоторые биографические неувязки, связанные с этим списком.

Я предположил, что, возможно, «Элегия» была написана Введенским все же не в 1940 г., как принято считать с подачи М. Мейлаха, а на рубеже 1920–1930-х годов (см.: Устинов 2021: 56). Позже я обсудил эту версию с Жан-Филиппом Жаккаром, который посчитал ее слишком авантюрной и как контрапункт привел заслуживающий внимания довод, что это стихотворение больше

самая лучшая особенность поэтики обэриутов – ее вневременность, ибо бахтерев продолжает писать сегодня вещи начатые еще в двадцатые годы, демонстрируя тем этот важнейший феномен обэриутианум. транспонанс предполагает специальную статью о его творчестве в одном из ближайших номеров. некоторые произведения введенского так же предполагаются к печати в новом виде – в последних авторских редакциях (неизвестных в свое время составителям его двухтомника, например, знаменитая “элегия”») (Сигей 1983: <95–96>).

¹⁷ В постсоветском переиздании текст «Элегии» был исправлен по автографу, впервые опубликованному Сигеем (см.: Введенский 1993, 2: 68–69). Сопровождающая его публикацию «первопроходческая» риторика была направлена против В. Глоцера (см.: Мейлах 1989b: XVI).

подходит не столько даже позднему, но совершенно точно «зрелому» Введенскому. Понятно, что очень сложно отказываться от сложившихся представлений, к тому же неоднократно повторенных, но проставленная под списком дата «1940» – это не год создания «Элегии», а год записи текста после декламации этой «вещи» Введенским во время его визита к Харджиеву в Москву.

Это как бы подпись под портретом поэта, напоминающая строки Бориса Божнева из стихотворения «Вы – Михаила Лермонтова брат...»:

Портрет закончен... Вы на нем живой,
И Вас узнают все, кто знал когда-то...
Мне радостно, но, труд закончив свой,
Я ставлю не сегодняшнюю дату...

(Божнев 1925: 83)

Другим подтверждением может служить мемуарный рассказ Бахтерева о том, как была написана его «вещь»:

Названная «Путем в Нарым» *Элегия* была написана в 1927 году (в самом начале года, а может быть, в конце 1926 года).

Это стихотворение имело в нашем кругу успех, помню Заболоцкий позвонил мне и сказал, что это стихотворение он считает лучшим из всего, что он из моих стихов знает.

На каком-то совещании у Дани <Хармса. – А. У.> о моей *Элегии* специально взял слово Боба Левин и довольно пространно говорил.

Шура Введенский, помнится, не очень любил, когда хвалили не только его стихи. Он сказал примерно так: стихотворение хорошее, но это не обязательно *элегия*. А вот я напишу *элегю*, которую иначе и не назовешь. И вскоре прочитал свою *Элегию*, используя строчки из моего стихотворения в эпитафии (Бахтерев 2001: 97).

Вряд ли Бахтерев, чьи воспоминания отличаются хронологической точностью, стал бы утверждать подобное, если бы Введенскому потребовалось 13 или 14 лет, чтобы выполнить свое обещание написать «элегю, которую иначе и не назовешь».

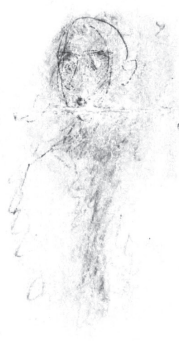
И вот список «Элегии», сделанный рукой Харджиева (см.: илл. 1–3).

Александр Введенский. 1

Элегия

Так сочинилась мною элегия
О том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины,
Их безконечные аршины,
Вином налитые кубшины,
Весь мир, как снег прекрасный,
Я видел ~~текущие~~ потоки,
Я видел бурь взор жестокий,
И ветер мирный и высокий,
И смерти нас на красный.

Вот воин, плаваая навагой,
Наполнен важною отвагой,
С морской, волнующейся влагой
Вступает в бой неравный.
Вот конь в могучие ладоны
Кладет огонь лихой погонки
И пляшут сумрачные копы
В руке травы державной.

Где лес глядит в поля просторы,
В ноге ~~неслышимые~~ зборы,
А мы глядим в окно без затопы
На свет звезды бездушной,
В пустом солнечки сердце прямом,
А в ночь не спим, томимся, плачем,
Мы ничего почти не знали,
Мы жизни ждем послужной.

Илл. 1. Александр Введенский. «Элегия». Автограф 1940 г.

Николая Харджиева (Stedelijk Museum Amsterdam). Л. 1.

Нам восхищение неизвестно,
 Нам тужо, пасмурно и тесно,
 Мы друга предаем безгласно
 и Бог нам не владыка.
 Увесток несчастья мы возрастали,
 Мы нас сами себе простали,
 Нам, тем, кто, как зола, остыл,
 Милей орла звезда.

Я с завистью гляжу на зверя,
 Ни мыслям, ни делам не веря,
 Улов произошедшей потери,
 Борьбась нет прищипки.
 Мы всё воспримем, как надежде,
 И день, и темб, и ~~сновидение~~,
 И даже музыки гудение
 Не извещит прищипки.

В морском прибое безпокойном,
 В песке пустынном и нестройном,
 И в женском теле непростойном
 отрады не нашли мы.
 Безпечную забывши трезвость,
 Воспели смерти, воспели мерзость,
 Воспомяли нас мним, как дерзость,
 За то мы и пакимы.

Летят божественные пухицы,
 Их разлеваются косицы,
 Халаты их блестят, как спицы,
 В полете жет пощады.
 Они отсчитывают время,
 Они и спятывают время,

Илл. 2. Александр Введенский. «Элегия». Автограф 1940 г. Николая Харджиева (Stedelijk Museum Amsterdam). Л. 1 об.

Пускай бренчит пустое стреляя,
Сходится с ума же надо.

Пусть шлется в путь ружей хрустальный,
Пусть рысью конь спешит зеркальный,
Вдыхая воздух музакельный,
Вдыхаешь ты и плыве.

Возница хмель и сварившей
В последки час зарк сонливой
Гоня гоня возок пенный,
Лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
Над ~~к~~иршественными столами,
Совместно с медными орлами
Вроз не гудят победный.

Исчезнувшие вдохновенные
Теперь приходят на мгновенье,
На смерти, на смерти держи равнине
Невец и всадник бедный.

1940.

Илл. 3. Александр Введенский. «Элегия». Автограф 1940 г. Николая Харджиева (Stedelijk Museum Amsterdam). Л. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахрах А. 1980. Похвала абсурду. – Новое Русское Слово. № 25259. 27 июля. С. 5, 7.
- Бахрах А. 1982. «ОБЭРИУТ». – Новое Русское Слово. № 25913. 29 августа. С. 5.
- Бахтерев И. 2001. Вилки и стихи: Стихотворения 1926–1930 гг. / С рисунками И. Бахтерева, И. Чагиной, А.-Ры Никоновой-Таршис и послесловием С. Сигея. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante.
- Бахтерев И. 2006. Варвyra и другие стихотворения. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante.
- Божнев Б. 1925. Борьба за несуществование. Париж: [Б. и.].
- Буров С., Ладенкова Л. 2017. Александр Введенский: Равнение на смерть. СПб.: Петрополис.
- Валиева Ю. 2013. «Чей это Бахтерев?». – Новое литературное обозрение. № 123. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10672/
- Введенский А. 1984. Полн. собр. соч.: В 2-х тт. / Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Мейлаха. Анн Арбор: Ардис.
- Введенский А. И. 1993. Полн. собр. произведений: В 2-х тт. / Вступительные статьи и примечания М. Мейлаха. Сост. и подготовка текста М. Мейлаха и В. Эрля. М.: Гилея.
- Введенский А. И. 2011. Всё. М.: ОГИ.
- Викторов Б. 2009. Александр Введенский и мир, или «Плечо надо связывать с четыре». Харьков: [Б. и.].
- Голубкина-Врубель И. 1995. Н. Харджиев: Будущее уже настало. – Зеркало (Тель-Авив). № 131. <https://zerkalo-litart.com/?p=3816>
- Дуганов Р. 1997. Столп и утверждение нового искусства. – Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2-х тт. / Сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов. Т. 1. М.: РА. С. 9-16.
- Ичин К. 2002. Заметки к разбору «Элегии» А. Введенского. – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 50. S. 217–228.
- Мейлах М. 1989а. «...Свою меж вас еще оставив тень». – Литературное обозрение. № 5–6. С. 95–100.
- Мейлах М. 1989b. К публикации «Элегии» Александра Введенского в «Новом мире». – Русская мысль. № 3781. 23 июня. Литературное приложение № 8. С. XVI.

- Никольская Т. 2014. Спасибо, что вы были. СПб.: Юолукка.
- Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994. Поэты группы «ОБЭРИУ» / Под общей ред. М. Мейлаха. СПб.: Советский писатель. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Сигей <С.> 1983. обэриуты. – Транспонанс. № 17. С. [95–97].
- Сигей С. 1985. библиографические заметки. – Транспонанс. № 27 (март–апрель). С. 120–143.
- Сигей С. 1997. Вместо примечаний или дополнение к предисловию. – Новое литературное обозрение. № 26. С. 273–279.
- Скидан А. 2011. От редактора. – Новое литературное обозрение. № 108. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12955/
- Успенский П., Файнберг В. 2016. Как устроена «Элегия» А. И. Введенского. – Toronto Slavic Quarterly. Vol. 58. <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Uspenskij58.pdf>
- Устинов А. 2021. Место печати «Транспонанс»: К истории машинописных изданий 1980-х годов. – Транспозитика: Авторы журнала «Транспонанс» в исследованиях и материалах / Сост. и ред. П. Казарновского, А. Муждаба. СПб.: Арт-центр «Пушкинская-10». С. 31–90.
- Хармс Д. 1978–1980. Собр. произведений: В 4-х кн. / Под ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Bremen: K-Press.
- Хармс Д. 2002. Записные книжки. Дневник: В 2-х кн. Кн. 1 / Подготовка текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Вступительная статья, примечания В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект.

REFERENCES

- Bakhrakh, A. “Pokhvala absurdu.” *Novoe Russkoe Slovo*. July 27, 1980.
- Bakhrakh, A. “OBERIUT.” *Novoe Russkoe Slovo*. August 29, 1982.
- Bakhterev, I. *Vilki i stikhi: Stikhotvoreniia 1926–1930 gg*. Drawings by I. Bakhterev, I. Chagina and A.-Ry Nikonova-Tarshis. Afterword by S. Sigei. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2001.
- . *Varvyra i drugie stikhotvoreniia*. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2006.
- Bozhnev, B. *Bor’ba za nesushchestvovan’e*. Paris: n. p., 1925.
- Burov, S. and L. Ladenkova. *Aleksandr Vvedenskii: Ravnenn’e na smert’*. Saint Petersburg: Petropolis, 2017.

- Duganov, R. "Stolp i utverzhdienie novogo iskusstva." In *Stat'i ob avangarde*, by N. I. Khardzhiev. 2 vols. Vol. 1. Edited by R. Duganov, Iu. Arpishkin, and A. Sarab'ianov, 9–16. Moscow: RA, 1997.
- Golubkina-Vrubel', I. "N. Khardzhiev: Budushchee uzhe nastalo." *Zerkalo* 131 (1995): <https://zerkalo-litart.com/?p=3816>
- Ičin, K. "Zametki k razboru 'Elegii' A. Vvedenskogo." *Wiener Slawistischer Almanach* 50 (2002): 217–28.
- Kharmis, D. *Sobranie proizvedenii*. 4 vols. Edited by M. Meilakh, and Vl. Erl'. Bremen: K-Press, 1978–1980.
- . *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. 2 vols. Vol. 1. Edited by J.-Ph. Jaccard, and V. N. Sazhin. Prefaced and annotated by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- Meilakh, M. "...Svoiu mezh vas eshche ostaviv ten'." *Literaturnoe obozrenie* 5–6 (1989): 95–100.
- . "K publikatsii 'Elegii' Aleksandra Vvedenskogo v 'Novom mire'." *Russkaia mysl'. Literaturnoe prilozhenie*. June 23, 1989.
- Nikol'skaia, T. *Spasibo, chto vy byli*. Saint Petersburg: Iuolukka, 2014.
- Poety gruppy "OBERIU"*. Edited by M. Meilakh. Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia. Saint Petersburg: Sovetskii pisatel', 1994.
- Sigei, [S.] "oberiuty." *Transponans* 17 (1983): 95–97.
- Sigei, S. "bibliograficheskie zametki." *Transponans* 27 (March–April 1985): 120–43.
- . "Vmesto primechanii ili dopolnenie k predisloviu." *Novoe literaturnoe obozrenie* 26 (1997): 273–79.
- Skidan, A. "Ot redaktora." *Novoe literaturnoe obozrenie* 108 (2011): https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12955/
- Uspenskii, P. and V. Fainberg. "Kak ustroena 'Elegiia' A. I. Vvedenskogo." *Toronto Slavic Quarterly* 58 (2016): <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Uspenskij58.pdf>
- Ustinov, A. "Mesto pechati 'Transponans': K istorii mashinopisnykh izdaniy 1980-kh godov." In *Transpoetika: Avtory zhurnala "Transponans" v issledovaniakh i materialakh*. Edited by P. Kazarnovskii, and A. Muzhdaba, 31–90. Saint Petersburg: Art-center "Pushkinskaia-10," 2021.
- Valieva, Iu. "Chei eto Bakhterev?" *Novoe literaturnoe obozrenie* 123 (2013): https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10672/

Viktorov, B. *Aleksandr Vvedenskii i mir, ili "Plecho nado sviazyvat' s chetyre."*
Kharkiv: n. p., 2009.

Vvedenskii, A. *Polnoe sobranie sochinenii*. 2 vols. Prefaced, edited and annotated
by M. Meilakh. Ann Arbor: Ardis, 1984.

—. *Polnoe sobranie proizvedenii*. 2 vols. Prefaced and annotated by M. Meilakh.
Edited by M. Meilakh, and V. Erl'. Moscow: Hylaea, 1993.

—. *Vse*. Moscow: OGI, 2011.

«СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ВАМ И АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ» (МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ «АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАЛЕСТИНЫ / ИЗРАИЛЯ»)¹

В. И. Хазан
(Иерусалим)

В своей работе «Из комментариев к “Кукхе”. Конкретор Обезвелволпала» Лазарь Флейшман (см.: Флейшман 1977: 185–193; включена в кн.: Флейшман 2006: 171–181)² первым коснулся темы «Алексей Ремизов в культурном пространстве Палестины / Израиля». В ней он указал на наличие ряда автографов А. М. Ремизова, хранящихся в израильских библиотеках и архивах (государственных и частных). Главный герой его статьи-публикации, которого автор знал лично, инженер Виктор Александрович Залкинд (1895–1986), был принят в ремизовский Обезвелволпал в Цербсте (Германия), куда создатель сего «шутейного ордена» приехал 17–18 июня 1922 г. (см.: Флейшман 1977: 190; Флейшман 2006: 178). В конце 1923 г. Залкинд поселился в Эрец-Исраэль и 25 лет (1924–1949) отдал развитию палестинской / израильской промышленности: был директором фабрики по производству поташа на Мертвом море (Palestine Potash Company), работал в Palestine Water Company, где занимался исследованием водных ресурсов, мелиорацией, гидротехническими сооружениями на Ближнем Востоке вообще и в Палестине в частности. В 1950–1957 гг. являлся советником по науке при представительстве Израиля в ООН и в израильском посольстве в США. Свою богатейшую коллекцию, в которой имеется немало

¹ За помощь в написании этой работы выражаю сердечную благодарность Ларисе Жуховицкой, Анне Урюпиной (обе – Москва) и Елене Ильиной (Иерусалим).

² Вошедшие в эту работу 4 письма А. Ремизова В. Залкинду недавно перепечатаны в блоке материалов, посвященных последнему, см.: Флейшман 2022: 531–534.

историко-культурных раритетов, и огромное книжное собрание он передал в Archion HaMedina (Государственный архив Израиля) и в израильскую Национальную библиотеку.

Оба – и Ремизов, и Залкинд – в общении между собой на столь далеком расстоянии друг от друга иногда пользовались оказией, выпадавшей со стороны жившей в эмиграции в Париже, а затем перебравшейся в Палестину Р. Г. Гинцберг-Осоргиной. Так, например, в одном из опубликованных Л. Флейшманом писем Ремизова Залкинду (от 11 июля 1925 г.) упоминалось ее имя: в это время Рахель Григорьевна отправлялась в Палестину навестить свою семью – отца, мать, сестру и брата:

Что я хочу Вас попросить: если кофе у Вас настоящий (Вы знаете мою страсть!), пришлите немного с Рахилью Григорьевной (если в жареных зернах, но не в сырых. Не умею и негде жарить).

(Здесь – *бездушный!*)

Это на случай (Флейшман 1977: 192; Флейшман 2006: 180; Флейшман 2022: 533).

Очень похоже, что письмо это не было отправлено почтой, а привезла его Залкинду сама Гинцберг-Осоргина (см. ее письмо от 9 июля 1925 г., адресованное Серафиме Павловне, которое публикуется ниже).

О ее связи с супругами Ремизовыми и пойдет речь далее.

Жизнь и судьба дочери выдающегося еврейского философа Ахад ха-Ама (собств. У. И. (А. Г.) Гинцберга) Рахели Григорьевны Гинцберг (1885–1957), второй жены писателя М. А. Осоргина, разделившей с ним изгнанническую судьбу и ставшей одной из пассажирок знаменитого «философского парохода», подробно раскрыта нами в книге «As a Seal upon Thy Heart» (см.: Khazan, Weissblei 2022), в которой собраны многочисленные архивные материалы, проливающие свет на ее *milieu* – в России и в эмиграции (Франция, Палестина / Израиль)³.

В окружении «Рери», как называли ее домашние и близкие друзья, было немало выдающихся исторических фигур – писателей

³ См. илл. 1.

(Иван и Вера Бунины, Борис Зайцев, Марк Алданов, Дон-Аминадо, Нина Берберова), философов (Николай Бердяев), ученых (Семен Дубнов, Александр Чаянов), политических и общественных деятелей (Екатерина Кускова, Марк Вишняк) и др.⁴, причем речь идет не о случайных и мимолетных знакомствах, а о подлинных тесных человеческих связях, многолетней дружбе и относительно регулярной переписке.

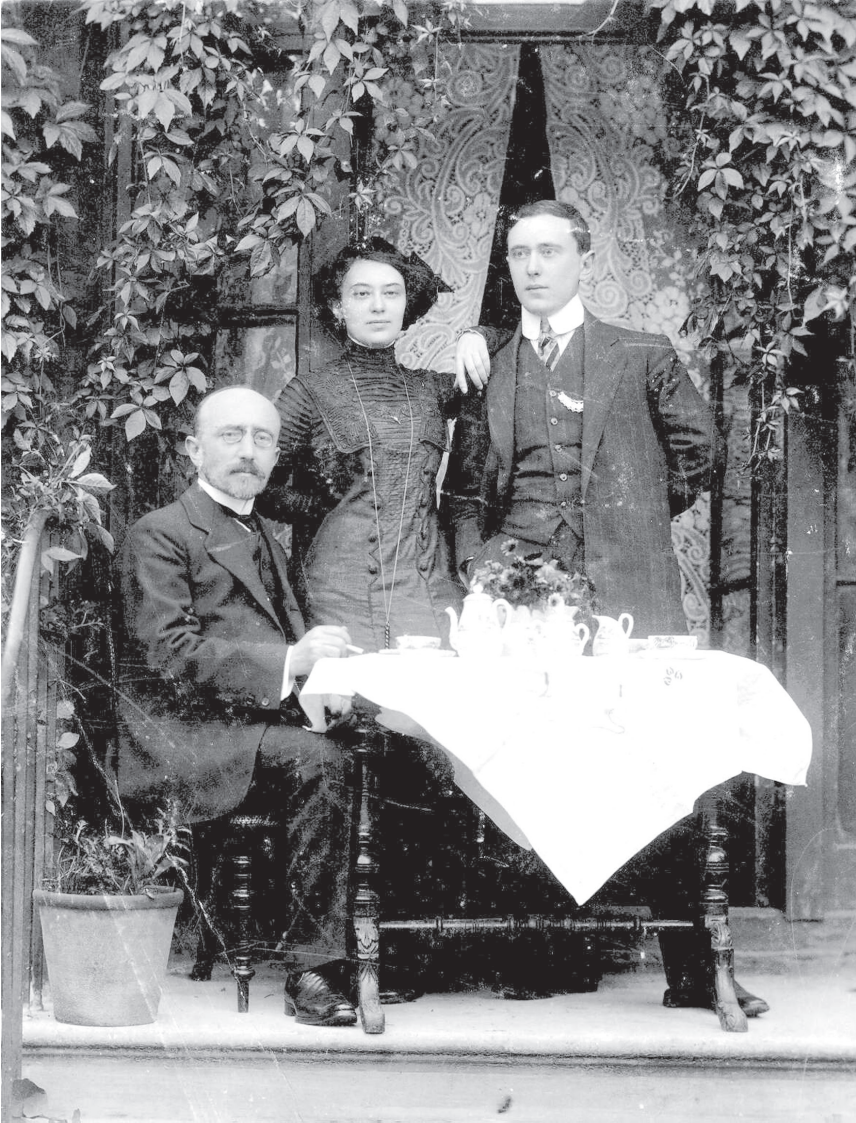
Среди тех, кто входил в дружеско-приятельский круг Рахели Гинцберг-Осоргиной, следует назвать и чету Ремизовых, которые, как следует думать, более ценили дружбу с ней, нежели ее саму. По крайней мере, та дневниковая запись, которую оставила о ней Серафима Павловна, и комментарий Алексея Михайловича довольно красноречиво свидетельствуют о том, что и ей, и ему личность Рери казалась несколько бесцветной:

18.V.1932. Бывшая Осоргина, очень-очень добрая, но совершенно незначительная.

[Когда Осоргин ее покинул, «выбрав» фитюльку (Бакунину), она приютила в своей квартире Макеева, но будь это и Немакеев, все равно, кто-то ее утешил. Добрый человек, и никогда не слышал от нее злого, только, С<ерафима> П<авловна> права, так все бесцветно, ну как ничего. А<лексей> Р<емизов>] (Ремизов 2023: 256)⁵.

⁴ Этот список легко можно увеличить еще на дюжину знатных и известных имен, оставивших след в истории России как в годы, предшествующие эмиграции, так и в особенности после нее.

⁵ Составители данного тома дают к этому месту комментарий, который нуждается в некотором уточнении: «Ремизов неточно пересказывает события из жизни Осоргиных. Рахиль Григорьевна (Гиршевна) Гинцберг – вторая жена М. А. Осоргина, дочь литератора Ушера Исаевича Гинцберга (публиковавшегося под псевдонимом Ахад-ха-Ам). Брак Осоргина и Гинцберг распался в 1923 г., после эмиграции из России. М. А. Осоргин женился на Т. А. Бакуниной только в 1926 г. Рахиль Григорьевна повторно вышла замуж за художника и журналиста Н. В. Макеева (1887–1975)» (Ремизов 2023: 595). Однако Ремизов в данном случае более прав и корректен: брак Осоргиных распался не сам по себе, а именно из-за того, что Михаил Андреевич предпочел жене молодую любовницу Т. А. Бакунину (обо всех малопривлекательных сторонах этой истории см. в письмах Р. Гинцберг Е. Кусковой, которые опубликованы в кн.: Khazan, Weissblei 2022); Р. Гинцберг не выходила замуж за Н. В. Макеева, а именно «приютила в своей квартире» (в том же доме она отыскала комнату для оставившей

Илл. 1. Слева направо: Ахад ха-Ам (Ашер Гинцберг), Рахель и Шломо Гинцберг (Лондон, 1910). Фотография хранится в архивной коллекции Ахад ха-Ама (Beit Ariela Library, Tel Aviv)

Когда упомянутая выше книга о жизни и судьбе Рахели Гинцберг-Осоргиной готовилась к печати, нам был частью неизвестен, а частью недоступен ряд материалов, которыми мы располагаем сейчас. Есть резон ввести их в научный оборот.

Начало дружеских отношений между двумя супружескими парами – Ремизовыми и Осоргинами – приходится на берлинский период их эмиграции. В Париже, куда и те, и другие перекочевали в конце 1923 г., эти отношения еще более укрепились. 13 января 1924 г., кануном «старого» Нового года, датирована ремизовская дарственная надпись на преподнесенной супругам Осоргиным «Кукхе»:

À Madame et Monsieur Ossorguine

Alex Rémizov

Bonne Année!

13.I.24

Paris

Рахили Григорьевне и Михаилу Андреевичу

эту вторую обезьянью книжку

на новый год

(Réveillon Russe

Grande soirée

Salons de l'hotel Lutetia)

Главное, чтобы интерес не

пропал, вот чего желаю

с возведением в кавалеры

обезьяньего знака I степени

с лягушачьей лапкой (Михаил Андреевич)

и мышинным хвостиком (Рахили Григорьевне)

и с назначением

послом римским

В. Ходасевича Н. Берберовой и как бы сама невольно способствовала сближению последней с Макеевым – они стали тайно встречаться, что называется, под носом у несчастной Рахели Григорьевны, что привело к любовному роману, а впоследствии и к их браку).

Обезвельволпала

А<лексей> Р<емизов>

Деньги устрицами (Huitres portugaises) получил
Cancellarius

Из данного инскрипта прямо вытекает, что членом Обезвельволпала являлся не только Михаил Осоргин, о чем было известно и раньше (см.: Обатнина 2001: 354), но и его тогдашняя супруга Рахель Гинцберг, чему никаких других подтверждений, как кажется, не сохранилось. «Назначение послом римским», о котором пишет Ремизов, – намек на то, что основную часть времени Осоргин, в основном один, без Рери, проводил тогда в Италии – в рыбацкой деревеньке на Ривьере Кави-ди-Лаванья, хорошо знакомой и памятной ему еще по дореволюционным временам, а позднее в Риме, куда его пригласил известный итальянский славист Этторе Ло Гатто для участия в цикле лекций «La Russia e i Russi», организованных римским Институтом Восточной Европы. В известном смысле обязанности «римского посла» от колонии русских эмигрантов или по крайней мере «пресс-атташе» могла исполнять и Рахель Григорьевна, имевшая диплом и докторскую степень адвоката Римского университета и, соответственно, знаящая Италию, итальянский язык и итальянскую культуру, может быть, не хуже своего мужа⁶.

В архиве Ремизовых сохранились письма и записки Рахели Гинцберг-Осоргиной, адресованные Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне как из Парижа, так и из Палестины/Израиля, куда она репатриировалась в конце апреля – начале мая 1935 г. Ниже приводятся лишь те из них, которые имеют прямое или косвенное отношение к обсуждаемой теме, или написаны непосредственно из Святой земли.

Дважды пережив драму мужского предательства – сначала с Осоргиным, а затем с Макеевым, Рахель Григорьевна до конца жизни не сумела оправиться от своей глубокой душевной травмы. По-видимому, это и послужило причиной того, почему она постаралась

⁶ Через много лет брат Рери – Шломо (Семен) Гиноссар (собств. Гинцберг; 1889–1969) станет израильским консулом в Риме.

вычеркнуть свое имя из любых исторических хроник, не оставить о себе никакой памяти. От ее богатейшего архива – сотен писем от выдающихся деятелей русской культуры, с которыми она была знакома, прятельствовала или была по-настоящему дружна, – не осталось ни единого листика. По-видимому, глубоко разочарованная в незадавшейся личной жизни, она перед смертью то ли сама уничтожила свой архив, то ли по ее распоряжению это сделали близкие родственники. Культурно-историческое значение этой потери, без сомнения, выходящее далеко за пределы индивидуальной биографии, трудно переоценить.

Письма публикуются впервые. Все они приводятся по автографам, хранящимся в Amherst College, Center for Russian Culture (Amherst, Massachusetts); архивные атрибуты указываются непосредственно под каждым из них: AC (Amherst College), box и folder.

1. Рахель Гинцберг-Осоргина – супругам Ремизовым

Париж – Париж

7 июня 1924*

Mme Remisoff

120 bis Av Mozart

5 Villa Flore

Милые Ремизовы,

В понедельник 9-го вечером в Trocadero опять будет показываться фильма «Палестина»**. Приходите! Мы там будем. К сожалению, не смогу за Вами зайти, но Вы приходите сами.

Привет сердечный.

Р. Осоргина

AC. Box 20. Folder 7.

* Дата устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

** По всей вероятности, речь идет о документальной ленте “Banim Bonim” («Сыновья строят»), которая была отснята в 1924 г. по инициативе и при финансовой поддержке Keren HaYesod (Основного фонда международной Сионистской организации) и рассказывала о мужественном труде *халуцим* (пионеров, первопроходцев), осваивающих Землю Израиля и превращающих ее в цветущий сад.

2. Рахель Гинцберг-Осоргина – Серафиме Ремизовой-Довгелло
Париж – Париж
9 июля 1925*

Дорогая Серафима Павловна,
Я неожиданно вместо 15-го уезжаю в воскресенье утром** никак не
смогу к Вам зайти. В пятницу и субботу вечером я с 8 час<ов> дома
и очень Вас прошу принести мне посылочку для Ваших друзей***.
Не запечатывайте ее, т. к. на границе все равно откроют.

Обнимаю Вас и надеюсь еще увидеть.

Р. Осоргина

АС. Вох 20. Folder 13.

* Письмо датировано 9 июля 1925 г., о чем мы узнаем по приклеенному к нему листку
из отрывного календаря с этой датой.

** Т. е. 12 июля.

*** Судя по всему, речь идет о посылке для Залкиндов (см. вступительную заметку).

3. Рахель Гинцберг-Осоргина – Серафиме Ремизовой-Довгелло
Хайфа – Париж
3 августа 1925*

3.VIII <1925>**

P.O.B.

Haifa 4

Palestine

Madame S. Remisoff

5 Villa Flore

20 bis Av. Mozart

Paris (16°)

France

Сердечный привет Вам и Алексею Мих<айловичу> из Палестины.

Р. Осоргина

АС. Вох 20. Folder 13.

* Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Вифлеема.

** Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

4. Рахель Гинцберг-Осоргина – Серафиме Ремизовой-Довгелло
Париж – Париж
Июль 1930*

Дорогая Серафима Павловна,

Вы, вероятно, получили в свое время мое письмо о постигшем меня несчастье – смерти моего beau-frère**^a. Сестра моя очень больна***, и меня вызывают в Палестину. Уезжаю я 14-го июля. К глубокому сожалению моему, я не успею к Вам зайти перед отъездом, т<a>к к<a>к и на службе****, и дома завалена работой и замотана до невозможного. Если Вы хотите что-нибудь послать в П<a>лести<a>ну, я, конечно, охотно возьму небольшую посылочку.

До воскресенья буду все время бегать по делам, а в воскресенье и понедельник***** буду дома.

Желаю Вам и А<лексею> М<ихайловичу> всего, всего доброго.

Всегда Вам преданная.

Р. Осоргина

АС. Box 23. Folder 1.

* Письмо не датировано, датируется по содержанию, см. следующее прим.

** Свояк Гинцберг-Осоргиной, муж ее сестры Леи, писатель и промышленник Шмуэль Йосеф Певзнер (1878–1930) умер 7 мая 1930 г. Женившись на Лее, он в 1905 г. репатрировался с ней в Палестину и поселился в Хайфе, став одним из пионеров индустриального развития страны. В письме В. Н. Буниной, датированном 21 мая 1930 г., Рахель Григорьевна следующим образом описывала его смерть:

Умер мой beau-frère скоростижно, вечером, после того к<a>к произнес большую речь в Национальном совете в Иерусалиме. Это было у брата в доме. Брат с женой еще не спали, слышали, к<a>к он прошел через сад, вошел в свою комнату. А через 2 минуты услышали хрипение – бросились к нему, но он был мертв. Сестра моя любила его больше жизни. Мать пишет, что она не плачет, лежит молча, накрывшись его пальто, кот<орое> он носил в последний день. За несколько часов до смерти он ей протелефонировал, что останется ночевать в Иерусалиме и чтобы она не беспокоилась.

Хоронил его весь город, даже арабы (Khazan, Weissblei 2022: 118).

*** Дебора-Лея Певзнер (урожд. Гинцберг; 1879–1941), старшая сестра Рахели. В течение долгого времени страдала душевным расстройством, и ее близкие добивались от З. Фрейда, чтобы тот включил ее в число своих пациентов. Вместо себя он рекомендовал своего друга и коллегу, будущего создателя психоаналитической школы в

Палестине Макса Эйтингона⁷, который был хорошо знаком с отцом Деборы-Леи, философом Ахад ха-Амом. Проблемы ее психического здоровья обсуждались в переписке Фрейда и Эйтингона, см.: Freud, Eitingon 2004 (по указателю). В конце концов Дебора-Лея воспользовалась услугами другого берлинского психоаналитика (более подробно об этом см.: Rolnik 2007: 34–37).

**** Рахель Григорьевна служила юридическим советником в парижском Comité international bancaire coopérative (29, Boulevard Bourdon, Paris, 4e). Эта служба в банке позволяла ей оказывать помощь близким друзьям из русской эмигрантской колонии, кто, как, например, В. Н. Бунина, материально поддерживали своих родственников в Советской России.

***** Т. е. 13 и 14 июля.

5. Рахель Гинцберг-Осоргина – Серафиме Ремизовой-Довгелло

Иерусалим – Париж

22 октября 1936

20.X <1936>*

House Hecker
4 Ibn Shaprut Road
Jerusalem, Rehavia

Серафима Павловна, дорогая,

Получила Ваше милое письмо. Не ответила Вам сейчас же, п<отому> ч<то> хотела повидать Залкиндов** и Вам о них написать. Но вижу, что это затягивается, и решила их больше не ждать. Я с ними по телефону условилась, что они ко мне придут поговорить о Вас, но они не пришли еще. У них в последнее время были всякие неприятности. Сначала она*** сильно обожглась (кажется, вспыхнул primus у нее). Потом, только она выздоровела, к<a>к к ним приехала ее мать из Европы, и было это сопряжено с какими-то неприятностями по части визы ее, которые, кажется, еще не кончились. К<a>к только узнаю еще ч<то>-нибудь о них, напишу Вам.

Кольцо Ваше пришлю с оказией, иначе Вы заплатите пошлину. Но Вы не пишете, какое кольцо Вы хотите, есть разные. Йеменитское? Арабское?

⁷ Кстати сказать, члена ремизовского Обезвельволпала (см.: Обатнина 2001: 367). О некоторых автографах Ремизова на книгах, подаренных М. Эйтингону, см. в кн.: Хазан, Ильина 2014: 44.

О себе что написать Вам? Готовлюсь к адвокатским экзаменам, кот<орые> будут в феврале, но шансов мало, что выдержу. Очень уж это трудно. Немного занимаюсь еврейским языком, на котором уже говорю, но еще с ошибками. Живу в маленькой квартирке, состоящей из одной комнаты, ванны и кухни. Стоит в ней моя синяя мебель из моей парижской квартиры и напоминает мне Париж****. Из окна видны Иудейские горы, мимо снуют арабы в чалмах, медленно и важно проходят верблюды, как сон все это... И я себя из-за всего этого чувствую нереальной.

О прошлом стараюсь не вспоминать, о будущем не думать. Только о друзьях, еще меня не забывших, думаю часто и с нежностью.

Очень бы хотела знать, как Вы с Ал<ексеем> Мих<айловичем> живете. Боюсь, что очень трудно. Если напишете, буду очень рада В<ашему> письму.

Не забывайте меня чересчур скоро. А я Вас всегда помню.

Обнимаю Вас со всей нежностью. <...>

Ваша Р. Осоргина

<Вверху 1-й страницы письма:> Вкладываю бугенвил<л>ии***** из нашего сада.

АС. Box 24. Folder 10.

* Год определяется по содержанию: письмо написано из Иерусалима, где Гинцберг-Осоргина поселилась весной 1935 г. Когда оно писалось, Рахель Григорьевна арендовала комнату по адресу: 4, Ibn Shaprut Road (Rehavia) – он и указан в письме, ср. тот же адрес в ее письме В. Н. Буниной, отправленном в Париж без малого на месяц раньше, 24 сентября 1936 г. (см.: Khazan, Weissblei 2022: 303). На 1936 г. приходится интенсивная подготовка Рахели Григорьевны к экзаменам на получение лицензии адвоката, который она успешно прошла в октябре 1937 г. (см.: The Palestine gazette. 1937. № 735. November 4. P. 1077).

** О В. А. Залкинде см. выше, во вступительной заметке.

*** Речь идет о жене Залкинды Любови Яковлевне (урожд. Яппу; 1900–1971). О подаренных ей поэтом М. В. Таловым двух его сборниках стихов, изданных в эмиграции, – «Любовь и голод» (1920) и «Двойное бытие» (1922), хранящихся ныне в Национальной библиотеке Израиля, см.: Хазан 2004: 380.

**** В Париже Гинцберг-Осоргина много лет арендовала квартиру на 11, rue Claude Lorrain (16^e); вместе с ней в том же доме жили семьи известных русских эмигрантов: Вишняки, Зайцевы, Полонские, Зеелеры.

***** Род вечнозеленых кустарников или деревьев с яркими цветами.

6. Рахель Гинцберг-Осоргина – Алексею Ремизову
Иерусалим – Париж
30 января 1937*

Monsieur A. Remisoff
7 rue Boileau
Paris 16
France

Дорогой Алексей Михайлович,
К сожалению, я не бываю в Тель-Авиве теперь, но поручила Ваше дело в «Haaretz» иерусалимскому сотруднику их**, он обещал выяснить***. Буду толкать и как только выясню что-нибудь, сообщу Вам.

Простите, что пишу мало – я занята зубрежкой к экзаменам. Совсем одурела.

Сердечно Ваша

Р. Осоргина

АС. Вох 7. Folder 7.

* Написано на почтовой карточке; дата устанавливается по почтовому штемпелю.

** Имеется, по-видимому, в виду заведующий иерусалимским отделом старейшей палестинской газеты «Ha'aretz» Гершон Менделевич Свет (1893–1968), который был тесно связан с домом Гинцбергов в Иерусалиме и дружил с братом Рахели Григорьевны Шломо Гиноссаром⁸; письма Гиноссара Свету см. в кн.: Khazan, Weissblei 2022: 720–735. Подробную биографическую справку о Г. Свете см.: Хазан 2023: 98–127. Очень похоже, что ему принадлежала инициатива публикации ремизовской заметки о Льве Шестове (см. след. прим.).

*** Речь идет о легендах Ремизова, присланных в «Ha'aretz». Как выясняется из письма 8, от 11 апреля 1937 г., их должен был перевести с русского языка на иврит поэт и переводчик Авраам Шлионский (1900–1973); в «Ha'aretz» они не появлялись. Единственной публикацией писателя, обнаруженной нами в палестинской периодической печати, является перепечатка той же газетой его давней заметки «По поводу книги Л. Шестова “Апофеоз беспочвенности”» (см.: Ремизов 1905: 204), которую писатель впоследствии включил в книгу «Крашенные рыла» (см.: Ремизов 1922: 124–126); печаталась она и в эмигрантских журналах: в парижском «Своими путями» (см.: Ремизов 1926: 32) и таллинской «Нови» (см.: Ремизов 1935: 143), и по-французски – в парижском «Nippocrate» (1936. № 2). По-видимому, новым поводом для обращения к

⁸ См. илл. 1.

ней, теперь уже на библейском языке (см.: Remizov 1936: 9), послужило пребывание в Палестине как раз в это время – апрель 1936 г. – Льва Шестова (о путешествии Шестова в Палестину см.: Khazan, Janzen 2021; вступительную статью к этой книге в переводе на русский язык см.: Хазан 2021: 607–651).

7. Рахель Гинцберг-Осоргина – Алексею Ремизову
Иерусалим – Париж
28 февраля 1937

28.II <1937>*

4 Ibn Shaprut Rd
Rehavia
Jerusalem

Дорогой Алексей Михайлович,

Не сердитесь на меня, я замотанный человек. Но я о Вас думаю гораздо больше, чем кажется. Я раз десять звонила корреспонденту «На<a>retz», к<o>t<o>r<ый> мне, наконец, сообщил, что одну Вашу вещь они собираются напечатать, и Вам об этом сообщает, и деньги вышлют. Тут сейчас все газеты заняты местными делами.

Напишите мне, получили ли Вы ч<то>->н<ибудь> от них. Недели через 3 я поеду в Т<ель-Авив> и там на месте, м<ожет> б<ыть,> смогу ч<то>->н<ибудь> для Вас сделать, если к тому времени ч<то>->н<ибудь> от Вас получу.

Может случиться, что я потом приеду в Париж**. Тогда увидимся и обо всем поговорим.

Желаю Вам всего хорошего. Сердечно приветствую Вас обоих.

Р. Осоргина

АС. Box 7. Folder 7.

* Год определяется по содержанию: ср. с предыдущим и последующим письмами.

** О несостоявшейся поездке Рахели Григорьевны в Париж в 1937 г. и состоявшейся в 1938 г. см. в следующих письмах.

8. Рахель Гинцберг-Осоргина – супругам Ремизовым
Хайфа – Париж
11 апреля 1937

Хайфа, 11/IV <1937>*

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович.
Была позавчера в Тель-Авиве и пошла в редакцию <<На<a>retz<>> объясняться по поводу Ваших рассказов. Выяснилось следующее: Шлионский, переводчик с русского, очень был занят все это время текущей политической работой и переводом «Евгения Онегина», кот<орый> теперь вышел отдельной книгой (роскошное издание и замечательный перевод. Шлионский вообще изумительный переводчик)**. Из-за этого он, к сожалению, не смог заняться переводом легенд А<лексея> М<ихайловича>. Он мне объяснил, что встретил трудности в переводе их, и т. к. он в мае едет в Париж, то придет к Вам познакомиться и поговорить о своих затруднениях***.

Voilà. Мне очень жаль, что дело так затянулось, но по крайней мере теперь Вы знаете, в чем дело. Будем надеяться, что тотчас же по возвращении сюда Шлионский сделает эти переводы, но об этом Вы поговорите с ним лично.

Я уже несколько дней в Хайфе у сестры, которая уже 8 месяцев лежит в постели. Через несколько дней вернусь в Иерусалим.

Тут сейчас все неустойчиво: погода, политическое положение, личная служба моя и каждого в отдельности п<алестин>ца. Думала поехать в Европу, но не вышло.

Очень буду рада, если напишите о себе.

Сердечный привет Вам обоим.

Р. Осоргина

АС. Вох 25. Folder 3.

* Год определяется по содержанию, см. следующие прим.

** Роман Пушкина «Евгений Онегин» в переводе на иврит, который подготовил А. Шлионский (см. о нем прим. 3 к письму 6, от 30 января 1937 г.), вышел из печати в 1937 г., к столетней годовщине гибели поэта.

*** Посещение Шлионским Ремизовых датируется 17 июля 1937 г. – факт, засвидетельствованный альбомом Серафимы Павловны, в которой палестинский гость оставил следующую запись:

Я на русском – в стихах – «немой», а Вы на еврейском «глухая», но есть другой язык – общий, несловесный – на нем легче изъясняться человеку в Вашем доме. Мы многое говорили на этом языке, а потому, читая перед Вами на еврейском языке стихи свои, чувствовал, что слышите, а знаете, по-еврейски глагол *слушать* имеет два значения: также *понимать*. Вот почему хорошо было у Вас с первой же минуты.

17/VII/<19>37

А. Шлионский

Париж

<Рукой С. П. Ремизовой:> Переводчик «Евгения Онегина» на еврейский.

Абрам Товиевич Шлонский

Paris 17 VII 1937

Иерусалим⁹

Ср. с ее же записью о Шлионском, датированной 17 июня 1937 г. (похоже, что кто-то из них – то ли он, то ли сама Серафима Павловна – ошибся в месяце):

№ 114. Абрам Товиевич Шленский

17.VI.1937

– очень симпатичный и очень талантливый: перевел «Евг<ения> Онегина» на еврейский язык.

<Рукой Ремизова:> *Чувствует одиночество – в самом деле, русской культуры, а пишет по-еврейски, развиться таланту нет простора* (Ремизов 2023: 279)¹⁰.

⁹ Государственный литературный музей. Отдел рукописных фондов. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1293. Л. 43.

¹⁰ Эта запись русского писателя, знай о ней Шлионский, наверняка бы вызвала у него как минимум ироническую усмешку: никакого отсутствия простора для развития своего таланта, живя в Палестине / Израиле, он, конечно, не ощущал, равно как и творческого одиночества в ремизовском смысле. Шлионский творил на иврите, и русский язык служил ему исключительно как подсобный и только в переводческих целях.

9. Рахель Гинцберг-Осоргина – супругам Ремизовым
Иерусалим – Париж
27 декабря 1938*

Monsieur et Madame
A. Remisoff
7, rue Voileau
Paris 16
France

27/XII <1938>**

8 Alfasi St.
Jerusalem – Rehavia

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович,
Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам в Новом году здоровья,
денег и прочих благ.

Ради Бога не сердитесь, что не зашла к Вам перед отъездом: я
была до того замучена, что не в силах была двигаться. И вдобавок
еще и простудилась и до сих пор не могу избавиться от простуды.

Напишите, что у Вас. Если не напишите, у меня будет чувство,
что Вы на меня сердитесь... А Залкинд<у> я позвоню и скажу все
о Вас.

Сердечно Ваша

Р. Осоргина

АС. Вох 25. Folder 8.

* Написано на почтовой карточке.

** Год устанавливается по почтовому штемпелю.

10. Рахель Гинцберг-Осоргина – супругам Ремизовым
Хайфа – Париж
30 апреля 1940*

30.IV <1940>**

Mr et Mme Remisoff
7 Rue de Boileau
Paris 16^e
France

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович,
Пишу Вам из Хайфы, куда приехала погостить к сестре и где за-
стряла из-за известных Вам, вероятно, событий. Я жива и здорова,
но настроение соответствующее событиям. На днях все же думаю
вернуться в Иерусалим.

Мне очень совестно, что не удалось исполнить Вашей <далее
используется лицевая сторона фотооткрытки:> просьбы насчет
кольца, но Ваши Залкинды совершенно неуловимы. Напишите,
к<a>к живете. А я очень тоскую по Парижу. Обнимаю Вас.

Р. Осоргина

АС. Вох 25. Folder 1.

* Написано на почтовой фотооткрытке с изображением сборщиков апельсинов в
Палестине.

** Год устанавливается по почтовому штампу.

11. Рахель Гинцберг-Осоргина – Алексею Ремизову
Париж – Париж
23 октября 1947

Monsieur A. Remisoff
7 rue Boileau
Paris 16^e

23.X.<19>47

Hôtel Pennsylvania
45 r<ue> Acacia

Дорогой Алексей Михайлович,

Я в Париже и очень хотела бы с Вами повидаться. Напишите, когда можно к Вам зайти. Я не хотела бы прийти к Вам в неудобное для Вас время и потому лучше подожду ответа от Вас*.

С сердечным приветом.

Р. Осоргина

АС. Box 10. Folder 3.

* Гинцберг-Осоргина посетила Ремизова, это была их последняя встреча – см. в следующем письме ее сожаление о том, что «не удалось еще раз побывать у Вас».

12. Рахель Гинцберг-Осоргина – Алексею Ремизову

Иерусалим – Париж

14 декабря 1947

Rosa Ginzberg

רוזה גינצברג

Licenciée en droit

עורכת דין

Advocate

רחל אוסורגין

Dr. Rachel Ossorguine

ד"ר למשפטים עו"ד

Advocate

בנין סנסור, רחוב בן-יהודה

Sunscur Bldg. 2 Ben Yehuda St.

ירושלים, 142-145 חדרים

Rooms 142-145. Jerusalem

Jerusalem

14.XII.<19>47*

Дорогой Алексей Михайлович,

Посылаю Вам рецензию, напечатанную в нашей ежедневной (еврейской) газете на англ<ийском> языке. Присоедините ее к Вашей коллекции**.

Мне очень жаль было, что не удалось еще раз побывать у Вас. Мне пришлось уехать несколько раньше, чем я думала, и я не смогла преодолеть парижские расстояния, чтобы еще раз навестить друзей. Так и не пришлось проститься с некоторыми друзьями.

У нас жизнь теперь довольно жуткая: англичане мстят нам за поражение, прикрываясь арабами. Науськивают их, вооружают, а врут так бесстыдно, как ни один политик и дипломат еще не позволял себе.

Если выживу, еще приеду в Париж и, надеюсь, Вас увижу***.
С сердечным приветом

Р. Осоргина

АС. Box 10. Folder 3.

* Год устанавливается по содержанию: см. следующее прим.

** Речь идет о рецензии литературного обозревателя иерусалимской газеты "Palestine Post" Olivia Manning на книгу "On a Field Azure" – английский перевод романа Ремизова «В поле блакитном» (см.: Remizov 1946). Рецензент писала, в частности:

Alexei Remizov is one of the few Russian writers of any importance who are still practically unknown in England. It seems a pity that we have had to wait so long for a translation of one of his works, and we can only hope that Miss Scott, who has here done an excellent job of work, will compensate us with the remaining volumes in the "Olya" trilogy (The Palestine Post. 1947. № 6582. December 12. P. 7).

*** Гинцберг-Осоргиной более никогда побывать в Европе не довелось.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Обатнина Е. Р. 2001. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Ремизов А. 1905. По поводу книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности». – Вопросы жизни. № 7. Отд. I. С. 204.
- Ремизов А. 1922. Крашенные рыла. Берлин: Грани.
- Ремизов А. 1926. Лев Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие). – Своими путями. № 12/13. С. 32.
- Ремизов А. 1935. Лев Шестов: 1866–1926. – Новь. № 8. С. 143.
- Ремизов А. М. 2023. Собр. соч. Т. 17: С.П.Р.-Д. Девятикнижие памяти: Кн. I–V. СПб.: ООО «Полиграф».
- Флейшман Л. С. 1977. Из комментариев к «Кукхе»: Конкретор Обезвельволпала. – Slavica Hierosolymitana. Vol. 1 / Ed. by L. Fleishman, O. Ronen, D. Segal. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University. С. 185–193.
- Флейшман Л. 2006. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение.
- Флейшман Л. 2022. Четыре письма А. Ремизова В. Залкинду / Публикация, подготовка текста и примечания Л. Флейшмана. – Русская история и культура в архивах Израиля. Кн. I: От Шолом-Алейхема до Ивана Бунина / Под ред. В. Хазана. Jerusalem: Studio Click. С. 531–534.

- Хазан В. 2004. Из переписки В. А. Залкинда с Б. Ю. и А. Н. Прегель / Вступительная статья, публикация и комментарии В. Хазана. – Вестник Еврейского университета. № 9 (27). С. 367–384.
- Хазан В. 2021. Лев Шестов в Земле обетованной. – Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение. С. 607–651.
- Хазан В. 2023. Переписка Г. Света с Жозефиной и Лидией Пастернак / Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии В. Хазана. – Русская история и культура в архивах Израиля. Кн. III: Леонид Пастернак, Василий Кандинский, Исаак Бабель, Исайя Берлин и другие... / Под ред. В. Хазана. Jerusalem: Studio Click. С. 98–127.
- Хазан В., Ильина Е. 2014. Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. и подготовка текста В. Хазана и Е. Ильиной. Вступительная статья и комментарии В. Хазана. М.: Водолей.
- Freud, S., Eitingon, M. 2004. Sigmund Freud und Max Eitingon: Briefwechsel 1906–1939: <In zwei Bänden> / Hrsg. von M. Schröter. Tübingen: Edition Diskord (Quellen und Abhandlungen zur Geschichte der Psychoanalyse; Schriftenreihe von Luzifer-Amor / Hrsg. von Michael Schröter).
- Khazan, V., Janzen, V. 2021. Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Vol. 1. Part 2: “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936 / Compilation and commentaries by V. Khazan, V. Janzen. Introduction by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. I (2)).
- Khazan, V., Weissblei, G. 2022. “As a Seal upon Thy Heart”: The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha’am / Compilation and commentaries by V. Khazan, G. Weissblei. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. III).
- Remizov, A. 1936. Leyb Shestov: Le-toldot hafilosofia shelo (1866–1936) <Лейб Шестов: К изучению его философии (1866–1936)>. – Ha’arets (Tel Aviv). № 5085. April 3. P. 9 (Hebrew).
- Remizov, A. 1946. On a Field Azure / Translated by Beatrice Scott. London: Lindsay Drummond.

Rolnik, E. 2007. Osei hanefashot: Im Freud le-Eretz Israel, 1918–1948 <Фрейд в Сионе: История психоанализа в еврейской Палестине / Израиле, 1918–1948>. Tel Aviv: Am Oved (*Hebrew*).

REFERENCES

- Fleishman, L. S. “Iz kommentariiev k ‘Kukkhe’: Konkrektor Obezvelvolpala.” In *Slavica Hierosolymitana*. Vol. 1. Edited by L. Fleishman, O. Ronen and D. Segal. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University, 1977. C. 185–93.
- . “Iz perezpiski V. A. Zalkinda s B. Iu. i A. N. Pregel’.” *Vestnik Evreiskogo universiteta* 9 (27) (2004): 367–84.
- . *Ot Pushkina k Pasternaku: Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoi literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
- . “Lev Shestov v Zemle obetovannoi.” In *Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest’ 70-letii N. A. Bogomolova*. Edited by A. Iu. Sergeeva-Kliatis, and M. Iu. Edel’shtein, 607–51. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- . “Chetyre pis’ma A. Remizova V. Zalkindu.” In *Russkaia istoriia i kul’tura v arkhivakh Izrailia*. Vol. 1, *Ot Sholom-Aleikhema do Ivana Bunina*. Edited by V. Khazan, 531–34. Jerusalem: Studio Click, 2022.
- . “Perezpiska G. Sveta s Zhozefinoi i Lidiei Pasternak.” In *Russkaia istoriia i kul’tura v arkhivakh Izrailia*. Vol. 3, *Leonid Pasternak, Vasiliu Kandinskii, Isaak Babel’, Isaiah Berlin i drugie...* Edited by V. Khazan, 98–127. Jerusalem: Studio Click, 2023.
- Freud, S. and M. Eitingon. *Sigmund Freud und Max Eitingon: Briefwechsel 1906–1939*. 2 vols. Edited by M. Schröter. Quellen und Abhandlungen zur Geschichte der Psychoanalyse; Schriftenreihe von Luzifer-Amor. Edited by Michael Schröter. Tübingen: Edition Diskord, 2004.
- Khazan V. and E. Il’ina. *Istselenie dlia neistselimykh: Epistoliarnyi dialog L’va Shestova i Maksa Eitingona*. Edited by V. Khazan, and E. Il’ina. Prefaced and annotated by V. Khazan. Moscow: Vodolei, 2014.
- Khazan, V. and V. Janzen. *Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel*. Pt. 2, “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936. Compilation and commentaries by V. Khazan and V. Janzen. Introduction by V. Khazan. *Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939)*, vol. 1. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021.

- Khazan, V. and G. Weissblei. "As a Seal upon Thy Heart": *The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha'am*. Compilation and commentaries by V. Khazan, G. Weissblei. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. 3. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2022.
- Obatnina, E. R. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001.
- Remizov, A. "Po povodu knigi L. Shestova 'Apofez bespochvennosti'." *Voprosy zhizni* 7, pt. 1 (1905): 204.
- . *Krashenye ryla*. Berlin: Grani, 1922.
- . "Lev Shestov: 1866–1926 (shestidesiatiletie)." *Svoimi putiami* 12/13 (1926): 32.
- . "Lev Shestov: 1866–1926." *Nov'* 8 (1935): 143.
- . "Leyb Shestov: Le-toldot hafilosofia shelo (1866–1936) [Leyb Shestov: Toward the Study of His Philosophy (1866–1936)]." *Ha'aretz* (Tel Aviv). April 3, 1936.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 17, S.P.R.-D. *Deviatknizhie pamiati: Kn. 1–5*. Saint Petersburg: OOO "Poligraf," 2023.
- Remizov, A. *On a Field Azure*. Translated by Beatrice Scott. London: Lindsay Drummond, 1946.
- Rolnik, E. *Osei hanefashot: Im Freud le-Eretz Israel, 1918–1948* [*Freud in Zion: The History of Psychoanalysis in Jewish Palestine / Israel, 1918–1948*]. Tel Aviv: Am Oved, 2007.

УГОЛ ОБИТАНИЯ: ПИСЬМА ИЗ OSTLAND'А В OSTLAND: 1941–1944 гг.

Б. А. Равдин

(Рига)

Бенджамин Музаккио

(Принстон / Рига)

Повседневный быт оккупированных территорий в годы Второй мировой войны – достаточно распространенный предмет исследований. Первоначально такого рода работой занимались спецслужбы, позднее – лица, причастные к историческим, социологическим, юридическим и прочим гуманитарным наблюдениям¹. При этом не оставались в стороне письменные источники личного происхождения – дневники, письма, воспоминания, отчасти – судебно-следственные производства. Отметим, что среди такого рода письменных источников не самыми распространенными являются письма, отправленные легальным путем из одной точки оккупированной Германией территории СССР в другую, в данном случае: из Латвии в Латвию, под германским владычеством входившей в рейхскомиссариат, именовавшийся Ostland'ом. В нашем распоряжении находится около 50 писем такого рода на русском, латышском и немецком языках, что в какой-то степени отражает этническую палитру Латвии тех лет.

Представим корреспондентов. Портреты отправителей предлагается реконструировать из их писем (формальные сведения об адресантах – чуть ниже). Получатель (только ли получатель?):

¹ По Латвии см., напр.: Evarts, Pavlovičs 2016. Судя по этой работе и другим источникам (в т. ч. – публикуемым ниже письмам), параметры жизни населения оккупированной Латвии (о еврейском и цыганском сообществах здесь речи нет) зачастую были существенно выше условий существования жителей оккупированных территорий РСФСР (следует отметить, что и требования к жизни у населения балтийских стран были несколько выше среднероссийских).

Геннадий Иванович Тупицын (род. 1885, Ростов-на-Дону) – выпускник Московского университета по естественно-математическому факультету (1909) и Петровской сельскохозяйственной академии (1912), вольнослушатель Цюрихского университета и политехникума (1905–1906), преподаватель Московской практической академии коммерческих наук и других учебных заведений. Осенью 1917 г. Г. Т. познакомился со своей будущей женой, студенткой университета А. Шанявского Алисой-Гертрудой Крастынь (род. 1895, Альт-Шваненбург / Gulbene, Лифляндская губ.). В браке Геннадия Ивановича с Алисой Яновной родилось трое дочерей, в их именах отразились интересы Тупицына – географа, естествознателя, эсперантиста: Согдиана-Эсперанта-Вероника (она же – Диана, Яечка, Янци, Янцис, Янцит; род. 1918, Москва), Ливия-Латвия-Дуа (она же – Виви; род. 1920, Рига) и Триа-Иманта-Хлорофилла (она же – Мими, Тришка, Тришкин кафтан, Пипин Короткий; род. 1921, Рига). Весной 1919 г. Г. Т. оставил Советскую Россию и воссоединился с женой в Латвии, где стал преподавать в рижских школах естественные науки и географию. В 1935 г. он был отправлен на пенсию, но вплоть до 1940 г. служил по разным внешкольным ведомствам, преимущественно за пределами Риги, чем дал ход семейной переписке. С оккупацией и инкорпорацией Латвии в состав СССР (1940 г.) Г. Т. был снова призван к преподаванию, а также вел на латвийском радиophone уроки русского языка. В годы немецкой оккупации Г. Т. учительствовал в русской гимназии в Риге, а его жена и дочери в поисках тихого угла и в страхе перед исчезновением еды и тепла кочевали из города в провинцию, на хутора, откуда продолжили уже сложившуюся традицию переписки с отцом и мужем. Писали Г. Т. и его ученики, друзья, коллеги... В архивном собрании Г. Т. сохранились письма с середины июля 1941 г. по начало октября 1944 г., в основном адресованные ему же, небольшая часть корреспонденции предназначалась его жене и детям.

Предлагаем вниманию читателей выборку из писем в адрес Г. Т. за 1941 и 1944 гг.; по техническим соображениям опускаем письма за 1942–1943 гг. Ответные письма Г. Т. не обнаружены, но, естественно, подспудно присутствуют в переписке.

Как складывается тематика и поэтика семейных, дружеских писем в специфических условиях оккупации, тюремно-лагерного заключения и т. п. обстоятельствах? Выбор между реальностью и идиллией, промежуточные варианты... Обязательность шутивно-лирических пассажей, слов-сигналов, домашней семантики? Какова в письмах «издалека» функция слов, связанных с фундаментальными понятиями еды, жилища, тепла, физического и психического здоровья? Как воспринимаются письма из закрытого пространства в пространствах разного типа? И т. д.

На фоне агрессивно-сентиментального, пафосно-восклицательного языка оккупационной печати – грамматические ошибки участника почтовой переключки, смешение кириллицы с латиницей, неожиданные просторечия, кальки с латышского, заблудившиеся точки после порядковых числительных и т. п. «лапсусы» – все эти авторские особенности в условиях, близких к «окончательному решению» всех вопросов, полагаем, вполне могли восприниматься и как непреднамеренная оппозиция языку барабана и фальшивящей скрипки.

Из публикуемых ниже текстов может возникнуть представление об абсолютной аполитичности авторов и персонажей писем. А пусть так, даже если это не так.

Война – редкое слово в предложенных письмах, частотность его – минимальна. Но на ударных позициях без этой «темы» не обойтись. Уже в первом письме находим: «У меня много друзей в этой суматохе пропало. Убиты, вероятно». И заканчивается сохранившийся письменный блок тем же – запиской человека, которому суждено вскоре погибнуть.

Письма, как правило, печатаются с сохранением авторской орфографии и «орфографии» (выделено подчеркиванием).

Значительная часть посланий представлена на открытках, авторам которых из экономии места было не до абзацев. В ряде случаев абзацы выделены составителями.

За исключением особо оговоренных случаев, перевод всюду дан с латышского языка.

В примечаниях и комментариях публикаторы старались придерживаться источников, близких ко времени создания приложенных текстов.

Оригиналы писем хранятся в библиотеке Латвийского общества русской культуры (ЛОРК), Рига.

Благодарим Эмму Секундо за помощь в работе.

1941

№ 1. ВАЛЕНТИНА АРЕФЬЕВА²

Ļ. с. G. Tupicina k-gam

Volgundes ielā 10

Rīgā

<Rīga>

16. VII. 41.³

² Валентина Корнильевна Арефьева (1909, Россия – не ранее 1945, Рига?), ученица Г. Т., выпускница Ломоносовской гимназии (она же: Рижская городская русская средняя школа).

³ В событиях Второй мировой войны территория Латвии была полностью захвачена Германией к 6 июля 1941 г., Рига была занята 1 июля. Под контроль оккупационных инстанций немедленно были взяты незабвенные ПТТ (почта-телефон-телеграф). Уже к 6 июля отдельные почтовые отделения на территории Латвии возобновили свою работу (см. об этом: Pakāpeniski atjaunojas pasta satiksmē. – Tēvija (Rīga). 1941. № 6. 7. jūlijs. L. 6). На первых порах на оккупированной территории стран Прибалтики оставались в ходу почтовые открытки и конверты советского образца с небрежно перечеркнутым гербом (вариант: поверх советского герба разными способами наносился знак свастики), разных номиналов марки советского образца (работница, крестьянин, летчик и др.), советские штемпели гашения, использовались внутренние бланки «Союзпечати». Знаки почтовой оплаты противоборствующей державы принимались до 20 сентября 1941 г. Некоторое время те же марки (наряду с марками независимой Латвии) продолжали работать и далее, но уже с надпечаткой: Latvija 1941 I VII – т. е. с указанием даты захвата Риги (а не всей Латвии, как можно было понять из глухого оттиска). (См. по теме: Новые почтовые знаки. – Слово (Рига). 1941. № 3. 17 сентября. С. 2; Новые почтовые тарифы и марки. – Там же. 1941. № 5. 1 октября. С. 2.) Использование марок с надпечатками – давняя традиция: почта не успевает за военными событиями. В дальнейшем на территории Латвии использовались марки германской почты с надпечаткой „Ostland“, обычно с профилем Гитлера, всевозможных цветов и оттенков (в обиходе среди филателистов: «зеленый Гитлер», «розовый Гитлер», «пурпурный

Дорогой Геннадий Иванович!

Спешу Вам сказать, что тетя⁴ не сможет выполнить Вашу просьбу, т. к. с субботы 12-ого ее уволили со службы и, кроме всего, она лежит больная с т° 38,6. Пила холодную воду и захворала. Трудные дни у нее сейчас. Бедует – найдет ли службу, дадут ли и дальше пенсию⁵. Еще ко всему и болезнь приключилась. У нас дома вообще очень неосторожны – сделают сквозняк и ходят, а потом болеют. У меня тоже руки так болят, что еле пишу. Уж не сердитесь, пожалуйста, за почерк и огрызок бумаги. Трудно, очень трудно руками шевелить.

Как-то Ваши домашние, – может, уже все вместе! У меня много друзей в этой суматохе пропало. Убиты, вероятно. Даже двое моих закадычных друзей – ребяташки. Так жаль!

Посылаю Вам интересные научные достижения – знаю, что порадуетесь. Можно сделать интересный прогноз будущего направления науки⁶.

Гитлер»). Аналогичная ситуация с марками складывалась в Литве, Эстонии. Территорию РСФСР государственная почта Германии и ее ответвления на оккупированных территориях не обслуживала.

⁴ ...тетя... – Елизавета Иосифовна (фамилия неизвестна). Ее увольнение в оккупированной Риге не намек ли на массовые карательные акции в отношении лиц коммунистической ориентации? Впрочем, наша неоднократная попытка прочесть отдельные участки текста как тайнопись – результата не дала: хлеб в письмах – это хлеб, книга – книга, скрипка – всего лишь скрипка.

⁵ ...дадут ли и дальше пенсию. – Сведения по этой проблеме (она же – определение характера оккупации в глазах населения) появились в печати в конце августа 1941 г. О предстоящей выплате пенсий см. объявление от имени Пенсионного отдела г. Риги (Rīgas pilsētas pensiju daļa. – Tēvija. 1941. № 53. 30. augusts. L. 6). В Риге выплата пенсий началась 1 сентября 1941 г. по предъявлению паспорта и пенсионного удостоверения, надо полагать – и советского образца. Тогда же возобновилось пенсионное довольствие лицам, в Советской Латвии 1940–1941 гг. лишенным права на соответствующее обеспечение (см. о последнем: Kam tiesībā saņemt pensiju. – Tālaviētis. 1941. № 38. 11. oktobris. L. 3). О суммах пенсионных выплат (не ниже советских!) см.: Bekanntmachung über die Regelung der Alters- und Invalidenrenten, der Kriegsbeschädigten- und Beamtenpensionen im Ostland. – Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. 1941. № 1. S. 86–88. Пенсии не выплачивались еврейскому населению, членам коммунистической партии и т. н. большевистским пособникам, бывшим красноармейцам, членам семей перечисленных выше категорий (см. об этом: Atriņķa vecākais A. Jansons. Visām Talsu atriņķa pagastu un pilsētu valdēm. – Talsu Vārds. 1941. № 7. 21. augusts. L. 2).

⁶ ...прогноз... науки. – Упомянутые выкладки в отложившемся конверте не сохранились.

Дядя мой⁷ еще служит пока. А дальше – как уж жизнь сложится. Может быть, придется сказать словами Сократа – «все свое ношу с собой»⁸ и выйти на перекресток. Про себя могу сказать, что не боюсь тяжестей, т. к. моя недолгая жизнь была сугубо тяжела и этим самым закалила дух ко всяким трудностям. Жаль тех, кто слаб характером, – но «Судьба Великая – кто Тебя минует, кто Тебя избежит» (Гераклит)⁹. Желая силу духа пребороть все трудное.

Привет от наших всех¹⁰.

С глубоким уважением и любовью.

Ваша В. Арефьева.

№ 2. АЛИСА ТУПИЦЫНА

A. g. G. Tupicina kngam
Volgundes iela № 10, dz. 2
Zasulaukā. Rīgā

A. Tupicina
Pasta stacija “Cirsti”, caur Piebalgu
“Ozolkalnā”

20.VII.41.

Дорогой папашка, как Ты поживаешь и как себе чувствуешь на новом месте работы?¹¹ Не умер ли Ты с голоду, и как Твое здоровье вообще? Громадное спасибо за вкусные посылки, они для нас были прямо спасением.

⁷ *Дядя мой...* – Сведения отсутствуют.

⁸ *...словами Сократа...* – Традиционно фраза (Omnia mea mecum porto) приписывается Цицерону или Бианту Приентскому.

⁹ *Судьба... избежит (Гераклит)*. – Ср.: «Смерти никто не избежит» (Mortem effugere nemo potest), выражение приписывается Цицерону.

¹⁰ *Привет от наших всех*. – Вероятно, имеются в виду одноклассники В. Арефьевой, ученики Г. Т.

¹¹ *...на новом месте работы...* – Согласно Записной книжке Г. Т., в июле – ноябре 1941 г. он служил временно исполняющим обязанности библиотекаря в одной из рижских библиотек.

Г-жа Микелсон¹² только на след<ующей> неделе поедет в Ригу, т. к. до сих пор болела сильной рвотой и поносом. Тем же заболела и Янци – теперь обеим уже лучше – вероятно, перегрелись на солнце. С Мими хуже – t° стоит 39°-38°. Янци думает, что у нее на этой стороне тоже мокрый плеврит. Постараемся здесь достать доктора, хотя это очень трудно. Когда Янци попадет в Ригу, она может посоветоваться с д<окто>р<ом> Подишь¹³; что делать, пока кладем компрессы и мажем jodvazogen'ом.

Если Виви свободна, то были бы очень рады, если бы она приехала, она может быть может взять с собой велосипед, а вещи пускай оставит в Ērgļi на хранение, только пускай едет медленно, с передышкой, а то заболит как Янци. Сейчас поезд в Ērgļi не идет, мож<но> до Jaunpiebalga¹⁴ ехать, это от нас 27 km.

Попроси у А. П. Рудиной¹⁵ еще немного рису, она его как-то предлагала.

Айночка¹⁶ здорова и веселая. Целует всех.

Целую крепко.

Мамашка.

¹² Г-жа Микелсон... – Микельсон (Miķelsone) – хозяйка усадьбы, где в первые месяцы оккупации Латвии Германией оказалась часть семьи Тупицыных.

¹³ ...с д<окто>р<ом> Подишь... – Карлис Подишьш (Kārlis Podiņš), врач: внутренние, сердечные и легочные болезни, рентгенологический кабинет.

¹⁴ Piebalga, Ērgļi, Jaunpiebalga – населенные пункты в Латвии.

¹⁵ Анна Павловна Рудина – жена Андрея Карловича Рудина, совместно с С. Я. Эфроном издававшего в Праге журнал «Своими путями»; в Риге Рудин заведовал русским отделом книготорговой фирмы “Valters un Rapa”, сотрудничал в русской и латышской печати. С оккупацией Латвии был арестован и в 1941 г. расстрелян советскими карательными органами.

¹⁶ Айночка, Аечка – Айна Метра (Aina Mētra; род. 1940, Рига), дочь Согдианы Тупицыной (Метры), внучка Г. Т.

№ 3. ПЕТР ПЛАТИШЕНСКИЙ¹⁷

A. god. G. Turpicina kgm

Volgundes ielā 10, dz. 2

Rīgā

<Rīga>

20. VII. 1941 г.

Рига.

Многоуважаемый Геннадий Иванович, простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Мне хотелось выяснить положение и сообщить Вам что-нибудь определенное.

Но, увы, положение не выясняется и не определяется. Пока еще нельзя сказать ничего определенного о будущем нашей школы и о составе преподавателей.

Видеть Вас в нашей школе я был бы очень рад, и если для этого представится какая-нибудь возможность, все меры будут приняты.

Немедленно сообщу Вам и о всяких других возможностях, как только что-нибудь узнаю.

Я слышал, что предполагается русские школы значительно реорганизовать и число их уменьшить, но подробности никому не известны¹⁸.

¹⁷ Петр Георгиевич Платишенский (2 августа 1887, Новоржев, Псковская губ. – 12 июля 1954, Рига) – межвоенную эпоху учитель естествознания в ряде русских школ Риги и Даугавпилса, заведующий Рижской 1-й русской основной школой. На 1945 г. – учитель биологии одной из рижских школ.

¹⁸ В латышских школах к занятиям приступили осенью 1941 г. В частности, в основной (шестиклассной) латышской школе занятия начались 15 октября (см. об этом: Rīt mācību sākums latviešu pamatskolās. – Tēvija. 1941. № 91. 14. oktobris. L. 2). Латышские гимназии открылись месяцем позже (см. об этом: Kūlis P., vidusskolu direktors. 19. Novembri> sāks mācības ģimnāzijas. – Tēvija. 1941. № 114. 11. novembris. L. 1. Здесь же о плате за обучение в гимназии и необязательности гимназической формы). В заметках “Krievu pamatskolas Rīgā” (Tēvija. 1941. № 130. 29. novembris. L. 3) и “Krievu vakara skolas Rīgā” (Tēvija. 1941. № 114. 11. novembris. L. 3) говорилось о предполагаемом открытии в Риге 14 русских начальных школ, в т. ч. двух вечерних; в Риге допускалось открытие русских школ с 8 декабря, в Даугавпилсе – с 1 числа того же месяца (см. об этом: Bekanntmachung Vom 4. Dezember 1941. – Amtsblatt des Generalkommissars in Riga. 1941. № 1. S. 230; Bekanntmachung. – Daugavas Vēstnesis. 1941. № 46.

Коллеги, с которыми мне приходилось говорить, знают столько же, сколько и я.

Итак, приходится терпеливо ожидать новостей.

Буду рад оказаться чем-либо полезным.

Уважающий Вас

П. Платишский.

№ 4. ЛИВИЯ ТУПИЦЫНА

A. g. G. Tupicina kungam

Volgundes ielā 10, dz. 2

Rīgā

<Почтовый штемпель: 5. VIII. 41. Vecpiebalga>

Милый папашка. И я хочу Тебе написать о том и сем. Так как место мне больше не оставили на другой открытке, то начинаю новую. Итак, я пришла с моим чемоданом к г-же Микелсон. Мы с ней отдохнули до 4 часов и тогда отправились ловить грузавик здешнего лавочника где-то на Елизаветинской улице <Риги? Елгавы? – Б. Р., Б. М.>, там просидели до 5.50 и наконец двинулись в путь. Сидели на мешках с сахаром, на жбанах с бензином и т. п. Нас было 27 человек и 3 то<нны> сахару, так что груз вообще ничего себе. Было весело, так как пели, ели клюкву и конфеты. Теперь, я, значит, тут, среди прекрасной природы и таких же людей. Больше всего нас веселит Айночка, которая издает какие-то таинственные

25. novembris. L. 2). О начале работы русских гимназий в Латвии можно судить по газетному объявлению (требуются учителя), поданному от имени Русской гимназии в Абрене (Пыталово) (см. об этом: Tēvija. 1942. № 6. 8. janvāris. L. 4). По официальным сведениям, в 1941/42 уч. г. в русской основной школе Латвии числился 25 871 ученик, в 1942/43 уч. г. – 29 009 учеников. В четырех русских гимназиях Латвии в 1941/42 уч. г. – 1 142 ученика, в 1942/43 уч. г. – 1 240 учеников (см. об этом: Statistische Berichte 1943: 205, 209). Отметим, что, к радости некоторых нерадивых школьников, в новых геополитических условиях школьные переэкзаменовки по географии, истории, русскому языку и общественно-политическому воспитанию отменялись (см. об этом: Tēvija. 1941. № 70. 19. septembris. L. 9). Подробнее о школе в Латвии и на некоторых других оккупированных территориях тогдашнего СССР см.: Равдин [2008]: s. p.

звуки и бегают, почти что не касаясь пола. Все, что ей нравится, она называет «мамам», наверно из-за любви к мамашке. Айночка вам все<м> шлет сердечный привет и ждет вас в гости.

Мими теперь все поправляется. То нормальная, аппетит тоже ничего себе, только беда, что Мими не совсем равнодушна к блохам: возится с ними день и ночь и даже проектирует их вместо крыс и котров класть в формалин, чтобы подробнее исследовать.

Теперь просьба: прислать клеенку для Мими, соску для Айночки и деньги для мамашки.

Как же вы с Эвальдом¹⁹ насчет еды?

Всего хорошего.

Виви.

Mīļo Jancīt, manas kleitas jakīte atradusies Mimes gultas kājgalī²⁰.

Bravo!!! Visu labu!

№ 5. ЛИВИЯ ТУПИЦЫНА

A. g. G. Tupicina kngam

Volgundes ielā № 10, dz. 2

Zasulaukā

Rīgā

<Почтовый штемпель: Ērgļi>

20.VIII. 41.

Милый папашка. Не понимаю, почему наши и также ваши письма приходят не в одиночку, но по 2, по 3. Последнюю получили открытку от вас и ваших редких гостей. Спасибо! Было бы конечно очень интересно повидаться с Жоржиком²¹ и послушать о том о сем.

¹⁹ Эвальд Леонид Слауцитайс-Метра (Ēvalds Leonīds Slaucītājs-Mētra, он же: Ēvalds Mētra; род. 2 февраля 1906, Альт-Шваненбург / Gulbene, Лифляндская губ.), муж Согдианы Тупицной, отец двух дочерей – Айны и Илзе (род. 1943).

²⁰ *Mīļo Jancīt... kājgalī.* – Дорогая Янцит, жакетка к моему платью нашлась в изножье кровати Мими.

²¹ Жоржик – вероятно, Юрий Крастиņш (Jūris Krastiņš; см. ниже его письмо от 23 декабря 1941 г.).

Как же вы все поживаете? Ты, бедняжка, наверное, совсем исхудал со своей библиотекой. Главная беда, что обеда нет. Или Ты не хочешь выделиться со слишком большим объемом рядом с мамашкой?

Кстати, когда будешь нам присылать пакетик с одеждой, то, пожалуйста, брибавьте мамашке сушеного хлеба, Айночке овсянку, сахар, сапожки (если есть калоши, а то ей в дождь трудно до хлева добраться). Потом Мими – calcium gluconicum (в ящике ее письменного стола) и мне к пальто – мою бекешку и перчатки из верхнего ящика комода.

Вот уже неделя, как я лежу с поднятой ногой в кровати и, кажется, скоро смогу ходить. Какая козявка меня укусила, – не знаю. Ногy не больно, но напухает и синеет, когда опускаешь ее вниз. Наверное, я уже буду прыгать на обе ноги, когда вы получите эту открытку.

У нас тут очень хорошо, так что в Ригу не хочется ехать. Съестного тут сколько хочешь, а в Риге, как слышно, швах. На днях хозяин нас даже угостил копченым угрем. Разве не луксус? Кроме того, часто получаем рыбу, грибы и ягоду.

Не хочется вас больше соблазнять.

Не говорил ли Ты, папашка, себе насчет места в завоеванных советских областях, вроде землемера и т. п. Тут один рижанин нам рассказывал, что его другу предлагали такое место. А ты ведь строил желез<ую> дорогу в Эргли!

Очень целуем Вас всех.

Виви.

№ 8. ЛИВИЯ И ТРИА ТУПИЦЫНЫ

27. VIII. 41.

Милый папухин, большое спасибо вам за пакеты. Теперь уж мы можем жить без всяких забот. Жаль только, что бутылка со спиртом треснула и так помочила часть овсянки и конфеты, но мы их слопали со всем привкусом. Г-дин Miķeļson говорит: “Kā gan tagad konfektes

pēs darvas garšo!”²². Мы ему рассказали, что это, мол, не darva, а спирт. Это, я думаю, почтальон от большого усердия прижал пакет поближе к сердцу и так облился денатуратом.

Как же Ты это, брат, так слег? Наверно, уж, по тоске о нас. Ты в постели тосковал (судя по твоим письмам), как Дон-Кихот по Дульцинеи на одинокой скале. Надеюсь, что Ты все-таки не истощал, как этот знаменитый рыцарь. Ты все-таки лучше сходи к <окто>р<у> Подию, а то может быть у Тебя, правда, что-нибудь с легкими.

Живем мы тут по-старому, превосходно. Питаемся рыбой, раками, грибами и ягодами, не говоря о молочных продуктов. Вообще мы часто с Мими перед обедом и после и ужином закусываем.

Нога моя немножко пухленькая и фиолетовая, но не болит, и так я расхаживаю себе приспокойно. Была за малиной, которой тут очень и очень много. Заварили две бутылки. Сегодня собираемся всей семьей идти за черникой. Твоя внучка ее здорово уплетает и размазывает по всему личику. Теперь она уже совсем смело ходит, когда хочет.

Папашка, Ты, пожалуйста, приглядывайся для меня какой-нибудь службы. Я об этом писала и тете Эльзы²³, думаю, может быть, в провинции потребуется «знаток» немецкого языка. Так что выздоравливай скорей.

Твоя Виви.

Ну как, брат Пушкин, всё же «так как-то всё»?²⁴

Не иди по моим следам!

Как жаль, что ты не здесь – как вкусно! То рыбы, то ягоды, то раки, я так и допяюсь. Чувствую себя превосходно, но я только очень ленивая – я ем и сплю! Аечка меня утром будит: тыкает пальчиком мне в глас и кричит: ба, бо, ма, мя! Надо вставать!

²² *Kā gan... garšo!* – Как это нынче конфеты дегтем пахнут!

²³ *...и тете Эльзы...* – Элизабета Эльза Иоганна Крастиня (Elizabete Elza Johanna Krastiņa; 18 августа 1884, Ней-Шваненбург, Лифляндская губ. – 1960, Ольденбург, ФРГ) – сестра А. Тупициной, учительница гимназии в Алуксне; выехала из Латвии в Германию в 1944 г. См. о ней: Arolsen Archives: International Center on Nazi Persecution. – «Tupicina, Livija – 0006 (79340732)» (<https://digitalcollections.its-arolsen.org/03020101/name/pageview/2585529/2651971>).

²⁴ *Ну как... «так как-то всё»? – См. пьесу Н. В. Гоголя «Ревизор».*

Когда она хочет на руки, она говорит: «па, па! (это «опа»).

Целует вас всех *ваша Мими*.

№ 11. ТРИА ТУПИЦЫНА

9 сент. 41 г.

Дорогой папашка! Я надеюсь, что Ты теперь уже совсем здоров. Как Ты себя чувствуешь? Ты небойся, что Тебя инногда колит – это ещё долго будит. А зивать Ты и не думай – я и досихпор нимагу. Я не знаю как у Тебя, но мне горчичники очень помогли.

Я непонимаю, что будит с Академии²⁵ – немцы говорят, что вышшая школа всетаки в этом году будит²⁶.

Как будишь из письма Янцы, Твоя внучка выросла уже совсем большая – неузнает и своего дедушка.

Мама думает 20. в Ригу переехать. Очень уже холодная комната. Мы прямо с криком брасаемся утром из краватей.

Довольно ли вы с карточками?²⁷ Сколько стоят у вас яйца, у

²⁵ Имеется в виду Сельскохозяйственная академия в Елгаве, где училась Триа Тупицына.

²⁶ Накануне оккупации Латвии Германией высшая школа Латвии была представлена Университетом, Сельскохозяйственной академией, Академией художеств и Консерваторией. С ноября 1941 г. со множеством ограничений в разных областях университетская жизнь в усеченном виде постепенно возвращалась в Латвию и замирала там же. На медицинском факультете Рижского университета (ранее: Латвийский университет), где учились две дочери Г. Т., занятия для первокурсников планировалось начать 8 декабря 1941 г. (см. об этом: Jaunie medicīnas studenti. – Tēvija. 1941. № 136. 6. decembris. L. 6).

²⁷ Довольно... карточками? – 1 сентября 1941 г. на территории Латвии была введена карточная система на некоторые продовольственные продукты и товары, учреждены заборные книжки (см. об этом: Noteikumi par argādes grāmatīņām. – Tēvija. 1941. № 44. 20. augusts. L. 2; С этого дня продажа мясных продуктов и сливочного масла – по карточкам. – Слово. 1941. № 1. 3 сентября. С. 2). Помимо отмеченных выше продуктов, карточной системе подлежали и некоторые другие съестные припасы (напр., сахар). Существовала система твердых цен на внекарточные продукты (овощи, фрукты, ягоды, грибы) и многочисленные товары (включая похоронный инвентарь) и услуги; в свободной продаже отсутствовали одежда и обувь (см. по теме: Рыночные цены. – Слово. 1941. № 1. 3 сентября. С. 2; Обувь по ордерам и без ордеров. – Слово. № 3. 17 сентября. С. 2).

нас 50 коп.²⁸ Здес все ждут, когда додут сахар²⁹ и мыло³⁰ – никак не дождутся. Цены наверно ужасные будут. Здесь говорят, что масло будит стоит 23 рубл.³¹

Пиши скоро.

Целует Тебя Яечка, мама, Виви и Я.

Твой агроном.

²⁸ ...50 коп. – На оккупированной территории Латвии наряду с оккупационными марками некоторое время платежную силу сохраняли и советские денежные знаки из расчета 10 руб. к рейхсмарке.

²⁹ ...сахар... – В Риге сахар (400 гр. на купон за первую половину сентября) стали выдавать с 5 сентября (см. об этом: Ķikuts A. Tirdzniecības direkcijas direktors. Cukura deva Rīgas pilsēta no 1. līdz 15.09. – Tēvija. 1941. № 57. 4. septembris. L. 2). За вторую половину сентября сахар предложили с опозданием, только в начале октября, причем – на 100 гр. меньше предыдущей порции, что не могло не вызвать у населения т. н. сожаления. Но еще в середине лета того же года, менее чем через две недели после полной оккупации Латвии, ее бывшие граждане в связи с наступлением «безмятежного» сезона варки варенья получили право на разовое приобретение двух килограммов сахара, о чем в паспорт (в том числе и советского образца – не всем полновозрастным гражданам Латвийской ССР успели его выдать к началу войны) должна была быть внесена соответствующая помета (см. об этом: Cukurs ievārijumiem. – Tēvija. 1941. № 18. 21. jūlijs. L. 1; Cukura izsniegšana ievārijuma vajadzībām pagarināta. – Tēvija. 1941. № 38. 18. augusts. L. 1). Из получателей допайка исключалось еврейское население (в стандартной ситуации допущенное к половинной норме продуктов на свою карточку принципиально желтого цвета); при этом возникала очередная неопределенность с караимами, чья расовая принадлежность длительное время находилась в подвешенном состоянии (см. по теме: Vai jums ir cukurs ievārijumiem? Pēkšņā cukura vajadzība. Kas ir karaīmi? – Tēvija. 1941. № 21. 24. jūlijs. L. 7).

³⁰ ...когда додут... мыло... – Исчезновение мыла – одна из известных примет приближающихся или наступивших «перемен». Уже в начале августа 1941 г. газеты Латвии предупреждали население страны о необходимости задуматься над поисками заменителей моющих средств (о первой выдаче мыла см.: Ķikuts A., tirdzniecības direktors. Noteiktas ziepju devas. – Tēvija. 1941. № 73. 23. septembris. L. 2). По этой ставке можно было получить кусок ядрового мыла весом ок. 100 гр., или мыло “Vienība” («Единство» – отличное название для мыла эпохи военного противостояния) – весом около 80 гр., или пакет стирального порошка весом в 250 гр. Для занятых на работах, связанных с повышенным загрязнением одежды и тела, нормы выдачи мыла повышались.

³¹ Речь идет о т. н. спекулятивных ценах. В последней декаде августа 1941 г. максимально высокая цена на масло домашней выделки не должна была превышать 6,75 руб. (см. об этом: Mājās gatavotam sviestam nedrīkst paaugstināt cenu. – Bauskas Vēstnesis. 1941. № 8. 22. augusts. L. 4).

№ 14. ТРИА ТУПИЦЫНА

Rīgā. Volgundes iela 10, dz. 2.

Gennadijam Tupicinam

<Почтовый штемпель: Alūksne>

2. окт. 41.

Дорогой папашка!

Случайно нашла Твою карточку и сейчас воспользуюсь ней. Как Ты поживаешь? Что Вы все делаете и кушаете. Уехала ли Виви в Лиелварде? У нас пол дня всегда уходит в кухню.

Здесь можно все получить – только белого хлеба и сметаны нету. У госп<одина> Констант<а> еще есть красная смородина – мы варили кисель и, так, сырую кушали. Вчера я с одной дамы была здесь само в лесу за грибами – одну корзину получили.

Я тети Елзы все двери вымыла, а то на них все 10 палца можно было сошитать. Тебя кланейца очень тетя Ельза и она очень сожалеет, что ты так болен. Тепер у т<ети> Е<льзы> уже 5 ученика по неметском языке – она берет 50 феннинга за час³².

Пожалуйста, пришли при случая книгу Рудина³³ – по его примеру и я хочу преподовать неметский язык. Если и какой-нибудь неметский словарь есть, то мне бы пригодился. Эти ученики хотят заниматься каждый день – можно хорошо зарабатывать.

Сегодня мы на рынке купили клюкву по 1.50 рубля литр – 10 литр для нас. Если госп<ожа> Гравис хочит – пускай она пришлет нам денег – у т<ети> Елзы нету – она даже за сентябр не получила жалование.

³² Для сравнения приведем по Записной книжке Г. Т. плату за его частные уроки по химии, географии, немецкому и русскому языкам осенью 1943 г. (попутно все же удивимся тому, что и в условиях оккупации сохранилось такое явление, как частные уроки по химии и географии): 12 октября за 3 урока – 15 марок, 6 ноября за 13 уроков – 52 марки, 27 ноября за 5 уроков – 25 марок. Как видим, рижские цены 1943 г. существенно отличались от провинциальных (правда, за 1941 г.). Впрочем, ср. натуральную плату за уроки в письмах Л. Т. за 15 и 26 ноября 1941 г.

³³ ...книгу Рудина... – Имеется в виду: Кауфманис, Рудин 1939 (самоучитель выходил несколькими изданиями) или: Кауфманис, Рудин 1940.

Вчера была ванье – чистая, как ангел.
Целует Тебя *Мими*.

№ 15. ТРИА ТУПИЦЫНА

A. g. G. Turicina k-gam
Biķernieku sanatorijā. Istaba I
Rīgā

T. Turicina
Alūksnē
Jāņkalna ielā 25

15. X. 41.

Дорогой папашка!

Наконец-то сегодня получила от Тебя какое-нибудь извещение. У меня все время бывают такие паршивые сны – что я уже думала, что и Тебя хуже. Напиши мне, как Ты попал в Битерниеки³⁴? Надеюсь, что здесь Ты все-таки скорее выздоровишь, чем дома – и знакомые там, так как и скучно небудит.

Мы живем по-старому, преподоем неметский язык – у меня уже 1 учиница (нечего не смыслит) и варим обед.

С деньгами у нас теперь хорошо – т<етя> Э<льза> получила жалованье, так что все в порядке. Плотят нам с продуктами – картошка, мука, может быть и мыло, мясо. Другие плотят и денгами.

Тетя Эльза меня очень выручила – я запломбировала 4 зуба.

Я себе сшила из т<ети> Э<льзиной> старой подкладке красивую блузку.

Знаешь, папик, Ты только непродавай рояль – у меня ведь есть еще 10 золотых рублей – может быть эти можно продать – спроси Андрея Федоровича³⁵, сколько можно было бы за них получить.

³⁴ ...*Битерниеки*... – Biķernieki, санаторий в предместье Риги.

³⁵ ...*спроси Андрея Федоровича*... – Вероятно: Андрей Федорович Булатов (1882, Тифлис – 1955, Рига), коллега Г. Т., учитель физики.

Сегодня я получила и свои карточки³⁶ из Риги – ужасно дорого стоит заказное письмо³⁷. Сын нашего хозяина поехал вчера в Ригу. Я дала ему письмо для Вас – он обещал Вам занести и взять мои теплые вещи (здесь уже большой снег). Впрочем, я на один день и сама могу в Ригу поехать – здесь бирут немцы в закрытой машине.

Привет от т<ети> Э<льзы>.

Пиши опять.

Целую.

Мими.

№ 20. ЛИВИЯ ТУПИЦЫНА, АУСМА КАЛЕЙС³⁸

A. g. G Tupicina k-gam

Volgundes ielā 10-2

Rīgā

<Почтовый штемпель: Lielvārde, Latvija>

6. XI. 41.

Милый папашка.

Итак, я опять по Тебе соскучилась, так что решила Тебе кое о чем написать.

От мамашки узнала, что Ты недавно потерял 2 ½ lt воды. Удивительно, от куда она берется, Ты ведь не пьяница. Какая-же она была: серозная или серофибринозная? Как Ты себя теперь чувствуешь после такой большой потери? Появился ли у Тебя какой нибудь новый сосед и кто Тебя за это время навещал? Разсматриваешь ли Ты все еще Аечкины фотографии и что нового нашел Ты еще в них? Сколько же Ты теперь вешишь? Не околел ли Ты в этакий холод? Сколько у вас в комнате теперь градусов? И сколько в Твоей душе тепла?

³⁶ ...карточки... – Продуктовые карточки.

³⁷ Согласно временному почтовому тарифу от 1 октября 1941 г., стоимость заказного отправления – 30 пфеннингов (открытка – 6 пф., письмо до 20 г. – 12 пф.). См. об этом: С сегодняшнего дня – новые почтовые тарифы и марки. – Слово. 1941. № 5. 1 октября. С. 2.

³⁸ Аусма, Асите Калейс (Ausma, Asite Kalējs) – дочь хозяина хутора.

Пока что не могу придумать, что еще я о Тебе хотела поспрашивать, так что расскажу кое что о нас.

Жизнь у нас, как мамашка писала, совсем как в другом мире, то есть у нас пока изобилие всего съестного. Теленка и ягненка на одной ножке повесили, так что лопаем вовсю. В саду еще не убрана капуста, так что белеется из-под снега, а так со всем покончили. Вчера отпраздновали “kulšana”³⁹. Долго мы все ждали этого дня, чтобы и коровушкам смолотить чего нибудь жевательного, ибо картошку высшая власть совсем запретила давать⁴⁰.

Мы с Аусмой, конечно, больше всех радовались, ведь весело в такой пыли среди целых 20 человек. Нам на помощь пришло, между прочем, 15 пленных (10 из тех, которые у нас картошку снимали, так что – старые знакомые), веселые они ребята (жаль, что Раулика <Павлика? – Б. Р., Б. М.> нет между ними) и, кроме того, здорово работают⁴¹. Их здесь 20 штук, живут в Baložu krogs (там, где дорога загибает к школе, к Jundas⁴² и тоже к нам) под охраной одного Schutzmann'a⁴³ именем Ландмессер. Интересно с ними поговорить.

³⁹ ...отпраздновали “kulšana”. – Завершение молотьбы.

⁴⁰ ...картошку... запретила давать. – См. об этом: Argabala komisārs Fust's Skrivēros un Rīgas Jūrmalā: Mūsu darbam jābūt sekmīgam. – Tēvija. 1941. № 68. 17. septembris. L. 3. Хочется обратить внимание на два связанных с картошкой уже сугубо «будничных» объявления: “RĪGAS KONCENTRĀCIJAS NOMETNE pērk kartupeļus un saknes. Piedāvājums nodot Rīga, Samarina ielā, bij. 4. Valmieras kājn. pulka kazarmās [Рижский концентрационный лагерь покупает картофель и овощи. Предложения подавать: Рига, улица Самарина, б. казармы 4-го Валмиерского пехотного полка]” (Tēvija. 1941. № 81. 2. oktobris. L. 5); “Termiņcietums iepērk kartupeļus, kāpostus, saknes un zirgu barību katrā laikā un katrā daudzumā. Laktas ielā 2/4, tālr. 92039 [Следственная тюрьма закупает картофель...]” (Tēvija. 1941. № 90. 13. oktobris. L. 4). Казалось бы, лагерь и тюрьма должны получать продукты в централизованном порядке...

⁴¹ Нам на помощь... работают. – В историографии Латвии военной эпохи одним из дискуссионных является вопрос о роли советских военнопленных в развитии сельского хозяйства и промышленного производства Латвии в годы германской оккупации. См. об этом: Kalniņš 2014: 164–165.

⁴² Jundas – владелец соседнего хутора.

⁴³ Schutzmann – сотрудник охранной полиции. По случаю приведем изданные в декабре 1941 г. Елгавским отделением Шталага 350 «Условия содержания военнопленных». «Инструкция» (латыш. яз.) была предназначена для лиц, которым лагерь на определенных условиях предоставлял в наем военнопленного(-ых): «Военнопленных следует поместить в отдельном закрытом помещении. Если это невозможно, военнопленных

Некоторые из них из деревни, некоторые из города и кажется, все служили в армии Буденного. Так и мы решили одного из них назвать Буденым, просто потому, что у него шапка другая, как у остальных⁴⁴.

Молотили мы подряд у Иундаса <Юндаса. – Б. Р., Б. М.>, потом у нас, так что сон у нас этой ночью был смертельный.

На дворе у нас теперь настоящая зима – все покрыто снегом, так что мы ездим уже на санях – большие удовольствия для меня и нет. Может быть даже в Ригу покачу на лошади, не знаю, как г-жа Калейс⁴⁵ сможет.

В хлеву у нас такая красота разводится, что-то сходное с замком von Fürstin von Liven⁴⁶ (бетон да цемент).

Так что, милый папашка, выздаравливай поскорее – это наше общее пожелание.

Сердечный привет от нас всех.

Твоя В<иви>.

Шлю я свой сердечный привет. Я больше немогу написать.

Асите.

следует поместить в хозяйском доме, с тем чтобы он <хозяин. – Б. Р., Б. М.> мог за ними наблюдать. Ночью военнопленных следует содержать в закрытом помещении. // Военнопленным запрещается покидать хозяйский дом. Полевые работы за пределами хозяйства возможны только в присутствии охранника. Ехать на лошадях без сопровождающего военнопленным запрещается. Строго следует соблюдать, чтобы военнопленные одной волости не встречались с военнопленными другой волости. <...> // В волостях и рабочих командах на каждых 10 военнопленных должен быть один стражник. Это положение необходимо строго соблюдать. <...> // В случае, если военнопленный носит гражданскую одежду, со стороны спины красной краской необходимо отчетливо нанести буквы S. U. (Soviet Union) размером приблизительно в 20 см. // Хозяйство не вправе передавать военнопленного в другое хозяйство или обмениваться ими» (LNB. Sīkiespieddarbi. 9(L)27). Здесь же находим указания, как хозяину поступать в случае побега военнопленного, его смерти, эпидемии.

⁴⁴ ...что у него шапка... остальных. – Затруднительно понять, о каком головном уборе идет речь. Принятый в Красной армии в годы Гражданской войны головной убор – «буденновка» – ко времени Второй мировой войны вышел из употребления.

⁴⁵ ...г-жа Калейс... – Z. Kalējs, хозяйка хутора, где нашла жильё и работу Л. Т.

⁴⁶ ...сходное с замком von Fürstin von Liven... – Ливены – род остзейских дворян, чье родовое поместье с замком, построенным по эскизу Джакомо Кваренги, находилось в Межотне (Mežotne), относительно недалеко от места обитания Л. Т.

№ 21. ЛИВИЯ ТУПИЦЫНА, АУСМА КАЛЕЙС, З. КАЛЕЙС

A. g. G. Tupicina k-gam

Volgundes ielā 10-2

Rīgā

Виве и Асите

Druvaros

Lielvārde

16. XI. 41

Милый папик.

Получила от мамы письмо с известием, что вода (этакая бестия) не хочет Тебя покидать и все не убывает. Эглит⁴⁷ нас учил, что у пьяниц много воды накапливается в сосудах и поэтому им часто в 25-ое⁴⁸ надо ходить, а Ты ведь с детства антиалкоголик, как же это объясняется?

Как Ты себя вообще теперь чувствуешь и не соскучился ли Ты очень по мне? <...>

Полевые работы все уже кончились, так что мы большей частью живем в комнате и в хлеву, а то и ездим часто на лошади. Хлев у нас – настоящий замок, пока только не совсем готов.

Тебе бы тут тоже была работа по Твоей специальности, ибо Ты ведь высший техник, землемер, одним словом, мастер на все руки. Чистота там будет, одним словом, небесная. Вообще, тут техника такая развилась, что, пожалуй, можно будет впредь держать коров только с высшим образованием – в особенности, что касается физики: там для коров приделаны блюди́чка с специальной пружиной, на которую надо попасть мордочке коровы, чтобы вода наполнила блюдо.

Как у Тебя с температурой в комнате. У нас теперь ночью здорово холодно, приблизительно –15° С. Так что я совсем присвоила шубу

⁴⁷ Эглит... – Jānis Eglītis (1902, Венденский уезд, Лифляндская губ. – 1986, штат Огайо, США), гистолог, преподаватель Латвийского университета.

⁴⁸ ...в 25-ое... – В туалет?

г-жи Калеис, а валинки от самого хозяина. Так я хожу на подобие батюшки.

Я хачу тоже писать!

Знаете, мы сегодня паидом на бал и будем данчивать.

Теперь хватит! Досвибание!

А<сите>.

Я забыла что zǵes⁴⁹ тоже есть міста. Мы научились по грузински⁵⁰. Мы Вас тоже научим:

Здравствуйте – камардžуба⁵¹.

Досвидание – швидубит⁵².

Пожалуиста – татахма⁵³.

Всего хорошего.

Асите.

Вы необращайте много внимания на мою глупую дочьку, что она так много болтает.

Всего хорошего Вам, скоро выздоровится.

З. К<алейс>.

И я желаю Тебе скорее выздороветь.

Целую Тебя в обе щеки.

В<иви>.

№ 23. ТРИА ТУПИЦЫНА

A. g. G. Tupicina k-gam

Istaba I

Viķernieku sanatorijā

Rīgā

⁴⁹ ...<здесь>... – Имеется в виду: на обороте открытки.

⁵⁰ Мы научились по грузински. – Учителями, надо полагать, были занятые на обмолоте военнопленные Красной армии, грузины по национальности.

⁵¹ Здравствуйте – камардžуба. – Более аккуратная транслитерация: «гамардžуба» (გამარჯობა).

⁵² ...швидубит. – Правильнее – «мшвидубит» (მშვიდობით) – ‘до свидания’, ‘с миром’.

⁵³ Пожалуиста – татахма. – Возможно, речь идет о слове «гетаква» (გეტაკვა) – ‘пожалуйста’, ‘прошу’. Благодарим Бенджамина Аренштейна и Вахтанга Бзикадзе за помощь в работе с грузинским словарем.

Т. Tupicina
Jāņkalna 25
Alūksne

26. XI. 41 г.

Дорогой папашка!

Как Ты себя теперь чувствуешь? Мамашка писала, что дидше – что нас очень порадовало. Наконец-то это паршивая жидкость Твою плевру оставит! Не замерз ли Ты там? Как они Тебя там дечит? Лежи только спокойно – тогда Тебе скорее пройдет.

Мы поживаем очень хорошо. Кушаем так сытно как некогда. У нас теперь живет одна гимназистка из Аусмас Калей класса. Она здесь из деревне и теперь ходит в Алукснес гимназию. Её завут Анна Сильтен – очень скромная, приятная, но через-щур стремительная. Она учится весь день до позной ночи, и встоёт рано утром. Притом она так волнуется, что небудит всётаки знать, что совсем не ест. Мы не знаем, что сней делать – что же дальше будит, когда много большие задано будит? Притом её родители всё только привозят всякие вкусные вещи – котормы попадают в мой большой желудок. Например, они привезли: 3 литра сливки, молоко, масло, творог, яйца, муку, хлеб, крукву, свежое мясо, капчоное мясо и т. п. Одним словом, всё, что надо. Затем они ещё дрова нам будут возить – так что этой зимой нам нечего опосаться.

Как в Риге с дровами?

На этой фотографий Ты видишь Твою дочь с подругой Дайной⁵⁴. Как видешь, нам на свете весело живётся. Когда Тебе там в санатории скучно – тогда посмотри на нас и сразу веселее станит!

У меня теперь по больше работы, потому что всё хозяйство на мои плечи – хотя воду и дрова мне помогает носить Аннинья⁵⁵.

Затем у меня 4 ½ ученика по неметскому языку, по 2 и 3 раза в неделю. Эта ½ ученика – есть одна 4-летняя девочка Астрид. Она живет в нашем доме и всё приходит ко мне учиться по неметском

⁵⁴ Фотография при письме отсутствует.

⁵⁵ ...Аннинья. – Сведения отсутствуют.

языку. Смех тот, что она и по латышски еще правильно неговорит – но по неметски она всё повторяет, что я ей говорю.

Теперь нащёт Аечки: я всех знакомых спрашивала, нащёт калошах или ботах – но ни у кого такие нету. Только я заказала для неё шерстные чулочки. Когда они будут готовы, я их пошлю в Ригу.

Тетя работает по старому в гимназии. У неё каждый день по 3 часа. Директор у неё старый остался – за то она очень рада – хороший человек.

Жалование у неё будит хорошее – около 150 RM, но досих пор это никто ещё неполучил⁵⁶. Получаешь ли Ты свою пенсию? Учителя получили только аванса. С моей академии я думаю нечего не делать – когда я в следующую осень или летом начну учитя, тогда и я себя обявлю. Эту зиму я буду «Madame Kiri»⁵⁷ – зарабатывать (из т<ети> Эльзыного кармана) для Виви денги, чтобы она могла бы скорее учитя. Я ведь как «стремительный» человек могу своих товарищей опять догнать! Я жду, что мне Ирма Розенфельд⁵⁸ из Елгавы напишет – как там с Академии.

Завтра опять приедит Айна Клавиня⁵⁹ в Алуксне – тогда и сней поговорю.

Привет Тебе от нашей «мать кормилицы» тёти Эльзы.

Целует Тебя *Твой Тришка*.

⁵⁶ Для ориентации (пусть и некорректной – и год другой, и недельное число уроков Г. Т. в гимназии неизвестно) приводим по Записной книжке Г. Т. сведения о его заработной плате за март 1944 г.: «Жалованье 300, прибавка на дороговизну 30. За знание нем<ецкого> яз<ыка> 25. Итого 355. Налог на жал<ованье> 44,65, больничный сбор 1,78, страхов<ание> пенсии 5,20, профсоюз 3,55. Tautas palīdzība «Народная помощь» – созданная в 1941 г. благотворительная организация, отчасти с функциями Красного Креста. – Б. Р., Б. М.> 3,55. Всего вычетов 58,73. На руки выдано 296,27 RM». Помимо жалованья, источником дохода семьи Г. Т. могла быть продажа книг из его библиотеки – судя по одному из сохранившихся писем, его книгами в 1944 г. интересовался рижский книжный магазин Н. Гудкова; судя по пометам в Записной книжке, в марте 1944 г. Г. Т. продал одному кенигсбергскому коллекционеру свою скрипку „Mathias Albani in Bulsani Thiroli fecit anno 1698” за 1700 марок.

⁵⁷ ...*Madame Kiri*... – Вероятно, имеется в виду Мария Скловская-Кюри – дважды лауреат Нобелевской премии.

⁵⁸ Ирма Розенфельд – сокурсница Л. Т. по Сельскохозяйственной академии?

⁵⁹ ...*Айна Клавиня*... – Сведения отсутствуют.

№ 24. ЭРИХ ЛЕН

Gennadi Tupizin
Sanatorium Bickern⁶⁰
Zimmer 1
Riga (Ostland)

Erich Lehn⁶¹
Posen (Wartheland)
Karl Busse Str. 3. W. 4

Posen, 30 ноября 1941

Дорогой Геннадий! Я уже давно хотел возобновить с тобой переписку. Но как раз, когда летом 1940 года намеревался тебе написать, у вас случилось большое политическое изменение⁶², и тогда я считал разумнее тебе не писать. Тем более я рад, что теперь границы рухнули⁶³ и мы можем, хотя пока только в письмах, посещать друг друга. Мы очень тревожились за всех вас, когда услышали о страшных днях в июне⁶⁴. Но теперь мы уже получили письма от Эльзы, Янчика и Мими и знаем, что вы все благополучно пережили трудные времена. Тем более нас огорчает, что у тебя, дорогой Геннадий, такая скверная и скучная болезнь. Я легко могу себе представить, что ты охотнее принял бы участие в восстановлении системы школьного образования, вместо того чтобы сидеть в санатории и ничего не делать. Но выполняй прилежно все, что требует доктор, чтобы выздороветь и чтобы, когда эта война закончится, мы снова могли встретиться.

⁶⁰ Bickern – см. прим. 34.

⁶¹ Эрих Лен (Ēriks Lēns; 10 ноября 1907, Рига – 1945, Познань) – коммерсант. В 1939 г. репатриировался в Германию, был расселен в оккупированной Польше. См.: *Izceļojušo vācu tautības pilsoti saraksts 1940*: 881; *Deutsch-baltisches Gedenkbuch 1991*: 247.

⁶² ...политическое изменение... – Имеется в виду оккупация Латвии со стороны СССР в июне 1940 г. и дальнейшая аннексия.

⁶³ ...границы рухнули... – Речь идет об оккупации Латвии со стороны Германии в июне – июле 1941 г.

⁶⁴ ...о страшных днях в июне. – Имеются в виду предпринятые советской властью массовые аресты и высылка некоторых групп населения Латвии (около 16 000 чел.) в июне 1941 г., в преддверии ожидаемой войны с Германией.

В общем, у нас здесь все идет хорошо⁶⁵. Война здесь мало заметна, если не считать затемнения и продовольственных карточек. Но у нас всего достаточно и, если есть немного ловкости, можно хорошо прожить. К тому же у меня хорошая зарплата, а у отца очень хорошая пенсия, так что мы хорошо справляемся. Папа⁶⁶, как говорится, отправлен на пенсию и занимается домом и хозяйством. Ты знаешь, что он не любит сидеть без работы и умело со всем справляется. Так что на старости лет он превратился в очень хорошую домохозяйку. Ингрид⁶⁷ уже второй семестр изучает медицину и сейчас с увлечением работает в анатомическом зале. С июня меня призвали в противовоздушную оборону и я ношу солдатскую форму. Но с солдатами я мало имею дела, так как я получил профессию пожарника, то, что в Риге называют Poscharnik, и большую часть службы провожу в пожарной охране. Но какое-то время назад меня перевели в полицейский участок, где я занимаюсь канцелярской службой, что мне, естественно, больше нравится, тем более, что у меня при этом больше свободного времени и я часто бываю дома, даже каждую вторую ночь. От работы в моем учреждении я, естественно, должен был отказаться, но зарплату мне продолжают платить, так что я могу жить без забот. <...>

Я часто встречаю здесь подружек Янциса, Таню и Марфу и несколько раз видел на улице старого господина Эриксона⁶⁸. В городе Позен поселилось около 20 000 немцев из Латвии и Эстонии. Так что встречаешь много знакомых и поэтому чувствуешь себя почти как дома. Но в основном, люди – не страна – они делают

⁶⁵ ...здесь все идет хорошо. – Возможно, у Э. Л. действительно не было претензий к новому месту жительства (Польша), но далеко не все переселенцы были удовлетворены тем, что почти всех их поселили в Польше, а не в исторической Германии.

⁶⁶ Папа... – Oskar Lehn (род. 5 ноября 1873, Ней-Шваненбургская волость, Лифляндская губ.). См. о нем: Izceļojušo vācu tautības pilsoņu saraksts 1940: 881.

⁶⁷ Ингрид – Ingrida Juta Lilija Lehn (Ingrīda Juta Lilija Lens, Ингрида Юта Лилия Лен; род. 25 апреля 1921, Рига), родственница адресанта. См. о ней: Izceļojušo vācu tautības pilsoņu saraksts 1940: 881.

⁶⁸ ...господина Эриксона. – В 1939 г. из Латвии репатриировались в Германию двое Эриксонов с близкими характеристиками: Пауль Эрнст (1873 г. р.) и Вильгельм (1876 г. р.). См. о них: Deutsch-baltisches Gedenkbuch 1991: 327.

окружение чужим или родным. Также читаешь многие знакомые названия фирм: Metzendorff, Marggraf, Prindull, Bruns, а также имена, такие как: Gailit, Behrsing и похожие, которые сразу выдают соотечественника. В остальном здесь слышны почти все немецкие диалекты, от баварского и тирольского до гамбургского, от швабского до восточно-прусского и к этому наречия/диалекты переселенцев из Волыни, Галиции, Буковины, Бессарабии и Добруджи. Это достойное восхищения достижение – прямо во время войны, со всеми ее тяготами, поселить и обслужить многие сотни тысяч немцев из зарубежных стран. Кроме того, у меня время от времени появляется возможность говорить по-русски, так как в некоторых городах есть большое количество русских или украинцев, по большей части бывших белогвардейцев, которые в 1919 и 1920 годах нашли здесь пристанище. В Познани должно быть даже Украинско-Белорусское Общество. Также я переписываюсь с одним известным русским из Риги, который в 1939 году выехал сюда вместе с нами и живет в одном из городов провинции. Я с удовольствием писал бы тебе по-русски, чтобы ты видел, что я это еще умею, но не уверен, что почта принимает русские письма⁶⁹.

От Мими тетя Conzi⁷⁰ получила очень подробное письмо, с которого я даже сделал копии для распространения, так как оно содержит очень интересный и подробный отчет о событиях у вас

⁶⁹ ...что почта... письма. – Языковые ограничения на письма из Германии в Латвию нам неизвестны. В феврале 1942 г. из Познани Г. Т. было получено еще одно письмо на немецком языке от бывшего рижанина В. Лакшевица (W<erner> Lackschewitz); среди писем, доставленных Г. Т. в 1944 г., находим и почтовое отправление из Германии на русском языке. Правильное почтовое сообщение (на открытки и письма) из Остланда в Германию и некоторые оккупированные ею страны было открыто с 28 октября 1941 г. (см. об этом: Vispārēja pasta satiksme starp Vāciju un Austrumu apgabaliem. – Tēvija. 1941. 15. novembris. L. 2). Благодарим Нину Ласковскую за перевод данного письма с немецкого языка.

⁷⁰ ...тетя Conzi... – Констанция Карловна Лен (?) (? – не ранее 1950, ФРГ?), репатриантка из Латвии 1939–1940 гг.; в отличие от корреспондента, была поселена непосредственно в Германии. В письме от 6 декабря 1941 г. Триа Тупицына извещала отца: «тетя» Конци написала русное письмо – это не её жизнь – жить полуголодной в чужой земле среди салдатах. Ей каждый день надо сидеть до ½ 10-го вечера водной комнате с салдатами, которые курят, пют и играют в билиард. <...> Мы т<ете> Конци послали немношко масло и капционного мяса».

в июне. Сразу видно, что она твоя дочь, раз умеет все так точно и интересно описать. Для тебя это тоже, наверняка, было тяжелым временем, потому что, когда Алиса с Мими и маленькой Айной должны были уехать, ты много недель ничего о них не слышал и не знал наверняка, спаслись они или нет. Слышал ли ты что-либо о семье Якоби⁷¹ с которыми мы жили на Мюлленштрассе⁷²?

Надеюсь, что мое письмо немного развлечет тебя в твоей больничной палате. Или оно подействовало на тебя усыпляюще? Это меня тоже порадовало бы, потому что сон очень хорошее лекарство. Передай от нас троих сердечные приветы твоей дорогой жене, а также дочкам и внучке. Прежде всего желаю тебе скорейшего выздоровления и веселого Рождества. Отец и Ингрид передают сердечные приветы и желают выздоровления.

С сердечным приветом твой старый друг Эрих.

№ 26. ЮРИС КРАСТИНЬШ

A. g. Gen<n>adijam Tupicina kungam
Viķernieku sanatorijā
Rīgā

<J. Krastiņš
Skrīveri>

23. XII. 41.

Mīļo onkul, mon chère oncle, mein lieber Onkel⁷³.

Дорогой дядя!

Когда я в последний раз был в Риге – тебя уже дома не застал. Считаю своим долгом рассказать Тебе, как я устроился. Ты ведь оказал мне большую услугу, направя меня к г-ну Фельдману. Это следуя

⁷¹ ...семье Якоби... – Речь идет о семье Петра Николаевича Якоби (4 января 1877, Царское Село – 23 или 26 августа 1941, Котласлаг), правоведа, литератора, общественного деятеля, арестованного советскими карательными органами и погибшего в лагере. Подробнее о семье Якоби см.: Флам 2021.

⁷² Mühlenstrasse – улица Дзирнаву (Dzirnavu iela) в Риге.

⁷³ Mīļo onkul, mon chère oncle, mein lieber Onkel. – Дорогой дядя (лат., фр., нем.).

его совету, я поступил на службу, кот<орая> оказалась хорошей и «удобной», т. е. довольно легкой. Оклад до сих пор получал в размере RM 74. На днях получил аванс в счет будущего жалования. <...>

Теперь расскажу, как мы устроились. Ты уже наверно слышал, что от “Tauta palīdzība” я получил ордер на получение посуды, теплой одежды для детей и мебели. Посуду и одежду я получил (посуда не новая и одежда ношенная, но это ничего!). Когда же я явился на склад мебели – то ужаснулся. Вся мебель была в клопах, грязная, поломанная. Так я почти ничего и не взял. Тетя Алиса прислала мне бабушкину кровать, стол и табуретку. На месте здесь удалось достать пополнение к этой мебели и теперь как-никак устроились. С продовольствием здесь гораздо лучше, чем в Риге. Молоко, а это главное, получаем сколько только желаем. Картофель тоже можно купить. Лук (деликатес) и то получаем. Масло, мясо и хлеб по нормам, но нам хватает, потому что Ваня свою порцию не всю съедает. Плохо только с мылом, но и здесь есть утешение – ведь еще не так давно даже короли избегали этого делать.

Я усердно занимаюсь немецким языком. Беру частные уроки. Нет только никаких книг. Обхожусь пока газетой „D. Z.“⁷⁴. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислал мне «что-нибудь» по-великонемецки. Я должен читать вслух, писать <2 нрзб>. Нет ли у тебя какого-нибудь ободранного словарика? Если возможно, попроси девочек, чтобы мне переслали.

Сообщи тете Алисе о нас – следуя режиму экономии, я ей не буду писать о том, как мы устроились.

Ну, поправляйся, дядя! Тебя ждет работа в Новой Европе!

Твой Юра.

Römershof⁷⁵

Skrīveri, 23. XII. 41.

Gulbja mājā

⁷⁴ ...газетой „D. Z.“ – „Die Deutsche Zeitung im Ostland“ – немецкая оккупационная газета. Издавалась в Риге и в западной части Латвии (Курземе) с 5 августа 1941 г. по 8 мая 1945 г.

⁷⁵ Römershof – Ромерсхоф – немецкое название населенного пункта Скривери (Skrīveri) в Латвии.

1944

№ 48. ГАЛИНА ДЕМЕНТЬЕВА⁷⁶

Herrn G. I. Tupicina k-gam
Riga / Ostland
Volgundes iela 3-8
Cie<nījamajai> Dr. Mētra

G. Dementjev
Jena.
Ziegenhainer Str. 34

6. VIII. 44.
Danzig–Berlin

Дорогой Геннадий Иванович!

Итак, мы благополучно прибыли в Danzig и теперь едем на поезде через Berlin в Jenu⁷⁷. Пока что все прошло хорошо, только родители мои очень устали от бессонницы и езды. Только что переехали через Oder, подъезжаем к Штетину <на пароходе>⁷⁸ было хорошо днем<, но холодно> ночью, хотя светил <месяц, но> месяц ведь <только светит, а> не греет. Рука <еще болит, много> не могу писать. На пароходе не хватало ватных одеял, вообще мы могли взять гораздо больше вещей, но теперь не поправишь⁷⁹.

Большое сердечное спасибо за Вашу помощь, хотя я сама очень огорчена, что было затрачено так много Вашей энергии. Как жаль,

⁷⁶ Галина Романовна Дементьева (1912, Варшава – 1974, Брисбен, Австралия) – выпускница Рижской городской русской средней школы (1931), ученица Г. Т., биолог, дочь известного рижского врача Р. А. Дементьева.

⁷⁷ Речь идет о массовой эвакуации из Латвии (начало августа 1944 г.) ввиду приближения Красной армии к Риге. Одно из первых судов с эвакуированными вышло из Риги 3 августа.

⁷⁸ Здесь и ниже – попытка реконструкции текста по дефектной (вырезана марка) открытке.

⁷⁹ Сведения о весе багажа, допустимом на первом этапе эвакуации, нам не попадались. Если верить заметке “Kas jāievēro izceļotājem” (Tēvija. 1944. № 231. 29. septembris. L. 1), в конце сентября в эвакуацию разрешалось брать на человека: багаж – до 100 кг, ручная кладь – до 30 кг, продукты – без ограничения веса.

что я раньше не знала, что в Melluži есть извозчик. Простите меня за такую эксплуатацию.

Сердечный привет супруге.

Галина.

Привет от родителей и сердечная благодарность.

Пишите мне, не забывайте, еще раз <спасибо!>

Если Вам надо что-нибудь из поезда, обратитесь к моему дяде, адрес его: Московская, 27, кв. 8.

№ 49. ĒVALDS MĒTRA

G. Tupicins kngm

Zemeņu ielā 47

Asaros⁸⁰

Dienstgrad: Waffen Ustuf⁸¹

Vor- und Zuname: E. Mētra

Feldpostnummer: 12451-4

27. 9. 44.

Sūtu daudz mīļus sveicienus no frontes. Esmu sveiks un vesels. Kur Jūs esat un ko dariet?

Rakstiet.

⁸⁰ Согласно Записной книжке Г. Т., 4 мая 1944 г. его жена, одна из дочерей и внучки выехали на дачу в Меллужи (рядом со станцией Асари) в Юрмале. Аренда дачи обошлась семье Тупицыных в 200 марок, плюс нанятый для перевозки мебели грузовик: пол-литра коньяка и две пачки сигарет. Юрмальские дачи по ценам делились на три категории: первая – до станции Майори, участок между морем и ж/д; вторая – до тех же Майори, но участок между ж/д и рекой Лиелупе; третья категория – от станции Майори и далее в сторону Слоки. В окончательную цену входила площадь арендованного помещения и мебелировка; закрытая веранда – шла в три четверти от цены комнаты (подробнее по теме см.: Noteiktas vasarnīcu īres. – Tēvija. 1942. № 119. 26. maijs. L. 3). Исходя из предложенного газетой прейскуранта, находим, что семья Тупицыных сняла дачу по самому дешевому варианту.

⁸¹ ...Ustuf... – Untersturmführers (унтерштурмфюрер) – звание в SS (в т. ч. в Латышском легионе Waffen SS), соответствующее лейтенанту. Латышский легион – армейское воинское формирование, на полупсевдобровольческой основе созданное на оккупированной территории Латвии в марте 1943 г.

*Ēvalds*⁸².

№ 50. ĒVALDS MĒTRA

Ļ. cien. G. Tupicins kugm

Zemeņu ielā 47

Asaros

E. Mētra.

Volguntas iela 3-8

Rīgā

28. 9. 44. g.

Mīlais Ģēda, maņi un mazie bērniņi! Vispirms sūtu daudz, daudz sveicienus un visa laba vēlejumus. Esmu sveiks un vesels, man savā karavīru dzīvē viss iet bez sevišķām pārmaiņām, ja nebūtu sevišķas rūpes un domas pār Jums un visiem citiem, kā lai pārdzīvo visus šos grūtos laikus. No vienas puses priecājos kā mēs tuvojamies vienmēr Rīgai⁸³ un vārbūt uz mazu brītiņu izdotos Jūs visus redzēt, bet no otras puses ir arī skumji kad fronte Jums tuvojās, un kas visus sagaida nākotnē, bet vienmēr vēl cerības, kad visi grūtumi izgaisīs un nāks atkal gaisa diena, kad varēsim visi priecīgi satikties. Ko dara manas mazās, Ainiņa un Ilžuks? Viņas ir mazas un nezina un nesaprot ko nozīmē karš un iznīcība.

Vai Jūs vēl esiet Jūrmalā vai varbūt jau Kurzemē?

Palieciēt nu visi mīļi, mīli sveicināti.

*Jūsu Ēvalds*⁸⁴.

⁸² Перевод: «Шлю много теплых приветов с фронта. Я жив и здоров. Где Вы и что делаете? // Пишите. // Эвалдс».

⁸³ ...*mēs tuvojamies vienmēr Rīgai*... – Речь, видимо, идет о том, что при приближении Красной армии к Риге на рижские позиции была выдвинута часть, где служил Эвалдс Метра.

⁸⁴ Перевод: «Дорогой Деда, малые мои детишки! Прежде всего шлю вам много-много приветов и самые добрые пожелания. Я жив и здоров, у меня в моей солдатской службе все без особых перемен, если бы не было особых забот и размышлений о Вас и обо всех других, как пережить все эти трудные времена. С одной стороны, радуюсь, что мы все приближаемся к Риге и, быть может, мне на короткое мгновение удастся увидеть Вас всех, но с другой стороны, печально, что фронт приближается к Вам, и что ждет нас в

№ 51. ĒVALDS MĒTRA

G. Tupicins kng

Zemeņu ielā 47

Asaros

Waffen Ustuf

E. Mētra

12451-4

4. 10. 44.

Daudz mīļi sveiciens mājiniekiem un piederīgiem!

Esmu sveiks un vesels. Kā Jums visiem iet un kur esiet, kādēļ nerakstiet, ko dara manas mazās Ilzīte un Ainiņa?⁸⁵

будущем, но всегда есть надежда, что все трудности исчезнут и снова наступит светлый день и все мы сможем радостно обняться. Что поделывают мои малыши – Айниня и Илжукс? Они малы и не знают, не понимают, что значит война и разруха. // Вы еще на Взморье или уже в Курземе? // Оставайтесь же все с добрыми пожеланиями. // Ваш Эвалдс».

⁸⁵ На письме помета рукой Г. Т.: «Последняя весточка». Увиделся ли Эвалдс Метра с женой и детьми – сведений нет. Алиса Тупицына в заботах о семье, вооруженная опытом революции и гражданской войны в России, двумя оккупациями Латвии, в опасениях перед повторной советизацией Латвии вместе со своими детьми и внуками выбрала эмиграцию. Еще 8 сентября Г. Т. вел в своем дневнике записи, посвященные его наблюдениям за одной из внучек. 13 октября в Ригу вошла Красная армия. По нашим прикидкам, во второй половине сентября – начале октября Алиса Тупицына со старшей дочерью Согдианой и внучками покинула Ригу. 11 декабря 1944 г. они зарегистрированы в Дахау (городе!) близ Мюнхена (см. об этом: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/75435918?s=Tupicins&t=222899&p=0>). Там же, в Германии, в течение нескольких лет находились и две другие дочери Тупицыных. У Г. Т. тоже был опыт революции, гражданской войны, не самым благополучным был и его начальный этап латвийской эмиграции, отчасти отраженный в его неопубликованных воспоминаниях. Надо полагать, повторного испытания эмиграцией, да еще в Германии, он не пожелал, к тому же – возраст, постоянное нездоровье... И при всей своей преданности семье от эмиграции он отказался. В его неотправленных письмах сохранилось два варианта прощания. Ранний (1952 г.): «<...> перед расставанием навсегда, на пристани, у парохода, жена не сказала мне “прощай” и не подала руки. Впрочем, была в это время большая сутолока, и она “может быть” меня “потеряла из виду”». Поздний (1963 г.): «Допустим, что я действительно жесток и зол. <...> Я же не простился с Алисой, когда она навсегда уезжала от меня после двадцатисемилетней совместной жизни со мной». Переписка между Г. Т. и женой, дочерьми возобновилась не позднее 1948 г., письма

*Ēvalds*⁸⁶.

КРАТКИЙ СПИСОК УПОМЯНУТЫХ ИМЕН

Геннадий Иванович Тупицын – после 1945 г. какое-то время преподавал в разных учебных заведениях Риги, повторно женился. Скончался в Риге в 1966 г. Подробнее о нем см.: Равдин 2022: 267–284.

Алиса Тупицына – скончалась 8 декабря 1984 г. в районе Чикаго в заботах о детях, внуках и правнуках. См. о ней: [В. р.] Alise Tupicins. – Laiks (New York). 1985. № 1. 2. janvāris. L. 7.

Айна – внучка Тупицыных (в замужестве Metra Swanson), скончалась в 2010 г., Moline, Illinois. См. о ней: <https://www.esterdahl.com/obituaries/aina-swanson>.

Виви, Ливия (в девичестве – Тупицына, в замужестве Dankbars, Burgelis) – скончалась 7 февраля 1998 г. в Ноттингеме, Великобритания. См. о ней: J. F. Viņa kalpoja savam tuvākam. – Brīvā Latvija: Apvienotā “Londonas Avīze” un “Latvija”. 1998. № 6. 7. februāris. L. 6.

Илзе Юлия – внучка Тупицыных (в замужестве Wakeley), училась в университете штата Калифорния, работала школьной учительницей в окрестностях Филадельфии.

Мими, Триа (в девичестве – Тупицына, в замужестве Simkus, Gabryszewski) – скончалась 25 октября 2001 г., Union Pier, Michigan. См. о ней: [Anonymous.] Tria Gabryszewski. – Chicago Sun-Times. 2001. November 11. P. SW A7; [Anon.] Tria Gabryszewski. – Laiks. 2001. № 45. 10. novembris. L. 11.

Эвалдс – погиб 24 декабря 1944 г. старшим лейтенантом Латышского легиона в боях с Красной армией в западной части Латвии. См. о нем: <https://www.geni.com/people/Evalds-Slaucitajs-Metra-VI-52/6000000013966013410> и <https://timenote.info/lv/Evalds-Metra>.

Янцы, Согдиана (в девичестве – Тупицына, в замужестве Diana Metra, Diana Konton) – на июль 1943 г. практикующий врач в Риге, в эмигра-

в Ригу насчитывают более 500 единиц (в основном за счет дочерей), тематика и стилистика которых в новых / старых исторических обстоятельствах преимущественно сохранялась в знакомых нам границах.

⁸⁶ Перевод: «Много теплых приветов родным и близким. // Я жив и здоров. Как Ваши дела и где вы, почему не пишете, что делают мои малыши – Илзите и Айниня? // Эвалдс».

Илл. 1. Г. И. Тупицын с внучкой Айной в Меллужи (Рижское взморье), 1944 г. Собрание Латвийского общества русской культуры (Рига).

ции продолжала заниматься медициной; скончалась в 2008 г. в районе Чикаго. См. о ней: Konton, M. D. Diana. – *The Chicago Tribune*. 2008. November 26. P. 43b; [Anon.] *Diāna*. – *Laiks*. 2009. № 4. 24. janvāris. L. 13.

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ ЛАТЫШСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

augsti godātajam – высокочтимому	kungam – господину
bravo – bravo	ļoti cienījamam – высокоуважаемому
cienījamajai – уважаемой	nosūtītājs – отправитель
darva – смола, деготь	posta nodaļa – почтовое отделение
dzīvoklis – квартира	pilsētas slimnīcā – городская
iela – улица	больница
istaba – комната, палата	sanatorijā – санаторий
jaunkundze – мадемуазель,	stacija – станция
барышня	visu labu! – всего хорошего!

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кауфманис К., Рудин А. К. 1939. Новый самоучитель латышского языка: По разговорному методу, с грамматическими упражнениями, указанием произношения и словарем. Rīga: Valtera un Rapas aks. sab. apgāds.
- Кауфманис К., Рудин А. К. 1940. Русско-латышский разговорник: С указанием произношения и словарем / Сост. К. Кауфманис и А. К. Рудин. Rīga: VAPP praktisko zinātņu apgādniecība.
- Равдин Б. [2008]. Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945. – Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина. <https://www.ruthenia.ru/document/545433.html>
- Равдин Б. 2022. К вопросу о дверных, коридорных, кухонных и проч. кратких записках (Г. Тупицын – Е. Лейланде). – Прекраснейшей: Сборник памяти Елены Душечкиной. СПб.: Нестор-История. С. 267–284.
- Флам Л. 2021. Правовед П. Н. Якоби и его семья: Воспоминания. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Русский путь.
- Deutsch-baltisches Gedenkbuch 1991. Deutsch-baltisches Gedenkbuch: Unsere Toten der Jahre 1939–1947 / Bearbeitet von Karin von Borbély. Darmstadt: Deutsch-Baltische Genealogische Gesellschaft e.V.
- Evarts, E., Pavlovičs, J. 2016. Ikdienas dzīve Latvijā nacistiskās Vācijas okupācijas laikā 1941–1945. Rīga: Zinātne.
- Izceļojušo vācu tautības pilsoņu saraksts 1940. [Rīga]: Iekšlietu ministrijas Administratīvā departamenta izdevums.
- Kalniņš, R. 2014. Vācu civilās pārvaldes ekonomiskā politika okupētajā Latvijā (1941–1944). Rīga: Latvijas Universitāte.
- Statistische Berichte 1943. Statistische Berichte für den Generalbezirk Lettland = Statistika biļetens Latvijas ģenerālapgabalam. Bearbeitung: Lettländisches statistisches Amt. Riga: Herausgegeben vom Generalkommissar in Riga.

REFERENCES

- Deutsch-baltisches Gedenkbuch: Unsere Toten der Jahre 1939–1947.* Edited by Karin von Borbély. Darmstadt: Deutsch-Baltische Genealogische Gesellschaft e.V., 1991.
- Evarts, E. and J. Pavlovičs. *Ikdienas dzīve Latvijā nacistiskās Vācijas okupācijas laikā 1941–1945.* Riga: Zinātne, 2016.
- Flam, L. 2021. *Pravoved P. N. Jakobī i ego sem'ia: Vospominaniia.* 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Russkii put'.

- Izceļojušo vācu tautības pilsoņu saraksts.* [Rīga]: Iekšlietu ministrijas Administratīvā departamenta izdevums, 1940.
- Kalniņš, R. *Vācu civilās pārvaldes ekonomiskā politika okupētajā Latvijā (1941–1944).* Rīga: Latvijas Universitāte, 2014.
- Kaufmanis, K. and A. K. Rudin. *Novyi samouchitel' latyshskogo iazyka: Po razgovornomu metodu, s grammaticheskimi uprazhneniiami, ukazaniem proiznosheniia i slovarem.* Rīga: Valtera un Rapas akc. sab. apgāds, 1939.
- . *Russko-latyshskii razgovornik: S ukazaniem proiznosheniia i slovarem.* Rīga: VAPP praktisko zinātņu apgādniecība, 1940.
- Ravdin, B. “Mama myla piloramū? Stabil'nyi uchebnik vremen okkupatsii 1941–1945.” In *Gabrieliada: K 65-letiiu G. G. Superfina.* <https://www.ruthenia.ru/document/545433.html>
- . “K voprosu o dvernykh, koridornykh, kukhonnykh i proch. kratkikh zapiskakh (G. Tupitsyn – E. Leilande).” In *Prekrasneishei: Sbornik pamiati Eleny Dushechkinoi,* 267–84. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022.
- Statistische Berichte für den Generalbezirk Lettland. Statistiskas biļetens Latvijas ģenerālapgabalam.* Edited by Lettländisches statistisches Amt. Rīga: Herausgegeben vom Generalkommissar in Riga, 1943.

ЮБИЛЕЙНОЕ: НЕИЗВЕСТНОЕ НЕМЕЦКОЕ ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА¹

Майкл Вахтель

(Принстон)

Разница между людьми такова: некоторые становятся прахом и им остаются. Повсюду их лица из праха. Другие восстанут, как феникс. Прекраснейший пример – Гете в «Западно-восточном диване», который понимаешь, только если знаешь, какое огромное разочарование в жизни скрывается за ним.

Людвиг Курциус, из письма от 4.IX.1940²

В ранние 90-е годы прошлого столетия автор настоящей публикации готовил издание немецкоязычной переписки Вяч. Иванова (см.: Ivanov 1995). С особой теплотой упомянем многократные встречи с незабываемым Димитрием Вячеславовичем Ивановым в его квартире в Риме, где хранился – и до сих пор хранится – семейный архив. Димитрий Вячеславович всячески помогал молодому и неопытному ученому, находил нужные папки писем, расшифровывал трудночитаемый почерк, объяснял биографический и культурный фон, давал советы, рассказывал интереснейшие истории. Напомню читателю, что в эти допотопные времена не было ни интернета, ни сканера, ни даже ноутбука. Поэтому тексты приходилось переписывать от руки. Если речь шла о большом коли-

¹ Автор выражает признательность Ф. Б. Полякову за стилистические исправления, за указание литературы и за перевод впервые издаваемого здесь немецкого письма Вяч. Иванова.

² „Der Unterschied zwischen den Menschen ist der: Die einen werden zu Asche und bleiben Asche. Lauter Aschengesichter ringsum. Die anderen erheben sich als Phönix. Herrlichstes Beispiel Goethe im ‘West-östlichen Divan’, den man nur versteht, wenn man weiß, welch ungeheure Lebensenttäuschung dahinter liegt“ (Curtius 1958: 310). Имя адресата письма не указано.

честве писем, то мы ходили в ближайший copy shop, где оставляли кучу рукописей на ночь и заходили на следующий день забрать оригиналы и ксероксы. Мне всегда было страшно оставлять рукописи у беззаботных итальянцев, не имеющих ни малейшего понятия о ценности вверенных им документов, поэтому я переписывал как можно больше от руки. Димитрий Вячеславович, напротив, полностью доверял работникам магазина, и, как кажется, неспроста, так как, вопреки моим опасениям, у них никогда ничего не терялось.

Когда я перечитывал старые архивные выписки при подготовке биографии Вяч. Иванова, которая, надо надеяться, скоро выйдет в свет, мне попало письмо, когда-то отложенное мною в сторону и так и оставшееся неопубликованным (русский перевод см. ниже):

Rom, d. 12 Dezember 1944

Verehrter Herr und Freund,
genehmigen Sie von einem 78-jährigen seine herzlichsten Glückwünsche zu Ihrem 70-sten Geburtstag! Ist es doch richtig, diesen Tag als einen bedeutsamen Zeitpunkt unseres Lebens anzusehen: sind wir nicht wieder an die „Rubrik“ gelangt (um mit Dante zu reden) mit der Aufschrift „incipit vita nova“? Ein Schlussteil nämlich unseres irdischen Gedichtes, wesentlich dazu bestimmt, unseres „Herzens grimmigen Strauss zu besänftigen“, unser „Innres zu reinigen vom erlebten Graus“, uns „dem heiligen Licht wiederzugeben“, das überstandene Leiden kathartisch ausklingen zu lassen.

Mit dankerfüllter Befriedigung können Sie zurückblicken auf Ihre reichen Ernten, auf alles in genialem Streben Errungene und schön Gelungene, auf die gesammelten Erkenntnisschätze, auf die gute Verwaltung der Ihnen von der göttlichen Gnade anvertrauten Gaben, darunter vor allem der Epoptie der Schönheit, und – was wohl noch wichtiger ist – auf die großen Erfahrungen des Herzens, das bekennen darf: „ich habe gelebt und geliebet“.

Laß den Anfang mit dem Ende
Sich in eins zusammenzieh'n!
Schneller als die Gegenstände

Selber dich vorüberflieh'n.
Danke, daß die Gunst der Musen
Unvergängliches verheißt:
Den Gehalt in deinem Busen
Und die Form in deinem Geist.

Mögen Ihnen noch lange Jahre beschieden sein, voll obsiegender
Harmonie und hohen Seelenfriedens, erleuchtet von der „beglückenden
Mühe des Schaffens“!

In tiefer Verehrung

Ihr

Ihnen treu zugetaner

Venceslas Ivanov

В свое время я не опубликовал это письмо по нескольким причинам. Во-первых, было неясно, к кому оно обращено. Во-вторых, я не узнал последнюю цитату – ключевую, как потом оказалось, – и не надеялся найти ее источник. (Круг немецких цитат Иванова, как правило, был не так уж велик. Как и в данном письме, Иванов очень любил приводить крылатые слова из немецкой классики, причем часто повторяя одни и те же цитаты. Последняя цитата настоящего письма являлась явным исключением.) В-третьих, судя по тону письма, адресат был не особенно близким человеком. Перед нами – поздравительное письмо по случаю семидесятилетия.

До сих пор помню мой разговор с Дмитрием Вячеславовичем по поводу этого письма. Дмитрий Вячеславович считал, что адресат, скорее всего, был каким-то знакомым Герберта Штейнера, редактора журнала Corona, где публиковались многие немецкие статьи Иванова в 1930-е годы. Как известно, Штейнер заботился об Иванове и профессионально и дружески, постоянно советуя писать людям, которые могли бы быть ему полезными. По мнению Дмитрия Вячеславовича, данное письмо лишний раз свидетельствовало о таком попечении Штейнера. Итак, загадочный адресат должен был быть немецкоговорящим швейцарцем, так как в июне 1944 года американцы уже освободили Рим и в декабре этого года уже нельзя было послать письма оттуда в фашистскую Германию.

Логика Димитрия Вячеславовича меня убедила. Он ведь лучше всех знал Иванова того периода (и так же хорошо знал Штейнера). Я не очень ломал голову над письмом, которое показалось нам обоим малозначительным. Однако и тогда мне следовало бы понять, что Штейнер был тут ни при чем. Ведь Штейнер уехал в США в 1939 г. и с августа 1940 г. никакого контакта между ним и Ивановым не было. Вряд ли он мог посоветовать Иванову написать кому-то поздравительное письмо в декабре 1944 года.

Когда я недавно «переоткрыл» письмо, мне стало очевидно, до какой степени мир ученого за тридцать лет изменился. Тогда надо было узнавать источники цитат или в лучших случаях искать их в изданиях типа «Словаря языка Гете». Сегодня, конечно, не надо знать ничего, нужен только доступ к интернету. Соответственно, я сразу ввел в гугл загадочную цитату и через секунду узнал источник, который меня ошеломил, – Теодор Моммзен. Как известно, пятитомная книга Моммзена „*Römisches Staatsrecht*“ (Leipzig: S. Hirzel, 1871–1888 и другие издания) мучила Иванова в годы ученичества. Когда он готовился к устному экзамену в Берлине, он советовал своему руководителю Отто Гиршфельду на то, что Моммзен полагает, что докторанты должны знать каждое примечание к этому памятнику его научного творчества. Ответ Гиршфельда был малоутешительным: «Каждое примечание? О, нет. Но „*Staatsrecht*“ вы и без того должны хорошо проштудировать...» (Иванов, Зиновьева-Аннибал 2009: 341).

Правда, после смерти Моммзена Иванов вспоминал бывшего наставника в других тонах. В эмиграции Иванов слыл «учеником» Моммзена. Эрнсту Роберту Курциусу импонировало, что русский поэт прошел «школу Моммзена» (Wuttke 1989: 83), а Герберт Штейнер даже назвал его «другом» Моммзена (Ivanov 1995: 80). Сам Иванов в последние годы жизни повторял любимое изречение Моммзена, обращенное к студентам: „*Das ist nicht scharf genug!*“ («Это недостаточно точно!») (Иванов 1962: xiv).

Как только интернет указал, что цитата принадлежит перу Моммзена, стало ясно, что адресат письма – специалист по античности. В Риме 1940-х годов Иванов знал очень немногих

немецких античников, так что можно было без труда опознать здесь Людвиг Курциуса. Интернет сразу же подтвердил такое отождествление: 13 декабря 1944 года Курциусу исполнилось 70 лет. В этот день, как выяснилось, состоялось посвященное ему торжественное заседание в Шведском институте в Риме, где специалисты из разных стран говорили о его заслугах. Текст его ответа на эти речи был впоследствии опубликован, и оттиск, снабженный авторской надписью, находится в библиотеке Иванова³. (Присутствовал ли Иванов на чествовании, неизвестно.)

Людвиг Курциус был по специальности археологом, профессором в университетах в Эрлангене, Фрейбурге и Гейдельберге, а затем с 1928 года директором Германского Археологического института в Риме, лучшего научного центра по античности в Италии, высоко ценимого Вяч. Ивановым. Когда Иванов в 1890-е годы стажировался в Риме, он был связан с этим учреждением: «Я посещал Германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами («ragazzi Capitolini») в обходах древностей, думал только о филологии и археологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию» (Иванов 1971–1987, 2: 19). В письмах того времени Иванов подчеркивал, что он обязан институту и экскурсиями по древности для молодых исследователей, и первоклассной библиотекой, где можно было читать самую свежую научную литературу (см.: Wachtel 1994: 368). В последующее время, когда он возвращался в Рим, институтская библиотека служила гостеприимным приютом для его научных и творческих целей.

Людвиг Курциус был другом, а не родственником Эрнста Роберта Курциуса, знаменитого литературоведа и поклонника Иванова, познакомившего своего однофамильца с русским поэтом в январе 1935 г. В письмах того времени к Герберту Штейнеру Иванов упоминает встречу с «превосходным» Людвигом Курциусом, с которым он обсуждал свои представления о культе Диониса (Ivanov 1995: 172, 176).

³ „Wenceslaus Iwanow, in alter Verehrung mit neuem Dank. Roma, 25.IV.45“ («Вячеславу Иванову со старым почтением и новой признательностью. Рим, 25.IV.45»).

Политические взгляды Курциуса были крайне консервативными. Он восхищался политикой Муссолини, о чем свидетельствует хвалебная лекция под названием «Муссолини и древний Рим», прочитанная им в декабре 1934 года в Кёльне. В конце этого доклада Курциус сравнил современный фашизм с Римской империей с явным предпочтением первого. «У нас есть то, чего не было в древнем Риме, т. е. национальная сила соединенной народности, связанной рождением и судьбой» (Curtius 1934: 24). Однако при всем консерватизме Курциус не смог примириться с нацистами. Его отпугивали их антисемитизм и необразованность. Уже в 1934 г. был написан донос на Курциуса, обвинивший его в «нарочитом дружелюбии» к евреям („ostentativ judenfreundlich“; Hirschfeld 2023: 158).

Как директор Германского института Курциус делал разные уступки нацизму, но не стал членом партии и считался противником ее культурной политики. В сентябре 1937 г. его заставили выйти в отставку, что случалось нередко с не вполне лояльными немецкими учеными того периода (см.: Там же: 159). Тем не менее он оставался в Риме, а его статьи продолжали выходить в Германии⁴. Он проводил экскурсии и читал лекции для важных фашистских политических деятелей, приезжавших в Рим, и в 1943 г. даже издал путеводитель по Риму «для служащих Вермахта», где можно найти нацистские формулировки (Там же: 163). Вкратце можно сказать, что поведение Курциуса во время войны отличалось оппортунизмом. После войны, как и многие ученые его поколения, Курциус прикидывался врагом и жертвой нацизма, что явно не соответствовало настоящему положению вещей⁵.

Нет никакого основания думать, что политика была темой разговора, когда встречались Людвиг Курциус и Иванов. Вне сферы

⁴ Курциусу удалось остаться в Италии благодаря его тесной дружбе с кругом важных итальянских фашистов, в свою очередь убедивших фон Риббентропа, что присутствие Курциуса в Риме ценно «по внешнеполитическим причинам» (Hirschfeld 2023: 162).

⁵ Только в последнее время ученые стали рассматривать поведение немецких античников во время фашизма. Кроме вышеуказанной книги Hirschfeld'a стоит указать на двухтомное исследование: Brands, Maischberger 2016. Во втором томе есть обстоятельная статья о Курциусе: Diebner, Jansen 2016: 79–111.

политики между двумя «почетными римлянами» было много общего. Оба они высоко ценили культурную преемственность, мастерски владели языками, обожали Гете и античных поэтов. Курциус был общительным человеком, любил литературу, музыку и искусство. Насколько можно судить, к Иванову он относился с уважением, однако в единственном известном отклике на его статьи проскальзывает некоторый скептицизм. 1 июля 1935 года он писал Герберту Штейнеру, с которым он познакомился при посредничестве Иванова: «От последней его <Иванова. – М. В.> публикации в “Corona”, над которой Вы так усердно работали, я получил мало пользы. Для меня все это остается слишком расплывчатым, чтобы моя историческая совесть смогла с ним смириться, и одновременно это слишком терминологически научно, чтобы стать поэзией, имеющей свое право на существование наряду с историей»⁶.

По иронии судьбы мне довелось разговаривать с Димитрием Вячеславовичем о Людвиге Курциусе, но совсем по другому поводу. Прекрасно помню этот разговор, потому что это был один из редчайших случаев, когда Димитрий Вячеславович – человек исключительной доброты – негативно отозвался о другом человеке. Оказалось, что в ранние 1940-е годы Димитрий Вячеславович взвешивал возможность стать литературоведом. Его руководитель в Париже посоветовал ему заняться европейским символизмом, а он сам решил написать диссертацию о творчестве Винкельмана (см.: Шишкин, Пирон 2017: 180–181). В связи с этим он консультировался с Курциусом, который не только не помогал ему, но даже отговаривал его от темы, считая, что он к ней недостаточно подготовлен. Об этом я вспомнил, когда читал список немецких книг в римской библиотеке Вяч. Иванова. Среди них находится книга о Винкельмане самого Курциуса: *Ludwig Curtius, Winckelmann und seine Nachfolge*.

⁶ „Ich habe mit seinem letzten Beitrag in der Corona, der Ihnen so viel Mühe gemacht hat, wenig anfangen können. Das bleibt für mich alles zu verschwommen, als dass mein historisches Gewissen sich dabei beruhigen könnte, ist hinwiederum zu wissenschaftlich begrifflich, als dass es Poesie würde, die ihr eigenes Existenzrecht neben der Geschichte behält.“ Письмо находится в фонде Герберта Штейнера в Deutsches Literaturarchiv, Marbach am Neckar: Signatur 74.2878.

Wien: A. Schroll, 1941. В ней содержится инскрипт: „Aller Anfang ist leicht. Rom 13.X.43 L. Curtius“. Димитрий Вячеславович вернулся из Парижа в Рим 23 августа 1943 г., так что он получил эту книгу, вышедшую в свет в 1941 г., месяца через два после своего пребывания в Италии (см.: Шишкин, Пирон 2017: 192). Хотя адресат не назван, можно сказать с уверенностью, что автор обращался не к Вяч. Иванову, а к его сыну. В надписи обыгрывается немецкая пословица “Aller Anfang ist schwer” («любое начало – трудное», т. е. «лиха беда начало»). Вместо этого Курциус пишет «любое начало – легкое», как бы с пожеланием скорого успеха, но также, возможно, намекая, что начинающий исследователь слишком смело идет вперед, еще не представляя себе сложности предмета. Как бы то ни было, от личного общения с педантичным немцем у Димитрия Вячеславовича остались неприятные воспоминания.

Ниже следует письмо Вяч. Иванова в русском переводе с необходимыми комментариями. Забегая вперед, заметим, что цитаты в письме не просто показывают начитанность Иванова, но, безусловно, отражают пиетет перед немецкой классикой, который он разделяет с адресатом. Сам Курциус считал знакомство с творчеством Гете вехой своей жизни. В выступлениях, статьях и письмах он многократно ссылается на веймарского мудреца. В обзоре о людях, которые оказали на него особое влияние, Курциус писал о Гете: «У меня нет слов, чтобы выразить то, чем я в своей жизни ему обязан»⁷. Особо упомянем выступление Курциуса под заглавием «Гете и Италия» на заседании Германского Археологического института в Риме в 1932 г., приуроченном к столетию смерти поэта, и составленную им книгу высказываний Гете (см.: Goethe 1949; книга вышла только на английском языке).

Особое значение имеет цитата из Моммзена в конце публикуемого письма. Курциус не учился у знаменитого историка, но для любого античника его поколения Моммзен был легендой. В своих мемуарах Курциус описывает единственную их встречу

⁷ “Ich habe keine Worte, um auszudrücken, was ich ihm in meinem Leben verdanke” (Curtius s. d.: 15).

в Мюнхене, когда он, молодой ученый, собирал материалы для своей диссертации: «Когда я делал выписки из своих аугсбургских документов, мне приходилось, сберегая время, работать не отрываясь и не смотря ни направо, ни налево. Но когда я однажды поднял глаза, то увидел слева от себя маленькую, худую фигуру, как гном сгорбившуюся над рукописью, полностью поглощенную своей работой и усердно писавшую, с длинными волосами и чересчур острыми глазами за очками. Это был Теодор Моммзен»⁸. Цитата из Моммзена узнаваема для специалиста по древней истории и таким образом служила прозрачным намеком на общую культуру двух неутомимых семидесятилетних гуманистов.

Рим, 12 декабря 1944 г.

Многоуважаемый господин и друг,

Позвольте <принести> Вам от 78-летнего его самые сердечные поздравления к Вашему семидесятому дню рождения! Ведь правильно рассматривать этот день как значимый момент нашей жизни: не оказываемся ли мы вновь у «раздела», говоря словами Данте, с заголовком „*incipit vita nova*“?⁹ Это же заключительная часть нашей земной поэмы, в сущности предназначенная для того, чтобы «унять» наш «души страдающей разлад», «рассеять ужас, смягчить угрызений жгучий яд», нас «вернуть святому Свету»¹⁰, позволить перенесенным страданиям завершиться катарсическим концом.

⁸ „Ich musste, wenn ich meine Augsburger Akten exzerpierte, meine Zeit ausnützen und sah nicht nach rechts und nicht nach links. Aber als ich einmal aufsaß, gewahrte ich links neben mir eine kleine hagere, gnomenhaft über einem Kodex zusammengeschobene, ganz in die Arbeit versunkene, eifrig schreibende Gestalt mit langen Haaren und mit überscharfen Augen hinter der Brille. Es war Theodor Mommsen“ (Curtius 1956: 142).

⁹ Иванов ссылается на первое предложение «Новой жизни» Данте: «In quella parte del libro de la mia memoria, dinanzi a la quale poco si potrebbe leggere, si trova una rubrica la quale dice: *Incipit vita nova*» («В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: “*Incipit vita nova*”»; перевод И. Н. Голенищева-Кутузова).

¹⁰ Из «Фауста» Гете (часть II, акт I, сцена «Красивая местность»). Перевод Б. Л. Пастернака.

С исполненным благодарности удовлетворением Вы можете оглядываться на свои богатые урожаи, на всё достигнутое гениальным устремлением, <на> прекрасно удавшееся, на собранные сокровища познания, на разумное распоряжение дарами, вверенными Вам Божественной благодатью, среди них прежде всего созерцанием тайной Красоты, и, что, быть может, еще важнее – на огромный опыт сердца, которое вправе признаться: «Я жил и любил»¹¹.

Бег изменчивых явлений,
Мимо реющих, ускорь:
Слей в одно закат свершений
С первым блеском нежных зорь.
От низовий жизнь к истокам
В миг единый обозри:
В лик единый умным оком
Двойников своих сberi.
Неизменен и чудесен
Благодатной Музы дар:
В духе форма стройных песен,
В сердце песен жизнь и жар¹².

Пусть будут Вам даны еще долгие годы, полные торжествующей гармонии и высокого душевного покоя, освещенного «благодатным усилием творчества»¹³!

С глубоким почтением

Ваш

Искренне преданный Вам

Вячеслав Иванов

¹¹ Из стихотворения Шиллера «Жалоба девушки» („Des Mädchens Klage“).

¹² Концовка стихотворения Гете „Dauer im Wechsel“ («Постоянное в Изменчивом»), перевод Вяч. Иванова (ср.: Иванов 1971–1987, 3: 672).

¹³ Из первого абзаца «Истории Рима» Моммзена. Перевод В. Н. Неведомского. Ср.: Mommsen 1854: 4.

Habent sua fata litterae: когда пишущий эти строки обратился к А. Б. Шишкину, в настоящее время владельцу римского семейного архива Иванова, чтобы сверить текст по оригиналу, оказалось, что письмо утрачено. Пока не всплывет оригинал, единственным источником письма останется рукописная копия, сделанная мною тридцать с лишним лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Иванов В. 1962. Свет вечерний: Poems by Vyacheslav Ivanov. Oxford: Clarendon Press.
- Иванов В. 1971–1987. Собр. соч.: В 4-х тт. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов В., Зиновьева-Аннибал Л. 2009. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Шишкин А., Пирон Ж. 2017. «J'entrevois et j'aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция»). – Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива / Сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. М.: Три квадрата. С. 165–192.
- Brands, G., Maischberger, M. 2016. Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus / Hrsg. von Gunnar Brands und Martin Maischberger. Rahden: Leidorf.
- Curtius, L. [s. d.] Antwort auf die von Bartolomeo Nogara, Graf H. W. Salis, Paolino Mingazzini, Hermine Speier an seinem 70. Geburtstag am 13. Dezember 1944 im Schwedischen Institut in Rom gehaltenen Ansprachen. [s. l.]
- Curtius, L. 1934. Mussolini und das antike Rom. Köln: Petrarca-Haus.
- Curtius, L. 1956. Deutsche und antike Welt: Lebenserinnerungen. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Curtius, L. 1958. Torso: Verstreute und nachgelassene Schriften. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Diebner, S., Jansen, Ch. 2016. Ludwig Curtius (1874–1954). – Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus / Hrsg. von Gunnar Brands und Martin Maischberger. Bd. 2. Rahden/Westf.: Leidorf. S. 79–111.
- Goethe, J. W. von. 1949. Goethe: Wisdom and Experience / Selections by Ludwig Curtius. Translated and edited, with an introduction, by Hermann J. Weigand. New York: Pantheon Books.

- Hirschfeld, M. 2023. *Der Archäologe und Wissenschaftsmanager Ludwig Curtius (1874–1954) als exemplarischer Bildungsbürger*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Ivanov, V. 1995. *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass* / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz: Liber Verlag. (Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien. Bd. 6).
- Mommsen, T. 1854. *Römische Geschichte von Theodor Mommsen. Erster Band: Bis zur Schlacht von Pydna*. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung.
- Wachtel, M. 1994. Вячеслав Иванов – студент Берлинского Университета. – *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. Vol. 35. N° 1–2, janvier-juin. Un maître de sagesse au XXe siècle : Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 353–376.
- Wuttke, D. 1989. *Kosmopolis der Wissenschaft: E. R. Curtius und das Warburg Institute: Briefe 1928–1953 und andere Dokumente* / Hrsg. von Dieter Wuttke. Baden-Baden: Valentin Koerner.

REFERENCES

- Brands, G. and M. Maischberger. *Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus*. Edited by Gunnar Brands and Martin Maischberger. Rahden: Leidorf, 2016.
- Curtius, L. *Antwort auf die von Bartolomeo Nogara, Graf H. W. Salis, Paolino Mingazzini, Hermine Speier an seinem 70. Geburtstag am 13. Dezember 1944 im Schwedischen Institut in Rom gehaltenen Ansprachen*. N. p.: n. d.
- . *Mussolini und das antike Rom*. Köln: Petrarca-Haus, 1934.
- . *Deutsche und antike Welt: Lebenserinnerungen*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1956.
- . *Torso: Verstreute und nachgelassene Schriften*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1958.
- Diebner, S. and Ch. Jansen. “Ludwig Curtius (1874–1954).” In *Lebensbilder: Klassische Archäologen und der Nationalsozialismus*. Edited by Gunnar Brands and Martin Maischberger. Vol. 2, 79–111. Rahden: Leidorf, 2016.
- Goethe: Wisdom and Experience*. Selections by Ludwig Curtius. Translated and edited, with an introduction, by Hermann J. Weigand. New York: Pantheon Books, 1949.
- Hirschfeld, M. *Der Archäologe und Wissenschaftsmanager Ludwig Curtius (1874–1954) als exemplarischer Bildungsbürger*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2023.

- Ivanov, V. *Svet vechernii: Poems by Vyacheslav Ivanov*. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- . *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
- . *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Edited by Michael Wachtel. Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien 6. Mainz: Liber Verlag, 1995.
- Ivanov, V. and L. Zinov'eva-Annibal. *Perepiska: 1894–1903*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Mommsen, T. *Römische Geschichte von Theodor Mommsen*. Vol. 1, *Bis zur Schlacht von Pydna*. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1854.
- Shishkin, A. and G. Piron. “‘J’entrevois et j’aime la véritable âme française...’ (K teme ‘Viacheslav Ivanov i Frantsiia’).” In *Okno iz Evropy: K 80-letiiu Georges’a Nivat*. Edited by G. Nefed’ev, A. Parnis, and V. Skuratovskii, 165–92. Moscow: Tri kvadrata, 2017.
- Wachtel, M. “Viacheslav Ivanov – student Berlinskogo Universiteta.” *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 35, no. 1–2, *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps* (January–June 1994): 353–76.
- Wuttke, D. *Kosmopolis der Wissenschaft: E. R. Curtius und das Warburg Institute: Briefe 1928–1953 und andere Dokumente*. Edited by Dieter Wuttke. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1989.

«ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ»: ИЗ ПИСЕМ Ю. Л. САЗОНОВОЙ К Г. П. СТРУВЕ

К. М. Азадовский
(С.-Петербург)

В юбилейном «Ахматовском сборнике» (1989) Л. Флейшман обнаружил ряд документов из архива Г. П. Струве, позволяющих уточнить историю отношений между Ахматовой, Б. В. фон Анрепом и Н. В. Недоброво: письмо Б. В. Анрепа к Г. П. Струве (1969), мемуарные записи Анрепа, его стихи и письма к нему В. А. Знаменской (1895–1968), давней знакомой Недоброво и Ахматовой (см.: Флейшман 1989: 165–193). Эта публикация существенно обогатила историю «треугольника», первооткрывателем которого был, безусловно, Глеб Струве. Начав собирать материал еще в военные годы, Струве увенчал свои многолетние изыскания в 1981–1983 годах публикацией писем Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу (см.: Струве 1981: 425–466) и обстоятельными статьями «Ахматова и Н. В. Недоброво» и «Ахматова и Борис Анреп»¹.

Спустя несколько лет в «Шестых Тыняновских чтениях» (Рига – Москва, 1992) был помещен блок материалов, посвященный Н. В. Недоброво: письма, стихи, заметки, мемуарные свидетельства... Публикации в «Тыняновских чтениях», выполненные группой историков литературы и архивистов (Н. И. Крайнева, Г. В. Обатнин, Р. Д. Тименчик, С. В. Шумихин и др.), представляют в своей совокупности подробный и достоверный обзор рукописного наследия Недоброво в российских архивохранилищах.

Изучением биографии и творчества Н. В. Недоброво занимался в течение долгого времени М. М. Кралин, собравший и напечатавший его произведения под одной обложкой (см.: Недоброво 2001). В

¹ Обе статьи опубликованы в кн.: Ахматова 1983: 428–465.

том же издательстве появилась через несколько лет посвященная Недоброву монография (см.: Орлова 2004; 2-е изд. – Орлова 2019).

Почти все авторы, писавшие о Недоброву, неизменно отталкиваются от мемуарных очерков Юлии Сазоновой (Слонимской). Первый из очерков был написан и опубликован в 1923 г.²; второй относится к 1954 г.³ Публикуя обзор материалов Н. В. Недоброво, хранящихся в РГАЛИ, С. В. Шумихин характеризовал Ю. Л. Сазонову как автора, «пожалуй, наиболее содержательных и значимых статей о Недоброву» (Шумихин 1992: 128). М. Кралин, назвавший обе ее статьи «весьма ценными» (Кралин 2001: 273), использовал их в качестве вступления к книге «Милый голос». И, наконец, – авторитетное мнение Е. И. Орловой, утверждающей, что воспоминания Сазоновой – «лучшее из написанного о Н. В. Недоброву людьми, знавшими его лично» (Орлова 2019: 12).

Авторы единодушны в оценке мемуаров Сазоновой, и это не удивляет. Юлия Леонидовна дружила с Недоброву еще в середине 1910-х годов. Она находилась с ним рядом в последние месяцы его жизни, а покидая Россию, вывезла его бумаги и некоторые памятные вещи. Опытный литератор, Сазонова сумела передать в своих очерках, особенно в первом, духовный облик Недоброву, рассказать о его метаниях и кризисном состоянии в конце жизни, а также о том, что определяло тогда помыслы и устремления поэта, – о его переживании России.

Под первым очерком указано место написания: Сан-Ремо. Можно с уверенностью полагать, что Сазонова обсуждала свой текст с Л. А. Недоброву, вдовой поэта – обе одновременно покинули Россию, жили вместе в Болгарии, а в 1923 году в Италии. Стимулом к написанию второго очерка послужили, думается, эпистолярное общение Сазоновой с Глебом Струве летом 1952 года и высказанное им в одном из писем желание собрать и издать произведения Недоброву.

² См.: Сазонова-Слонимская Ю. Николай Владимирович Недоброву: Опыт портрета. – Русская мысль (Прага – Берлин). 1923. № 6. С. 288–301. В том же номере напечатана пьеса («трагедия в стихах») Недоброву «Юдифь» (Там же. С. 8–61).

³ См.: Сазонова Ю. Николай Владимирович Недоброву. – Новое русское слово (Нью-Йорк). 1954. № 15369. 26 мая. С. 2.

Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская; 1884–1957) занимает в истории русской культуры XX века заметное место; представлять ее подробно не требуется. В контексте ее переписки с Г. П. Струве достаточно лишь напомнить, что начиная с 1942 г. Сазонова жила в США. Приехав с сыном из Франции, она поселилась в Нью-Йорке, соединившись со своей матерью Фаиной Слонимской и обеими тетками: З. А. и И. А. Венгеровыми. В США находился также ее брат, композитор Н. Л. Слонимский.

Американский период жизни Сазоновой, как и другие события ее биографии, подробно исследовал американский ученый-русист и переводчик Кит Триббл (1948–2017)⁴, употребивший немало усилий на то, чтобы собрать сведения, освещающие разностороннюю деятельность Юлии Леонидовны, и выяснить судьбу ее архива. Им опубликованы переписка Сазоновой с Н. Н. Евреиновым и А. А. Кашиной⁵, с И. А. и В. Н. Буниными⁶ и составлены ценные, на документальной основе, «Материалы к летописи жизни и творчества Ю. Л. Сазоновой»⁷.

Некоторые из работ К. Триббла остались неопубликованными⁸.

Публикуя ниже ряд ярких писем Юлии Сазоновой, хранящихся в архиве Гуверовского института (The Gleb Struve Papers. Box 109. Folder 14)⁹, мы надеемся добавить несколько дополнительных штрихов к материалам, введенным в оборот Г. Струве,

⁴ См.: Триббл 2010: 106–120.

⁵ См.: Переписка Сазоновой с Евреиновыми 2004: 311–330, 584–589; см. также: Переписка Сазоновой с Якобсоном 2011: 115–133 и др.

⁶ См.: Переписка Буниных с Сазоновой 2010: 267–370.

⁷ См.: Там же: 371–397 (приложение к переписке Сазоновой с И. А. и В. Н. Буниными).

⁸ Среди них – исследование «Театр маленьких деревянных комедиантов в Париже (по переписке Ю. Л. Сазоновой с М. Ф. Ларионовым и Н. С. Гончаровой)» с приложением полного текста переписки (готовится нами к публикации).

⁹ В своей статье «Ахматова и Н. В. Недоброво» Струве упоминает о том, что в 1968 г. он переслал в Ленинград В. А. Знаменской *копии* обращенных к нему писем Ю. Л. Сазоновой (см.: Ахматова 1983: 408). В действительности были посланы не копии, а лишь выдержки из трех писем (от 9 июля, 1 августа и 11 августа). «Вот Вам несколько выписок о Н. В. Недоброво из писем покойной Ю. Л. Сазоновой-Слонимской ко мне...», – сказано в этом письме, датированном 4 октября 1968 г. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – РНБ). Ф. 1088. Ед. хр. 153. Л. 6).

Л. Флейшманом и другими исследователями. Мы отдаем себе отчет в том, что письма Сазоновой к Струве давно известны (ссылки на них встречаются в работах Г. П. Струве, Р. Д. Тименчика, К. Триббла и др.). Тем не менее ни одно из писем не публиковалось полностью, в том числе и содержательное письмо от 1 августа 1952 г. – недостающее и необходимое, на наш взгляд, звено в цепи документов, освещающих историю пресловутого «треугольника» (Ахматова – Недоброво – Анреп).

Переписка Ю. Л. Сазоновой с Г. П. Струве завязалась летом 1952 г. (и, собственно, ограничивается июлем–сентябрем этого года). Поводом к переписке послужила книга «Неизданный Гумилев» (см.: Гумилев 1952), объединившая под своей обложкой пьесу Гумилева «Отравленная туника», неоконченную повесть «Веселые братья» и несколько ранее неизвестных стихотворений 1916–1918 гг. (материалы, образовавшие этот том, Струве получил от Б. В. Анрепа). Это была одна из первых книг недавно созданного русского издательства, и вполне понятно, что его редакторы и, разумеется, авторы были заинтересованы в откликах и рецензиях. В этой связи издательство обратилось к Ю. Л. Сазоновой, регулярно писавшей в США для «Нового русского слова» и других русскоязычных изданий, и Юлия Леонидовна охотно откликнулась на это предложение. Издание Струве привлекало ее еще и по той причине, что она лично знала Гумилева, встречаясь с ним в Петрограде в 1914–1917 гг.

9 июля 1952 г. Сазонова письменно обратилась к Г. П. Струве:

Многоуважаемый Глеб Петрович,

Получив для рецензии книгу Гумилева и начав читать Вашу вступительную статью, я увидела имя Б. В. Анрепа, которого разыскиваю вот уже больше тридцати лет. Он был другом Н. В. Недоброво, с которым у меня была близкая дружба, и уехал в Англию писать фрески для храма. Это было перед самой революцией, и он не вернулся. Недоброво вскоре умер от чахотки, и об Анрепе я больше ничего не могла узнать. С его именем связана у меня память о давних петербургских годах, и я была бы очень

Вам благодарна, если бы Вы сообщили мне, как сложилась его жизнь...¹⁰

Струве ответил «обстоятельным» письмом: сообщил, видимо, о своих поисках материалов, связанных с Гумилевым, и о том, как «сложилась жизнь» Анрепа, с которым он был знаком с 1941 г. и состоял в переписке¹¹. Естественно предположить, что он не упустил возможности задать Сазоновой ряд вопросов относительно Недоброво¹².

Письмо Струве взволновало Сазонову, и в ответном послании (публикуется полностью) она поделилась с ним воспоминаниями:

1 августа 1952

Многоуважаемый Глеб Петрович,
спасибо за обстоятельный ответ на мое письмо и за сведения о Б. В. Анрепе. Действительно, странно, что я не слышала о нем в Париже, но я его там не искала, считая, что он в Лондоне.

Любовь Александровна Недоброво похоронена в Сан Ремо, где она скончалась от чахотки¹³. На ее могиле стоит памятник с ее именем и словами Евангелия: «Больше сея любви никтоже имать да кто душу свою положит за други своя»¹⁴. На памятнике высечена сломанная лилия¹⁵. Могилы ее на католическом кладбище, русского там не было.

¹⁰ Данное письмо, как и все последующие (за исключением письма от 1 августа), публикуется в его содержательной части.

¹¹ Фрагменты двух писем Б. В. Анрепа (от 23 октября и 15 ноября 1968 г.) Струве опубликовал позднее как заключительную часть публикации под названием «Из моего архива» (Мосты (Мюнхен). 1970. № 15. С. 410–412; раздел «Из писем Б. В. Анрепа»).

¹² Письма Г. П. Струве к Ю. Л. Сазоновой считаются в настоящее время утраченными.

¹³ Любовь Александровна Недоброво (урожд. Ольхина; 1875–1924), близкая приятельница Ю. Л. Слонимской.

¹⁴ Иоан. 15:13. В современном переводе: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

¹⁵ Сведения о могиле Л. А. Недоброво даны в кн.: Талалай 2014: 498. Фотографию могилы и ее подробное описание см. в статье: Толмачев 2002: 49–57. Там же – впечатление от нынешнего состояния кладбища: «...надгробие покосилось, ушло в землю, никаких следов ухода, но все цело» (Там же: 49).

Николай Владимирович Недоброво похоронен на Аутском кладбище в Ялте, где он скончался от туберкулеза легких и почек. Я жила тогда в Ялте и в годы его болезни постоянно виделась с ними, до самой его смерти. В Париже у меня имеется полная тетрадь его стихов. Некоторые из них были напечатаны в «Русской Мысли» в Петербурге¹⁶. Здесь у меня имеется его экземпляр «Четок» с пометками ритмов. Его работа о метрике стиха осталась незавершенной и была в руках у покойного К. В. Мочульского, который собирался довести ее до конца, по воспоминаниям разговоров. При моем отъезде из Петербурга Ахматова подарила мне рукопись «Белой Стаи» в клетчатой школьной тетради. Я показывала ее Недоброву, но, конечно, никаких пометок на ней не делалось. Рукопись осталась в Биарице в надежных руках¹⁷, так как я боялась везти ее через испанскую границу, поверив, будто испанцы уничтожают русские бумаги.

Как Вам, вероятно, говорил Анреп, Недоброво имел большое влияние на Ахматову. К его мнению прислушивался также Вячеслав Иванов, часто бывавший у него уже во время болезни в Сочи и в Ялте¹⁸.

¹⁶ Стихи Недоброво публиковались в следующих номерах «Русской мысли»: 1913. № 2. С. 175–180; 1914. № 11. С. 89–90; 1915. № 6. С. 29–30. Там же публиковалась и его проза, в частности – статья «Анна Ахматова» (1915. № 7. С. 50–68).

¹⁷ Кого именно имеет в виду Слонимская, неясно. Сведения о судьбе ее бумаг, оставленных в Биаррице, сообщил К. Триббл, опираясь, в частности, на свои разговоры с Д. П. Сазоновым, сыном Слонимской: «В 1940 г., уезжая из Франции в Португалию на неопределенный срок, Сазонова оставила сундук <с бумагами. – К. А.> в подвале гостиницы “Бельведер” в Биаррице, договорившись с хозяином гостиницы, что вещи будут храниться, пока она не вернется. Вернувшись во Францию в 1955 г., Сазонова разыскивала сундук, но перепутала название гостиницы и на конверте написала “Бельвью” вместо “Бельведер”. После смерти матери Д. П. Сазонов среди ее бумаг нашел вернувшееся письмо и сам навел справки в гостинице в Биаррице, где ему ответили, что сундук недавно выбросили. В сундуке была ценная переписка и рукописи, в том числе рукопись “Белой стаи”, которую А. А. Ахматова подарила Сазоновой незадолго до ее отъезда из Петрограда в феврале 1917 г.» (Переписка Буниных с Сазоновой 2010: 272, прим. 16).

¹⁸ В. И. Иванов жил в Сочи в конце 1916 – начале 1917 г. Н. В. Недоброво находился на Кавказе и в Крыму в 1916–1919 гг. «На даче рядом живет Вячеслав Иванов с женой и с маленьким голубоглазым Димой, – писала Л. Недоброво 1 декабря 1916 г. из Сочи

Рецензия о книге «Неизданный Гумилев» появится в «Новом Русском Слове» в конце августа, так как теперь мертвый сезон и для распространения книги выгоднее писать позднее. В биографии¹⁹ меня заинтересовало многое. Вопрос о причинах расстрела остается невыясненным. Горький действительно хлопотал за Гумилева. Очень хлопотала Ахматова и писатели, жившие в «Доме Искусства» <так!>. Кускова²⁰ в одном из фельетонов упоминала, что когда она пришла хлопотать за него, они даже не знали хорошенько его фамилии²¹. Возможно, что его арестовали по ошибке, а потом «пришили» ему таганцевское дело. Я знала Гумилева, и участие его в заговоре мне представляется маловероятным. Тогда ходили разные слухи. Я давно собиралась просить Кускову подробно рассказать то, что ей известно. Писатели же из «Дома Искусства», хлопотавшие за него, о таганцевском деле не знали, а говорили о монархических стихах в старых изданиях Гумилева, но это тоже недостоверно.

Если дадите Анрепу мой адрес, буду рада иметь от него вести.

Шлю сердечный привет. И еще раз благодарю за письмо.

С искренним чувством

Ю. Сазонова

Сазонова явно намеревалась связаться с Анрепом, и, получив ее письмо, Г. П. Струве написал в Лондон и спросил художника, можно ли сообщить Юлии Леонидовне его адрес. Ответ Анрепа

В. А. Знаменской, – это огромный для меня ресурс, конечно, он <Иванов> ежедневно заходит к Н. В. и очень, очень к нему мил» (РНБ. Ф. 1088. Ед. хр. 138. Л. 9 об.). Упоминание о встречах в Ялте (Иванов в те годы Крым, насколько известно, не посещал) ошибочно. Посылая В. А. Знаменской выдержку из этого письма, Г. П. Струве сделал к этому месту примечание: «Что В. И. Иванов в 1919 г. был в Ялте, для меня новость (в Сочи – другое дело. – Г. С.)» (РНБ. Ф. 1088. Ед. хр. 153. Л. 6). Впрочем, Б. В. Анреп в своей «мемуарной записи», опубликованной Л. Флейшманом, также упоминает о том, что Вяч. Иванов «позже виделся с Н. В. в Крыму» (Флейшман 1989: 178). См. также: Маштакова 2019: 283–306.

¹⁹ Книга «Неизданный Гумилев» открывалась статьей Струве «О литературном наследстве Н. С. Гумилева» и «биографическим очерком».

²⁰ Екатерина Дмитриевна Кускова (урожд. Есипова; по второму браку – Прокопович; 1869–1958), публицист, мемуаристка; деятель русского революционного движения.

²¹ Сведений об этой статье Кусковой не обнаружено.

оказался неожиданным: по какой-то (нам неизвестной) причине он не пожелал вступить в переписку с Сазоновой.

«С Анрепом она так и не связалась, – сообщал Струве В. А. Знаменской 4 октября 1968 г., – он почему-то не захотел, чтобы я сообщил ей его адрес. О том же, как сложилась его жизнь, я ей написал, внося поправки в ее неточные сведения о нем, оразившиеся в ее первом письме ко мне»²².

Сообщил ли Струве Сазоновой о нежелании Анрепа вступить с ней в эпистолярное общение и если сообщил, то в каких словах – этого мы опять-таки не знаем. Зато Глеб Петрович рассказал Сазоновой о своем намерении собрать и издать произведения Недоброво и предложил ей принять участие в этой работе. Это предложение, следует думать, ее весьма заинтересовало, о чем свидетельствует письмо от 8 августа:

Многоуважаемый Глеб Петрович,
спасибо за быстрый отклик и за сведения о Гумилеве, которые представляются мне исчерпывающими.

Спасибо за предложение участвовать в издании произведений Н. В. Недоброво, которое я охотно принимаю. У меня сохранились некоторые письма Недоброво, относящиеся к его болезни, и его портрет, снятый в профиль и похожий на миниатюру.

У Анрепа, наверное, имеются также его портреты²³. Есть у меня и портрет Любви Александровны в последние годы.

Мне кажется, что такое издание может представлять большой интерес, так как Недоброво связан с целой эпохой...

Отвечая на это письмо, Струве задал тревоживший его вопрос о рецензии на «Неизданного Гумилева». Сазонова ответила 11 августа:

Многоуважаемый Глеб Петрович,
Статью о Гумилеве мне действительно заказали. Я должна была ее сдать в сентябре, к началу сезона. Но когда я ее кончала,

²² РНБ. Ф. 1088. Ед. хр. 153. Л. 6.

²³ Портрет Недоброво, выполненный Анрепом, неизвестен.

получилось письмо от Александровой²⁴, что она готовит статью о Гумилеве. Чтобы не ставить редактора в трудное положение, я была вынуждена от статьи отказаться, тем более что Александрова только начинает оправляться от тяжелой болезни, и я считала неудобным поступить иначе. Вот ответ на Ваш первый вопрос.

Спасибо за ласковый ответ по поводу несбывшейся статьи. Книга очень меня заинтересовала – и биография, и текст. Меня поразила внутренняя разница двух близких по теме «экзотических» вещей: «Дитя Аллаха» и «Отравленная туника». «Дитя Аллаха» была написана Гумилевым по моей просьбе для затеянного мною кукольного театра²⁵. Гумилев приходил на собрания, обсуждал художественные возможности марионеток и действительно написал очень подходящую для них вещь. По свойственной ему особой галантности, он считал пьесу моей и только с моего разрешения согласился отдать ее в «Аполлон» Маковскому, который тоже был членом театра²⁶. Я тогда же передала рукопись Маковскому, и она осталась у него²⁷. Пишу Вам это, так как Вам может быть интересна история написания этой вещи.

Мне самой теперь жалко, что не пришлось написать о книге. Шлю Вам сердечный привет и надеюсь, что Ваша мысль об издании произведений Недоброво осуществится...

²⁴ Вера Александровна Александрова (урожд. Мордвинова, по мужу – Шварц; 1895–1966), литературовед и литературный критик. С 1922 г. в эмиграции (Германия, затем США). С 1952 по 1956 г. – главный редактор Издательства имени Чехова (Нью-Йорк). Автор многочисленных обзорных статей и рецензий, посвященных советской литературе.

²⁵ Имеется в виду театр марионеток, созданный Ю. Л. Сазоновой и ее мужем П. П. Сазоновым в Петербурге в начале 1916 г. См. подробно: Зыкова, Иванова 1995: 109–127. В 1924–1925 гг. Сазонова пыталась возродить «театр маленьких деревянных комедиантов» в Париже; состоялось несколько спектаклей.

Описывая в одной из своих статей созданный ею и ее мужем, П. П. Сазоновым, театр марионеток, Сазонова называет его «былой домашний театрик, исчезнувший из наших глаз вместе с Петербургом» (Сазонова 1943: 288).

²⁶ В своей статье 1943 г. Сазонова сообщает, что С. Маковский дал ее куклам «приют» в редакции «Аполлона» (Там же).

²⁷ Пьеса была опубликована в «Аполлоне» (с тремя иллюстрациями П. В. Кузнецова). Номер вышел в свет осенью 1917 г. См.: Гумилев 1917: 17–57.

Можно приблизительно представить себе, о чем собиралась писать (и, судя по ее письму от 11 августа, вчерне написала) Сазонова в своей несостоявшейся рецензии на «Неизданного Гумилева»: сопоставление пьес «Отравленная туника» и «Дитя Аллаха», история возникновения второй пьесы и т. п. Намечалась, по всей видимости, и еще одна тема: царскосельская. Это следует из следующего письма Сазоновой (от 4 сентября):

Дорогой Глеб Петрович, статью о Гумилеве хочет писать почти выздоровевшая Вера Александровна, и я, конечно, взяла назад свое намерение дать теперь статью о книге. Если бы можно было придумать другое место, то, конечно, я дала бы, но проще отложить на некоторое время и дать более общую статью о «Царскосельских», включая Недоброво и Анрепа²⁸. Мне совестно перед Вами, что вышло, как будто я говорила зря, но Вы вполне будете вознаграждены статьей Веры Александровны. К сожалению, нет такого издания, где можно было бы дать по-английски статью о поэтах, таких, как Гумилев.

Простите за невольное недоразумение, которое, надеюсь, не заставит Вас потерять ко мне доверие...

Кого имела в виду Сазонова, говоря о «царскосельских»? Прежде всего, конечно, Ахматову и Гумилева, затем – супругов Недоброво и, как видно, Анрепа, не раз навещавшего их в Царском Селе в 1914–1916 гг. (на Бульварной улице). Именно там 13 февраля 1916 г. Недоброво читал – в присутствии Ахматовой и Анрепа – свою поэму «Юдифь» (в тот вечер Ахматова подарила Анрепу «черное кольцо» и сделала надпись на книге «Вечер»: «...Одной надеждой меньше стало, / Одною песней больше будет...»; см.: Черных 2008: 112–113). И как раз через день после этой встречи в Царском состоялась генеральная репетиция кукольного спектакля «Силы любви и волшебства» (в особняке Гауша на Английской набережной), где присутствовали Гумилев и Ахматова; был ли на этом вечере Недоброво, неизвестно.

²⁸ Такая статья, насколько известно, не была написана.

Коллизия между Издательством Чехова (В. Александрова) и рецензентами (Ю. Сазонова, Ю. Терапиано) тянулась на протяжении нескольких недель. О том, как она разрешилась, можно узнать из последнего письма Сазоновой, написанного спустя две недели:

Многоуважаемый Глеб Петрович,
новое приключение: Александрова статью написать не смогла, а тем временем Терапиано²⁹ прислал статью о Гумилеве и, по общему соглашению, она и будет напечатана³⁰. А в будущем воскресенье, вероятно, пойдет моя статья о Бунине³¹.

Что касается меня, то редактор³² просил меня написать «по поводу» Гумилева через некоторое время, так чтобы не вышло два раза подряд. Сейчас я должна спешно сдавать другую работу издательству³³ и смогу написать о Гумилеве, когда освобожусь. Тема меня интересует по-прежнему.

Сообщаю Вам обо всей этой перестановке, дабы Вы не удивлялись, увидав Терапиано вместо Александровой...

Примечательны в этом письме слова «Тема меня интересует по-прежнему». О ком собиралась вспомнить Юлия Леонидовна? Конечно, об Ахматовой, «царскосельской музе», и Гумилеве, Н. В. и Л. А. Недоброво. Возможно, и о других поэтах «плеяды Анненского» и круга «Аполлона» – тех, кого она знала лично или по рассказам

²⁹ Один из ведущих литературных критиков Русского Зарубежья Ю. К. Терапиано (1892–1980) регулярно публиковал в те годы свои статьи и обзоры в газете «Новое русское слово» и сотрудничал с Издательством имени Чехова, выпустившим в 1953 г. его мемуарную книгу «Встречи».

³⁰ Статья-рецензия Ю. Терапиано под заглавием «Неизданный Гумилев» опубликована в «Новом русском слове» (1952. № 14764. 28 сентября. С. 8; раздел «Литература и искусство»).

³¹ Статья Ю. Сазоновой о Бунине представляла собой рецензию на «Жизнь Арсеньева» (1930), переизданную Издательством имени Чехова в 1952 г. Опубликована в том же номере и на той же странице «Нового русского слова», что и статья Терапиано (см. предыдущ. примеч.), и одновременно (тексты не идентичны) – в нью-йоркском «Новом журнале» (1952. Кн. 30. С. 287–290).

³² Видимо, М. Е. Вейнбаум.

³³ Имеется в виду двухтомная «История русской литературы», которую Ю. Л. Сазонова готовила тогда по контракту с Издательством имени Чехова, заключенному (вторично) 25 июля 1952 г.; оба тома появились в 1955 г. См.: Триббл 2010: 115–116.

Н. В. и Л. А. Недоброво. Свидетельница и участница литературно-художественной и артистической жизни Серебряного века, Сазонова могла бы оставить потомству яркие, содержательные воспоминания, охватывающие множество имен и событий. К сожалению, этого не случилось; написать о Гумилеве и других царскоселах Сазонова не успела.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахматова А. 1983. Сочинения. Т. 3 / Общая ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Париж: YMCA-Press.
- Гумилев Н. 1917. Дитя Аллаха: Арабская сказка в трех картинах. – Аполлон. № 6–7 (август–сентябрь). С. 17–57.
- Гумилев Н. 1952. Неизданный Гумилев: Отравленная туника и другие неизданные произведения / Под ред. и с вступительной статьей, биографическим очерком и примечаниями Г. П. Струве. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.
- Зыкова Е., Иванова А. 1995. «Нас возвышающий обман...» (Театр марионеток Юлии Слонимской). – Кукольники в Петербурге. СПб.: СПАТИ. С. 109–127.
- Кралин М. 2001. Примечания. – Недоброво Н. В. Милый голос: Избранные произведения / Сост., примечания и послесловие М. Кралина. Томск: Водолей. С. 273–337.
- Маштакова Л. 2019. Н. В. Недоброво и Л. А. Недоброво в переписке с В. И. Ивановым и М. М. Замятниной (1912–1914) / Преамбула и публикация Л. Маштаковой. – *Europa orientalis*. Т. 38. С. 283–306.
- Недоброво Н. В. 2001. Милый голос: Избранные произведения / Сост., примечания и послесловие М. Кралина. Томск: Водолей.
- Орлова Е. И. 2004. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск: Водолей.
- Орлова Е. И. 2019. Литературная судьба Н. В. Недоброво: Монография. 2-е изд., переработ. и доп. М.: Флинта.
- Переписка Буниных с Сазоновой 2010. «Драгоценная скупость слов»: Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Ю. Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступительная статья К. Триббла. Публикация К. Триббла, О. Коростелева, Р. Дэвиса. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь. С. 267–397.

- Переписка Сазоновой с Евреиновыми 2004. История одной полемики: Переписка Юлии Сазоновой с Николаем и Анной Евреиновыми, 1937–1954 / Публикация, вступительный текст и примечания К. Триббла. – Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 3 / Ред.-сост. В. Иванов. М.: «Артист. Режиссер. Театр». С. 311–330.
- Переписка Сазоновой с Якобсоном 2011. Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1948–1955) / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания К. Триббла. – Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Кн. 5. Иерусалим; Торонто; СПб.: Гиперион. С. 115–133.
- Сазонова Ю. 1943. Письма Райнер Мария Рильке. – Новый журнал (Нью-Йорк). № 5. С. 281–292.
- Струве Г. П. 1981. К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу / Публикация Г. П. Струве. – Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. V–VI / Ed. by L. Fleishman, O. Ronen, D. Segal. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University. P. 425–466.
- Талалай М. Г. 2014. Российский некрополь в Италии. М.: ООО «Старая Басманная». (Серия «Российский некрополь». Вып. 21).
- [Толмачев М. В.] 2002. У забытой могилы в Сан Ремо: Памяти Любви Александровны Недоброво. – Литературный европеец (Франкфурт-на-Майне). № 49. Март. С. 49–57.
- Триббл К. 2010. Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955). – Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Кн. 4. Иерусалим; Торонто; СПб.: Гиперион. С. 106–120.
- Флейшман Л. 1989. Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публикация Л. Флейшмана. – Ахматовский сборник. [Вып.] 1 / Сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж: Институт славяноведения. С. 165–193.
- Черных В. А. 2008. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, 1889–1966. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Индрик.
- Шумихин С. В. 1992. Материалы Н. В. Недоброво в ЦГАЛИ. – Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М.: [Б. и.]. С. 124–136.

REFERENCES

- Akhmatova, A. *Sochineniia*. Edited by G. P. Struve, N. A. Struve, and B. A. Filippov. Vol. 3. Paris: YMCA-Press, 1983.
- Chernykh, V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi, 1889–1966*. 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Indrik, 2008.
- Fleishman, L. "Iz akhmatovskikh materialov v arkhive Guverovskogo instituta." In *Akhmatovskii sbornik*. Edited by S. Dediulin, and G. Superfin. Vol. 1, 165–93. Paris: Institut slavianovedeniia, 1989.
- Gumilev, N. "Ditia Allakha: Arabskaia skazka v trekh kartinakh." *Apollon* 6–7 (August–September 1917): 17–57.
- . *Neizdannyi Gumilev: Otravlennaia tunika i drugie neizdannye proizvedeniia*. Prefaced, edited and annotated by G. P. Struve. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1952.
- Kralin, M. Annotations to *Milyi golos: Izbrannye proizvedeniia*, by N. V. Nedobrovo, 273–337. Tomsk: Vodolei, 2001.
- Mashtakova, L. "N. V. Nedobrovo i L. A. Nedobrovo v perepiske s V. I. Ivanovym i M. M. Zamiatninoi (1912–1914)." Prefaced and published by L. Mashtakova. *Europa orientalis* 38 (2019): 283–306.
- Nedobrovo, N. V. *Milyi golos: Izbrannye proizvedeniia*. Edited and annotated by M. Kralin. Tomsk: Vodolei, 2001.
- Orlova, E. I. *Literaturnaia sud'ba N. V. Nedobrovo*. Tomsk: Vodolei, 2004.
- . *Literaturnaia sud'ba N. V. Nedobrovo: Monografiia*. 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Flinta, 2019.
- Sazonova, Iu. "Pis'ma Rainer Maria Rilke." *Novyi zhurnal* 5 (1943): 281–92.
- Shumikhin, S. V. "Materialy N. V. Nedobrovo v TsGALI." In *Shestye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia*, 124–36. Riga and Moscow: n. p., 1992.
- Struve, G. P. "K istorii russkoi literatury 1910-kh godov: Pis'ma N. V. Nedobrovo k B. V. Anrepu." Published by G. P. Struve. In *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*. Edited by L. Fleishman, O. Ronen, and D. Segal. Vol. 5–6, 425–66. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University, 1981.
- Talalai, M. G. *Rossiiskii nekropol' v Italii*. Seriiia "Rossiiskii nekropol" 21. Moscow: OOO "Staraia Basmannaia," 2014.
- [Tolmachev, M. V.]. "U zabytoi mogily v San Remo: Pamiati Liubovi Aleksandrovny Nedobrovo." *Literaturnyi evropeets* 49 (March 2002): 49–57.

- Tribble, K., O. Korostelev and R. Davies. “‘Dragotsennaia skupost’ slov’: Perepiska I. A. i V. N. Buninykh s Iu. L. Sazonovoi (Slonimskoi) (1952–1954).” Prefaced by K. Tribble. Published by K. Tribble, O. Korostelev, and R. Davies. In *I. A. Bunin: Novye materialy*. Vol. 2, 267–397. Moscow: Russkii put’, 2010.
- Tribble, K. “Istoriia odnoi polemiki: Perepiska Iulii Sazonovoi s Nikolaem i Annoi Evreinovymi, 1937–1954.” Published, prefaced and annotated by K. Tribble. In *Mnemozina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra 20 veka*. Edited by V. Ivanov. Vol. 3, 311–30. Moscow: “Artist. Rezhisser. Teatr,” 2004.
- . “Iuliia Sazonova (Slonimskaia) v Amerike (1942–1955).” In *Russkie evrei v Amerike*. Edited by E. Zal’tsberg. Vol. 4, 106–20. Jerusalem, Toronto and Saint Petersburg: Hyperion, 2010.
- . “Perepiska Iulii Sazonovoi (Slonimskoi) s Romanom Iakobsonom (1948–1955).” Prefaced, edited and annotated by K. Tribble. In *Russkie evrei v Amerike*. Edited by E. Zal’tsberg. Vol. 5, 115–33. Jerusalem, Toronto and Saint Petersburg: Hyperion, 2011.
- Zykova, E. and A. Ivanova. “‘Nas vozvyshaiushchii obman...’ (Teatr marionetok Iulii Slonimskoi).” In *Kukol’niki v Peterburge*, 109–27. Saint Petersburg: SPATI, 1995.

ОБ ОДНОЙ КАРТИНЕ А. БЕЛОБОРОДОВА

Стефано Гардзонио

(Пиза / Флоренция)

Несомненно, среди художников русского зарубежья особо выделяется имя Андрея Яковлевича Белобородова (1886–1965)¹. Недавняя публикация каталога его картин, посвященных Риму и римской деревне (см.: Shishkin, Strada 2023), дает дальнейший импульс к изучению его искусства вестуиста². Том сопровождается короткими комментариями к отдельным картинам Белобородова, написанными Дмитрием Вячеславовичем Ивановым (Jean Neuvacelle), сыном поэта-символиста Вяч. Иванова. С самим Вяч. Ивановым Белобородов познакомился в 1927 г. через Павла Муратова³.

Андрей Белобородов, уроженец Тулы, обучался на архитектурном факультете Императорской Академии художеств в Петербурге под руководством Леонтия Бенуа. Увлеченный великой итальянской архитектурой, в первую очередь Палладио, Белобородов вскоре начал заниматься архитектурой (он проектировал дворец Григория Бобринского в Петербурге, завершил реконструкцию интерьеров дворца Феликса Юсупова и т. д.). Эмигрировав из России в 1920 г., он переехал сначала в Лондон, а затем в Париж, где открыл ателье, действовавшее до 1934 г. В том же 1920 г. Белобородов совершил первую поездку в Италию, куда он возвращался вновь в 1921 и 1922 гг. В 1923 г. в Париже прошла его первая персональная выставка под названием «*Italie*» в салоне Владимира Гиршмана на улице Сент-Оноре. Затем следуют и другие выставки, посвященные Италии (*Italia e Provenza*, 1924; «*Vues de Rome et des villas romaines*» в отеле

¹ О Белобородове, кроме статьи А. Б. Шишкина в энциклопедии «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века» (Шишкин 2019а: 91–93), см. его же статью в «Ежегоднике Дома русского зарубежья»: Шишкин 2019б: 139–154.

² Об этой книге см.: Garzonio, S. Beloborodov, da Pietrogrado all'Italia, com'era prima dell'urbanistica fascista. – II Manifesto. 9 Giugno 2024. P. 2–3.

³ Как свидетельствовала дочь поэта Лидия, Иванов очень «ценил и любил» Белобородова (Иванова 1990: 291). См. также: Пайман 2004: 152–156.

«Жан Шарпантье» в Париже, 1929), самой значительной из которых была *Vedute di Roma e d'Italia*, состоявшаяся в Риме во дворце Печчи-Блант (Pecchi-Blunt) в 1934 г. К тому времени Белобородов переехал в Италию.

После выставки во дворце Печчи-Блант последовали выставки (в Милане в декабре 1934 г.), а затем в Римском музее (с конца 1936 по конец 1937 г.). В Риме, благодаря швейцарскому писателю и магнату Морису Сандозу, художник познакомился с крупными представителями итальянской культуры, в частности с Джорджо де Кирико и Марио Працем.

Затем последовали выставки в Милане и Риме (вспомним «пост-апокалиптический» фантастический цикл *La Grande Isola*; см.: Васильева 2019: 155–163), а также сотрудничество с римскими театрами и кино. Именно в Риме Белобородов создал свой самый смелый проект – дворец Мориса Сандоза в палладианском стиле на маленьком Авентине, вторгающийся прямо в архитектурный ландшафт города. В 1951 г. вышло также издание гравюр, посвященное Салернскому заливу, с предисловием Поля Валери (см.: *Le Golfe de Salerne* 1951).

Любовь к Вечному городу выражена непосредственно в альбоме «*Vedute di Roma*» 1961 г., который включает ряд пояснений и комментариев Д. В. Иванова (см. выше). Этому изданию, в котором напечатан текст де Ренье, первоначально опубликованный в «Фигаро» в 1929 г. по случаю вышеупомянутой выставки в отеле «Жан Шарпантье»⁴, посвящена публикация: Shishkin, Strada 2023.

Краткие аннотации к картинам Белобородова, составленные Д. В. Ивановым, призваны подчеркнуть своеобразие точки зрения, избранной живописцем при изображении римских памятников и пейзажных видов. Читателя-зрителя особенно впечатляет стремление художника создать идеальное изображение Рима, передающее главные метафизические черты города. Эта установка ощутима в стремлении Белобородова пренебречь хаосом, возникшим на рубеже XIX и XX вв. вследствие реорганизации городского пространства (появление Витториано, создание *Via della Conciliazione* и т. д.).

⁴ См.: Régnier, H. de. Promenade dans Rome. – Figaro. 1929. № 141. 21 mai. P. 1.

Картины Белобородова дают возможность любоваться городом, не утратившим исконные ландшафтные особенности. Таков район Борго, который Белобородов изображает на гравюре на дереве *La coupole dominant la ville*. Комментарий Д. В. Иванова следующий:

Le Peintre pour surprendre la Coupole au-dessus du troupeau des maisons ocre et toits gris et roses, s'est introduit dans un jardinet suspendu du quartier du Borgo. Hélas ! Il n'y a plus de Borgo, ni de maisons-brebis accourant à la Basilique, ni de Jardin sur le toit ! Mais le tableau demeure (цит. по: Shishkin, Strada 2023: 26).

Это утверждение подчеркивает значение, которое Белобородов придает римским ведутам. В Риме вошло в поговорку, что лучшей точкой для любования городом является Витториано (памятник, посвященный Витторио Эммануилу II, строительство которого повлекло за собой разрушение важных памятников папского Рима), так как с этого места можно посмотреть на прекрасный городской пейзаж, не испорченный уродливым видом памятника королю. Белобородов в своей картине *Panorama du haut du monument de Victor Emmanuel II (vers le Colisée)* делает именно такой выбор и использует Витториано лишь как точку наблюдения. Д. В. Иванов отмечает:

Le monument de Victor Emmanuel, qui écrase de sa masse blanche le Forum et le Capitole, nous n'en dirons plus de mal. Tout a déjà été dit (цит. по: Shishkin, Strada 2023: 44).

То же самое можно сказать и о многих других художественных достижениях Белобородова. Но здесь я хотел бы представить его малоизвестную картину, обойденную в предыдущих публикациях, посвященных римским картинам художника. Она представляет собой интересное свидетельство о Риме – таком, каким он некогда был (и больше уже не будет).

Некоторое время я совершенно случайно наткнулся у римского антикара на картину Белобородова, изображающую вид на Виллу Боргезе в Риме и названную *Veduta di Piazza di Siena dalla Fontana dei Pupazzi a Villa Borghese* («Вид на площадь Сиены со стороны фонтана Пупацци на вилле Боргезе»). Фонтан был построен в конце XVIII в.

Илл. 1

Pirazzì – это младенцы-путти, которые с дельфинами украшали его, придавая ему неоклассический характер.

Картина была выставлена в мае 1929 г. в отеле «Жан Шарпантье» в Париже. В приглашении-каталоге на выставку картина указана под номером 27 среди римских вилл в городе. На выставке были представлены виды Рима, городских вилл и виллы Мадама в Монте-Марио.

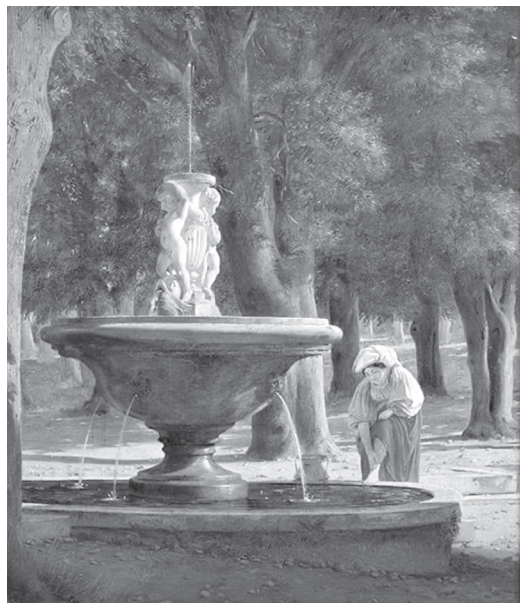
Вставленная в раму, которую антиквар ценил больше, чем саму картину, работа, которую я тогда решил приобрести, оказывается темперой на бумаге размером 40 × 53 см (илл. 1).

И в этом случае, хоть и не по воле автора, произведение представляет собой исторический, теперь уже идеальный, взгляд на Рим, т. к. мраморная группа Pirazzì была украдена в 1983 г., и с тех пор не найдена и не заменена копией (илл. 2).

Сохранились и другие изображения этого памятника. Наиболее известна работа датского скульптора и художника Йоргена Педерсена Роэда (1808–1888), написавшего ее во время своего пребывания в Италии в 1837–1841 гг. (илл. 3).

Илл. 2

Илл. 3

В эту версию художник ввел и фигуру молодой девушки, моющей ноги (следует отметить, что Белобородов, напротив, систематически избегал включения живых персонажей в свои картины).

Fontana dei Pupazzi также был изображен в ярком красочном варианте американским художником Джоном Сингером Сарджентом (1856–1925) (илл. 4).

Наиболее старшее известное мне изображение фонтана, – это гравюра Эудженио Ландезио (1809 или 1810 – 1879) (илл. 5).

Стоит подчеркнуть, что в изображении Белобородова памятник вписан в несколько вневременную, безмолвную и метафизическую среду, характеризующуюся симметричной точностью и скульптурной неподвижностью, как бы превращающую всю окружающую обстановку в скульптуру.

В этом отношении работа представляет собой весьма красноречивый пример стремления Белобородова отдавать в живописи предпочтение архитектурной перспективе и пластическим аспектам, т. е. взгляду на мир с точки зрения вневременной, но осязаемой вечности.

Илл. 4

Илл. 5

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильева М. А. 2019. Вечный город и Великий остров Андрея Белобородова. – Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. С. 155–163.
- Иванова Л. В. 1990. Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и комментарий Джона Мальмстада. Париж: Atheneum.
- Пайман А. 2004. Белобородов в Риме. – Наше наследие. № 71. С. 152–156.
- Шишкин А. 2019а. Белобородов Андрей Яковлевич. – Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН. С. 91–93.
- Шишкин А. Б. 2019б. «Метафизический палладианец» Андрей Белобородов. – Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. С. 139–154.
- Le Golfe de Salerne 1951. Le Golfe de Salerne : Treize bois originaux de Bélioborodoff / Introduits par un texte inédit de Paul Valéry. Paris; Rome: Collection de l'Obélisque.
- Shishkin, A., Strada, O. 2023. Andrea Beloborodoff: Roma e le ville romane. Roma: Valore Italiano Editore.

REFERENCES

- Ivanova, L. V. *Vospominaniia: Kniga ob ottse*. Edited and annotated with John Malmstad. Paris: Atheneum, 1990.
- Le Golfe de Salerne: Treize bois originaux de Bélioborodoff*. Introduced by an unpublished text by Paul Valéry. Paris and Rome: Collection de l'Obélisque, 1951.
- Pyman, A. “Beloborodov v Rime.” *Nashe nasledie* 71 (2004): 152–56.
- Shishkin, A. and O. Strada. *Andrea Beloborodoff: Roma e le ville romane*. Rome: Valore Italiano Editore, 2023.
- . “Metafizicheskii palladianets’ Andrei Beloborodov.” In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 139–54. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2019.
- Vasil’eva, M. A. “Vechnyi gorod i Velikii ostrov Andreia Beloborodova.” In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 155–63. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2019.
- Shishkin, A. “Beloborodov Andrei Iakovlevich.” In *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine 20 veka: Entsiklopediia*, 91–93. Moscow: ROSSPEN, 2019.

ХРОНИКА

RE:POOLA. POLSKO-ESTOŃSKA SZKOŁA JĘZYKA POLSKIEGO I KULTURY POLSKIEJ (UNIWERSYTET WARSZAWSKI – UNIWERSYTET TALLIŃSKI)

W semestrze letnim roku akademickiego 2023/2024 pod patronatem honorowym rektorów Uniwersytetu Warszawskiego i Uniwersytetu Tallińskiego zorganizowana została szkoła języka polskiego i kultury polskiej „Re:Poola”. Realizacja tego polsko-estońskiego projektu dydaktycznego, koordynowanego przez dr Martę Małachowicz i dr hab. Joannę Piotrowską z Wydziału Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego oraz prof. Grigoria Utgofa ze Szkoły Nauk Humanistycznych Uniwersytetu Tallińskiego, była możliwa dzięki grantowi Narodowej Agencji Wymiany Akademickiej¹.

Program szkoły został podzielony na dwa etapy (estoński i polski), dwa obszary problemowo-tematyczne (kulturoznawczo-literaturoznawczy i językoznawczy) oraz trzy moduły zajęć („Język polski w kulturze i przez kulturę”, „Studenci – studentom. Język polski ze studentami z Polski”, „Z polskim do Polski, albo język polski w praktyce”). Dwa pierwsze moduły były realizowane w Estonii (4–22 marca), zaś trzeci moduł – w Polsce (7–17 maja). Uczestnikami zajęć, prowadzonych przez wykładowców z Warszawy i Tallinna oraz zaproszonych gości, byli wyłonieni w drodze konkursu studenci obu uniwersytetów (17 osób).

Uroczysta inauguracja szkoły miała miejsce 4 marca na Uniwersytecie Tallińskim. Ze słowem powitalnym wystąpili: w imieniu władz uczelni – rektor prof. Tõnu Viik i dyrektor Szkoły Nauk Humanistycznych prof. Uku Lember; w imieniu Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Tallinnie – pani Sławomira Borowska-Peterson; w imieniu organizatorów – dr Marta Małachowicz i prof. Grigori Utgof. Po oficjalnym otwarciu dr hab. Hieronim Grala z Wydziału „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego wygłosił wykład mistrzowski pod tytułem „Wotczina nasza Liflandskaja ziemia” (wokół inflanckich roszczeń cara Iwana IV Groźne-

¹ Program „Promocja języka polskiego”, numer projektu: BJP/PJP/2023/1/00032.

go)”, poświęcony wybranym aspektom rosyjskiej obecności w Inflantach w latach 1558–1582. Wyjątkowość bałtyckich planów w dziejach ekspansji terytorialnej Państwa Moskiewskiego wynikała z tego, że dotyczyły one terytoriów o odmiennej strukturze narodowościowej, społeczno-ustrojowej oraz wyznaniowej. Odwołując się do materiałów źródłowych, dr hab. Hieronim Grała omówił przyczyny, które doprowadziły do całkowitego fiaska wysiłków administracji carskiej na rzecz ustanowienia moskiewskiego władztwa w Inflantach.

Pierwszy dzień zajęć (5 marca) otworzyły warsztaty „Kluczowe teksty literatury polskiej” prowadzone przez dr Justynę Zych z Centrum Języka Polskiego i Kultury Polskiej dla Cudzoziemców „Polonicum” na Uniwersytecie Warszawskim. Tematem przewodnim całego cyklu były „miejsca”. Pierwsze zajęcia oparte zostały na lekturze wiersza „Muzeum” Wisławy Szymborskiej. Utwór noblistki stał się punktem wyjścia do ćwiczeń leksykalnych, gramatycznych i konwersacyjnych. Następnie studenci wzięli udział w spotkaniu dyskusyjnym z dr. hab. Hieronimem Grałą pod tytułem „Co z regionem bałtyckim?”. Spektrum poruszonych tematów okazało się jednak znacznie szersze (od zadań historyka w czasach kryzysów po rolę kultury w obliczu konfliktów zbrojnych). Pierwszy dzień zamknęły warsztaty prowadzone przez studentów z Uniwersytetu Warszawskiego w ramach modułu „Studenci – studentom”. Zofia Horoszko i Ignacy Jarmosiewicz przygotowali zajęcia o polskiej kulturze ludowej, w czasie których zapoznali estońskich kolegów z polskimi tradycjami regionalnymi (w ubiorze i architekturze), polską muzyką ludową i – w trakcie ćwiczeń – leksyką z tych obszarów tematycznych.

Kolejny dzień szkoły (6 marca) rozpoczął się od wizyty w archiwum Jurija Łotmana. Dr Tatjana Kuzovkina przedstawiła historię i zasoby archiwum, a w trakcie opowieści o życiu Łotmana zwróciła uwagę na kontakty uczonego z Polakami i polskie przekłady jego książek. Następnie studenci wzięli udział w warsztatach dr Justyny Zych, dotyczących tym razem polskiej prozy współczesnej. Kontynuując temat miejsc, wykładowni wykorzystwała fragment powieści Olgi Tokarczuk „Bieguni” do ćwiczeń konwersacyjnych na temat podróżowania samolotem i przedstawionej w utworze wizji współczesnych lotnisk. Po warsztatach odbyła się pierwsza sesja z cyklu „W poszukiwaniu polsko-estońskich śladów”,

w ramach której studenci (w polsko-estońskich zespołach) pracowali nad projektami multimedialnymi. W trakcie spotkania ustalono skład grup projektowych i harmonogram prac, a także przedyskutowano tematy projektów.

Następny dzień zajęć (7 marca) otworzyły warsztaty prowadzone przez dr Justynę Zych. Ostatnie spotkanie dotyczyło najnowszego dramatu polskiego. Fragment utworu Doroty Masłowskiej „Między nami dobrze jest” posłużył do dyskusji o domach i mieszkaniach Polaków i Estończyków oraz ich życiu codziennym. Z kolei wykład dr hab. Joanny Piotrowskiej „Warszawa wielu kultur” przynosił słuchaczy do wieku dziewiętnastego i wcześniejszych. Wirtualny spacer po Krakowskim Przedmieściu – od Pałacu Staszica do Kolumny Zygmunta – pokazywał, jak zmieniała się struktura narodowościowa miasta i jakie ślady niegdysiejszej wielokulturowości pozostały w jego architekturze.

Kolejny dzień szkoły (8 marca) rozpoczął się od pracy studentów w zespołach projektowych. Następnie odbył się pierwszy wykład prof. Grigoria Utgofa na temat „Dawid Samojłow – tłumacz z polskiego”. Wykładowca zapoznał słuchaczy z biografią Samojłowa (akcentując estoński etap życia poety) i – poprzez lekturę wierszy – z kluczowymi cechami jego poetyki. Szczególną uwagę prof. Utgof zwrócił na związki Samojłowa z Polską i tłumaczonych przez niego autorów polskich. Po wykładzie odbyły się zajęcia w ramach modułu „Studenci – studentom”. Agnieszka Bartnikowska i Yana Perets przybliżyły estońskim kolegom współczesną polską muzykę rozrywkową. Słuchanie piosenek było okazją do ćwiczeń językowych.

Pierwszy tydzień szkoły zakończyła wycieczka do Tartu (9 marca). Przewodniczką po Europejskiej Stolicy Kultury 2024 była prof. em. Ljubov Kisseljova, przez całe życie zawodowe związana z Uniwersytetem w Tartu. Właśnie w jego gmachu głównym rozpoczął się spacer krajoznawczy, poprzedzony miniwykładem o dziejach miasta. W trakcie spaceru uczestnicy szkoły odwiedzili najważniejsze miejsca w Tartu, w tym Wzgórze Katedralne, Plac Ratuszowy i Most Diabelski oraz Anielski.

Drugi tydzień szkoły (11 marca) otworzył wykład prof. Sergeia Dotsenki ze Szkoły Nauk Humanistycznych Uniwersytetu Tallińskiego pod tytułem „Rewel i Wawel: nietypowe podobieństwo”. Wykład dotyczył nieoczywistych zbieżności między legendami założycielskimi Krakowa i Tal-

linna (Rewla), opartymi na folklorystyczno-mitologicznym wątku walki z potworem, – legendą o smoku wawelskim i legendą o Starcu z Ülemiste. Następnie odbyły się warsztaty w ramach modułu „Studenci – studentom”, które Alicja Martela i Łucja Grabowska poświęciły kuchni polskiej. Prezentacji towarzyszyły ćwiczenia językowe. Ostatnim wydarzeniem tego dnia było spotkanie z dr Olesią Lagašiną, estońską dziennikarką, redaktor naczelną portalu informacyjnego „Delovye vedomosti” i autorką audycji o polityce zagranicznej w Raadio 4. Tematem spotkania były media w Estonii i przedstawiany w nich obraz Polski. W swoim wystąpieniu dr Lagašina scharakteryzowała estoński rynek medialny i nakreśliła konteksty, w których pojawia się Polska, by dalej – na przykładzie wybranych publikacji – omówić jej estońską recepcję prasową.

Warsztaty „Kluczowe teksty kultury polskiej – kino” prowadzone przez dr Justynę Deczewską z Centrum Nauczania Języków Obcych na Uniwersytecie Warszawskim rozpoczęły kolejny dzień zajęć (12 marca). W ich trakcie estońscy studenci bliżej poznali twórczość czołowych polskich reżyserów, w tym Andrzeja Wajdy i Krzysztofa Kieślowskiego. Fragmenty filmów lektorka wykorzystała do ćwiczeń językowych i tłumaczeniowych. Ten dzień szkoły zdominowała – rozpoczęta po warsztatach – praca studentów nad projektami zespołowymi.

Zajęcia dr Justyny Deczewskiej otworzyły również następny dzień (13 marca). Ich tematem był obraz powojennej Warszawy w polskim filmie i piosence, a „główną bohaterką” – warszawska Syrenka. Materiały audio-wizualne posłużyły lektorce do ćwiczeń leksykalnych i konwersacyjnych. Następnie studenci wysłuchali drugiego wykładu prof. Grigoria Utgofa na temat „Dawid Samojłow – tłumacz z polskiego”. Tym razem prowadzący omówił wiersz Cypriana Kamila Norwida „Bema pamięci żałobny rapsod” i jego rosyjski przekład autorstwa Samojłowa. Wykład miał ważny wymiar propedeutyczny – zapoznawał studentów z metodyką analizy przekładu poetyckiego.

Kolejny dzień zajęć (14 marca) rozpoczął się od warsztatów dr Marty Małachowicz „Potyczki z językiem polskim”, dotyczących poprawności językowej i najczęstszych błędów popełnianych przez użytkowników języka polskiego. Utrwaleniu wybranych reguł językowych służyły różnorodne ćwiczenia. Po warsztatach odbyło się spotkanie w ramach modułu „Stu-

denci – studentom”. Zofia Bartuzi i Anna Woźniak zapoznały estońskich kolegów z popularnymi wyrazami i zwrotami z polskiego slangu młodzieżowego.

15 marca zorganizowany został wyjazd do Biblioteki Słowiańskiej w Helsinkach, będącej częścią fińskiej Biblioteki Narodowej. Dzięki niemu uczestnicy szkoły poznali historię, strukturę i zasoby Biblioteki Słowiańskiej, zwłaszcza jej działu polskiego, a także zdobyli informacje praktyczne na temat zasad korzystania ze zbiorów bibliotecznych.

Drugi tydzień szkoły zakończył sobotni spacer krajoznawczy „Tallinn po polsku”, którego organizatorką była dr Natalia Sindetskaja ze Szkoły Nauk Humanistycznych Uniwersytetu Tallińskiego. W czasie spaceru po Starym Mieście studenci poznali miejsca związane z Polską i Polakami.

Ostatni tydzień szkoły (18 marca) rozpoczęły warsztaty w ramach modułu „Studenci – studentom”. Pierwsze zajęcia, dotyczące archaizmów we współczesnej polszczyźnie, przygotowały Pola Gawrońska i Małgorzata Zasada; drugie zajęcia, poświęcone „falszywym przyjacielom tłumacza” języków słowiańskich, opracowała Joanna Adamczuk. Po warsztatach odbyło się wirtualne spotkanie z dr Anną Michalczuk-Podlecki, uznaną polską tłumaczką literatury estońskiej, która opowiedziała o swojej fascynacji Estonią, jej językiem i kulturą, a także o przetłumaczonych już książkach (między innymi Andrusa Kivirähka, Paava Matsina i Reeli Reinaus) i tych, nad którymi pracuje obecnie. Dr Michalczuk-Podlecki podzieliła się również obserwacjami i refleksjami na temat zawodu tłumacza, zwłaszcza literatury pięknej, i odpowiedziała na pytania studentów.

Warsztaty dr. hab. Mariusza Górnicza z Wydziału Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego pod tytułem „Zapóżyczania w języku polskim” otworzyły kolejny dzień szkoły (19 marca). Na przykładzie zapożyczeń leksykalnych wykładowca omówił ważne aspekty samego procesu zapożyczania i języki obce, z których na przestrzeni wieków polszczyzna czerpała najczęściej. Informacje historycznojęzykowe były bogato ilustrowane przykładami. Po warsztatach – po raz ostatni w pierwszej części szkoły – studenci pracowali w grupach nad projektami multimedialnymi. Była to zarazem okazja do podsumowania wykonanych już prac, omówienia napotkanych trudności i ustalenia zasad pracy zdalnej.

Zajęcia następnego dnia (20 marca) rozpoczęły się od warsztatów „Język polski na tle języków słowiańskich” prowadzonych przez dr Dorotę Muszyńską-Wolny z Wydziału Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Pierwsze spotkanie wykładowczyni poświęciła wybranym fonetycznym (działanie prawa sylab otwartych) i gramatycznym (kategoria żywotności) przekształceniom w języku polskim w porównaniu z innymi językami słowiańskimi. Następnie odbyły się warsztaty dr. hab. Mariusza Górnicza, poświęcone tym razem zapożyczeniom w tekstach specjalistycznych. Wykładowca opisał trudności związane z rozgraniczeniem zapożyczeń i niezapożyczeń w terminologii, scharakteryzował typy zapożyczeń terminologicznych i języki będące najczęstszymi „dawcami” terminów. Opracowane przez dr. hab. Mariusza Górnicza ćwiczenia dotyczyły różnych dziedzin (między innymi medycyny i wojskowości).

Kolejny dzień (21 marca) uczestnicy szkoły spędzili na warsztatach z dr Dorotą Muszyńską-Wolny. W trakcie pierwszych zajęć wykładowczyni zatrzymała się na liczbie podwójnej i jej śladach we współczesnej polszczyźnie i ruszczyźnie. Utrwaleniu wiedzy historycznojęzykowej służyły różnorodne ćwiczenia. Drugie zajęcia dotyczyły jednego aspektu współczesnych języków słowiańskich – fałszywych paraleli frazeologicznych, czyli frazeologizmów bliskich pod względem brzmienia i/lub zapisu, lecz posiadających całkowicie różne znaczenia. Odwołując się do języka polskiego i rosyjskiego, dr Muszyńska-Wolny zapoznała studentów z najciekawszymi przypadkami tego zjawiska.

Ostatni dzień estońskiego etapu szkoły (22 marca) rozpoczął się od wykładu mistrzowskiego prof. em. Iriny Belobrovtssevej z Uniwersytetu Tallińskiego pod tytułem „Rosyjskojęzyczna literatura Estonii”. Wychoząc od pytania o jej relację do literatury rosyjskiej, prelegentka omówiła przemiany w statusie i recepcji tego segmentu literatury Estonii (od literatury jednej z republik radzieckich do literatury odrębnej, dystansującej się od Rosji). Na przykładzie twórczości współczesnych pisarzy (między innymi Igora Kotjuha, Larissy Joonas, Nikolaia Karaeva i Andreia Ivanova) prof. Belobrovtsseva scharakteryzowała cechy dystynktywne rosyjskojęzycznej literatury Estonii. Odwołując się do Andreia Ivanova (czołowego obecnie pisarza rosyjskojęzycznego, którego książkiostęp-

ne są również w przekładach estońskich), prelegentka podkreśliła, że czytelnik estoński odbiera jego twórczość jako „swoją”, co jest dowodem „estońskiej tożsamości” literatury rosyjskojęzycznej tworzonej współcześnie w Estonii. Po wykładzie odbyła się – zamykająca pierwszą część szkoły – kolacja pożegnalna z udziałem konsul Rzeczypospolitej Polskiej Anny Pełki.

Pomiędzy pierwszą i drugą częścią szkoły uczestnicy samodzielnie kontynuowali pracę nad projektami multimedialnymi w polsko-estońskich zespołach. W maju rozpoczął się drugi etap. Studenci estońscy przyjechali do Warszawy wraz z opiekunami, prof. Grigorim Utgofem i dr Olgą Mjod. Uroczyste otwarcie miało miejsce na Uniwersytecie Warszawskim 7 maja. Uczestników szkoły powitali: w imieniu władz uczelni – rektor prof. Alojzy Nowak i dziekan Wydziału Lingwistyki Stosowanej prof. Magdalena Olpińska-Szkiełko; w imieniu Ambasady Estonii w Polsce – ambasador Miko Haljas; w imieniu organizatorów – dr Marta Małachowicz i prof. Grigori Utgof. Następnie dr hab. Hieronim Grala wygłosił wykład mistrzowski, pomyślany jako kontynuacja prelekcji w Tallinnie. Wykład dotyczył moskiewskiej misji posła habsburskiego Hieronima Hoffmanna (1561), która została opisana w dokumencie odnalezionym w szczecińskim archiwum. Dr hab. Hieronim Grala ukazał analogie w metodach działania Rosjan w Inflantach za panowania cara Iwana IV Groźnego i obecnie na terytorium Ukrainy.

Po wykładzie rozpoczęła się sesja z udziałem uczestników szkoły. W zespołach prezentowali oni swoje projekty ukazujące postaci, miejsca lub wydarzenia, które połączyły i do dziś łączą Polskę i Estonię. Pierwsza grupa, w której skład weszli Agnieszka Bartnikowska i Zofia Horoszko z Uniwersytetu Warszawskiego oraz Alexandra Lapa i Konstantin Trubiniš z Uniwersytetu Tallińskiego, przedstawiła prezentację „Rodzina Laidonerów” oraz reportaż „Estońskie miasto Rakvere i jego związki z Polską”. Druga grupa, którą tworzyli Yana Perets i Anna Woźniak z Uniwersytetu Warszawskiego oraz Hanna-Miriam Rubanoviš i Ivan Kuzovkin z Uniwersytetu Tallińskiego, opisała rolę Stefana Batorego w estońskiej historii oraz – poprzez wywiad z ks. Tomaszem Materną – katolicyzm we współczesnej Estonii. Prezentacje na temat polsko-estońskich śladów były otwarte, uczestniczyli w nich studenci Wydziału Lingwistyki Stosowanej

wraz z wykładowcami. Dzień zakończyła wycieczka po Kampusie Głównym Uniwersytetu Warszawskiego zorganizowana w formie gry terenowej przez dr Justynę Deczewską.

Kolejnego dnia (8 maja) uczestnicy szkoły kontynuowali prezentacje projektów multimedialnych. Grupa trzecia, czyli Zofia Bartuzi, Pola Gawrońska i Ignacy Jarmosiewicz z Uniwersytetu Warszawskiego oraz Nikita Afanasjev z Uniwersytetu Tallińskiego, przedstawiła autorski bestiariusz estońsko-polski oraz wywiad z estońskim pisarzem Andreiem Ivanovem przygotowany w tłumaczeniu na język polski. Czwarta grupa, w której skład weszły Łucja Grabowska, Alicja Martela i Małgorzata Zasada z Uniwersytetu Warszawskiego oraz Olga Tereštšenko z Uniwersytetu Tallińskiego, zaprezentowała reportaży „Polskie miejsca w Tallinnie” oraz wywiad z panią Sławomirą Borowską-Peterson z Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Tallinnie. Jak poprzednio, prezentacje były otwarte dla wszystkich zainteresowanych. Uczestniczący w nich studenci i wykładowcy z Wydziału Lingwistyki Stosowanej aktywnie angażowali się w dyskusję, zadając pytania i komentując wystąpienia. Wieczorem rozpoczął się warszawski program kulturalny – uczestnicy szkoły mieli okazję zwiedzić wnętrza Teatru Wielkiego – Opery Narodowej i obejrzeć operę Stanisława Moniuszki „Halka”.

W następnych dniach uczestnicy szkoły poznawali Warszawę i okolice, w praktyce wykorzystując znajomość języka polskiego i „zanurzając się” w polskiej rzeczywistości. 9 maja odbyła się wycieczka do Muzeum Narodowego połączona z lekcją tematyczną w Galerii Sztuki XIX w. oraz „spacer chopinowski” po warszawskich miejscach związanych z losami rodziny Chopinów i samego kompozytora. 10 maja studenci wraz z opiekunami odwiedzili Zamek Królewski, poznając historię Polski na trasie królewskiej. 11 maja odbyła się wycieczka do Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie połączona ze spacerem tematycznym „Na sarmackim dworze”, zaś po południu – przejazd „ogórkiem”, autobusem z czasów Polski Ludowej, połączony ze zwiedzaniem warszawskich atrakcji turystycznych. 12 maja uczestnicy szkoły zwiedzili z przewodnikiem Muzeum Powstania Warszawskiego oraz skorzystali z wiosennej pogody podczas spaceru w Ogrodzie Botanicznym Uniwersytetu Warszawskiego. Pierwszy tydzień szkoły w Polsce okazał się bardzo owocny – pozwolił pogłę-

bić znajomość języka i kultury oraz historii, mającej ogromny wpływ na współczesność w kraju nad Wisłą.

W drugim tygodniu (13–15 maja) odbył się objazd naukowy do Krakowa, Wieliczki i Oświęcimia. W Krakowie uczestnicy projektu zwiedzili Stare Miasto, Wawel i Kazimierz z panią przewodnik Zofią Szczawińską-Friso. Niezapomnianym przeżyciem było zwiedzanie Kopalni Soli w Wieliczce, obiektu wpisanego na listę światowego dziedzictwa UNESCO. Odrębny dzień został poświęcony na wycieczkę do Miejsca Pamięci i Muzeum Auschwitz-Birkenau, największego niemieckiego obozu koncentracyjnego i ośrodka Zagłady.

17 maja odbyło się uroczyste zamknięcie szkoły, podczas którego uczestnicy otrzymali pamiątkowe dyplomy. Organizatorzy podsumowali dwa tygodnie pobytu estońskich przyjaciół w Polsce, dziękując wszystkim uczestnikom za ich wkład w realizację projektu. Swoimi refleksjami podzielili się także sami studenci. Po uroczystości studenci i wykładowcy wzięli udział w obiedzie pożegnalnym.

W ramach szkoły „Re:Poola” zorganizowane zostały różnorodne zajęcia – wykłady, warsztaty, spotkania dyskusyjne – na temat Polski, Estonii i relacji polsko-estońskich (w historii, kulturze, życiu społeczno-politycznym). Dopełnieniem tradycyjnych zajęć dydaktycznych były objazdy naukowe, wycieczki krajoznawcze, spacer edukacyjny oraz lekcje muzealne. Polscy studenci uczestniczyli ponadto w wybranych zajęciach oferowanych przez Szkołę Nauk Humanistycznych Uniwersytetu Tallińskiego. Uczestnicy projektu – studenci i wykładowcy, organizatorzy oraz władze obu uniwersytetów dostrzegają potrzebę kontynuowania tego rodzaju projektów dydaktycznych w przyszłości.

J. Piotrowska (Warszawa)

M. Małachowicz (Warszawa)

БИБЛИОГРАФИЯ

„SLAVICA REVALENSIA”: УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ (2014–2023)

I.0. *Slavica Revalensia* / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. I.
Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2014. 220 с.

Содержание

Исследования и материалы

I

- 1.1. **П. Ф. Успенский** (Москва). Размышления о «Подражании Горацию» К. Н. Батюшкова (Так ли «безумно» стихотворение поэта?). С. 9–29.
- 1.2. **А. С. Федотов** (Москва / Тарту). «Шпилен зи полька»: О возможных причинах переноса премьеры комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» в Петербург. С. 30–36.
- 1.3. **С. Н. Доценко** (Таллинн). О строфической структуре верлибра А. А. Блока «Она пришла с мороза...». С. 37–43.
- 1.4. **И. З. Белобровцева** (Таллинн). И. А. Бунин-редактор: Об окончательном (каноническом) тексте повести Л. Ф. Зурова «Кадет». С. 44–64.
- 1.5. **С. О. Леоненко** (С.-Петербург). О межъязыковых звуко-смысловых соответствиях в стихах В. В. Набокова-Сирова. С. 64–75.
- 1.6. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). Об одной шекспировской цитате в «Поэме без героя». С. 76–79.
- 1.7. **Джузеппина Ларокка** (Пиза / Флоренция). Идея классицизма у Л. В. Пумпянского (К постановке проблемы). С. 80–94.

II

- 1.8. **Б. В. Орехов** (Москва), **С. С. Шаулов** (Уфа). Предисловие к публикации главы «Фабула о продавшемся таланте» из диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул». С. 97–100.
- 1.9. **Р. Г. Назиров**. Фабула о продавшемся таланте. С. 101–117.

III

- 1.10. **Аурика Меймре** (Таллинн), **Антония Наэль** (Таллинн). «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»: Борьба с «русским духом» в Таллинне в начале 1920-х гг. (Реконструкция событий и их отражение в карикатуре). С. 121–152.

Критика

- 1.11. **К. Ю. Зубков** (С.-Петербург). Наука о литературе и литературная классика: Опыт критического обзора юбилейной гончаровской литературы. С. 155–175.

Библиография

- 1.12. **Б. п.** Указатель содержания сборников “Studia Slavica” за 1999–2011 гг. С. 179–203.

Abstracts

Pavel Uspensky. Some Thoughts about “Podrazhanie Goratsiiu” by Konstantin Batyushkov: Is the Poem that Mad? P. 204; **Andrei Fedotov**. “Shpilen zi pol’ka”: What Exactly Delayed the First Night of Alexander Ostrovsky’s *Bednost’ ne porok* in St. Petersburg? P. 204; **Sergei Dotsenko**. On the Strophic Pattern of Alexander Blok’s Free Verse Poem “Ona prishla s moroza...” P. 205; **Irina Belobrovitseva**. Bunin the Editor: What Should Be Seen as the Critical Text of Leonid Zurov’s Novella *Kadet*? P. 205; **Semyon Leonenko**. On Some Interlingual Sound Patterns in Vladimir Nabokov’s Poem “La Bonne Lorraine.” P. 205–06; **Marina Salman**. A Shakespeare Quote in *Poem without a Hero*. P. 206; **Giuseppina Larocca**. Lev Pumpyansky’s Idea of Classicism: A Very Brief Introduction. P. 207; **Romen Nazirov**. A Story of the Man Who Sold His Talent (Publication by **Boris Orekhov** and **Sergei Shaulov**). P. 207; **Aurika Meimre, Antonia Nael**. “Zdes’ russkii dukh, zdes’ Rus’iu pakhnet!”: The Fight Against the “Russian Spirit” in Tallinn in the Early 1920s (The Reconstruction of Events, and Their Reflection in Caricatures). P. 207–08; **Kirill Zubkov**. Literary Criticism and the Literary Canon: A Survey of the Literature Devoted to Ivan Goncharov’s Bicentennial (2012). P. 208.

Kokkuvõtted

Pavel Uspenski. Mõtteid Konstantin Batjuškovi „Horatiuse jäljendamisest“: kas see luuletus ongi nii hull? Lk. 209; **Andrei Fedotov**. «Шпилен зи полька?»: Miks jäi viibima Aleksandr Ostrovski „Vaesus pole pahe“ esietendus Peterburis.

Lk. 209; **Sergei Dotsenko**. Aleksandr Bloki vabavärsilise luuletuse „Ta tuli pakasest...“ stroofiskeemist. Lk. 209–210; **Irina Belobrovtsjeva**. Bunin toimetajana: Leonid Zurovi jutustuse „Kadett“ lõpliku teksti kujunemisest. Lk. 210; **Semjon Leonenko**. Mõnest keeltevahelisest helimustrist Vladimir Nabokovi luuletuses «La Bonne Lorraine». Lk. 210; **Marina Salman**. Shakespeare'i tsitaat „Poemis ilma kangelaseta“. Lk. 210–211; **Giuseppina Larocca**. Lev Pumpjanski klassitsismi idee: Väga lühike sissejuhatus. Lk. 211; **Romen Nazirov**. Lugu mehest, kes müüs maha oma ande (**Boriss Orehhovi** ja **Sergei Šaulovi** publikatsioon). Lk. 212; **Aurika Meimre**, **Antonia Nael**. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» Sõda vene vaimu vastu Tallinnas 1920. aastate algupoolel (sündmuste rekonstruktsioon ja nende peegeldus karikatuurides). Lk. 212; **Kirill Zubkov**. Kirjanduskriitika ja kirjanduskaanon: Ülevaade Ivan Gontšarovi 200. sünniaastapäevale pühendatud kirjandusest. Lk. 212.

Авторы этого выпуска. С. 213–216.

Авторам будущих выпусков. С. 217–220.

2.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. II. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2015. 232 с.

Содержание

Исследования и материалы

I

- 2.1. **А. А. Костин** (С.-Петербург). Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников: Новые материалы. С. 9–34.
- 2.2. **А. Ю. Балакин** (С.-Петербург). Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому. С. 35–59.
- 2.3. **А. М. Губергриц** (Таллинн). Иллюстрация в детских журналах царской России. С. 60–68.
- 2.4. **А. А. Долинина** (С.-Петербург), **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). «Я вернулся в мой город...»: Неизвестный вариант стихотворения О. Э. Мандельштама. С. 69–79.
- 2.5. **О. Р. Демидова** (С.-Петербург). Между Прустом и Джойсом: Вехи на пути к Абсолюту. С. 80–102.

- 2.6. **Д. Д. Николаев** (Москва). «Водевиль в сумасшедшем доме»: «Линия Брунгильды» М. А. Алданова. С. 103–136.

II. Владимир Николаевич Топоров: К десятилетию со дня смерти

- 2.7. **В. Н. Топоров**. Знак и текст в пространстве и времени. Публикация **М. Д. Дынина** (Москва) и **Т. В. Цивьян** (Москва). С. 139–167.

Критика

- 2.8. **С. Г. Шиндин** (Саратов). «Чужая речь мне будет оболочкой...». Рец. на кн. «Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве». С. 171–192.

Библиография

- 2.9. **Б. п.** Кафедра русской литературы Таллинского педагогического института им. Эдуарда Вильде: Материалы к библиографии (1979–1992). С. 195–217.

Abstracts

Andrei Kostin. A Creative History of Mikhail Lomonosov's *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu* in Light of Some Compilations: New Perspectives. P. 218; **Alexei Balakin**. Revisiting the Problem of Authorship of the Article "Vystavka v Akademii khudozhestva za 1860–61 god": Should We Attribute It to Dostoyevsky? P. 218; **Anna Gubergrits**. Pictures in Children's Literature Journals of Czarist Russia. P. 219; **Anna Dolinina, Marina Salman**. "Ja vernulsia v moi gorod...": An Unknown Version of Osip Mandel'shtam's Poem. P. 219–20; **Olga Demidova**. Between Proust and Joyce: Markers on the Way to the Absolute. P. 220; **Dmitri Nikolayev**. "Vaudeville in a Madhouse": "Liniia Brunhil'dy" by Mark Aldanov. P. 221; **Vladimir Toporov**. Sign and Text in Space and Time (Publication by **Mikhail Dynin** and **Tatiana Civjan**). P. 221; **Sergei Shindin**. "Chuzhaia rech' mne budet obolochkoi...": *Korni, pobegi, plody...: Mandel'shtamovskie dni v Warszawe*. A Review Article. P. 221.

Kokkuvõtted

Andrei Kostin. Mihhail Lomonossovi «Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu» loominguline ajalugu kompilatiivsete allikate valguses: Uued materjalid. Lk. 222; **Aleksei Balakin**. Veel kord artikli «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год» autorkonnast: Kas autor on Dostojevski? Lk. 222; **Anna Gubergrits**. Pildid Tsaari-Venemaa lasteajakirjades. Lk. 223; **Anna Dolinina, Marina Salman**.

«Я вернулся в мой город...»: Ossip Mandelštami luuletuse tundmatu variant. Lk. 223–224; **Olga Demidova**. Prousti ja Joyce'i vahel: Tähised Absoluudi suunas. Lk. 224; **Dmitri Nikolajev**. „Vodevill hullumajas“: Mark Aldanovi pala «Линия Брунгильды». Lk. 225; **Vladimir Toporov**. Märk ja tekst ruumis ja ajas (**Mihhail Dõnini** ja **Tatiana Civjani** publikatsioon). Lk. 225; **Sergei Šindin**. «Чужая речь мне будет оболочкой...»: «Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве». Retsensioon. Lk. 225.

Авторы этого выпуска. С. 226–228.

Авторам будущих выпусков. С. 229–232.

3.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. III. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2016. 272 с.

Исследования и материалы

I

- 3.1. **А. Ю. Балакин** (С.-Петербург). Еще о прагматике и датировке пушкинских помет на второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова. С. 9–28.
- 3.2. **Ф. Н. Двинятин** (С.-Петербург). Мускус и камфора. «Отъ меня вечеръ Леила...» А. С. Пушкина: Структура текста и поэтическая традиция. С. 29–47.
- 3.3. **П. Ф. Успенский** (Москва). Некрасов и Боратынский: Вокруг рецензии на «Дамский альбом», новых взглядов на брак и двух любовных стихотворений. С. 48–69.
- 3.4. **Ю. И. Красносельская** (Москва). Идея «аренды» в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. С. 70–94.
- 3.5. **С. Н. Доценко** (Таллинн). Об источниках сказки А. М. Ремизова «Султанский финик». С. 95–112.
- 3.6. **Л. Э. Найдич** (Иерусалим). О понятии *фонема* у О. Э. Мандельштама: Из комментария к статье «О природе слова». С. 113–121.
- 3.7. **Г. Г. Суперфин** (Бремен). Барклай иль Кутузов. С. 122–126.

II

- 3.8. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). С. 129–170.

III

- 3.9. **Е. В. Хаздан** (С.-Петербург). Zubovskii institut: (Post)folklor perekhodnogo vremeni. S. 173–208.

Критика

- 3.10. **Дарья Дорвинг, Елена Земскова, Мария Последова, Анна Рубцова** (Таллинн). Рец. на кн.: Антропология культуры. Вып. 5: К 85-летию академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 211–223.
- 3.11. **Ф. Н. Двинятин** (С.-Петербург), **С. О. Леоненко** (Беркли / С.-Петербург). Интертекстуальный анализ: Принципы и границы (Хроника конференции в Санкт-Петербургском государственном университете, 21–22 апреля 2016 года). С. 224–241.

Библиография

- 3.12. **Б. п.** Кафедра русской литературы Таллинского педагогического университета: Материалы к библиографии (1993–1997). С. 245–253.

Abstracts

Alexei Balakin. Why and When Did Pushkin Leave Marginalia on His Copy of Konstantin Batyushkov's *Opyty v stikhakh i proze*? P. 254; **Fyodor Dvinyatin.** Musk and Camphor. Pushkin's Poem "Ot menia vechor Leila...": The Structure of the Text and Poetic Tradition. P. 254; **Pavel Uspensky.** Nekrasov and Baratynsky: Notes on Nekrasov's Review of the *Damskii al'bom* Anthology, New Vision of Marriage, and Two Love Poems. P. 255; **Yulia Krasnosel'skaia.** The Idea of Rent in Leo Tolstoy's Social Enterprises of 1857. P. 255; **Sergei Dotsenko.** A Likely Source of Remizov's Fairy Tale "Sultanskii finik." P. 255–56; **Larissa Naiditch.** The Notion of *Phoneme* in Mandel'shtam's "O prirode slova." P. 256; **Gabriel Superfin.** Barclay or Kutuzov. P. 256; **Marina Salman.** Iulian Oksman's Life Story: In Light of Some Archival Findings. P. 257; **Evgeniia Khazdan.** The Zubov Institute: (Post)Folklore of the Time of Troubles. P. 257; **Dar'ia Dorving, Yelena Zemskova, Maria Posledova, Anna Rubtsova.** *Antropologiiia kul'tury. Vyp. 5: K 85-letiiu akademika RAN Viach. Vs. Ivanova.* A Review Article. P. 257–58; **Fyodor Dvinyatin, Semyon Leonenko.** Intertextual Analysis: Principles and Limits. Conference Overview (St. Petersburg State University, April 21–22, 2016). P. 258.

Kokkuvõtted

Aleksei Balakin. Veel kord Puškini märkustest Konstantin Batjuškovi raamatu «Опыты в стихах и прозе» teises osas: Pragmaatika ja dateering. Lk. 259; **Fjodor**

Dvinjatin. Muskus ja kamper. Puškini luuletus «От меня вечор Леила...»: Teksti struktuur ja luuletraditsioon. Lk. 259; **Pavel Uspenski.** Nekrassov ja Baratõnski: Nekrassovi retsensioonist antoloogiale «Дамский альбом», uutest vaadetest abielule ja kahest armastusluuletusest. Lk. 260; **Julia Krasnoselskaja.** Rendi idee Lev Tolstoi ühiskondlikes algatustes 1857. aastal. Lk. 260; **Sergei Dotsenko.** Remizovi muinasjutu «Султанский финик» võimalikust allikast. Lk. 260; **Larissa Naiditš.** *Foneemi* mõiste Mandelštami loomingus: Artikli «О природе слова» kommentaaridest. Lk. 261; **Gabriel Superfin.** Barclay või Kutuzov. Lk. 261; **Marina Salman.** Julian Oksmani biograafiast (Peterburi riikliku ajaloo keskarhiivi materjalide põhjal). Lk. 261. **Jevgenia Hazdan.** Zubovi instituut: Üleminekuaja (post) folkloor. Lk. 262. **Darja Dorving, Jelena Zemsikova, Maria Posledova, Anna Rubtsova.** «Антропология культуры. Вып. 5: К 85-летию академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова». Retsensioon. Lk. 262; **Fjodor Dvinjatin, Semjon Leonenko.** Intertekstuaalne analüüs: Põhimõtted ja määrad. Konverentsi ülevaade (Peterburi riiklik ülikool, 21.–22. aprill 2016). Lk. 263.

Авторы этого выпуска. С. 264–267.

Авторам будущих выпусков. С. 268–271.

4.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. IV. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2017. 212 с.

Содержание

Исследования и материалы

I

- 4.1. **Е. В. Кардаш** (С.-Петербург). «Амур с опрокинутым факелом»: Заметки о повести Пушкина «Гробовщик». С. 9–39.
- 4.2. **С. Н. Доценко** (Таллинн). Образ Петра I в повести А. Ремизова «Крестовые сестры». С. 40–67.
- 4.3. **А. Г. Мец** (С.-Петербург). «Сергей Иванович»: Об одном «герое» мандельштамовского «Шума времени». С. 68–74.
- 4.4. **А. И. Гришин** (С.-Петербург). Судьба «Черного человека»: Между красными и белыми (К истории раннего киносюжета Андрея Платонова). С. 75–87.
- 4.5. **А. А. Данилевский** (Таллинн). «Музей» С. М. Даниэля: Текст и структура аудитории. С. 88–110.

II

- 4.6. **Д. Д. Николаев** (Москва). Поэтика комического и контекст (Рассказ А. Т. Аверченко «Праведник»). С. 113–146.
- 4.7. **Е. А. Яблоков** (Москва). «Она будет мне отдаваться, а я терпеть этого не могу» («Дьяволиада» М. А. Булгакова как либертинажный текст). С. 147–174.
- 4.8. **А. И. Федута** (Минск). Две версии одного события (Исторический комментарий к анекдоту С. Д. Довлатова). С. 175–178.

Критика

- 4.9. **Дарья Дорвинг** (Таллинн). Дон-Кихоты «Снежной революции». Рец. на кн: «Мы не немь!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов». С. 181–187.

Библиография

- 4.10. **Б. п.** Кафедра русской литературы Таллинского педагогического университета: Материалы к библиографии (1998–2000). С. 191–198.

Abstracts

Elena Kardash. “A Plump Amour with an Inverted Torch”: Notes on Pushkin’s *Grobovshchik*. P. 199; **Sergei Dotsenko.** The Image of Peter the Great in Alexei Remizov’s Short Novel *The Sisters of the Cross*. P. 199; **Alexander Mets.** “Sergei Ivanych”: A Note on Mandel’shtam’s *The Noise of Time*. P. 199–200; **Alexander Grishin.** The Fate of a “Black Man”: Between the Reds and the Whites (Towards the History of Andrei Platonov’s Early Film Plot). P. 200; **Alexander Danilevsky.** *Muzei* by Sergei Daniel’: The Text and the Structure of Its Audience. P. 200; **Dmitri Nikolayev.** A Comic Narrative in Context: Arkady Averchenko’s Short Story “Pravednik”. P. 201; **Evgeny Yablokov.** Mikhail Bulgakov’s *Diaboliad* as a Libertine Text. P. 201; **Alexander Feduta.** Two Versions of the Same Event: A Historical Note to Sergei Dovlatov’s Anecdote. P. 201–202; **Dar’ia Dorving.** Don Quixotes of the “Snow Revolution”: “*My ne nemy!*”: *Antropologiya protesta v Rossii 2011–2012 godov*. A Review Article. P. 202.

Kokkuvõtted

Jelena Kardaš. „Amor allapidi pööratud tõrvikuga“: Märkused Puškini jutustus-est „Kirstutegija“. Lk. 203; **Sergei Dotsenko.** Peeter I kujund Aleksei Remizovi jutustuses «Крестовые сестры». Lk. 203; **Aleksandr Mets.** „Sergei Ivanõtš“: Märkused ühe Mandelštami «Шум времени» kangelase kohta. Lk. 203; **Aleksandr Grišin.** „Musta inimese“ saatus: Punaste ja valgete vahel (Andrei Plato-

novi varajase filmisüžee ajaloost). Lk. 204; **Aleksandr Danilevski**. Sergei Danieli «Музей»: Tekst ja auditooriumi struktuur. Lk. 204; **Dmitri Nikolajev**. Koomilise poetika ja kontekst: Arkadi Avertšenko lühijutt «Праведник». Lk. 204; **Jevgeni Jablokov**. Mihhail Bulgakovi „Diaboliaad“ kui frivoolne tekst. Lk. 205; **Aleksandr Feduta**. Ühe sündmuse kaks versiooni: Ajalooline kommentaar Sergei Dovlatovi anekdoodile. Lk. 205; **Darja Dorving**. „Lume revolutsiooni“ Don Quixote'id: «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов». Retsensioon. Lk. 205.

Авторы этого выпуска. С. 206–208.

Авторам будущих выпусков. С. 209–212.

5.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. V. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2018. 368 с.

Содержание

Исследования и материалы

I

5.1. **Ю. И. Красносельская** (Москва). Кто оставил Льва Толстого в Петербурге? (Флигель-адъютантская протекция в жизни и творчестве писателя). С. 9–37.

II

5.2. **А. Ю. Балакин** (С.-Петербург). Неизвестная рукопись ранней редакции сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших». С. 41–61.

5.3. **О. В. Макаревич** (С.-Петербург). «Новая назидательная книга»: Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на русский перевод книги Дж. Баньяна “The Pilgrim’s Progress”. С. 62–79.

5.4. **А. Л. Соболев** (Москва). Письма М. О. Гершензона к А. В. Звенигородскому. С. 80–132.

5.5. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме (По архивным источникам). С. 133–208.

5.6. **А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург), **Г. М. Утгоф** (Таллинн). Неизвестная рецензия Набокова. С. 209–255.

5.7. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 256–312.

Критика

- 5.8. **С. Н. Доценко** (Таллинн). Знакомая незнакомка: Рец. на кн.: «Заре Григорьевне Минц посвящается...: Публикации, воспоминания, статьи. К 90-летию со дня рождения». С. 315–325.

Библиография

- 5.9. **Иоанна Пиотровска** (Варшава). Лев Толстой в Польше: Материалы к библиографии (1990–2008). С. 329–351.

Abstracts

Yulia Krasnosel'skaia. Who Left Leo Tolstoy in St. Petersburg? Aides-de-camp and Their Protection in Leo Tolstoy's Life and Works. P. 353; **Alexei Balakin**. An Unknown Manuscript of the Early Version of Alexander Voeikov's Satire "Dom sumasshedshikh." P. 353; **Olga Makarevich**. "A New Didactic Book": Nikolai Leskov's Unknown Review of a Russian Translation of *The Pilgrim's Progress* by John Bunyan. P. 354; **Alexander Sobolev**. Mikhail Gershenzon's Letters to Andrei Zvenigorodsky. P. 354; **Marina Salman**. Sergei Radlov and Osip Mandel'shtam: Some Newly Discovered Sources. P. 354–55; **Alexander Dolinin, Grigori Utgof**. An Unknown Review by Nabokov. P. 355; **Roman Timenchik**. From an Index to Anna Akhmatova's *Notebooks*. P. 355; **Sergei Dotsenko**. A Known Unknown: *Zare Grigor'evne Mints posviashchaetsia...: Publikatsii, vospominaniia, stat'i. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia*. A Review Article. P. 356; **Joanna Piotrowska**. Leo Tolstoy in Poland: A Very Short Bibliography (1990–2008). P. 356.

Kokkuvõtted

Julia Krasnoselskaja. Kes hoidis Lev Tolstoid Peterburis? Tiibadjutantide projektisioon Lev Tolstoi elus ja loomingus. Lk. 357; **Aleksei Balakin**. Aleksandr Vojeikovi satiiri «Дом сумасшедших» varasema redaktsiooni uus käsikiri. Lk. 357; **Olga Makarevitš**. „Uus õpetlik raamat“: Nikolai Leskovi seni teadmata retsensioon John Bunyani raamatu „The Pilgrim's Progress“ vene tõlkele. Lk. 358; **Aleksandr Sobolev**. Mihhail Geršenzoni kirjad Andrei Zvenigorodskile. Lk. 358; **Marina Salman**. Sergei Radlovist ja Ossip Mandelštamist (arhiivallikate põhjal). Lk. 358; **Aleksandr Dolinin, Grigori Utgof**. Nabokovi tundmatu retsensioon. Lk. 359; **Roman Timentšik**. Anna Ahmatova „Märkmikute“ nimeloendist. Lk. 359; **Sergei Dotsenko**. Tuntud tundmatu. Retsensioon raamatule «Заре Григорьевне Минц посвящается...: Публикации, воспоминания, статьи. К 90-летию со дня рождения». Lk. 359; **Joanna Piotrowska**. Lev Tolstoi Poolas: Bibliograafilised materjalid (1990–2008). Lk. 360.

Авторы этого выпуска. С. 361–363.

Авторам будущих выпусков. С. 364–367.

**6.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. VI.
Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2019. 328 с.**

Исследования и материалы

I

- 6.1. **А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург). Набоков и советская литература («Приглашение на казнь»). С. 9–44.
- 6.2. **Е. А. Яблоков** (Москва). «Существо дотоле невиданное...» (Рассказ «Уля» и оптическая тема в творчестве Андрея Платонова). С. 45–95.

II

- 6.3. **А. Ю. Балакин** (С.-Петербург). «Я бережлив... от непривычки к деньгам»: Финансовый аспект командировки И. А. Гончарова на фрегате «Паллада». С. 99–120.
- 6.4. **Л. И. Соболев** (Москва). Одно письмо П. А. Вяземского. С. 121–125.
- 6.5. **А. Л. Соболев** (Москва). «Вечер мерцаний». С. 126–159.
- 6.6. **О. Р. Демидова** (С.-Петербург). Сохранить свое, не пренебрегая чужим: Культурные коды детской литературы русской эмиграции. С. 160–178.
- 6.7. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 179–247.

III

- 6.8. **Б. В. Орехов** (Москва). Лексика как классифицирующий признак современной поэзии. С. 251–273.

Критика

- 6.9. **Henryk Varan** (Albany, NY). Explorations in the Avantgarde. Review of: Георгий Левинтон. «Статьи о поэзии русского авангарда». Р. 277–289.

Библиография

- 6.10. **Б. п.** Указатель содержания журнала “Slavica Revalensia” за 2014–2018 гг. С. 293–303.

In memoriam

- 6.11. Петер Гржибек (22 ноября 1957 – 29 мая 2019). **Б. п.** С. 307–309.

Abstracts

Alexander Dolinin. Nabokov and the Soviet Literature: *Invitation to a Beheading*. P. 311; **Evgeny Yablokov.** “Sushchestvo dosele nevidannoe”: Short Story “Ulya” and the Optical Theme in Andrei Platonov’s Works. P. 311–12; **Alexei Balakin.** “Ja berezhliv ot neprivychki k den’gam”: The Financial Aspect of Ivan Goncharov’s Expedition on the Frigate “Pallada.” P. 312; **Lev Sobolev.** One Letter by Pyotr Vyazemsky. P. 312; **Alexander Sobolev.** “The Night of Glimmers.” P. 313; **Olga Demidova.** To Preserve Our Own without Neglecting the Foreign: Russian Émigré Children’s Literature Cultural Codes. P. 313–14; **Roman Timenchik.** From an Index to Anna Akhmatova’s *Notebooks*. P. 314; **Boris Orekhov.** Vocabulary as a Classifying Feature of Russian Postmodern Poetry. P. 314–15; **Henryk Baran.** Explorations in the Avantgarde. Review of *Stat’i o poezii russkogo avangarda*, by Georgy Levinton. P. 315.

Kokkuvõtted

Aleksandr Dolinin. Nabokov ja nõukogude kirjandus: „Kutse tapalavale“. Lk. 316; **Jevgeni Jablokov.** „Ennenägematu olend“: Lühilugu „Ulja“ ja visuaalne teema Andrei Platonovi teostes. Lk. 316; **Aleksei Balakin.** „Ma olen säästlik rahalisest harjumusest“: Rahaline külg Ivan Gontšarovi ekspeditsioonil fregatiga „Pallada“. Lk. 317; **Lev Sobolev.** Üks Pjotr Vjazemski kiri. Lk. 317; **Aleksandr Sobolev.** „Helkimiste õhtu“. Lk. 317–318; **Olga Demidova.** Säilitada „oma“ välismaist eiramata: Kultuurilised koodid vene emigrantlikus lastekirjanduses. Lk. 318; **Roman Timentšik.** Anna Ahmatova „Märkmikute“ nimeloendist. Lk. 319; **Boriss Orehhov.** Sõnavara kui vene postmodernset luulet klassifitseeriv tunnus. Lk. 319; **Henryk Baran.** Avastused avangardis. Georgi Levintoni teose «Статьи о поэзии русского авангарда» („Artiklid vene avangardi poeesiast“) arvustus. Lk. 320.

Авторы этого выпуска. С. 321–323.

Авторам будущих выпусков. С. 324–327.

7.0. *Slavica Revalensia* / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. VII.
Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2020. 336 с.

Исследования и материалы

I

- 7.1. **А. С. Пахомова** (Тарту). Поэтика и контекст оды Михаила Кузмина «Враждебное море» (1917). С. 9–36.
- 7.2. **Alexander Dolinin** (Madison / St. Petersburg). On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig*. С. 37–52.

II

- 7.3. **М. Ю. Коренева, Е. О. Ларионова** (С.-Петербург). «Воспоминание о Шлёцере» А. С. Кайсарова. С. 55–73.
- 7.4. **Л. И. Соболев** (Москва). Два письма П. А. Вяземского. С. 74–86.
- 7.5. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). Б. М. Эйхенбаум. Письма к Ю. А. Никольскому. С. 87–203.
- 7.6. **Айя Сакова** (Таллинн / Тарту). Письма Ивара Иваска Б. Л. Пастернаку. С. 204–229.

III

- 7.7. **М. В. Безродный** (Гейдельберг). Из комментария к «Пиковой даме»: 5–6. С. 233–239.
- 7.8. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 240–286.

In memoriam

- 7.9. Олег Анатольевич Коростелев (11.01.1959–20.03.2020). **И. З. Белобровцева** (Таллинн), **О. Р. Демидова** (С.-Петербург). С. 289–295.
- 7.10. James Bailey (September 28, 1929 – July 20, 2020). **Grigori Utgof** (Tallinn). С. 296–299.
- 7.11. Elena Vladimirovna Dushechkina (May 1, 1941 – September 21, 2020). **Henryk Baran** (Albany, NY). С. 300–309.
- 7.12. Николай Алексеевич Богомолов (16.12.1950–20.11.2020). **А. Л. Соболев** (Москва). С. 310–313.

Abstracts

- Alexandra Pakhomova**. “Vrazhdebnoe more” (“The Hostile Sea,” 1917) by Mikhail Kuzmin: The Ode’s Poetics and Context. P. 315; **Alexander Dolinin**.

On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig*. P. 315; **Marina Koreneva, Ekaterina Larionova**. Andrei Kaisarov's "Memoir on Schlözer." P. 316; **Lev Sobolev**. Two Letters by Pyotr Vyazemsky. P. 316; **Marina Salman**. Boris Eichenbaum: Letters to Iurii Nikol'skii. P. 317; **Aija Sakova**. Letters of Ivar Ivask to Boris Pasternak. P. 317; **Michail Bezrodnj**. From Annotations to "The Queen of Spades": 5–6. P. 318; **Roman Timenchik**. From an Index to Anna Akhmatova's *Notebooks*. P. 318–19; **Irina Belobrovtsseva, Olga Demidova**. *In memoriam*: Oleg Anatol'evich Korostelev (January 11, 1959 – March 20, 2020). P. 319; **Grigori Utgof**. *In memoriam*: James Bailey (September 28, 1929 – July 20, 2020). P. 319; **Henryk Baran**. *In memoriam*: Elena Vladimirovna Dushechkina (May 1, 1941 – September 21, 2020). P. 319–20; **Alexander Sobolev**. *In memoriam*: Nikolai Alekseevich Bogomolov (December 16, 1950 – November 20, 2020). P. 320.

Kokkuvõtted

Aleksandra Pahhomova. Mihhail Kuzmini oodi «Враждебное море» („Vaenulik meri“, 1917) poetika ja kontekst. Lk. 321; **Aleksandr Dolinin**. Nabokovi „Kangelasteo“ mõningatest kontekstidest ja alltekstidest. Lk. 321; **Marina Koreneva, Jekaterina Larionova**. Andrei Kaissarovi „Mälestused Schlözerist“. Lk. 322; **Lev Sobolev**. Kaks Pjotr Vjazemski kirja. Lk. 322; **Marina Salman**. Boriss Eichenbaum: Kirjad Juri Nikolskile. Lk. 323; **Aija Sakova**. Ivar Ivaski kirjad Boriss Pasternakile. Lk. 323; **Mihhail Bezrodnõi**. Kommentaarist „Padaemandale“: 5–6. Lk. 323–324; **Roman Timentšik**. Anna Ahmatova „Märkmikute“ nimeloendist. Lk. 324; **Irina Belobrovtsseva, Olga Demidova**. *In memoriam* Oleg Anatoljevitsš Korostel'jov (11. jaanuar 1959 – 20. märts 2020). Lk. 325; **Grigori Utgof**. *In memoriam* James Bailey (28. september 1929 – 20. juuli 2020). Lk. 325; **Henryk Baran**. *In memoriam* Jelena Vladimirovna Dušetškina (1. mai 1941 – 21. september 2020). Lk. 325; **Aleksandr Sobolev**. *In memoriam* Nikolai Aleksejevitsš Bogomolov (16. detsember 1950 – 20. november 2020). Lk. 326.

Авторы этого выпуска. С. 327–331.

Авторам будущих выпусков. С. 332–335.

8.0. *Slavica Revalensia* / [Ред. Григорий Утгоф; сост. Г. А. Левинтон (Раздел «Памяти Ларисы Георгиевны Степановой»)]. Vol. VIII. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2021. 412 с.

Исследования и материалы

I

- 8.1. **М. С. Неклюдова** (Москва). «Мертвые Цари всегда должны по смерти своей быть судимы»: Посмертная судьба одного древнеегипетского обычая в русской и европейской словесности XVI – XIX вв. С. 9–47.
- 8.2. **С. Н. Доценко** (Таллинн). Ритм и смысл стихотворения Пушкина «Буря». С. 48–55.
- 8.3. **А. С. Пахомова** (Тарту / С.-Петербург). «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации. С. 56–79.
- 8.4. **О. В. Проскурова-Тимофеева** (Рига). Еще раз об андерсеновском следе в романе В. Набокова «Король, дама, валет». С. 80–93.
- 8.5. **В. Б. Полищук** (С.-Петербург). Гиперболоид инженера Вальса: Набоков и советская фантастика 1910-х – 1920-х гг. С. 94–114.

II

- 8.6. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). Ученики и учителя Тенишевского училища (по школьным журналам и архивным документам). С. 117–177.
- 8.7. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). О летописи поэтовой: Например, Ахматова. С. 178–237.
- 8.8. **О. Р. Демидова** (С.-Петербург). Эпистолярная беседа как литературные беседы: Письма Г. В. Адамовича А. В. Бахраху. С. 238–283.

III. Памяти Ларисы Георгиевны Степановой (1941–2009)

- 8.9. **Г. А. Левинтон** (С.-Петербург). От составителя. С. 287.
- 8.10. **А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург). Итальянские мотивы в поэме Пушкина «Анджело». С. 289–302.
- 8.11. **А. Л. Осповат** (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке»: 9–11. С. 303–325.
- 8.12. **Г. А. Левинтон** (С.-Петербург). Заметки о дантовских подтекстах и параллелях в русской литературе первой половины XX века. С. 326–339.

8.13. **Н. Г. Охотин** (С.-Петербург). «Косящий бег» (Петрарка – Мандельштам – Петрарка). С. 340–362.

8.14. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Итальянцы. С. 363–376.

Критика

8.15. **Г. М. Утгоф** (Таллинн). «На земле еще много хороших вещей»: Рец. на кн.: «Человек эпохи: Ирина Белобровцева». С. 379–388.

Abstracts

Maria Neklyudova. “Dead Kings Must Always Be Judged after Their Demise”: The Afterlife of an Ancient Egyptian Custom in the Russian and European Literature of the 16th to 19th Centuries. P. 389; **Sergei Dotsenko**. Pushkin’s “Buria”: The Meaning of Rhythm. P. 389–90; **Alexandra Pakhomova**. Toward the Reinterpretation of Mikhail Kuzmin’s *War Stories*. P. 390; **Olga Proskurova-Timofeeva**. Once Again on Hans Christian Andersen’s Presence in Vladimir Nabokov’s Novel *Korol’, dama, valet (King, Queen, Knave)*. P. 391; **Vera Polishchuk**. Engineer Waltz’s Hyperboloid: Vladimir Nabokov and the Soviet Fantastic Literature of 1910–1920s. P. 319; **Marina Salman**. Tenishev School: Its Instructors, Students, School Magazines and Archives. P. 391–92; **Roman Timenchik**. How to Tell a Poet’s Life Story: Akhmatova’s Case. P. 392; **Olga Demidova**. *Epistolaria* as Literary Conversations: Letters of Georgy Adamovich to Alexander Bacherac. P. 392; **Georgy Levinton**. “*In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).” Section Editor’s Note. P. 393; **Alexander Dolinin**. Italian Motifs in Pushkin’s Poem *Andzhelo*. P. 393; **Alexander Ospovat**. Notes and Queries on *The Captain’s Daughter* (9–11). P. 393–94; **Georgy Levinton**. Some Notes on Dantean Quotations and Allusions in Russian Literature of the First Half of the 20th Century. P. 394; **Nikita Okhotin**. “The Scything Run”: Petrarch–Mandel’shtam–Petrarch. P. 394–95; **Roman Timenchik**. From an Index to Anna Akhmatova’s *Notebooks*: Italians. P. 395; **Grigori Utgof**. “Na zemle eshcho mnogo khoroshikh veshchei...”: Review of *Chelovek epokhi: Irina Belobrovtsseva*, by Aurika Meimre (ed.). P. 395.

Kokkuvõtted

Maria Nekljudova. „Kuningate üle peab alati pärast nende surma kohut mõistma“: Vana-egiptuse hauatagune elu 16.–19. sajandi vene ja euroopa kirjanduses. Lk. 396; **Sergei Dotsenko**. Puškini luuletus „Torm“: Rütmi tähendus. Lk. 396–97; **Aleksandra Pahhomova**. Mihhail Kuzmini „Sõjalood“ taas-tõlgendamise suunas. Lk. 397; **Olga Proskurova-Timofejeva**. Taas kord Hans

Christian Anderseni kohalolekust Vladimir Nabokovi romaanis „Kuningas, emand, poiss“. Lk. 397; **Vera Polištšuk**. Insener Waltzi hüperboloid: Vladimir Nabokov ja nõukogude ulmekirjandus 1910.–1920. aastatel. Lk. 398; **Marina Salman**. Teniševi kooli õpetajad ja õpilased (kooli ajakirjade ja arhiividokumentide põhjal). Lk. 398. **Roman Timentšik**. Kuidas rääkida luuletaja elulugu: Ahmatova juhtum. Lk. 399; **Olga Demidova**. Epistolaaria kui kirjanduslikud vestlused: Georgi Adamovitši kirjad Aleksandr Bahrahile. Lk. 399; **Georgi Levinton**. „In memoriam: Larissa Georgievna Stepanova (1941–2009)“. Koostaja sissejuhat. Lk. 400; **Aleksandr Dolinin**. Itaalia motiivid Puškini poeemis „Andželo“. Lk. 400; **Aleksandr Ospovat**. Kommentaarist „Kapteni tütrele“: 9–10. Lk. 400–401; **Georgi Levinton**. Märkmed Dante tsitaatidest ja allusioonidest 20. sajandi esimese poole vene kirjanduses. Lk. 401; **Nikita Ohhotin**. „Vikatvihisev jooks“: Petrarca – Mandelštam – Petrarca. Lk. 401–402; **Roman Timentšik**. Anna Ahmatova „Märkmikute“ nimeloendist: Itaallased. Lk. 402; **Grigori Utgof**. «На земле еще много хороших вещей»: Raamatu «Человек эпохи: Ирина Белобровцева» (toim. Aurika Meimre) arvustus. Lk. 402.

Авторы этого выпуска. С. 403–407.

Авторам будущих выпусков. С. 408–411.

9.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф]. Vol. IX. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2022. 392 с.

Исследования и материалы

I

- 9.1. **А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург). Время в художественных текстах и комментариях к ним. С. 9–38.
- 9.2. **В. А. Мильчина** (Москва). Удачные последствия неудачного сватовства: Н. И. Тургенев в Англии (1829–1830). С. 39–70.
- 9.3. **А. Л. Осповат** (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке»: 12–25. С. 71–91.
- 9.4. **Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер** (Москва). «Вельможа» И. А. Крылова: Жанр, источники, датировка. С. 92–122.
- 9.5. **С. Н. Доценко** (Таллинн). Кто такой «музыкант Набоков»? (Из комментария к книге А. Ремизова «Учитель музыки»). С. 123–145.
- 9.6. **П. Ф. Успенский** (Москва). Брюсов и Хокусай: Заметка об одном эротическом образе. С. 146–152.

- 9.7. **Е. А. Яблоков** (Москва). Летние морозы, зимние купанья: Аспекты николевского дискурса в поэтике М. А. Булгакова. С. 153–173.
- 9.8. **И. З. Белобровцева** (Таллинн), **А. Б. Устинов** (Сан-Франциско). Прогулка с Шаляпиным: К «американской биографии» А. Ветлугина. С. 174–190.
- 9.9. **Ф. Б. Поляков** (Вена). «А здесь я никому не нужен»: Послевоенные годы Николая Зарецкого в Праге. С. 191–217.
- 9.10. **П. Е. Поберезкина** (Киев / Таллинн). «Смерть Анны Андреевны Ахматовой – великая потеря» (Из писем Льва Аренса Григорию Петникову). С. 218–226.
- 9.11. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Джон Китс. С. 227–244.

II

- 9.12. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). «Не делать не в ее характере» (Новые материалы к биографии В. И. Иксуль фон Гилленбанд). С. 247–283.
- 9.13. **В. И. Иксуль фон Гилленбанд**. Из пережитого в 1918 году. Подготовка текста и примечания **Н. Г. Охотина** и **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). С. 284–331.

III. Lotman – 100

- 9.14. **Г. М. Утгоф** (Таллинн). Неизвестная заметка Ю. М. Лотмана. С. 335–343.

Критика

- 9.15. **В. С. Отяковский** (Тарту). Подводная археология. Рец. на кн.: *Бабак Г., Дмитриев А.* Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е – начало 1930-х). М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 347–360.

In memoriam

- 9.16. Magnus Ljunggren (October 25, 1942 – June 19, 2022). **Ben Hellman** (Helsinki), **Per-Arne Bodin** (Stockholm). С. 363–366.

Abstracts

Alexander Dolinin. Time in Literary Texts and Commentaries to Them. P. 367; **Vera Mil'china**. Successful Consequences of a Failed Suit: Nikolai Turgenev in England (1829–1830). P. 367–68; **Alexander Ospovat**. Notes and Queries on *The Captain's Daughter* (12–25). P. 368; **Ekaterina Liamina, Natal'ia Samover**. Kry-

lov's "Vel'mozha": Genre. Sources. Dating. P. 368; **Sergei Dotsenko**. Who is "The Musician Nabokov"? Rereading Alexei Remizov's *The Music Teacher*. P. 369; **Pavel Uspensky**. Briusov and Hokusai: A Note on One Erotic Image. P. 369; **Evgeny Yablokov**. Summer Frosts, Winter Bathings: Aspects of St. Nicholas' Discourse in Mikhail Bulgakov's Poetics. P. 370; **Irina Belobrovtseva, Andrei Ustinov**. A Walk with Chaliapine: From A. Vetlugin's "American Years." P. 370; **Fedor Poljakov**. "And Here No One Needs Me": Nikolai Zaretsky's Post-war Years in Prague. P. 371; **Polina Poberezkina**. "Anna Akhmatova's Death is a Great Loss": From Lev Ahrens' Letters to Grigori Petnikov. P. 371; **Roman Timenchik**. From an Index to Anna Akhmatova's *Notebooks*: John Keats. P. 371–72; **Marina Salman**. "She's not Accustomed to Staying Inactive": New Materials Concerning the Life Story of Varvara Uexküll von Gyllenband. P. 372; **Varvara Uexküll von Gyllenband**. My Ordeals in 1918 (Prefaced, edited and annotated by **Nikita Okhotin** and **Marina Salman**). **Grigori Utgof**. An Unknown Juri Lotman's Note. P. 373; **Valerii Otiakovskii**. Underwater Archeology. Review of *Atlantida sovetskogo natsmodernizma: Formal'nyi metod v Ukraine (1920-e – nachalo 1930-kh)*, by Galina Babak and Alexander Dmitriev. P. 373; **Ben Hellman, Per-Arne Bodin**. *In memoriam*: Magnus Ljunggren (October 25, 1942 – June 19, 2022). P. 374.

Kokkuvõtted

Aleksandr Dolinin. Aeg kunstilistes tekstides ja nende kommentaarides. Lk. 375; **Vera Miltšina**. Ebaõnnestunud kosja õnnelikud tagajärjed: Nikolai Turgenev Ingliismaal (1829–1830). Lk. 375–376; Aleksandr Ospovat. Kommentaarist „Kapteni tütrele“: 12–25. Lk. 376; **Jekaterina Ljamina, Natalia Samover**. Krõlovi „Ülik“: Žanr, allikad, dateering. Lk. 376; **Sergei Dotsenko**. Kes on „muusik Nabokov“? Lähilugedes Aleksei Remizovi „Muusikaõpetajat“. Lk. 377; **Pavel Uspenski**. Brjussov ja Hokusai: Märkused ühe erootilise kujutise kohta. Lk. 377; **Jevgeni Jablokov**. Suvised külmad, talvised suplused: Püha Nikolai diskursuse aspektid Mihhail Bulgakovi poetikas. Lk. 377–378; **Irina Belobrovtseva, Andrei Ustinov**. Jalutuskäik Šaljapiniga: A. Vetlugini „Ameerika eluloost“. Lk. 378; **Fedor Poljakov**. „Ja siin pole mind kellelegi tarvis“: Nikolai Zaretski sõjajärgsed aastad Prahast. Lk. 378; **Polina Poberezkina**. „Anna Ahmatova surm on suur kaotus“: Lev Ahrensi kirjadest Grigori Petnikovile. Lk. 379; **Roman Timentšik**. Anna Ahmatova „Märkmikute“ nimeloendist: John Keats. Lk. 379; **Marina Salman**. „Tegevusetuks jäämine ei ole talle omane“: Varvara Uexküll von Gyllenbandi biograafia uued materjalid. Lk. 380; **Varvara Uexküll von Gyllenband**. 1918.

aastal läbielatud (**Nikita Ohhotini** ja **Marina Salmani** publikatsioon, sissejuhatus ja kommentaarid). Lk. 380; **Grigori Utgof**. Juri Lotmani tundmatu kirjutis. Lk. 380–381; **Valeri Otjakovski**. Allveearheoloogia. Galina Babaki ja Aleksandr Dmitrievi teose «Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е – начало 1930-х)» („Nõukogude rahvusmodernismi Atlantis: Formaalne meetod Ukrainas (kahekümnendad ja kolmekümnendate esimene pool)“) arvustus. Lk. 381; **Ben Hellman, Per-Arne Bodin**. *In memoriam* Magnus Ljunggren (25. oktoober 1942 – 19. juuni 2022). Lk. 381.

Авторы этого выпуска. С. 382–388.

Авторам будущих выпусков. С. 389–392.

10.0. Slavica Revalensia / [Ред. Григорий Утгоф; Сост. А. Л. Осповат, Н. Г. Охотин, Р. Д. Тименчик (Раздел «К восьмидесятилетию Габриэля Гавриловича Суперфина»)]. Vol. X. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2023. 576 с.

Исследования и материалы

I

- 10.1. **О. А. Ларионов** (Оксфорд). А. М. Кутузов в 1790 году: Чтение, авторство, публичность. С. 11–36.
- 10.2. **Г. В. Обатнин** (Хельсинки). Спин-офф одного комментария: Речь Н. В. Недоброво. С. 37–47.
- 10.3. **А. Б. Блюмбаум** (С.-Петербург). Контуры одной традиции: «Ариец», «семит» и природа (Вокруг полемики Александра Блока и Акима Вольнского об иудаизме Гейне). С. 48–115.
- 10.4. **А. Б. Устинов** (Сан-Франциско). Стихотворение с загадочным посвящением, или Даниил Хармс смотрит Чарли Чаплина. С. 116–152.
- 10.5. **М. Г. Сальман** (С.-Петербург). О времени выхода в свет отдельного издания «Охранной грамоты» Бориса Пастернака. С. 153–175.
- 10.6. **В. В. Зельченко** (Ереван). В сторону Тулы: Заметки и дополнения к новому изданию романа Андрея Николева. С. 176–189.
- 10.7. **Г. А. Морев** (Берлин / Париж). Об одном гетевском подтексте у Егунова и Кузмина (Примечание к статье В. В. Зельченко). С. 190–193.
- 10.8. **Т. А. Пахарева** (Киев). Неоконченное стихотворение Анны Ахматовой «Из завещания Васильки»: Претекст и контекст. С. 194–203.

II. К восьмидесятилетию Габриэля Гавриловича Суперфина

- 10.9. **Н. Г. Охотин, А. Л. Осповат, Р. Д. Тименчик.** От составителей. С. 207.
- 10.10. **А. Л. Осповат** (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (26–42). С. 209–236.
- 10.11. **А. Л. Соболев** (Москва / Иерусалим). Русская литературная собака (Материалы к биографическому словарю). С. 237–274.
- 10.12. **Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Об академическом комментарии к поэзии модернизма (Случай Ахматовой). С. 275–346.
- 10.13. **А. В. Лавров** (С.-Петербург). «Интеллигент» – одна из волошинских «личин». С. 347–358.
- 10.14. **А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург). «Мачеха российских городов»: Берлин 1920-х годов глазами русских писателей. С. 359–404.
- 10.15. **И. З. Белобровцева** (Таллинн). Булгаковский след в Балтии 1920 – 1930-х годов. С. 405–418.
- 10.16. **Ф. Б. Поляков** (Вена). Фрагмент из рыцарского романа «Парциваль» Вольфрама фон Эшенбаха в переводе Эллиса (Льва Кобылинского). С. 419–445.
- 10.17. **Г. А. Левинтон** (С.-Петербург). Маргиналии к Маршаку. С. 446–471.
- 10.18. **Г. В. Лапина** (Мэдисон / С.-Петербург). Заславский vs Аткинсон: Из истории холодной войны. С. 472–498.
- 10.19. **Б. А. Равдин** (Рига). Справка (К вопросу об источниковедении и некоторых других вопросах). С. 499–508.

Критика

- 10.20. **Е. А. Лямина** (Москва). Дело страстей. Рец. на кн.: *Велижев М.* Чаадаевское дело: Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 511–518.
- 10.21. **В. В. Гущин** (Нью-Йорк), **С. Д. Халтурин** (Тарту). Graduate Student Conference in Russian Language and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu). С. 519–530.

In memoriam

- 10.22. «Ничто-ничто не пропадает...»: Михаил Владимирович Безродный (16 февраля 1957 – 18 ноября 2023). **Юрий Левинг** (Принстон). С. 533–544.

Abstracts

Irina Belobrovtsseva. Finding Traces of Bulgakov in the Baltic States of the 1920s and 1930s. P. 545; Arkady Bliumbaum. Outlines of a Forgotten Prejudice: “Arians,” “Semites,” and Nature (The Polemics of Alexander Blok and Akim Volynsky Concerning Heine’s Judaism). P. 545–46; **Alexander Dolinin.** “The Stepmother of the Russian Cities” Revisited: Berlin of the 1920s through the Eyes of Russian Writers. P. 546; **Veniamin Gushchin, Sergei Khalturin.** Graduate Student Conference in Russian Language and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu). P. 547; **Galina Lapina.** Zaslavsky vs Atkinson: From the History of the Cold War. P. 547; **Oleg Larionov.** Aleksei Kutuzov in 1790: Reading, Authorship, Publicity. P. 548; **Alexander Lavrov.** “An Intelligent” as Part of Voloshin’s *Images*. P. 548; **Yuri Leving.** “Nothing is Lost, Nothing Whatever”: *In Memoriam* Michail Bezrodnyj (February 16, 1957 – November 18, 2023). P. 549; **Georgy Levinton.** Marginalia to Marshak. P. 549; **Ekaterina Liamina.** *L'affaire des passions*. Review of *Chaadaevskoe delo: Ideologiya, ritorika i gosudarstvennaia vlast' v nikolaevskoi Rossii*, by Mikhail Velizhev. P. 549; **Gleb Morev.** On a Goethean Subtext in Nikolev and Kuzmin: A Note to Vsevolod Zelchenko’s Article. P. 550; **Gennadii Obatnin.** Spin-off from an Annotation: A Speech by Nikolai Nedobrovo. P. 550; **Alexander Ospovat.** Notes and Queries on *The Captain’s Daughter* (26–42). P. 550–51; **Tat’iana Pakhareva.** Anna Akhmatova’s Unfinished Poem “Iz zaveshchaniia Vasil’ki”: Pretext and Context. P. 551; **Fedor Poljakov.** A Fragment of the Chivalric Novel *Parzival* by Wolfram von Eschenbach in Ellis’ (Lev Kobylinsky’s) Translation. P. 551; **Boris Ravdin.** A Background Check (On the Question of Archival Sources and Some Other Questions). P. 552; **Marina Salman.** Concerning the Publication Date of Boris Pasternak’s *Safe Conduct* First Edition. P. 552; **Alexander Sobolev.** The Russian Literary Dog: Materials for a Biographical Dictionary. P. 552; **Roman Timenchik.** An Academic Commentary on Modernist Poetry: The Case of Akhmatova. P. 553; **Andrei Ustinov.** A Poem with a Mysterious Dedication, or Daniil Kharms Watching Chaplin. P. 553; **Vsevolod Zelchenko.** *Du côté de Toulou*: Notes and Supplements to the New Edition of *Beyond Tula* by Andrei Nikolev. P. 554.

Kokkuvõtted

Irina Belobrovtsseva. Bulgakovi jälg Balti riikides 1920.–1930. aastatel. Lk. 555; **Arkadi Bljumbaum.** Ühe traditsiooni piirjooned: „Aarjalane“, „semiit“ ja loodus (Aleksandr Bloki ja Akim Volõnski poleemika Heine judaismi üle). Lk. 555–556; **Aleksandr Dolinin.** „Vene linnade kasuema“: 1920. aastate Berliin vene kirjaniike pilgu läbi. Lk. 556; **Venjamin Guštšin, Sergei Halturin.** Noorte vene keele

ja kirjanduste uurijate konverents (Helsingi–Tallinn–Tartu): Konverentsi ülevaade. Lk. 556–557; **Galina Lapina**. Zaslavski vs Atkinson: Külma sõja ajaloost. Lk. 557; **Oleg Larionov**. Aleksei Kutuzov 1790. aastal: Lugemine, autorsus, avalikkus. Lk. 557; **Aleksandr Lavrov**. „Haritlane“ kui üks Vološini „Inimkujudest“. Lk. 558; **Yuri Leving**. „Mitte miski ei kao ära“: *In memoriam* Mihhail Bezrodnõi (16. veebruar 1957 – 18. november 2023). Lk. 558; **Georgi Levinton**. Marginaale Maršakile. Lk. 558; **Jekaterina Ljamina**. *L'affaire des passions*. Mihhail Veliževi raamatu «Чаадаевское дело: Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России» arvustus. Lk. 559; **Gleb Morev**. Ühest Goethe alltekstidest Nikolevi ja Kuzmini teostes (märkus Vsevolod Zeltšenko artiklile). Lk. 559; **Gennadi Obatnin**. Ühe kommentaari *spin-off*: Nikolai Nedobrovo kõne. Lk. 559; **Aleksandr Ospovat**. Kommentaarist „Kapteni tütrele“ (26–42). Lk. 560; **Tatjana Pahhareva**. Anna Ahmatova lõpetamata jäänud luuletus „Vassilka testamendist“: Pretekst ja kontekst. Lk. 560; **Fedor Poljakov**. Wolfram von Eschenbachi rüütli-romaani „Parzival“ fragment Ellise (Lev Kobõlinski) tõlkes. Lk. 561; **Boriss Ravdin**. Tõend (Allikaõpetuse küsimusest ja ka mõningatest teistest küsimustest). Lk. 561; **Marina Salman**. Boriss Pasternaki „Turbekirja“ esmatrüki ilmumisaastast. Lk. 561–562; **Aleksandr Sobolev**. Vene kirjanduslik koer: Materjalid biograafilisele leksikonile. Lk. 562; **Vsevolod Zeltšenko**. *Du côté de Toulou*: Märkmleid ja täiendusi Andrei Nikolevi romaani „Sealpool Tulat“ uusväljaandele. Lk. 562; **Roman Timentšik**. Akadeemilisest kommentaarist modernismi luulele: Ahmatova juhtum. Lk. 562–563; **Andrei Ustinov**. Salapärase pühendusega luuletus ehk Daniil Harms Charlie Chaplinit vaatlemas. Lk. 563.

Авторы этого выпуска. С. 564–571.

Авторам будущих выпусков. С. 572–575.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Балакин А. Ю. 2.2., 3.1., 5.2., 6.3.	Демидова О. Р. 2.5., 6.6., 7.9., 8.8.
Безродный М. В. 7.7.	Долинин А. А. 5.6., 6.1., 7.2., 8.10., 9.1., 10.14.
Белобровцева И. З. 1.4., 7.9., 9.8., 10.15.	Долинина А. А. 2.4.
Блюмбаум А. Б. 10.3.	Дорвинг Д. 3.10., 4.9.
Гришин А. И. 4.4.	Доценко С. Н. 1.3., 3.5., 4.2., 5.8., 8.2., 9.5.
Губергриц А. М. 2.3.	Дынин М. Д. 2.7.
Гущин В. В. 10.21.	Зельченко В. В. 10.6.
Данилевский А. А. 4.5.	
Двинятин Ф. Н. 3.2., 3.11.	

- Земскова Е. 3.10.
Зубков К. Ю. 1.11.
Иксуль фон Гилленбанд В. И. 9.13.
Кардаш Е. В. 4.1.
Коренева М. Ю. 7.3.
Костин А. А. 2.1.
Красносельская Ю. И. 3.4., 5.1.
Лавров А. В. 10.13.
Лапина Г. В. 10.18.
Ларионов О. А. 10.1.
Ларионова Е. О. 7.3.
Ларокка Дж. 1.7.
Левинг Ю. 10.22.
Левингтон Г. А. 8.0. (*сост.*), 8.9., 8.12.,
10.17.
Леоненко С. О. 1.5., 3.11.
Лямина Е. А. 9.4., 10.20.
Макаревич О. В. 5.3.
Меймре А. 1.10.
Мец А. Г. 4.3.
Мильчина В. А. 9.2.
Морев Г. А. 10.7.
Назирова Р. Г. 1.9.
Найдич Л. Э. 3.6.
Неклюдова М. С. 8.1.
Николаев Д. Д. 2.6., 4.6.
Обатнин Г. В. 10.2.
Орехов Б. В. 1.8., 6.8.
Осват А. Л. 8.11., 9.3., 10.0. (*сост.*),
10.9., 10.10.
Отяковский В. С. 9.15.
Охотин Н. Г. 8.13., 9.13., 10.0. (*сост.*),
10.9.
Пахарева Т. А. 10.8.
Пахомова А. С. 7.1., 8.3.
Пиотровска И. 5.9.
Поберезкина П. Е. 9.10.
Полищук В. Б. 8.5.
Поляков Ф. Б. 9.9., 10.16.
Последова М. 3.10.
Проскурова-Тимофеева О. В. 8.4.
Равдин Б. А. 10.19.
Рубцова А. 3.10.
Сакова А. 7.6.
Сальман М. Г. 1.6., 2.4., 3.8., 5.5., 7.5.,
8.6., 9.12., 9.13., 10.5.
Самовер Н. В. 9.4.
Соболев А. Л. 5.4., 6.5., 7.12., 10.11.
Соболев Л. И. 6.4., 7.4.
Суперфин Г. Г. 3.7.
Тименчик Р. Д. 5.7., 6.7., 7.8., 8.7., 8.14.,
9.11., 10.0. (*сост.*), 10.9., 10.12.
Топоров В. Н. 2.7.
Успенский П. Ф. 1.1., 3.3., 9.6.
Устинов А. Б. 9.8., 10.4.
Утгоф Г. М. 1.0. (*ред.*), 1.12. (*б. н.*), 2.0.
(*ред.*), 2.9. (*б. н.*), 3.0. (*ред.*), 3.12.
(*б. н.*), 4.0. (*ред.*), 4.10. (*б. н.*), 5.0.
(*ред.*), 5.6., 6.0. (*ред.*), 6.10. (*б. н.*),
7.0. (*ред.*), 7.10., 8.0. (*ред.*), 8.15., 9.0
(*ред.*), 9.14., 10.0. (*ред.*)
Федотов А. С. 1.2.
Федута А. И. 4.8.
Хаздан Е. В. 3.9.
Халтурин С. Д. 10.21.
Цивьян Т. В. 2.7., 6.11. (*б. н.*)
Шаулов С. С. 1.8.
Шиндин С. Г. 2.8.
Яблоков Е. А. 4.7., 6.2., 9.7.
Baran, Henryk. 6.9., 7.11.
Bodin, Per-Arne. 9.16.
Dolinin, Alexander – см.: Долинин А. А.
Hellman, Ben. 9.16.
Utgof, Grigori – см.: Утгоф Г. М.

ABSTRACTS

Konstantin Azadovskii

“THOSE WHO LIVED IN TSARSKOE...”:

LETTERS OF YULIA SAZONOVA TO GLEB STRUVE

This article is focused on the publication of the letters of the actress, journalist, ballet critic and theater figure Yulia Sazonova-Slonimskaya (1884–1957), who knew personally all the three participants in the famous “triangle” (Anna Akhmatova–Nikolai Nedobrovo–Boris Anrep). These letters contain a number of details enriching this well-known historical and literary plot with new touches. The letters are addressed to Professor Gleb Struve (1898–1985), an outstanding historian and expert on Russian literature, and are related to the publication of his book *The Unpublished Gumilyov* (New York, 1952). Among various details deserving of attention is the intention expressed by Sazonova in one of her letters (unfortunately, not realized) to write an article or memoir essay about the Tsarskoye Selo meetings of the Nedobrovs with Akhmatova and Gumilev.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Yulia Sazonova-Slonimskaya (1884–1957), Gleb Struve (1898–1985), Anna Akhmatova (1889–1966), Nikolai Gumilev (1886–1921), Nikolai Nedobrovo (1882–1919), Boris Anrep (1883–1969), Correspondence, History of Literature.

Irina Belobrovtsseva

CLOSE, DISTANT: DAVID BURLIUK AND A. VETLUGIN

The article addresses a short (1923–1925) but at the same time extremely important period in the shaping of destinies of two Russian émigrés – artist and poet David Burliuk and journalist, prose writer and figure of the American film industry A. Vetlugin (Vladimir Ryndziun). What makes them alike is the very choice of the destination country (the US), which was uncommon for post-revolutionary refugees from Russia, and in the fact they worked for the same New York Russian newspaper. What sets them apart, however, is their different attitudes towards America, Americanism and their entirely polar answers to the question of whether to integrate into the American society or not.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, David Burliuk (1882–1967), A. Vetluguin (Vladimir Ryndziun, 1897–1953), *Russkii Golos* (New York), Russian Diaspora, History of Literature.

David M. Bethea

REVISITING THE EXECUTION OF MARINUS VAN DER LUBBE IN THE
CONTEXT OF *INVITATION TO A BEHEADING*: WHAT DID NABOKOV KNOW?

This note (*zametka*) presents information from the periodic press about the trial and execution of Marinus van der Lubbe for his role in the Reichstag fire of February 1933 that could have come to Nabokov's attention – and then been reflected in his description of the *poshlost'* of aestheticized violence – as he was working on the novel *Priglasenie na kazn'*. Especially noteworthy is the dress and ritualized behavior in the case of van der Lubbe's executioner and the fact that in the Russian émigré press of the time the description of the condemned man's death involved *beheading by an axe* and not (as in the actual execution) beheading by guillotine.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century History, Reichstag Fire, Marinus van der Lubbe (1909–1934), Vladimir Nabokov (1899–1977), Willem Elsschot (1882–1960), Newspapers, *historia sub specie litterarum*.

Marina A. Bobrik

UNDERSTANDING MANDEL'SHTAM'S LANGUAGE:
“KAK SVETOTENI MUCHENIK REMBRANDT...”

The article offers a close reading of one of Osip Mandel'stam's Voronezh texts, the poem “Kak svetoteni muchenik Rembrandt...”, which has been examined more than once and from very different positions (see the synopsis of the main interpretations in the initial part of the article). The main impetus for the article comes from my wish to understand the language of this text as its structure, lexis, and sounds have not been sufficiently studied. What I also examine from a linguistic point of view, are such essential features of Mandel'stam's poetics as his techniques for condensing the semantics of a text by combining several meanings at different levels (words, phrases, etc). A revision of the previous understanding of syntax in both stanzas of the poem unexpectedly opens up the opportunity to take a fresh look at the distribution of the roles of the poet and Rembrandt, which

in turn lead to the rethinking of the poem's imagery and its general idea. In my understanding, the focal point of the poem shifts from Rembrandt and his paintings to the *I* of the poet and his tragic relations with his time and contemporaries.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Osip Mandel'shtam (1891–1938), “Kak svetoteni muchenik Rembrandt...”, Close Reading, Linguistics and Poetics.

Alexander Dolinin

ANNOTATIONS TO BORIS PASTERNAK'S POEM
“THE LAST DAY OF POMPEII”

The article offers a close reading and contextual analysis of Boris Pasternak's poem “The Last Day of Pompeii” (1915). Its title borrowed from Karl Briullov's famous painting is misleading as it has nothing to do either with the Roman city destroyed by the eruption of Vesuvius or with the painting but alludes to the defeats of Russian troops at the Western front and a political crisis in the country as clear signs of the imminent demise (“the last day”) of the Russian empire. Pasternak's apocalyptic imagery parallels a prophesy in Mayakovsky's contemporaneous “A Cloud in Trousers” (also 1915) where the poet predicted that 1916 would be the year of revolutions in Russia.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Boris Pasternak (1890–1960), Vladimir Mayakovsky (1893–1930), Pompeii, Apocalyptic Imagery, “Great Retreat” of 1915, Russian Revolution, Close Reading, Literary History.

Vladimir Khazan

“CORDIAL GREETINGS TO YOU AND ALEXEI MIKHAILOVICH FROM
PALESTINE”: ALEXEI REMIZOV'S PRESENCE IN PALESTINE / ISRAEL

This article analyzes the connections and contacts of Alexei Mikhailovich Remizov and his wife Serafima Pavlovna Remizova-Dovgello with Rachel Grigor'evna Ginzberg (1885–1957), daughter of major Jewish philosopher Ahad Ha'am (*né* Usher Isayevich (Asher Hirsch) Ginzberg) and wife of Russian writer M. A. Osorgin, who was exiled with her husband aboard the famous ‘Philosophers' ship’. This work serves as a sequel to the book *As a Seal upon Thy Heart* (2022), which examines Rachel Ginsberg's life and fate on the basis of her extensive epistolary dialogues with prominent members of the Russian émigré

community of the interwar period: Vera Bunina, Mark Vishniak, and Ekaterina Kuskova. The present publication focuses on Ginsberg-Osorgina's letters to the Remizovs found in the latter's archive. Some of these were written in Paris, while others were mailed from Palestine, to where Rachel Grigor'evna had moved in 1935, and where she lived until the end of her days. The article aims to expand our view of Remizov's milieu, his circle of close acquaintances and friends, while also adding a new name to the list of members of the Obezvelvolpal (The Great Free Order of the Apes). The letters clearly indicate that not only was Mikhail Osorgin a member of the society, but Rachel Ginsberg, his wife at the time (until 1926), was also a member. This publication is part of the broader subject 'Alexei Remizov in the cultural space of Palestine/Israel'.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Alexei Remizov (1877–1957), Rachel Ginzberg (1885–1957), Cultural Space of Palestine / Israel, Correspondence, History of Literature.

Alexander Lavrov

"SELECTED POEMS" BY SOFIA DUBNOVA-ERLICH
IN MAXIMILIAN VOLOSHIN'S ARCHIVE

The article introduces the poetry collection of a lesser-known Russian poet from the beginning of the 20th century, Sofia Dubnova-Erllich, the publication of which is based on the holograph draft discovered in the archive of Maksimilian Voloshin. The collection of poems reached Voloshin through Mikhail Vinaver, who was one of the founders of the Moscow Political Red Cross. This organisation, headed by Ekaterina Peshkova, helped political prisoners in Soviet Russia. The article also provides a brief overview of Dubnova's social activities, as well as her poetic output, in which she saw a chance to combine her Russian and Jewish identities organically.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Sofia Dubnova-Erllich (1885–1986), Maximilian Voloshin (1877–1932), Mikhail Vinaver (1880–1942?), Textual Criticism, History of Literature.

Pavel Lavrinets

MARK ALDANOV IN THE VILNA MIRROR

The purpose of the study is to reconstruct the literary reputation of Mark Aldanov in one of the local segments of the Russian diaspora during the interwar period. The study is based on the assumption that similar mechanisms for the formation of literary reputations also worked in other centers of Russian dispersion. The article uses information from archival documents in the library of the Vilna Russian Society and publications in periodicals, which indicates the accessibility of Aldanov's texts to a Vilna reader. I provide an overview of the writer's place in Russian émigré and European literatures as accessed in a series of articles published between 1929 and 1938 by Dorofey Bokhan, the leading critic of the Vilna Russian press, as well as in the only "study of the characteristics of creativity" (1935) by Ksenia Kostenich and the only review (of the novel *The Beginning of the End*, 1939) by Bokhan. The study allows us to conclude that Mark Aldanov was seen as one of the major writers of the Russian diaspora, a reformer of the historical novel, as well as both a master of impeccable style and of the psychological portrait.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Mark Aldanov (1886–1957), Dorofey Bokhan (1878–1942), Russian Diaspora, Newspapers, History of Literature.

Alexander Ospovat

THE LITERARY DISPUTE IN *THE CAPTAIN'S DAUGHTER* (NOTES AND QUERIES, 43)

This article examines a scene in Pushkin's novel where the protagonist, Pyotr Grinev, shares his poetry, prompting a mocking response from the antagonist, Alexei Shvabrin. The rivalry reflects the literary feud between 18th-century authors Trediakovsky and Sumarokov. The scene's narrative mode intertwines surface text with allusive layers, causing Grinev's verses to shift between the semantic fields of the two poets. This interplay undercuts both poetic schools' values. Key to understanding this scene is Pushkin's unfinished *Journey from Moscow to Petersburg*, which revises the legacy of Russian 18th-century rhymed poetry and prefigures a shift toward blank verse.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *The Captain's Daughter*, *The Journey from Moscow to Petersburg*, Literary Feud, Surface Text and Its Allusive Layers, History of Literature.

Fedor Poljakov

MATERIALS PERTAINING TO THE LIFE AND WORKS OF MIKHAIL GORLIN
FROM THE ARCHIVE OF THE INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES (PARIS).
PART 2 (No 6)

The publication features some of the heretofore unknown materials on the history of Russian literature in exile from the archive of the Institut d'études slaves (Paris). These documents are related to Mikhail Gorlin (1909–1942), a poet, scholar, and employee of the Institute who worked there until the repressions following the occupation of France in 1940, which eventually led to his murder at Auschwitz in 1942. The article presents some documents and testimonies shedding light on Mikhail Gorlin's last years in Berlin (early 1930s), in particular commenting upon the biography of Vladimir Postman, a less-known participant of Gorlin's literary association. The published documents are accompanied by literary-historical annotations.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Mikhail Gorlin (1909–1942), Raïssa Bloch (1899–1943), Russian Emigré Literature, Russian Berlin, Life Story, History of Literature.

Boris Ravdin, Benjamin Musachio

A SLICE OF LIFE: LETTERS TO AND FROM OSTLAND (1941–1944)

We present a selection of annotated letters from 1941 and 1944 addressed to Gennadii Ivanovich Tupitsyn (1895, Rostov-on-Don – 1966, Riga), a Riga-residing educator with diverse interests in languages, literature, and geography. This valuable, multilingual collection comprising more than fifty letters illustrates “everyday life” (“*povsednevnyi byt*”) in Latvia during the period of German occupation. Tupitsyn's family, colleagues, and former students wrote to the ailing instructor about a variety of seemingly prosaic topics: ration cards, pensions, job opportunities, dental procedures, harvests, book sales, etc. The specter of war nevertheless hovers in the background (and on occasion intrudes into the foreground) of this correspondence. In annotating these letters, we rely on primary sources, particularly daily newspapers (for example *Tēvija*, *Slovo*). This emphasis on contextualizing newspapers and periodicals recreates the atmosphere of the time, primarily as seen through the eyes of the Tupitsyn extended family as well as Tupitsyn's colleagues. We also comment on these letters' poetics, attending

to the tropes, typos, and word signals embedded in the Russian, Latvian and German originals.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century History, Gennadii Tupitsyn (1895–1966), WWII, Everyday Life in Latvia during World War II, Correspondence, History of Everyday Life.

Marina Salman

**AN UNKNOWN LETTER FROM MIKHAIL GERSHENZON
TO BORIS MODZALEVSKY FROM 1921**

The article is an annotated publication of a previously unknown letter by Mikhail Gershenzon to Boris Modzalevsky from 1921, accidentally found outside the Modzalevsky archival collection at the Institute of Russian Literature (Pushkin House). This newly found letter allows us to understand correctly the previously published letter from Modzalevsky to Gershenzon. The article also contains a critique of the republication of Gershenzon's memoir about Leo Tolstoy (1960).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Mikhail Gershenzon (1869–1925), Boris Modzalevsky (1874–1928), Vladislav Khodasevich (1886–1939), Boris Eichenbaum (1886–1959), Mikhail Lemke (1872–1923), Alexander Polyakov (1882–1923), Correspondence, History of Literature.

Roman Timenchik

**FROM AN INDEX TO ANNA AKHMATOVA'S NOTEBOOKS: BORIS
PASTERNAK. PART I**

This article is yet another installment in the series of Roman Timenchik's annotations to Anna Akhmatova's Notebooks. This particular installment concerns Boris Pasternak (1890–1960).

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), Notebooks (1958–1966), Boris Pasternak (1890–1960), Annotations, History of Literature.

Andrei Ustinov

ANCORA DA CAPO: ON ALEXANDER VVEDENSKY'S "ELEGY"

This article is dedicated to Alexander Vvedensky's most famous poem, "Elegy," which is examined from a new perspective, i.e. in the context of the formation of the OBERIU poetic platform and in comparison with the poem that can be considered its predecessor, "Elegy" by Igor Bakhterev.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Russian Literature, Alexander Vvedensky (1904–1941), "Elegy," Igor Bakhterev (1908–1996), OBERIU, Close Reading, History of Literature.

Michael Wachtel

À PROPOS OF AN ANNIVERSARY: AN UNKNOWN LETTER

BY VIACHESLAV IVANOV

The present publication consists of the sole letter written by Viacheslav Ivanov to the German archaeologist Ludwig Curtius (1874–1954). Ivanov met Curtius in 1935 through their mutual friend Ernst Robert Curtius (no relation). From 1928 to 1937 Ludwig Curtius was the head of the German Archaeological Institute in Rome, a place dear to Ivanov's heart. After his dismissal by the Nazis in September of 1937, Curtius remained in Rome. In 1944, on the occasion of his seventieth birthday, an event was held in his honor at the Swedish (German?) Institute in Rome. It is not known whether Ivanov attended, but he did write a congratulatory letter, a copy of which remained in the family archive. In this letter, Ivanov emphasizes their common conception of humanism by citing Goethe, Schiller, and (most strikingly) Mommsen.

KEYWORDS: Lazar Fleishman at 80, 20th-Century Literature, Viacheslav Ivanov (1866–1949), Ludwig Curtius (1874–1954), Theodor Mommsen (1817–1903), German Archaeological Institute in Rome, Correspondence, History of Literature.

KOKKUVÕTTED

Konstantin Azadovski

„NEED, KES ELASID TSARSKOJE SELOS...“.

JULIA SAZONOVA KIRJAD GLEB STRUVELE

Artikli fookuses on näitleja, ajakirjaniku, balletikriitiku ja teatritegelase Julia Sazonova-Slonimskaja (1884–1957) kirjad väljapaistvale ajaloolasele ja vene kirjanduse asjatundjale professor Gleb Struvele (1898–1985) seoses tema koostatud raamatu „Avaldamata Gumiljov“ (New York, 1952) ilmumisega. Julia Sazonova tundis isiklikult nii Anna Ahmatovat kui ka Nikolai Nedobrovot ja Boriss Anrep ning tema Struvele lähetatud kirjad toovad päevavalgele uut teavet selle kuulsa „kolmnurga“ omavaheliste suhete kohta. Mitmesuguste huvipakkuvate üksikasjade seas väärib erilist tähelepanu ühes Sazonova kirjas väljendatud, ent paraku teostamata jäänud kavatsus kirjutada artikkel või mälestusessee Nikolai Nedobrovo ja tema abikaasa kohtumistest Anna Ahmatova ja Nikolai Gumiljoviga.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Julia Sazonova-Slonimskaja (1884–1957), Gleb Struve (1898–1985), Anna Ahmatova (1889–1966), Nikolai Gumiljov (1886–1921), Nikolai Nedobrovo (1882–1919), Boriss Anrep (1883–1969), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Irina Belobrovtsjeva

KAUGED, LÄHEDASED: DAVID BURLJUK JA A. VETLUGIN

Artikkel käsitleb lühikest (1923–1925), kuid ühtaegu äärmiselt olulist perioodi kahe vene emigrandi – kunstniku ja poeedi David Burljuki ning ajakirjaniku, prosaisti ja Ameerika filmitööstuse tegelase A. Vetlugini (Vladimir Rõndzjun) – saatuses. Neid kaht ühendas Venemaalt pärit revolutsioonijärgsete põgenike jaoks ebatavaline sihtriik (USA) ning töökoht ühes ja samas New Yorgi venekeelses ajalehes, eristas aga suhtumine Ameerikasse, amerikanismi ja ka täiesti vastandlikud seisukohad küsimuses, kas integreeruda Ameerika ühiskonda või mitte.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, David Burljuk (1882–1967), A. Vetlugin (Vladimir Rõndzjun, 1897–1953), Russki Golos (New York), vene diasporaa, kirjanduslugu.

David M. Bethea

VEEL KORD MARINUS VAN DER LUBBE HUKKAMISEST
„KUTSE TAPALAVALE“ KONTEKSTIS. MIDA NABOKOV TEADIS?

Artikkel vahendab 1933. aasta veebruari Riigipäevahoone tulekahjus süüdistatud Marinus van der Lubbe kohtuprotsessi ja hukkamise kajastust ajakirjanduses ning osutab võimalusele, et see võis pälvida Vladimir Nabokovi tähelepanu, kui ta kirjutas romaani „Kutse tapalavale“, peegeldudes viisis, kuidas Nabokov kirjeldas estetiseeritud vägivalla labasust (пошлость). Eriti väärib märkimist van der Lubbe timuka riietus ja rituaalne käitumine ning asjaolu, et tolleaegse vene pagulasajakirjanduse väitel raiuti surmamõistetul pea maha kirvega, mitte aga giljotiiniga (nagu tegelikult).

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj ajalugu, Marinus van der Lubbe (1909–1934), Riigipäevahoone tulekahju, Vladimir Nabokov (1899–1977), Willem Elsschot (1882–1960), ajalehed, *historia sub specie litterarum*.

Marina A. Bobrik

OSSIP MANDELŠTAMI KEELE MÕTESTAMISE KATSE.
«КАК СВЕТОТЕНИ МУЧЕНИК РЕМБРАНДТ...»

Artiklis on kirjeldatud O. Mandelštami luuletuse «Как светотени мученик Рембрандт...» („Nagu valguse ja varju kannataja Rembrandt...“, 1937) lähilugemise kogemust. Luuletust on varem käsitletud korduvalt ja eri vaatenurkadest (vt peamiste tõlgenduste ülevaadet artikli algusosas), seekordse käsitluse peamiseks tõukejõuks oli soov mõista selle teksti keelt, kuna ülesehituslikust, sõnakasutuslikust ja häälikulisest küljest ei olnud luuletust siiani piisavalt uuritud. Vaatluse all on ka Mandelštami poeetika olulised jooned, nagu näiteks tekstisemantika tihendamise mitmete tähenduste ühendamise teel erinevatel (sõna, sõnaühendi, fraasi) tasanditel. Luuletuse uus süntaktiline käsitlus andis ootamatult võimaluse heita uus pilk poeedi ja Rembrandti rollijaotusele, mis omakorda tõi kaasa kujundite ja üldidee ümbermõtestamise. Rembrandtilt ja tema maalidelt nihkus fookus poeedi minale ning tema traagilistele suhetele oma aja ja kaasaegsetega.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Ossip Mandelštam, «Как светотени мученик Рембрандт...», *close reading*, lingvistika ja poeetika.

Aleksandr Dolinin

KOMMENTAAR PASTERNAKI LUULETUSELE

«ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»

Artikkel pakub Boriss Pasternaki luuletuse „Pompei viimane päev” (1915) põhjalikku tõlgendust ja kontekstianalüüsi. Selle Karl Brüllovi kuulsalt maalilt laenatud pealkiri on eksitav, kuna luuletusel pole midagi pistmist ei Vesuuvi purske tagajärjel hävinud Rooma linna ega maaliga. Pigem vihjab see tollaegsele Vene vägede lüüasaamisele läänerindel ja poliitilisele kriisile kui selgetele märkidele Vene impeeriumi peatselt hääbumisest („viimasest päevast”). Pasternaki apokalyptilised kujundid on paralleelsed Majakovski omaaegse „Pilv pükstes“ (samuti 1915) ennustusega, et 1916. aasta on Venemaal revolutsioonide aasta.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Boriss Pasternak (1890–1960), Vladimir Majakovski (1893–1930), Pompei, apokalyptiline kujundlikkus, 1915. a suur taandumine, Vene revolutsioon, *close reading*, kirjanduslugu.

Vladimir Hazan

„SÜDAMLIKUD TERVITUSED TEILE JA ALEKSEI MIHHAILOVITŠILE

PALESTIINAST“. MATERJALID TEEMAL „ALEKSEI REMIZOV PALESTIINA / IISRAELI KULTUURIRUUMIS“

Artiklis on analüüsitud Aleksei Remizovi ja tema abikaasa Serafima Remizova-Dovgello sidemeid ja kontakte Raahel Grigorjevna Ginsbergiga (1885–1957), kes oli suure juudi filosoofi Ahad Ha’ami (snd Usher Issajevitš (Asher Hirsch) Ginsberg) tütar ja vene kirjaniku Mihhail Ossorgini naine. 1922. aastal lahkus ta kodumaalt koos oma mehega, kes pagendati Nõukogude Venemaalt nn filosoofide laeval. Käesolev töö on järg sama autori monograafiale “As a Seal upon Thy Heart” (2022), milles käsitletakse Raahel Ginsbergi elu ja saatust tema ulatusliku kirjavahetuse põhjal vene pagulaskogukonna silmapaistvate liikmetega (Vera Bunina, Mark Višnjak, Ekaterina Kuskova) sõdadevahelisel perioodil. Käesolevas artiklis keskendub autor Ginsberg-Ossorgina kirjadele Remizovitele, mis on säilinud nende arhiivis. Mõned neist kirjadest olid saadetud Pariisist, teised aga Palestiinast, kuhu Raahel Grigorjevna oli 1935. aastal elama asunud ja kus ta elas oma elupäevade lõpuni. Artikkel aitab laiendada meie nägemust Remizovi elukeskkonnast, tema tutvus- ja sõpruskonnast, lisades ühtlasi uue nime Obezvelvolpali („Ahvide suur ja vaba ordu“) liikmete nimekirja. Kirjad näitavad selgelt, et sellesse seltsi ei kuulunud mitte ainult Mihhail Ossorgin,

vaid ka tema toonane (kuni 1926. aastani) abikaasa Raahel Ginsberg. Artikkel on osa laiemast teemast „Aleksi Remizov Palestiina / Iisraeli kultuuriruumis“.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Aleksi Remizov (1877–1957), Raahel Ginsberg (1885–1957), Palestiina / Iisraeli kultuuriruum, kirjavahetus, kirjanduslugu.

Pavel Lavrinets

MARK ALDANOV VILNO PEEGLIS

Uurimistöö eesmärk on rekonstrueerida Mark Aldanovi kirjanduslik maine ühes vene diasporaa segmendis Esimese ja Teise maailmasõja vahelisel perioodil. Töö põhineb eeldusel, et sarnased kirjandusliku maine kujunemise mehhanismid toimusid ka teistes vene emigratsiooni keskustes. Artiklis on kasutatud teavet Vilno Vene Seltsi raamatukogu arhiividokumentidest ja kaasaegsetest perioodikaväljaannetest, mis näitab Aldanovi teoste kättesaadavust Vilno lugejaskonnale. Tuuakse välja kirjaniku koha määratlused vene pagulaskirjanduses ja Euroopa kirjanduses ning hinnangud tema loomingule, mis pärinevad vene pagulaskirjandust käsitlevatest Vilno vene ajakirjanduse juhtiva kriitiku Dorofei Bohani 1929.–1938. aastate artiklitest, Ksenia Kostenitši koostatud ainsast Aldanovi loomingu käsitlesest (1935) ja Bohani ainsast arvutusest (romaanile „Lõpu algus“, 1939). Uurimistöö võimaldab järeldada, et Mark Aldanovit peeti üheks suuri- maks vene pagulaskirjanikuks, ajaloolise romaani ümberkujundajaks, laitmatu stiili ja psühholoogilise portree meistriks.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Mark Aldanov (1886–1957), Dorofei Bohani (1878–1942), vene diasporaa, ajalehed, kirjanduslugu.

Aleksandr Lavrov

SOFIA DUBNOVA-ERLICH I „VALITUD LUULETUSED“

MAKSIMILIAN VOLOŠINI ARHIIVIS

Artiklis tutvustatakse 20. sajandi alguse vähetuntud vene luuletaja Sofia Dubnova-Erlichi luulekogu, mille omakäeline mustand avastati Maksimilian Vološini arhiivist. Mustand jõudis Vološini kogusse Mihhail Vinaveri käest, kes oli Moskva Poliitilise Punase Risti üks asutajaid. See Jekaterina Peškova juhitud organisatsioon abistas poliitvange Nõukogude Venemaal. Artiklis antakse lühiülevaade Dubnova ühiskondlikust tegevusest ja tema luuleloomingust, milles ta nägi võimalust ühendada orgaaniliselt vene ja juudi identiteeti.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Sofia Dubnova-Erlich (1885–1986), Maksimilian Vološin (1877–1932), Mihhail Vinaver (1880–1942?), tekstoloogia, kirjanduslugu.

Aleksandr Ospovat

KIRJANDUSLIK VASTASSEIS „KAPTENI TÛTRES“.

KOMMENTAARIST ROMAANILE (43)

Artiklis uuritakse episoodi A. Puškini romaanist „Kapteni tütar“, kus peategelane Pjotr Grinev loeb antagonist Aleksei Švabrinile ette oma luuletust ning saab temalt pilkava vastuse. Tegelaste kokkupõrge peegeldab 18. sajandi luuletajate V. Tredjakovski ja A. Sumarokovi kirjanduslikku vastasseisu. Tekst on mitmekihiline: ühelt poolt on sellel otsene tähendus, teiselt poolt, sügavamal tasandil on see täis vihjeid, mis paneb Grinevi värsid nihkuma kahe poeedi semantiliste väljade vahel. Selline interaktsioon õõnestab mõlema poeetilise koolkonna väärtusi. Episoodi mõistmise võtmeks on Puškini lõpetamata jäänud kirjutis „Teekond Moskvast Peterburi“, milles ta mõtestab ümber 18. sajandi vene riimluule pärandit ja ennustab nihet blankvärssi poole.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 19. saj vene kirjandus, „Kapteni tütar“, „Teekond Moskvast Peterburi“, kirjanduslik vastasseis, tekst ja selle allusiivsed kihid, kirjanduslugu.

Fedor Poljakov

MATERJALID MIHHAIL GORLINI BIOGRAAFIA JA LOOMINGU UURIMISEKS
INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES'I (PARIIS) ARHIIVIST. 2. OSA (Nr 6)

Artikkel sisaldab mõningaid seni tundmatuid materjale vene pagulaskirjanduse ajaloost Institut d'études slaves'i (Pariis) arhiivist. Need dokumendid on seotud Mihhail Gorliniga (1909–1942), luuletaja, teadlase ja instituudi töötajaga, kes oli seal ametis kuni repressioonideni pärast Prantsusmaa okupeerimist 1940. aastal, mis viisid lõpuks tema mõrvani Auschwitzis 1942. aastal. Esitatakse mõned dokumendid ja tunnistused, mis heidavad valgust Mihhail Gorlini viimastele aastatele Berliinis (1930. aastate alguses), keskendudes eelkõige Gorlini kirjandusliku rühmituse vähem tuntud liikme Vladimir Postmani eluloole. Avaldatavad allikad on varustatud kirjandusajaloolise kommentaariga.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Mihhail Gorlin (1909–1942), Raissa Blohh (1899–1943), vene pagulaskirjandus, vene Berliin, biograafia, kirjanduslugu.

Boriss Ravidin, Benjamin Musachio

„**VAIKNE NURGAKE**“. KIRJAD OSTLANDIST OSTLANDI (1941–1944)

Artiklis on tutvustatud Gennadi Ivanovitš Tupitsõnile (1895, Rostov Doni ääres – 1966, Riia) – Riias elanud pedagoog, kelle mitmekülgsed huvid hõlmasid keeli, kirjandust ja geograafiat – aastatel 1941 ja 1944 saadetud kirjade valikut. See väärtuslik, enam kui viiekümnest kirjast koosnev mitmekeelne kogu illustreerib igapäevaelu Lätis Saksa okupatsiooni ajal. Tupitsõni pereliikmed, kolleegid ja endised õpilased kirjutasid talle mitmesugustel pealtnäha proosalistel teemadel: toidukaardid, pensionid, töövõimalused, hambaraviprotseduurid, saagikoristus, raamatumüük jne. Kõige selle taustal hõljub ja aeg-ajalt ilmub ka esiplaanile sõjatont. Kirju on kommenteeritud, tuginedes esmastele allikatele, eelkõige päevalehtedele (nt Tēvija, Slovo). Perioodiliste väljaannete konteksti panek aitab edasi anda tolleaegset õhkkonda, eelkõige Tupitsõni perekonna ja kolleegide pilgu läbi. Kommenteeritud on ka nende vene-, läti- ja saksakeelsete kirjade poeetikat, pöörates tähelepanu troopidele, kirjavigadele ja signaalsõnadele.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj. ajalugu, Gennadi Tupitsõn (1895–1966), argielu Lätis Teise maailmasõja ajal, kirjavahetus, argielu ajalugu.

Marina Salman

MIHHAIL GERŠENZON. 1921. a SENI TUNDMATU KIRI BORISS MODZALEVSKILE

Mihhail Geršenzoni seni tundmatu kiri Boriss Modzalevskile aastast 1921, mis leiti juhuslikult väljastpoolt Modzalevski arhiivikogu Vene kirjanduse instituudis (Puškini maja). See äsja leitud kiri võimaldab meil õigesti mõista Modzalevski varem avaldatud kirja Geršenzonile. Artikkel sisaldab ka kriitikat Geršenzoni Lev Tolstoi mälestuste taasavaldamise kohta (1960).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Mihhail Geršenzon (1869–1925), Boriss Modzalevski (1874–1928), Vladislav Hodassevitš (1886–1939), Boriss Eichenbaum (1886–1959), Mihhail Lemke (1872–1923), Aleksandr Poljakov (1882–1923), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Roman Timentšik

ANNA AHMATOVA „MÄRKMİKUTE“ NIMELOENDIST. BORISS PASTERNAK.

I. OSA

See on järjekordne osa Roman Timentšiku kommentaaridest Anna Ahmatova „Märkmikutele“. Sinne osa puudutab üht isikut: Boriss Pasternak (1890–1960).

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), „Märkmikud“ (1958–1966), Boriss Pasternak (1890–1960), kommentaarid, kirjanduslugu.

Andrei Ustinov

ANCORA DA CAPO. ALEKSANDR VVEDENSKI „ELEEGIAS“

Artikkel on pühendatud Aleksandr Vvedenski kuulsaimale luuletusele „Elegia“. Seda vaadeldakse uue vaatenurga alt, nimelt OBERIU poetilise platvormi kujunemise kontekstis ja võrrelduna Igor Bahterevi sama pealkirja kandva luuletusega.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj vene kirjandus, Aleksandr Vvedenski (1904–1941), „Elegia“, Igor Bahterev (1908–1996), OBERIU, *close reading*, kirjanduslugu.

Michael Wachtel

JUUBELI PUHUL. VJATŠESLAV IVANOVI SENI TUNDMATU KIRI

Artikkel keskendub Vjatšeslav Ivanovi kirjale saksa arheoloogile Ludwig Curtiusele (1874–1954). Ivanov tutvus Curtiusega 1935. aastal nende ühise sõbra Ernst Robert Curtiuse kaudu (kel puuduvad sugulussidemed Ivanovi kirja saajaga). Aastatel 1928–1937 oli Ludwig Curtius Roomas asuva Saksa arheoloogia-instituudi juht, mis oli Ivanovile südamelähedane koht. Pärast ametist lahtilaskmist natside poolt 1937. aasta septembris jäi Curtius Rooma. 1944. aastal toimus seal Curtiuse seitsmekümnenda sünnipäeva puhul tema auks üritus. Kas Ivanov kohal käis, pole teada, kuid ta kirjutas önnitluskirja, mille koopia jäi perekonnaarhiivi. Selles kirjas rõhutab Ivanov nende ühist humanismikäsitust, tsiteerides Goethet, Schillerit ja (kõige silmatorkavamalt) Mommsenit.

VÕTMESÕNAD: Lazar Fleishman – 80, 20. saj kirjandus, Vjatšeslav Ivanov (1866–1949), Ludwig Curtius (1874–1954), Saksa arheoloogiainstituut Roomas, kirjavahetus, kirjanduslugu.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Константин Маркович Азадовский – историк русской и западно-европейской литературы, переводчик. Кандидат филологических наук, академик Немецкой академии языка и литературы (Дармштадт). В настоящее время – независимый исследователь. Состоит в редколлегии журналов «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Литературный факт», «Звезда» и др. Автор многочисленных статей, публикаций и рецензий, посвященных русско-германским культурным связям и поэзии русского Серебряного века. Основные книги: «Николай Клюев: Путь поэта». (Л., 1990; 2-е изд. (под названием «Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование») – СПб., 2002), «Бальмонт и Япония» (совместно с Е. М. Дьяконовой; М., 1991; 2-е изд.: СПб., 2017), „Rilke und Russland“ (Berlin; Weimar, 1986; русское изд.: СПб., 2003), «Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке» (СПб., 1992; 2-е изд.: СПб., 1999), «Райнер Мария Рильке и Александр Бенуа» (СПб., 2001), «Николай Клюев. Письма Николая Клюева к Александру Блоку: 1907–1915» (М., 2003) „Friedrich Fiedler. Aus der Literatenwelt. Charakterzüge und Urteile: Tagebuch“ (Göttingen, 1996; русское изд.: М., 2008), «Рильке и Россия: Статьи и публикации» (М., 2011), «Серебряный век: Имена и события» (СПб., 2015), «Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения» (М., 2019), „Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts“ (Paderborn, 2022), «Русские европейцы» (совместно с А. В. Лавровым; СПб., 2024).

E-mail: azadovski@mail.ru

Ирина Захаровна Белобровцева – кандидат филологических наук (диссертация: «Художественные поиски В. Маяковского и группы “ЛЕФ”»), доктор философии (PhD; диссертация: «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Конструктивные принципы организации текста»), professor emerita Таллинского университета. Автор книг «Над чистым листом в одиночку и с надеждой» (Таллинн, 1987), «Читаем поэзию вместе: Пособие для преподавателей» (М., 1994), «Новейшая русская литература: Учебник для гимназии» (Таллинн, 2004; в эстонском переводе: „Uuem vene kirjandus”. Tallinn, 2007), «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”:

Комментарий» (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 2004; 2-е изд.: Таллинн, 2006; 3-е изд.: М., 2007; в эстонском переводе: „Mihhail Bulgakovi romaani ‘Meister ja Margarita’ kommentaarid”; Tallinn, 2007), «Путеводитель по роману М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» (совместно с С. К. Кульюс; М., 2012), «Образ “малого врага”: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940)» (совместно с Давидом Всевиовым и А. А. Данилевским; М., 2013; в эстонском переводе: „Vaenlase kuju: Eesti kuvand vene karikatuuris 1920. – 1940. aastatel”; Tallinn, 2013), «Леонид Зуров: В тени Бунина» (М., 2020). Автор более 200 научных статей; публикатор и комментатор переписки Н. Н. Берберовой и Г. Н. Кузнецовой («Нина Берберова – Галина Кузнецова: Переписка 1920-х – 1960-х годов»; совместно с О. Р. Демидовой; М., 2022). Составитель и редактор сборников «Балтийский архив» I–III, XII, XIII (Таллинн, 1996, 1997, 2012, 2013); редактор и составитель «Булгаковских сборников» I–V (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 1993, 1994, 1998, 2001, 2008), сборников «Самойловские чтения» I–VI (Таллинн, 2001, 2006, 2009, 2012, 2022; М., 2017) и др.

E-mail: venefil@tlu.ee

Дэвид М. Бетеа – доктор философии (PhD), именной professor emeritus Висконсинского университета. Основные сферы научных интересов: Пушкин и пушкинская эпоха, Владимир Набоков, русская поэзия XX века (в особенности Бродский и Ходасевич), русская мысль и культурная мифология. Автор шести и редактор семи монографий и более 100 статей. Его недавняя книга – “The Pushkin Project: Russia’s Favorite Writer, Modern Evolutionary Thought, and Teaching Inner-City Youth” (Boston, 2023).

E-mail: dmbethea@gmail.com

Марина Анатольевна Бобрик – кандидат филологических наук, научный сотрудник Университета Удине (Италия). Автор книги «Проза Осипа Мандельштама “Холодное лето” (1923): Языковой комментарий» (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018) и более 70 статей по истории древнерусской письменности и русского языка разных периодов – от XI до XX века; среди них исследования о бытовании Библии и церковнославянского языка в России, о письменности древнего Новгорода, о языке русской эмиграции XX века, о языке Мандельштама, Пастернака, Платонова, очерки истории слов.

E-mail: marina.bobrik@online.de

Майкл Вахтель – профессор на кафедре русской литературы в Принстонском университете. Автор книг о русской поэзии, в частности о Пушкине и о Вяч. Иванове. Его биография Вяч. Иванова выйдет в 2025 г. в издательстве Columbia University Press.

E-mail: wachtel@princeton.edu

Стефано Гарзонио – профессор славистики (русского языка и литературы) в Пизанском университете, академик Амброзианской академии в Милане (с 2018 г.). Специалист по истории и теории русского стиха, истории русской литературы XVIII века, итало-русских культурных связей, истории русской поэзии «серебряного века» и русской эмиграции в Италии. Редактор итальянских изданий и/или переводчик произведений Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Фета, Толстого, Георгия Иванова, Маяковского и русских поэтов XIX века. Член редколлегии журнала «*Russica Romana*» (Италия). Президент Итальянской ассоциации славистов (1999–2009). Автор (под псевдонимом Степан Фрязин) сборников стихов «*Мои безделки*» (М., 2017) и «*Сиюминутности*» (СПб., 2020).

E-mail: E-mail: stefano.garzonio@unipi.it

Александр Алексеевич Долинин – кандидат филологических наук, professor emeritus Висконсинского университета (University of Wisconsin-Madison), член Санкт-Петербургского ПЕН-клуба, автор семи книг («*История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели*». М., 1988; «*Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове*». СПб., 2004; 2-е изд.: СПб., 2019; «*Пушкин и Англия: Цикл статей*». М., 2007; «*Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”*». М., 2019; «*“Тибель Запада” и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул*». М., 2020; «*О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет*». М., 2022; «*Путешествие по “Путешествию в Арзрум”*». М., 2022), более 200 статей и заметок, ряда научных комментариев к изданиям Пушкина, Набокова, Киплинга, Фолкнера и других русских и англоязычных писателей.

E-mail: aadolinin@yahoo.com

Павел Михайлович Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент Института языков и культур Балтийского региона Вильнюсского университета. Исследователь русской печати и литературы балтийских

стран и Польши в межвоенный период, взаимодействия русской и литовской, русской и польской литератур, русской литературы в инонациональном окружении, автор книг «Русская литература Литвы: XIX – первая половина XX века» (Вильнюс, 1999), «Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца» (Вильнюс, 2008) и свыше 100 научных статей, составитель и редактор сборников «Балтийский архив» VII, IX (Вильнюс, 2002, 2015), «Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis. Русские Литвы в XX – начале XXI вв.: история, идентичность, память» (совместно с Г. Поташенко, А. Марцинкявичюсом; Вильнюс, 2013), «Гетеротопии: миры, границы, повествование» (совместно с Г. Михайловой, И. Видугирите; Вильнюс, 2015).

E-mail: pavel.lavriniec@flf.vu.lt

Александр Васильевич Лавров – академик РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор книг «Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность» (М., 1995), «Этюды о Блоке» (СПб., 2000), «Символисты вблизи: Статьи и публикации» (СПб., 2004; в соавторстве с С. С. Гречишкиным), «Русские символисты: Этюды и разыскания» (М., 2007), «Андрей Белый: Разыскания и этюды» (М., 2007), «Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации» (М., 2015), «Тексты и комментарии: Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века» (СПб., 2018) и более 550 публикаций и статей по истории русской литературы и общественной мысли начала XX века.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

Марта Малахович – доктор философии (PhD), преподаватель РКИ в Институте специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета. Сфера научных интересов: дидактика перевода и языков по специальности.

E-mail: m.malachowicz@uw.edu.pl

Бенджамин Музаккио – выпускник Стэнфордского (2017) и Оксфордского (2019) университетов. Докторант Принстонского университета (докторская диссертация: “Through the Looking-Glass: The Popularization of Soviet Russian Poets in 1960s America”). Сфера научных интересов: западная рецепция

русской и советской литературы, история Латвии, литература русской эмиграции.

E-mail: bjm4@princeton.edu

Александр Львович Осповат – профессор-исследователь Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Автор книг «Как слово наше отзовется...: О первом сборнике Ф. И. Тютчева» (М., 1980), «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях “Медного всадника” (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”» (совместно с В. А. Мильчиной; СПб., 2008), «Стихотворение Федора Тютчева “Огнем свободы пламеня...”: Комментарий» (совместно с Р. Г. Лейбовым; М., 2022) и многих статей и публикаций по истории русской литературы XIX века.

E-mail: alex.ospovat@gmail.com

Иоанна Пиотровска – доктор филологических наук (Dr hab.), адъюнкт Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета, автор монографии «Рецепция позднего Льва Толстого в польской прессе: Процессы информационного и культурного трансфера» (Warszawa, 2021).

E-mail: j.piotrowska@uw.edu.pl

Фёдор Борисович Поляков – доктор филологических наук (Univ.-Prof. Dr.; диссертации: „Die griechischen Inschriften von Tralleis,“ „Simeon Polockij und seine poetische Sammlung Rhythmologion. Ein Beitrag zur Geschichte und Rezeption der slavischen Barockdichtung in der Moskauer höfischen Kultur der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts (anhand unedierter Überlieferung)“), профессор Венского университета. Автор более 160 печатных работ. Редактор журнала „Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook.“ Основатель и главный редактор серии «Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe».

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Борис Анатольевич Равдин – независимый исследователь, выпускник Латвийского университета; редактор отдела, соредактор журнала «Даугава» (Рига), директор издания «Рижский альманах». Автор и составитель

книг: „Lenins letzte Tage“ (в соавторстве с А. Ю. Ханютиным; Berlin, 1994), «Русская печать в Риге: Из истории газеты “Сегодня” 1930-х годов» (тт. 1–5; в соавторстве с Ю. И. Абызовым и Л. С. Флейшманом; Stanford, 1997), «Балтийско-русский сборник» (кн. I–II; в соавторстве с Л. С. Флейшманом; Stanford, 2004, 2007), «На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944)» (Stanford, 2005), “Rīgas gaišrēģis Eižens Finks” (в соавторстве с Сильвией Апине; Rīga, 1994–1995, 2002), “Rīgas izredzētais Eižens Finks” (в соавторстве с Сильвией Апине; Rīga, 2016), «Архиепископ Рижский и вся Латвия Иоанн (Поммер) (1876–1934) в фотографиях, рисунках и кинокадрах 1921–1934 гг.: Каталог выставки» (в соавторстве с Д. И. Трубецким; Рига, 2021), автор более 150 статей.

E-mail: ravdin@mailbox.online.lv

Марина Григорьевна Сальман – независимый исследователь. Область научных интересов – О. Э. Мандельштам, русские формалисты. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Русская литература», «Филологические записки», “Russian Literature”, „Slavica Revalensia”, „Wiener Slavistisches Jahrbuch“, а также в научных сборниках.

E-mail: fontonro@yandex.ru

Роман Давидович Тименчик – кандидат филологических наук, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Выпускник Латвийского университета; защищал диссертацию «Художественные принципы предреволюционной поэзии А. А. Ахматовой» (Тарту, 1982). Автор книг «“Печальную повесть сохранить”: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с А. Л. Осповатом; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки» (совместно с Б. А. Кацем; Л., 1989), «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.; Toronto, 2008; 2-е изд.: «Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы». Т. 1–2. М.; Иерусалим, 2014), «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2008), «Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей» (М.; Иерусалим, 2016), «Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев» (М.; Иерусалим, 2017), «История культа Гумилева» (М., 2018), «Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии» (совместно с А. Л. Соболевым; М., 2019) и более 400 статей по истории русской культуры начала XX века.

E-mail: suzirom@gmail.com

Андрей Борисович Устинов – доктор философии (PhD), историк литературы. Главный редактор издательства «Аквилон» (“Aquilon Books”).

E-mail: abooks@gmail.com

Владимир Ильич Хазан – PhD, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг «Довид Кнут: Судьба и творчество» (Лион, 2000), «Особенный еврейско-русский воздух» (М.; Иерусалим, 2001), «Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле Обетованной» (М., 2007), «Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту» (в 2-х тт.; М.; Иерусалим, 2008), «Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот: Жизнь и творчество Андрея Соболя» (СПб., 2015), “‘A Double Burden, a Double Cross’: Andrei Sobol as a Russian Jewish Writer” (Boston, 2017) и др.; автор-составитель следующих изданий: «Собрание сочинений» Довида Кнута (в 2-х тт.; Иерусалим, 1997–1998), «Сочинения» Семена Лукницкого (Stanford, 2002), «Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна)» (в соавторстве с Р. Д. Тименчиком; СПб., 2006), «Литературный архипелаг» А. З. Штейнберга (в соавторстве с Н. Портновой; М., 2009), «Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуарного и эпистолярного наследия» Осипа Дымова (в 2-х тт.; Иерусалим, 2011), «Цельное чувство: Собрание стихотворений» Михаила Цетлина (Амари) (М., 2011), «Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма» Александра Гингера (в 2-х тт.; М., 2013), «Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйттингона» (в соавторстве с Е. Ильиной; М., 2014), «‘Усердный толкователь шестовской беспочвенности’: Адольф Маркович Лазарев. Письма. Статьи о Льве Шестове» (М., 2019). Автор-составитель и редактор двух пятитомных серий: “Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939)” (Jerusalem, 2019–2023) и «Русская история и культура в архивах Израиля» (Иерусалим, 2022–2024) и др. Автор более 200 статей.

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 1 п. л. (40000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллиннского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи прощаются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.*

(собрание), *сост.* (составители, составитель, составление), *соч.* (сочинений, сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (edited, editor), *No* (number), *Nos* (numbers), *P.* (page, pages), *Vol.* (volume), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^н Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

Nadezhda, I shall then be back

When the true batch outboys the riot ...

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

Morning so nebulous, morning gray-drawing,

Reaped fields so sorrowful under snow coverings

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

O you, at least, do talk to me,

My seven-stringed companion,

Such yearning ache invades my soul,

Such moonlight fills the canyon!

“I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite ‘risen’ to the occasion,” remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.